

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
XIII–XV ВВ.

В.Д. СМЕРНОВ

В.Д. СМЕРНОВ

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО XIII–XV ВВ.

Национальная
смешанность
крымского населения
Татары на полуострове
Древние города Крыма
Смуты в Золотой Орде
На пути
к независимости

В.Д. Смирнов

**КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
XIII—XV ВВ.**

Москва
«Вече»

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)41
С50

Смирнов, В.Д.

С50 Крымское ханство XIII—XV вв. / В.Д. Смирнов. — М. : Вече, 2011. — 336 с. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-5795-1

Крымское ханство окончательно сформировалось в XV веке. Оно занимало Крымский полуостров и земли на северо-востоке от него. История Крымского ханства до появления династии Гиреев находится в тесной связи с историей Золотой Орды. Крым считался владением ханов, но резиденцией их никогда не был. Лишь хан Узбек жил там некоторое время. Для других ханов Крым служил временным убежищем во времена дворцовых переворотов; здесь же находили приют татарские узурпаторы и авантюристы.

В настоящем издании вниманию читателей предлагается две части книги известного русского историка В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» (1887). Читатель познакомится с предысторией ханства и проследит сложную перипетию перехода власти в Крым с XIII по XV век.

**УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)41**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крымский полуостров, несмотря на свой малый территориальный объем, столько соединяет в себе разнообразных свойств и условий, что судьба его с давних времен сосредоточивала на себе внимание пытливых наблюдателей с различных точек зрения — и естественно-исторической, и политической, и этнографической. Особливо в последнем отношении Крым составляет такой пункт, около которого кружится целый рой ученых догадок, соображений, гипотез. В числе их есть такие, которым едва ли суждено быть когда-нибудь доведенными до степени ясных и окончательных положений.

Соприкасаясь одной своей стороной с той частью европейского материка, которая служила проходным пунктом для народных масс, постепенно двигавшихся из Азии в Европу, Крым искони был какой-то впадиной, в которой застревали отрывки этих масс, разнствовавших между собой и по племенному происхождению, и по языку, и по религии. Они, эти отрывки, иногда оседали в нем на вечные времена, продолжая совместно жить в течение веков бок о бок, не сливаясь друг с другом, или же образуя чрез взаимное соприкосновение этнографическую амальгаму. Наглядным признаком такого наслоения народностей, некогда обитавших в Крыму, служит многоименность разных географических пунктов и некоторые археологические памятники, уцелевшие еще до наших времен¹.

Открытый с другой стороны той свободной стихии, которая ранее других физических средств облегчала сношения народов, отделенных один от другого непроходимыми сухопутными преградами, Крымский полуостров также довольно давно стал доступен пришельцам отдаленных стран, которых заносило туда искание материальных выгод посредством торговли и завоеваний.

В этом-то любопытном по своему историческому прошлому и благодатном по своим физическим свойствам уголке суждено было, в числе прочих населявших его народностей, играть одно время выдающуюся роль народности тюркской, имевшей тут своими представителями разные племена свои и образовавшей особый политический центр, известный под именем Крымского ханства.

8 апреля 1883 года праздновалось столетие утраты этим ханством своего самостоятельного политического существования чрез окончательное присоединение его к России. В эти сто лет в Крыму немало совершилось такого, что весьма видоизменило не в одном только политическом отношении характер полуострова: одно выселение татар и прилив множества колонистов других национальных типов придали новую физиономию Крыму в отношениях населенческому и экономическом. Трудно сказать, что станет в будущем с тою горстью тюркского населения, которая еще осталась теперь в Крыму, прошлое же этого населения не настолько было ничтожно, чтобы не заслуживало сохранения памяти о нем в истории. Зауряд с остальными татарами, некогда образовавшими огромное государство, известное под именем Золотой Орды, крымцы памятливы нам тем, что в пору своего могущества досаждали нам своими варварскими опустошительными набегами на наши окраины, сопровождавшимися уводом и продажей в рабство жителей этих окраин. Но справедливость требует, впрочем, не забывать взаимности обид, которые были причиняемы татарами русским и обратно: *плюдрования* крымских владений, которыми в свое время хвастались наши казаки, мало в чем уступали *чапулам* крымских ордынцев, вторгавшихся в русские пределы. Помимо этого, история показывает, что каждый народ чаще бывает мученик, чем баловень судьбы своей; что один народ, творя дела, которые вызывали удивление или досаду и зависть в других современных ему народах, тем самым тогда лишь полагая основание своей последующей гибели. Вот почему войны, набеги, насилия, жестокости, навлекавшие в свое время проклятия на тех, кто их совершал, впоследствии, когда виновники страданий рода человеческого сойдут со сцены бытия, так же охотно созерцаются издали позднейшими поколениями в преданиях истории, как созерцаются никогда не существовавшие в действительности, вымышленные происшествия в творческих произведениях поэзии, как одинаково любопытные для нас

явления в области человеческого духа. И в истории, как и в поэзии, люди прежде всего только любят себя, мало помышляя о практических уроках, которые, говорят, составляют одну из существенных полезных сторон истории. С этой точки зрения Крымское ханство представляет любопытный предмет исторического исследования не одним тем, что оно было в свое время страшно для нас своим воинственным варварством; не тем также, что оно послужило узлом, около которого впервые начал очевидно запутываться нескончаемый восточный вопрос; а и тем еще, что оно представляет некоторый своеобразный центр народной жизни, имевшей свои интересы, свои стремления со всей их страстностью и суетой.

Тесные соприкосновения Крымского ханства с окрестными народами — турками, русскими и поляками — оставили следы в документальных памятниках, накопившихся в большом обилии на языках всех этих народов. Такое обилие и разнообразие этих памятников делает вначале невозможным совокупное изучение их до предварительной разработки по частям. Нельзя сказать, чтобы турецкие источники имели абсолютное преимущество пред прочим богатством своего содержания, но, тем не менее, они не могут быть обойдены; а необщепринятость и нераспространенность турецкого языка в ученом мире возлагает на специалистов, посвящающих себя изучению этого языка, справедливую обязанность исследования и приведения в общую известность того, что имеется на этом языке любопытного и важного для истории Крымского ханства, чтобы таким образом для других исследователей, могущих обнять предмет шире, было под руками средство наводить, когда встретится надобность, справки в данных, которые заключаются в памятниках турецкой письменности. Эта задача и должна составить сущность настоящего труда. Настоящее исследование не претендует представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно, и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными.

Нельзя сказать, чтобы предмет настоящего сочинения раньше не подвергался обработке ученых исследователей: на всех почти европейских языках существуют опыты истории Крымского ханства, то в виде специальных сочинений, какова, например, Гаммера *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft*. Wien. 1856; то, чаще, в виде отделов в трудах более обширного содержания, какова, например, Говордза *History of the Mongols*. London. 1880, седьмая глава которой, стр. 448—626, содержит в себе историю Крымских ханов; то, наконец, в виде добавочных статей в сочинениях, сюжеты которых ничего не имеют общего с Крымским ханством, как, например, *Notice chronologique des Khans de Crimée, par L. Langlès*, в приложении к *Voyage du Bengale à Pétersbourg*, Paris. An X (1802), t. III, pp. 325—492. Написанная сперва на французском языке и потом переведенная по-русски «История о Таврии» Сестренцевича-Богуша, СПб., 1806 г., книга шестнадцатая которой (т. II, стр. 218—409) тоже посвящена изложению истории «Таврии под властью монголов или татар с 1223 года по 1783», сколько нам известно, есть единственное систематическое сочинение по истории Крымского ханства на русском языке. Для оценки относительных достоинств выше-названных сочинений не лишне прежде всего сослаться на отзывы, данные о них другими учеными, с которыми нельзя в этом случае не согласиться. Гаммер-Пургшталь в своем реферате, читанном им в заседании Венской Академии Наук 7 ноября 1852 г. «О напечатанных в Константинополе османских историях», передает содержание только что вышедших тогда в свет двух первых томов истории Джевдета. Говоря про статью первого тома, трактующую об отношениях между Высокой Портой и Крымскими ханами, он делает такое замечание: «Хотя этот отрывок и не содержит в себе “истории Крыма под османским господством”, которая еще должна быть написана, несмотря на *Histoire de la Tauride* Сестренцевича и *Histoire de la Nouvelle Russie* маркиза Кастеляна, но все же заключает в себе некоторые важнейшие и блестящие пункты ее» (*Sitzungsberichte der Philosoph.-histor. Classe der Kaiserl. Akademie*. Wien. 1856. Band XVIII: 5). Это замечание, таким образом, есть вместе с тем и приговор над «Историей о Таврии» Сестренцевича-Богуша, и приговор вполне справедливый. Несмотря на то, что сочинение Богуша беспрестанно цитируется всеми последующими авторами, писавшими о

Крыме, оно более чем какое другое требует осторожного к нему отношения: столько в нем неточностей, анахронизмов и даже, местами, путаницы, как это будет видно из тех разъяснений и замечок, которые мы должны будем сделать в соответствующих случаях.

Когда Гаммер читал свой отзыв о предыдущих историках Крымского ханства вроде Сестренцевича-Богуша, сам он, вероятно, уже готовил свой собственный труд, который, по его мнению, должен был восполнить пробел, столь решительно указанный им в 1855 году пред сонмом венских академиков. В самом деле, в следующем 1856 году этот труд и вышел под заглавием: *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Aus türkischen Quellen zusammengetragen, mit der Zugabe eines Gasels Schahingerai's. Als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reichs. Wien. 1852.* Это сочинение, написанное, как гласит эпиграф его, «Mit Wahrheit und Liebe», нашло своего ценителя в немецком ученом Цинкейзене, который, еще не читавши книги, уже скептически отнесся к ее достоинствам. «Новейшее и последнее, — говорит он, — сочинение Гаммера *Gesch. d. Ch. d. Krim unter Osman. Herrschaft. Wien. 1856,* которого сейчас еще нет у меня под руками, кажется, как я усматриваю из некоторых полученных мною сведений, не содержит в себе никаких существенных обогащений этой интересной отрасли истории татар»². Строгий критик не переменял своего мнения и после того, как познакомился с книгой Гаммера. Цитируя ее довольно поздно, в шестом томе своей *Geschichte des Osman. Reichs*, хотя уже и раньше неоднократно представлялись случаи к упоминанию о ней, г. Цинкейзен выражает свое недовольство ею в едком замечании, что Гаммер «стяжал бы себе большую заслугу, если бы он в заключение вместо скучной газели татарского принца Шагин-Герая (из начала XVIII столетия), передал по крайней мере главнейшие речи, которые велись по этому предмету (т.е. по вопросу об уступке Крыма) в Диване и относящиеся сюда документы»³. Мы, со своей стороны, можем прибавить в этом отзыве еще следующее. Труд Гаммера вовсе не есть приложение (Anhang) к его же «Истории Оттоманского Государства», а простое извлечение из нее с незначительными добавками из «Гюльбуни-ханан» Халим-Герая и из двух первых томов «Тарихи-Джевдет», которых не было на свете, когда писалась «История Оттоманского Государства». Далее, из двадцати пяти турец-

ких источников, поименованных в начале книги, большая часть остались нетронутыми, не будучи ни разу цитированы; другие цитируются одними своими названиями, без точного указания листов или страниц, на которых находятся излагаемые факты. Наконец, в довершение всего, некоторые факты, правильно изложенные в «Истории Османского Государства», являются искаженными в специальной «Истории Ханов Крымских».

Гаммер, ставя на вид, что его история составлена *на основании турецких источников* (aus türkischen Quellen zusammengetragen), игнорировал *Notice chronologique des Khans de Crimée* Ланглеса, а между тем этот очерк сочинен также по писателям турецким и персидским (composée principalement d'après les auteurs Turks et Persans). Правда, число этих авторов, которыми он пользовался, очень невелико — всего только три, и то не первостепенных; но способ пользования ими производит менее безотрадное впечатление, нежели прием Гаммера, который имел в своем распоряжении гораздо большее количество источников, но, не подвергая их тщательной разработке, зачастую довольствуется одним лишь упоминанием тех или других из них.

Сравнительно более полный очерк истории Крымского ханства принадлежит Говордзу, который с полной добросовестностью исчерпал все, что только было ему доступного в европейских и восточных источниках. Но почтенный труд его есть наглядное доказательство того, как опасно пускаться в исследование такой исторической области, для надлежащего уразумения которой требуются специальные познания, например, в данном случае знание восточных языков. Не будучи ориенталистом, г. Говордз нередко искажает и перемешивает собственные имена и впадает в другие странности. Так, например, известный персидский историк *Гаффари* у него стал Gassari; турецкого историка *Мюнедджимбаши* он называет «the author of the Munejimbashi» (Op. cit., 448); вместо *Масъуд-Герая* у него является «Maksud Girai» (Op. cit., 588); верховный везирь Али-паша *Молдаванджи* превращен им в «Moldowanji, the residence (sic!) of the grand vizier» (Op. cit., 594). Наконец, увлекшись, должно быть, заглавием истории Крымских ханов *Гюльбуни-ханан*, что значит «Розовый куст ханов», он называет сочинителя этой истории Халим-Герая «the author of the poetical (sic!) history of the Krim Khans»

(Ibidem), хотя там поэтического не больше, чем в сочинении самого г. Говордза.

Таким образом, некоторые турецкие источники для истории Крымского ханства оказываются не настолько исчерпанными, чтобы новый пересмотр их был бесплодным повторением; другие же остались нетронутыми или обнаружались позднее, не бывши прежде вовсе известны ученому миру.

В числе источников первой категории должно быть названо сочинение крымского историка Сейид-Мухаммед-Ризы, известное под заглавием *Ас-себъу-с-сейяр фи ахбари мулюки татар* — «Семь планет в известиях о царях татарских», напечатанное еще в 1832 году покойным профессором Казем-Бекем в Казани.

О личности автора этого сочинения известно, что он был накыбуль-эшраф, т.е. глава потомков Пророка, следовательно, принадлежал к важным персонам турецкого общества столицы Оттоманской империи. Историк Васыф-эфенди почтил его память некрологом, отметив, что этот знатный по происхождению и добродетельным качествам муж скончался в месяце зи-ль-хыджэ 1169 — в сентябре 1756 года, и что он, из приверженности к дому Чингизскому, перевел «Тарихи-Газан», в которой он изящным слогом изобразил судьбы Крымских ханов⁴. Есть упоминание о Ризе у позднейшего турецкого библиографа Ахмеда Ханиф-заде (умершего после 1180 = 1766 года), сочинение которого называется *Асари-нэу*⁵ — и целиком напечатано Флюгелем в виде прибавления к библиографическому словарю Хаджи-Кальфы. У Ахмеда Ханиф-заде значится два нравоучительных трактата Ризы: один под заглавием «Горние вертограды верующего»⁶, а другой — «Лучеизлияние благодати»⁷. Затем сообщается, что мевляна Ассейид-Мухаммед-Риза-эфенди Эль-Кырыми сочинил «Историю дома Чингизов» в 1150 = 1737 г.⁸; а в другой библиографической заметке сказано уже, что молла Шериф Мухаммед-Риза, предстоятель потомков Пророка в Оттоманской Державе, умерший в 1166 = 1756 году, составил турецкий сборник *Ассебъу-с-сейяр*, содержащий повествования о татарах Крымского ханства⁹. Сам Риза в предисловии к своей истории говорит, что он довел ее до времен Менглы-Герай-хана II, который вторично возведен был на ханство в 1150 = 1737 году. Так значится и в печатном издании «Семи планет»¹⁰, и

в рукописном кодексе Учебного Отд. М-ва И. Д., № 369, написанного в 1206 = 1791 году¹¹. В кодексе же Азиатского Музея Ак. Наук, № 590 is, имеющем датой конец шабана 1193 = октябрь 1779 года и близком по тексту к предыдущему, даже с одинаковыми пропусками, есть любопытное прибавление в предисловии. В нем Мухаммед-Риза заявляет, что, предприняв сочинение истории, он сперва замедлил было его окончанием; но случай вторичного назначения Эльхадж Мустафы-эфенди на должность реису-ль-кюттаба заставил его довершить свой труд, чтобы посвятить и преподнести его этому просвещеннейшему государственному человеку в такую радостную и знаменательную в его жизни эпоху¹². Это обстоятельство довольно немаловажно и при определении времени появления сочинения и для характеристики самого автора. Упомянутый реису-ль-кюттаб Эльхадж Мустафа-эфенди по прозвищу Тавукчу вторично получил должность в 1150 = 1737 году¹³.

Профессор Казем-Бек говорит: «Судя по чистоте, правильности и красноречию в слоге, Риза был турок, или по крайней мере воспитывался в Турции. В этом убеждает и образ его мыслей, и беспристрастие, с которым описывал он происшествия»¹⁴. Но близкое знакомство Ризы с фактами татарско-крымской истории и оценка этих фактов скорее заставляют думать, что он и по рождению и по воспитанию был коренной крымец; а его происхождение, ученость и связи могли открыть ему путь к высокому положению в Османской империи, подобно тому как бывали и другие примеры приглашения ученых из Крыма в Турцию для занятия там важных служебных постов. Пребывание же его в Стамбуле среди тамошнего ученого общества окончательно развило в нем литературный вкус современных ему турок. Оттого-то его история и отличается всеми стилистическими прелестями турецкого слога, но зато необыкновенная длиннота и вычурная хитросплетенность огромных периодов, сплошь переполненных метафорами, требуют большого внимания и иногда невероятных усилий для того, чтобы добираться до заключающегося в них смысла. Примеры на каждой странице от начала до конца сочинения. Литературные указания и заметки, во множестве рассеянные в сочинении Мухаммед-Ризы¹⁵, свидетельствуют о широком его знакомстве с восточными, преимущественно турецкими, писателями, а часто встречающиеся отзывы о достоверности или сомнительности тех

или других известий и о достоинстве самых сочинений доказывают его критическую разборчивость.

Из прежних историков, сочинениями которых пользовался Риза, у него упоминаются турецкие бытописатели Нишанджи-паша¹⁶ и Наъима-Челеби¹⁷, персидские — Мирхонд¹⁸, Вассаф¹⁹ и Севендер²⁰; из арабских писателей есть ссылка на автора географического сочинения «Табели стран»²¹, т.е. Абульфеду. Из произведений отечественной литературы у него есть упоминание об истории Крыма некоего Хэйри-задэ, под заглавием «Табель»²² о «Сборнике» — Абду-ль-Вели-эфенди, с критическим отзывом о нем²³, и о «Сборнике происшествий» — Масъуда-эфенди, советника царевича Шегбаз-Герая²⁴, убитого черкесами в 1111 = 1699—1700 году²⁵. Сообщает Риза также некоторые интересные биографические сведения об ученом астрологе, друге и собеседнике хана Сахыб-Герая I, Кайсуни-задэ Недаи-эфенди, который за свое астрологическое искусство стал известен среди татар под прозвищем «Реммал-ходжа»²⁶, но написанная им история черкесских походов и трагической кончины его патрона Сахыб-Герая-хана, по-видимому, была неизвестна автору «Семи планет», потому что он ничего не говорит о ней, упоминая лишь вообще, что «мевляна, сидя в заключении, написал разные сочинения»²⁷.

Воздавая похвалу литературным качествам истории Сейид-Мухаммед-Ризы, профессор Казем-Бек не особенно высоко ценит ее внутренние достоинства по содержанию. Вскоре после издания текста он напечатал «Извлечение из истории Семи планет», а именно рассказ о вторичном царствовании Мухаммед-Герая II в 1654—1660 годах. Вот что г. Казем-Бек говорит тут в своей заметке: «Сейд-Мухаммед-Риза не входит в подробное описание (сих) походов Мухаммед-Гирей-хана. Он совершенно умалчивает как о военных подвигах его против соседственных Держав Христианских, так и о храбрых его предприятиях, соделавших часть Европы, на долгое время, театром кровопролития и ужасов. Он довольствуется здесь, как и во многих других местах, одним только намеком, и тем подробнее описывает некоторые маловажные происшествия, случившиеся в Крыму. Я, с своей стороны, считаю приличнее, упомянувши вкратце о сих последних, изложить здесь подробнее, в хронологическом порядке, те любопытные факты, которые изображают военные действия сего Хана против России и Польши, отысканные мною

в других Авторах: они послужат объяснением краткого намека, сделанного нашим Автором»²⁸. Из этого видно, как в разное время видоизменяются воззрения ученых на предметы научных исследований. В глазах г. Казем-Бека имеют цену в изданном им историческом памятнике лишь сведения, касающиеся *военных подвигов и храбрых предприятий* Крымских ханов, и он ставит Мухаммед-Ризе почти в упрек, что он «подробнее описывает некоторые *маловажные происшествия*, случившиеся в самом Крыму». По теперешним же понятиям эти-то *маловажные происшествия* и представляют наибольший интерес «Семи планет», потому что, как *случившиеся в самом Крыму*, они дают материал для изображения внутренней жизни Крымского ханства. Вообще можно сказать, что это сочинение по богатству и разнообразию своего содержания превосходит все, что только у нас было под руками по части турецких источников для истории Крымского ханства; это, можно сказать, есть энциклопедический сборник по части крымско-татарской старины, и потому автор совершенно верно называет свое произведение *сборником*²⁹.

Отзыв о сочинении Мухаммед-Ризы, данный г. Хартахаем в статье «Историческая судьба крымских татар»,³⁰ в значительной степени обнаруживает влияние на него мнения г. Казем-Бека; а встречающиеся в нем неточности заставляют предполагать, что этот отзыв составлен не на основании близкого ознакомления с самым сочинением. Достаточно того, что словам г. Хартахая, будто бы повествование Ризы основано «не на преданиях и рассказах, а на письменных источниках», противоречит заявление самого Ризы, что он пользовался и устными преданиями³¹. Г. Хартахай задает вопрос, почему Мухаммед-Риза «начал с Менгли-Гирея, не включив в свое повествование и отца его Хаджи-Девлет-Гирея», а между тем такого пропуска на деле и не существует: целая статья посвящена Ризой родоначальнику династии Гераев³². Впрочем, статья г. Хартахая заключает в себе много любопытных фактов; жаль только, что в ней иногда недостает точных указаний источников, из которых эти факты почерпнуты.

Важное подспорье к «Семи планетам» составляет рукописная «История Крымского ханства» на турецком языке, которая предоставлена была в мое пользование многообязательным Исмаиль-мурзою Гаспринским, редактором газеты «Переводчик», издаваемой им в Бакчэ-Сарае.

Рукопись эта написана на толстой серой бумаге разными почерками — нэсхи, таълигк и сюлюси попеременно, по 23 строки на странице. Ни имени автора, ни переписчика, ни ясной даты нет; но, судя по внешнему виду, она может быть отнесена к концу прошлого столетия, тем более что на последнем, совсем чистом листе, из 126 листов in-4°, находится посторонняя приписка, заключающая в себе начальные слова заемного письма какого-то Осман-аги с обозначением времени займа — 15 шаъ-бана 1209 = 7 марта 1795 года. Сличение текста этой рукописи с русским переводом нескольких статей из другой турецкой рукописи, сделанным г. Негри и помещенным в первом томе Записок Одесского Общества Истории и Древностей, стр. 379—399, приводит к заключению о совершенном тождестве содержания нашего кодекса с текстом, бывшим в руках г. Негри. Перевод сделан замечательно хорошо: г. Негри умел сохранить близость перевода к тексту при чистоте и правильности русской речи, с придатком оттенков стиля турецкого. Жаль только, что г. Негри ограничился несколькими отрывками, а не перевел всего текста сполна. Говорим это потому, что в основании своем кодекс есть сокращенное изложение «Семи планет» Мухаммед-Ризы, на сочинение которого неизвестный автор делает неоднократные ссылки (например на листе 25 verso, 69 recto, 72 v., 98 г. и 101 г.); но предпочтительность этого кодекса заключается в том, что пространные, переполненные нескончаемыми метафорами периоды «Семи планет», сплошь и рядом непереводимые на русский язык, в этом кодексе заменены краткими и ясными по смыслу фразами, весьма легко передаваемыми по-русски. Отношение размера фраз в этой краткой истории к объему текста «Семи планет» всего виднее на отрывках параллельных по содержанию мест из обоих сочинений. Простому предложению в шесть слов, находящемуся в краткой истории³³, соответствует в «Семи планетах» такой пространный период (см. текст оригинала)³⁴. Независимо от этого, в кодексе краткой истории встречаются факты или подробности, которых не находим в «Семи планетах», и это придает ему значение самостоятельного источника: заметно, что автор, делая извлечение из «Семи планет», пользовался в некоторых случаях и другими памятниками, которыми дополнял свое повествование. В цитатах мы будем называть эту рукопись «*Краткой Историей*», или сокращено: *Кр. Ист.*

Для одной из наиболее выдающихся эпох истории Крымского ханства — конца XVII и начала XVIII в. имеются два замечательных турецких источника, также пока в рукописях. 1) Сочинение Мухаммед-Герая, который в своей книге называет себя полным именем — *Дервиш Мухаммед-Герай-бен-Мубарек-Герай Чингизи*³⁵ и был племянник Сеъадет-Герай-хана³⁶. Рукопись эта, принадлежащая Венской библиотеке (Н.О. № 86), не имеет особого заглавия, ибо находящиеся в начале ее слова, очевидно, приписаны кем-нибудь другим, содержа в себе похвальный отзыв о ней. Внешний вид кодекса и особенность правописания заставляют предполагать, что если это не автограф сочинителя, то во всяком случае современный ему экземпляр. Кроме фактов чисто внешнего свойства, случившихся за 1683—1703 годы, в нем заключается много частных, характерных для внутреннего быта Крымского ханства и взаимных отношений членов рода Гераев. Другого экземпляра, кроме венского, нам не приходилось встречать ни в одном каталоге европейских и константинопольских книгохранилищ.

В небольшой истории крымских ханов, носящей заглавие «Розовый куст ханов», автор ее Халим-Герай не упоминает сочинения своего родственника-предка в числе источников, которыми он пользовался. Можно было бы предполагать указание на него в выражении³⁷, ибо и сам Мухаммед-Герай в одном месте титулуется себя дервишем³⁸; но дело в том, что Халим-Герай, повествуя о некоторых фактах времени царствования Мухаммед-Герай-хана IV (1654—1666), опять ссылается на того же шейха Мухаммеда-эфенди³⁹, между тем как история Мухаммед-Герая начинается лишь 1094 = 1683 годом. Любопытен взгляд этого последнего на значение истории. «Да будет ведомо, — говорит он, — что в глазах умных и справедливых людей считается заслуживающим порицания, если при изложении известных из писаний и заметок прежних историков — да довлеет всеми ими Бог! — фактов ступают на путь лести. А особливо, как можно утаивать и скрывать события, случившиеся в наш век, и обстоятельства лиц, считающихся важными?!»⁴⁰

2) Еще обширнее по объему и богаче по содержанию история некоего турка, известного под одним прозвищем Фундуклулу. О личности автора этой превосходной, величиной в четыре фолианта, истории мы знаем только то небольшое, что он сообщает сам о себе в своем сочинении:

никаких других сведений о нем нигде доселе не встречается. Поэтому не лишне будет привести здесь автобиографические данные Фундуклулу, чтобы оценить значение его истории. Мы видим из этих данных, что он довольно долго состоял на службе при султанском дворе, был в близких отношениях со многими высокопоставленными в государстве лицами до султана включительно, имел шансы занять одну из высших должностей государственных в конце своей карьеры, но предпочел провести остаток дней своих в качестве частного человека. Благодаря такому своему служебному положению, Фундуклулу имел возможность быть очевидцем и даже участником многих важных событий, знать и слышать многое, что было недоступно людям, стоявшим вне круга людей, заправлявших судьбами Османской империи. Так, под 1102 = 1690—1691 годом⁴¹ он рассказывает, как очевидец, скандальное происшествие, знакомящее с интимными сторонами жизни султанского гарема, который, оказывается, вовсе не был таким недоступным святилищем, как это обыкновенно думают⁴². Во время описываемого скандала он пил кофе во внутренних дворцовых покоях и беседовал с Черкес-Осман-пашой. Под 1103 = 1691—1692 годом он довольно подробно передает приключения Зу-ль-Факара, возвратившегося тогда из посольства в Австрию⁴³, и в заключение говорит: «Я, презренный описатель событий, тоже привел было новые разговоры, слышанные от Зу-ль-Факара-эфенди, и уже написал вчерне год за год, чтобы все их внести в историю, но вышло очень растянуто, на целую книгу в десять тетрадей, а потому я выбрал только самую суть его речей да несколько бед и несчастий, которым он подвергся, и написал их в этом месте»⁴⁴. Описание военных походов у Фундуклулу имеет вид дневников, веденных им на месте, так как он в них упоминает о себе, находившись в султанской свите. Так, в Австрийскую войну в 1107 = 1695—1696 году он сопровождал султана во время осмотра им взятой турками крепости Шебеша⁴⁵. Под 1108 = 1696—1697 годом он, при описании одного сражения, прямо уже говорит, что он в это время находился в числе трех тысяч конвоя, окружавшего особу султана вместе «с братьями своими, служителями внутреннего дворца, и с товарищами своими ич-огланами»⁴⁶. В рамазане 1110 = в марте 1699 г. он «удостоился степени дюльбенд-гуляма», т.е. помощника главного хранителя султанского головного убора⁴⁷, а в месяце зу-ль-каъде того же года = в мае 1699, при

переезде султана на дачу в Ак-Бунарский сад, он по обычаю поселился в лагере в открытом поле с прочей внутренней свитой, при султанской палатке⁴⁸. Сообщая цифру стоимости постройки моста через р. Тунджу у Адрианополя в 1113 = 1701 году, говорит, что он слышал ее от самого дефтердаря-эфенди⁴⁹. В 1115 = 1703—1704 году Фундуклулу был уже в сане дюльбенд-агасы: описывая бурную сцену между сыном шейху-ль-ислама и Хасан-пашой, происшедшую в общем заседании дивана в присутствии султана, Фундуклулу говорит: «Я сам это видел своими глазами: я был дюльбенд-агасы; стоял насупротив его величества и держал на своих руках почетные шубы, которые должны были быть надеты»⁵⁰. Когда начались смятения янычар, Фундуклулу успокаивал растерявшегося и утратившего надежду усидеть на троне султана, говоря: «Зачем вы так отчаиваетесь? Мятежи — дело обыкновенное: ваши предки также сколько претерпели неприятностей от мерзавцев-бунтовщиков!»⁵¹ Во время волнения бустанджиев, послужившего только прелюдией следовавшего затем общего мятежа янычар, Фундуклулу первый уведомил султана о случившемся беспорядке⁵², и султан четыре раза посылал его парламентаром к бушевавшей толпе⁵³. При восшествии на престол султана Ахмеда III (1703—1730) вместо своего сверженного брата Фундуклулу в числе первых придворных лиц принес присягу новому султану и подробно описывает всю церемонию восшествия на престол, справляемую при дворе Османском⁵⁴. Насколько Фундуклулу был близок к султану, это видно из того, что честолюбивый янычарский ага Чалык Ахмед-паша, добивавшийся должности верховного везира, приставал к нему с просьбой доставить ему везирскую печать; но «я, говорит Фундуклулу, сказал ему: “я, ведь, сам только оглан среднего класса; мне не стать входить в такое важное дело; сделай милость, не делай мне этой обузы, а ступай лучше к падшаху и сам проси у него”». Ага же говорит: «Его величество уже обещал». — «Ну так, говорю, слава Богу: у царей обмана не бывает»⁵⁵. Когда же неугомонный ага стал мутить своих янычар, так что пришлось его спровадить в ссылку, Фундуклулу было поручено распорядиться сделать надлежащие приготовления для приведения в исполнение султанского хатти-гумаюна о ссылке опасного генерала⁵⁶. По смерти султана Мустафы II, Фундуклулу, состоя тогда в должности силихдаря, совершил омовение и одевание в саван султанского трупа⁵⁷.

В реджебе того же года = в ноябре 1703 г. Фундуклулу вручил шейху-ль-исламу Мухаммеду-эфенди хатти-шериф об отставке и затем самолично отвел его и передал бустанджи-баши (шефу жандармов) для отправки отставного муфти в Брусу⁵⁸. Тогда же пришла очередь Фундуклулу получить везирское звание с назначением ему какого-нибудь губернаторства. «Но я, — говорит он, — убоился тепла и холода времени, расстроенного состояния провинций и ответственности за рабов божиих, и уклонился, а предпочел отставку, и мне было пожаловано в пенсию 300 акчэ дневного содержания да несколько рационов». Вслед за этим он описывает свою прощальную аудиенцию у султана и полученные от него напоследок подарки. Затем очень трогательно рассказывает, как он сделал четыре земных поклона пред часовой священной одежды Пророка, был в гостях у великого везира и потом поселился в купленном им доме, который выходил фасадом на море, близ Демир-капы в квартале Эльван-Задз⁵⁹. Удалившись от дворца, Фундуклулу и на покое не переставал следить за совершавшимися событиями и не прерывал связей: так, например, еще в 1127 = 1715 году он был в близких отношениях с великим везирем Али-пашой. Изображая его самонадеянным тщеславцем, он замечает: «Я только один и смел говорить ему правдивое слово»⁶⁰. В последний раз Фундуклулу упоминает о себе под 1133 = 1720—1721 годом в статье об отставке и ссылке бустанджи-баши Сиваси Мухаммед-паши, человека негодного, но пользовавшегося большим влиянием при дворе, которое он употреблял для предоставления должностных, преимущественно все губернаторских, мест своим братьям и другим родственникам. Одного из таких, «Сейид-Оглу-Ахмеда он сделал Амасийским пашой, — говорит Фундуклулу, — вызвав его в Стамбул, поселил в своем доме, примыкавшем к моему бедному жилищу, и, переговорив с его величеством падишахом, сделал его зятем великого везира»⁶¹.

В четырех фолиантах сочинения Фундуклулу, в 300 с лишком листов каждый, заключается богатый материал как для истории Отоманской империи вообще, так и для истории Крымского ханства в частности за время 1065—1133 = 1655—1720 годов. Гаммер, поставив сочинение Фундуклулу в список источников своей «*Gesch. d. Osm. Reiches*», однако же и не тронул его, не сделав, против своего обыкновения, даже и наобум ни одной из него цитаты, а удовольствовался

ссылками на продолжателя Фундуклулу, историка Рашида-эфенди. Но то, что у первого рассказано подробно и обстоятельно, у второго является лишь в виде кратких извлечений и заметок. Сочинение Фундуклулу оттого осталось нетронутым всеобъемлющим историком, что, составляя необыкновенную библиографическую редкость, оно еще не было в руках Гаммера, когда он писал свою Османскую историю; но что он не заглянул в этот прекрасный источник, когда сочинял историю Крымских ханов, — это удивительно. Из предыдущих исторических писателей Фундуклулу пользовался только небольшим историческим трудом Веджиги-эфенди, приведя из него целый отрывок об одной битве крымцев с русскими⁶² и сделав еще несколько небольших выдержек из него. Фундуклулу-Тарихи имеется в Венской библиотеке в позднейшем списке, сделанном в Константинополе по заказу Гаммера, и значится там под № Mxt. 343 a-d; а сочинение Веджиги, родом крымца, в старом списке, там же под № 83 Н.О. Оба эти источника, равно как и рукописные кодексы неизданных сочинений Васыфа-эфенди и Энвери-эфенди, по ходатайству директора Императорской Публичной Библиотеки А.Ф. Бычкова были высылаемы в Петербург для моего пользования, за что я считаю здесь уместным засвидетельствовать свою глубокую признательность почтеннейшему Афанасию Федоровичу, благодаря участию и содействию которого я получил в свое распоряжение и некоторые другие рукописные материалы, также доселе еще не бывшие ни у кого в пользовании.

Из этих последних заслуживают упоминания: 1) небольшое собрание ханских ярлыков и иных документов на турецком языке, доставшихся Императорской Публичной Библиотеке вместе с еврейской коллекцией Фирковича. 2) Несколько подобных же документов, принадлежавших покойному академику и автору «Крымского сборника» Кеппену, которые ныне также составляют собственность Императорской Публичной Библиотеки и описаны мною в отчете библиотеки за 1881 год. 3) Коллекция копий-факсимиле с ханских ярлыков и других документов на турецком языке и в русском переводе, принадлежавших покойному В.В. Григорьеву, купленная у вдовы его Факультетом Восточных Языков для университетской библиотеки. 4) Рукописные копии с некоторых переводов ханских ярлыков и султанских ферманов, хранящихся в архиве Тав-

рического дворянства, любезно предоставленные в наше распоряжение учителем Симферопольской гимназии Ф.Ф. Лашковым, а также отдельные документы на татарском языке, принадлежащие музею Одесского Общества Истории и Древностей и некоторым частным лицам. Особенно заслуживает внимания один кодекс библиотеки Учебного Отделения при Министерстве Иностранных дел, № 357, содержащий в себе сочинение турецкого историка Хусейна Гезар-Фенна (ум. 1103 = 1691 г.) под заглавием «Изъяснительный доклад об уставах династии Османской». Рукопись, 32 × 11 сантиметров размером, написана прекраснейшим почерком нэси по 36 строчек на странице на гладкой желтоватого цвета бумаге, без обозначения имени переписчика и времени написания, но подходит к типу рукописей, современных автору. В предисловии Гезар-Фенн говорит, что когда он в 1083 = 1672—1673 году преподнес тогдашнему реису Иззету-эфенди свою всеобщую историю, известную под именем «Исследование историй царей», то государственный человек рекомендовал ему написать такое же добросовестное сочинение, в котором бы изложены были законы и уставы правительства Оттоманского по разным отраслям государственного устройства: «это был бы, — он прибавил, — у всех и каждого почтенный и драгоценный труд». Последовав его предложению, Гезар-Фенн выбрал все, что только нашел в прежних канун намэ, в историях, в старых и новых дефтерях и в канцеляриях султанского дивана, касательно разных отраслей государственного управления — финансового, военного и т.д., и все это собрал вместе в сокращенном виде под вышеприведенным заглавием. Труд Гезар-Фенна начинается кратким изображением царствования Османских владык до современного автору султана Мухаммеда IV, а кончается историей появления в Турции табака, завезенного туда впервые англичанами в 1007 = 1598—1599 гг., так что намеченная вначале программа сочинения в действительности значительно расширена автором. Из 13-ти глав, на которые разделено сочинение, глава девятая посвящена «Уставам ханов Крымских», заключающая в сжатом виде изображение системы внутреннего устройства Крымского ханства. Кодекс этот, в 135 листов, едва ли пока не единственный в своем роде: по крайней мере до сих пор ни в одном описании рукописных коллекций не встречалось даже намека на существование подобного сочинения Гезар-Фенна.

Не касаясь других второстепенных рукописных источников и не перечисляя пособий печатных, как на турецком, так и на русском языках, общедоступность которых делает их вместе с тем уже и обязательными для занимающихся историей Крымского ханства, скажем несколько слов только о «Материалах для истории Крымского ханства, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел и изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым». СПб., 1864. Документы, заключающиеся в этом почтенном по объему издании, любопытны не по одним фактическим данным, которые в них находятся, но и как памятники официального туземного языка Крымского ханства. Неоспоримая важность и полезность этого издания заставляет нас обратить внимание на следующие два обстоятельства. Переписывание подлинных документов было возложено на бывшего лектора татарского языка муллу Фейз-Ханова. При всех своих знаниях и опытности этот ученый татарин, копируя старинные рукописи, делал промахи, и даже довольно крупные, как это замечено и указано мною прежде по поводу изданного мною «Сборника некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма». СПб., 1881 (стр. XIV). Такого рода обстоятельство невольно возбуждает сомнение: точно ли исправно списаны Фейз-Хановым и турецкие документы Архива Министерства Иностранных Дел, изданные г. В.В. Вельяминовым-Зерновым, тем более что из «Предупреждения» к изданию не видно, чтобы почтенный академик сам или кто-либо другой компетентный человек сверял с подлинниками копии, снятые Фейз-Хановым. Во-вторых, в том же «Предупреждении» (стр. VI) самым убедительным образом доказана важность издания и русских переводов, современных татарским подлинникам. Из академических бюллетеней видно, что и эти переводы в свое время тоже скопированы для издания их в свет; но до сих пор о них нет ни слуха, ни духа, и не известно, какая постигла их участь. А между тем необходимость сличения некоторых мест в подлинниках с соответственными им современными переводами заставляет сожалеть, что эти последние остаются под спудом, благодаря тому, что, вследствие опустения восточного отделения академии, там некому стало заниматься такими издательскими работами.

К этой же категории источников относится только что оконченное издание первого тома «Памятников дипломатических сношений

Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией», сделанное Императорским Русским Историческим Обществом под редакцией Г.Ф. Карпова. В числе этих дел есть немало переводов с грамот турецких султанов, Крымских ханов и других знатных лиц Крымского юрта, бывших в сношении с великими князьями Московскими. Если мы выразили сожаление о том, что с турецкими подлинниками, напечатанными г. Вельяминовым-Зерновым, не изданы и современные им русские переводы, то еще более приходится жалеть, что для русских переводов, имеющих в трактуемом издании, не сохранилось соответствующих им турецких текстов. Еще турецкие тексты «Материалов для истории Крымского ханства» не трудно понимать, и параллельные переводы разве, может быть,годились бы для уяснения значения некоторых отдельных слов; между тем в переводных документах, изданных Историческим Обществом, часто попадаются до того темные по смыслу места, что разъяснение их без сличения с подлинным турецким текстом представляется решительно невозможным. Эта темнота происходит оттого, что переводчики обыкновенно придерживались буквального значения слов и выражений турецко-татарских. Отсюда в переводах удержалось много слов татарского происхождения, превращенных в русские, как, например, *толмачити* (Op. cit., стр. 131), *прикошевати* (Ib., 110), *корешоватися* (Ib., 222), *валчити* (Ib., 433) и т.п. Сплошь и рядом переводчики щеголяют татарскими словами, вводя их в русскую речь без всякой очевидной надобности и затемняя ее смысл этими варваризмами. Таковы, например: «*майтамал* идет» (Ibid., 51) = «возможно»; *миньят* (Ib., 174), *миньяд* (219), *миньятные слова* (269) — «милость, одолжение», и т.п. Мы уже оставляем в стороне наименования предметов татарского быта, каковы, например, седло *оментюк тимов* (129), *калья* краски (118), однорядка *ноузоньская* и однорядки *трекуньские* (129), пять *аргичей* (250), сукно *лунское* (537), из коих некоторые трудно растолковать, не имея под руками текста. Но всего больше русские переводы пестрят буквальной передачей турецко-татарских слов и выражений. Приведем некоторые. Выражение «Ударив челом и поклон» (83), давно, впрочем, бывшее в ходу в русских памятниках еще со времени татарского нашествия, есть перевод татарской фразы. Выражение «не на дружбу *лицем ударил*» (264) также переделано из тур.-татарского. Фразы «что

от моих рук сколько придет» (178) «сколько от наших рук пришло» (275) — есть тюркизм, означающий по-русски: «сколько мне, или нам, возможно», «сколько я, или мы, в состоянии». Выражения вроде «домы наши *потоптали*» (108), или: «на недруга *в загон* ходили» (106), «на коне есмь были» (151), «сам на конь *всел*» (157), или «*душа моя*» (109) тоже скорее характерны для турецкой, нежели для русской речи: первое есть весьма употребительный глагол «давить, топтать, разбивать, разорять, ограблять»; второе есть тоже ходячее татарское выражение. Встречаются фразы такого состава, что едва ли сами переводчики отдавали себе отчет в точном значении их, как например: «Предние наши *о кости о лодыжном мозгу* юрта деля своего разобрались» (69); «в чюжом юрте стоишь, а конь *твой потен*» (100); «слово доброе меж вас о том было и конь *повели*» (91); «дела твоего бережи и *до живота*» (136).

Но тут везде еще есть смысл, которого можно добиться по ходу речи, и во всяком случае соблюдены формальные требования русского языка. А то есть такие обороты, которые представляют собой грубые татаризмы, не только несообразные с духом русской речи, но даже и совсем лишние, не заключая в себе ничего оригинального или важного. Например, есть такие фразы: «у нас *просят стоит*», или «запрос мой *то стоит*» (168); «недружбу *до места довести* мыслит», «поезду нашему *толк то*», «Се дела тебя деля брата своего *делая хожу*» (172). В первых двух фразах излишнее слово *стоит* есть буквальный перевод татарского глагола, который в татарском языке присоединяется к другим глаголам в качестве вспомогательного; поэтому вместо «просят стоит» надо было сказать *просят*, вместо то стоит — *то* и т.п. Слово «толк» есть также буквальный перевод араб.-татарск. «смысл, значение, резон». Бессмысленное сочетание *делая хожу*, вероятно, произошло от буквальной передачи татарского глагола, где второй глагол «ходить» не имеет самостоятельного значения, а только в качестве вспомогательного придает лишь оттенок длительности глаголу «делать». Фраза «до места довести» есть тюркизм, означающий по-русски: «исполнить, осуществить, довершить».

Но в погоне за точностью передачи текста переводчики иногда доводили русскую речь до явной бессмыслицы, никакими средствами не распутываемой. Образец такой бестолковой речи представляет перевод ярлыка Менгли-Герая от 1493 года, где встречаются, например, такие

места: «А Мамитекова царевича одна сухая голова избыла, столько у него поймали нынеча, как в сем писано, что ни было, без остатка» (Op. cit., стр. 176). Или в переводе Ямгурчеевой грамоты читаем: «Иные, которые далече стоя, на недруга пристоят; а мы пак жену в город вшедши слава Богу у недруга как на шее вшед стоим, твоему тому делу много пристоим» (Ibid., стр. 178).

Особливо много странностей встречается в переводах грамот турецких. Так, в самом начале текста этих грамот видим такие не связанные между собой слова: «Бог, Великоименитой Хумаюн птица, Баезид султан Махам-медевич» (Op. cit., стр. 244). Словом «Бог» тут передан всегда ставящийся у мусульман значок = «Он». Следующие же слова, надо полагать, соответствуют содержанию султанской тугры, причем выражение «Хумаюн птица» попало сюда по недоразумению: слово «птица» везде является в виде приписки сверху над словом «Хумаюн», для объяснения смысла этого последнего, которое в качестве эпитета значит просто: «августейший». Кроме того, «птица» тут могла быть примешана вследствие птицеподобной фигуры султанского шифра, который мог казаться нашим приказным грамотеям чем-нибудь вроде нашего государственного орла.

Начало другой грамоты совсем уже не понятно, как и следующие за вступлением слова грамоты. Выражения: «Тот собиратель. Силы добывальные. Оба» (Op. cit., стр. 283) решительно необъяснимы без подлинного текста.

Выражение в конце той же грамоты «Холоп мой по пошлине как пригож доведет... и приехав здоровье и счастье твое и державу с вестью *мне любимому доведет*» (Ibidem) также содержит в себе искажение, потому что слова «*мне любимому доведет*» должны иметь такой смысл: «вестью о твоём благополучии посол доставит мне приятность, удовольствие».

Из «хранимого», то есть «богохранимого» — подлинной султанской грамоты в переводе сделано: «*бережливая* Константина града» (Ibid., стр. 289). Заключительная фраза той же грамоты: «Поклон тебе и *тому, который провожает*», представляет полнейшее искажение того надменного обращения, которым правоверные любили оканчивать свои письма к неверным и которое состоит из коранического изречения (Сура XX, стих 50), что по-русски значит: «Мир над тем, кто следует по прямому пути (к спасению)!»

При всех исчисленных несовершенствах своих эти переводы представляют порядочный запас материала, полезного при разработке вопросов внешней политики Крымского ханства и его отношений к Порте. Жаль только, что издание обнимает всего лишь 30 лет, с 1474 по 1501 год, хотя и за это большое спасибо издателям.

Наконец следует еще указать на один недавно вышедший весьма почтенный труд, который, имея свою специальную задачу, представляет весьма важное пособие и для разработки истории Крымского ханства. Мы разумеем «Сборник материалов, относящихся в истории Золотой Орды» В. Тизенгаузена. Т. I. СПб., 1884. — Крымское ханство есть также политический отпрыск Золотоордынской державы, развившийся по истлении своего родоначального древа. Период возникновения этого отпрыска и достижения им полной зрелости в виде самостоятельного отдельного государства — самый темный в целой истории ханства вследствие недостатка точных данных для его надлежащего освещения. Первый том вышеупомянутого Сборника, содержащей пока «извлечения из сочинений арабских», кроме известий касательно собственно Золотой Орды, заключает некоторые любопытные сведения и о Крымском ее уделе. Если эти сведения и не совсем восполняют указанный нами пробел в истории возникновения отдельного ханства в Крыму, то все же дают возможность составить более или менее ясное представление об общем положении дел в Крыму в эпоху, предшествовавшую образованию там особого ханства, и уразуметь, хоть приблизительно, свойство тех прежних элементов, из которых сложился новый татарский политический центр, на много столетий переживший главный улус, частью сохранив некоторые его предания в своем собственном строе, частью видоизменившись под влиянием иных географических и исторических условий. Воспользовавшись, сколько можно было в пределах задачи настоящего исследования, Сборником барона В.Г. Тизенгаузена, я считаю обязательным для себя не столько выразить свою личную признательность к почтенному составителю, сколько воздать подобающую честь его прекрасному труду с точки зрения его общенаучной важности, потребовавшему исключительной и бескорыстной любви к предмету со стороны того, кто столь терпеливо взялся за этот труд и так добросовестно выполнил его.

Что касается плана настоящего исследования, то он определяется свойствами самого предмета исследования. Крымское ханство никогда за все время своего существования не жило вполне самостоятельной жизнью, которая была бы выражением одних коренных бытовых черт национального характера господствующего народонаселения. Даже входившие в состав его тюркские племена и те не представляли одной сплоченной массы, не говоря уже о черкесах, калмыках и прочих народных группах, местившихся на территории ханства: политическая связь этих народностей с ним всегда была очень сомнительного свойства. Главное же раздвоение в быте ханства происходило в нем вследствие его отношений к Османской Порте, длившихся от самого его основания до подпадения под власть России. Это же раздвоение сказалось и в истории ханства. Одна ее часть обнимает факты чисто внешнего политического свойства, которые почти исключительно были отражением османской политики: перемены в ханском персонале, непрерывные походы крымских полчищ, даже самые переселенческие движения кочевых элементов ханства сплошь и рядом совершались под влиянием намерений и планов Османской Порты и временных заправил ее, производивших давление на Крым через посредство членов властвовавшей там династии Гераев и через собственных приставников, сидевших в Кафе и других укрепленных пунктах, железным кольцом оцеплявших центральную территорию ханства. При этих условиях народный характер местного населения не мог вполне развернуться и выработать особый, своеобразный склад государственного быта соответственно основным началам, которые присущи каждой нации. Тем не менее эти начала продолжали существовать во внутреннем, так сказать домашнем, быту населения, хотя и они не могли не подвергнуться в своем проявлении некоторым изменениям. Эти последние были неизбежным результатом тех же близких отношений, в которые судьба поставила крымскую отрасль золотоордынцев с османскими турками. Религиозно-нравственные понятия крымцев, строй их внутренних учреждений, бытовые вкусы, даже самый язык и литература отчасти сохранили свои первобытные черты, не представляя слишком значительных изменений, частью же видоизменились, обнаруживая несомненные признаки влияния соответственных сторон быта и жизни турецкой. Но фазисы этого изменения не настолько последовательно обозначились в исторических памятниках, чтобы их можно было с точностью приурочить к тем или

другим эпохам политической истории ханства. Отсюда возникает необходимость выделения бытовой истории Крымского ханства, факты которой могут быть представлены только в особом обозрении, будучи сгруппированы по известным категориям.

По высказанным соображениям и подлежащее сочинение по-настоящему должно состоять из двух частей, из коих одна должна быть посвящена изложению политической истории Крымского ханства под верховенством Османской Порты, другая — заключать обзор внутреннего быта и жизни народа, составлявшего господствующее население этого ханства. Само собой разумеется, что при тесной связи всех сторон общественной и частной жизни людей везде и во все времена вышеозначенное распределение исторического материала не должно быть принимаемо в слишком строгом смысле: и факты политической истории нередко нуждаются для их истолкования в сопоставлении их с некоторыми бытовыми явлениями; равно как и эти последние, в свою очередь, часто получают надлежащее осмысление, только будучи поставлены в связь с обстоятельствами случайными, кроющимися в массе событий внешних, политических. Предлагаемая на суд читателей книга главнейшим образом имеет своей задачей исследование первой половины предмета, причем факты второй категории будут затронуты в ней лишь отчасти, там где было кстати коснуться их. Полное же и всестороннее изложение их требует другого, самостоятельного труда. Главнейшая причина этого заключается в том, что материалы, потребные для такого исследования, пока нельзя считать вполне объявившимися: они все еще продолжают время от времени выплывать наружу.

Не далее как летом прошлого 1886 года мне довелось быть в Крыму и познакомиться с тамошними архивами. Оказалось, что в симферопольском губернском архиве находится целая залежь рукописей на татарском языке, которые содержат в себе чрезвычайно богатый материал для иллюстрации бытовой истории Крымского ханства, ожидающей ученой разработки. Я говорю о так называемых казы-эксерских дефтерах, составляющих остаток ханского архива, на которые слабое и неопределенное указание сделано г. Хартахаем в его статье «Историческая судьба крымских татар» («Вестник Европы» за 1867 г. Т. II, стр. 149, примеч. 2). Этих дефтерей около сотни, хотя кем-то и когда-то выставленные на них номера показывают, что их было гораздо больше. В них содержатся копии всевозможных

официальных документов, вписанных целиком или в сокращенных извлечениях. Больше всего в них имеется резюме различных судебных процессов по гражданским и уголовным искам и наследственно-раздельных актов. Но, кроме того, там есть и духовные завещания, и нотариальные записи, и правительственные распоряжения касательно внутреннего благоустройства и по части финансовой, строительные сметы, подворные переписи населения с обозначением доходных имуществ, и т.д. Немало также данных для изучения положения рабов в Крымском ханстве.

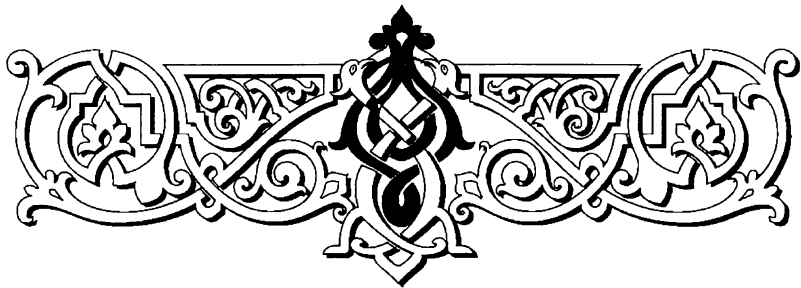
Само собой разумеется, что в исследовании бытовой истории Крымского ханства едва ли позволительно игнорировать такой непосредственный источник, как вышеозначенные архивные документы, которые составляют целую сплошную серию, начиная с половины XVI в. вплоть до самого конца существования ханства, и которые до сего времени лежали под спудом. Это обстоятельство, надеюсь, достаточно оправдывает те скромные пределы, которыми я ограничился пока в настоящей своей работе, посвященной политической истории Крымского ханства <...>

Два слова о внешней стороне этой книги. Чтобы сделать ее удобной и для неориенталистов, я по возможности избегал включения в текст турецких отрывков, передавая их содержание по-русски, кроме некоторых отдельных слов и выражений, представляющих особую важность в турецко-татарском оригинале.

Хронологические даты мусульманские переложены на числа христианской эры по новому стилю, как уже было замечено выше (стр. XVIII, 1), на основании «*Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung*» Фердинанда Вюстенфельда (Leipzig, 1854).

Заглазное печатание книги в Казани требовало компетентного надзора на месте за исправностью корректурных работ и печатания. Этот надзор любезно принят был на себя обязательнейшими Иосифом Федоровичем Готвальдом и Николаем Ивановичем Ильминским. Последнему, кроме того, я обязан сообщением мне данных для разъяснения некоторых сомнительных вопросов, встречавшихся в моем исследовании. За все это я считаю приятным для себя долгом засвидетельствовать обоим почтеннейшим ориенталистам свою глубокую благодарность.

В. Смирнов.

I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА СО ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В НЕГО ТЮРКСКОЙ НАРОДНОСТИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ОСОБОГО ТАТАРСКОГО ХАНСТВА

Приступая к изложению фактов прошлой истории Крымского ханства, естественно коснуться вопроса о том, что надо разуметь под этим ханством в смысле определенной территориальными границами государственной единицы в то время, когда это ханство получило обособленное существование, сформировалось в отдельное государство. Подобный вопрос весьма прост и ясен относительно современных нам государств, границы которых строго определяются существующими и действующими международными актами и трактатами. Но он становится крайне затруднителен, когда дело касается государств давнишних, далеких от нас времен, в частности государств, создававшихся азиатскими народами. Насколько у последних слабо были развиты топографические сведения по части границ обитаемых ими местностей, до некоторой степени можно видеть из одного рассказа, сообщаемого Герберштейном. «Однажды Московиты, — пишет он, — взяли в плен одного жирного Татарина. На слова Московита: “Откуда у тебя, собака, такой жир, когда тебе нечего есть?” Татарин отвечал: “Почему это мне нечего есть, когда я обладаю такой обширной землей от востока до самого запада; разве от нее я не могу получить всего в изобилии? Скорее тебе нечего есть, потому что ты владеешь такой маленькой частицей земного шара и ежедневно за нее сражаешься”»⁶³. Хотя тон этого рассказа сейчас же изобличает в нем анекдот московской фабрикации, каких у г. Гербер-

штейна немало приведено насчет татар, тем не менее он очень хорошо характеризует ту индифферентную безразборчивость, с которой татары смотрели на земельную собственность свою и своих соседей.

Но если у самих татар были такие смутные представления о границах своего государства, то не большей ясностью отличаются и посторонние сведения по этой части, имеющиеся у других народов, и по весьма понятной и естественной причине: разнородность национальных элементов, входивших в состав государства, а главное — подвижность и расплывчатость элемента кочевого, бродячего, запутанность отношений и частые династические перевороты — все это ставит еще большие затруднения к точному обозначению территориального объема государств, подобных Крымскому ханству. В частности, вопрос о территориальном объеме этого последнего усложняется еще тем, что самое возникновение ханства как отдельного государственного центра много представляет неясного в историческом смысле. Его история становится вполне достоверной лишь с того момента, когда оно вошло в близкое соприкосновение с Османской империей, будучи зачислено в состав вассальных ее владений при султане Мухаммеде II Завоевателе в конце XV века. Все, что относится к предшествующему времени, представляет большую неясность, вызывает много предположений и сомнений вследствие недостаточности несомненных исторических данных, на основании которых можно было бы сказать что-нибудь решительное об этнографической принадлежности и политическом быте народонаселения, теснившегося внутри Крымского полуострова. Одна только береговая полоса, давно бывшая в руках европейских колонистов, составляет некоторое исключение; да и то насчет нее встречаются иногда сомнения, а именно по вопросу об отношениях европейских поселенцев к татарам, с которыми они одно время должны были делить господство над полуостровом.

Если можно еще говорить о чем на основании имеющих скудных источников, то разве о проникновении и приливе тюркского элемента в Крым вообще, да об основании и географическом приурочении некоторых поселений, носящих какие-нибудь следы более или менее давнего и прочного водворения в них тюрков. Насколько позволяют нам наши источники, мы можем одно только утвердительно сказать, что усиленный прилив тюркского элемента на полуостров извне начался не позже первой половины

XIII столетия, т.е. со времени вторжения татар, если не принимать в расчет тюркской национальности хазар, которые раньше других тюрков имели там свою оседлость, а также если не придавать значения сомнительному свидетельству Рубруквиса, что уже половцы брали дань с Херсона, Солдаи и находившихся между ними Сорока замков⁶⁴. Прилив этот, в памятное истории время, совершался с двух противоположных сторон: сухим путем через перешеек, соединяющий Крымский полуостров с южнорусскими степями, куда постоянно придвигались разные кочевые тюркские орды из-за Волги и Дона; тем же сухим путем и через Черное море из Малой Азии, откуда также иногда прибывали партии сельджуков, которые делали временные набеги на Крым или же искали там постоянного себе приюта, гонимые какими-нибудь неурядицами и смутами, мешавшими им спокойно жить в своем отечестве. Мы сперва остановим свое внимание на этих именно экскурсиях сельджукских тюрков из Малой Азии.

Малая Азия задолго до возникновения Оттоманского государства была уже наводнена турками, образовавшими там несколько отдельных княжеств под владычеством разных династий, которые известны в истории под общим родовым именем сельджукских. Возникновение и исчезновение этих княжеств было не более как обменом власти династических родов, этнографический же состав господствующего народонаселения этих княжеств оставался один и тот же, тюркский. Такая перемена декораций в политическом строе Малой Азии продолжалась вплоть до того времени, когда наконец взяла силу и возобладала династия Оттоманская, которая и наложила, по исконному среднеазиатскому обычаю, свое имя на все турецкое население, вошедшее в черту ее владений. Этим только и объясняется то явление, что какая-нибудь незначительная тюркская орда, во главе которой стоял род Османов, в короткое время выросла в большое и сильное государство. Да и то не менее крепкая властительная отрасль Караман-Оглу довольно долго и упорно отстаивала свою независимость от дома Османова и при всяком удобном случае ставила всякие помехи спокойному владычеству его, поднимая мятежи и входя в союз с противниками и недругами Оттоманской империи, пока сила вещей не сломила рогов этому крупному сопернику дома Османлы.

Когда Османской державе суждено было потом, в XV веке, распространить свое владычество и на Крымский полуостров, то оно, это вла-

дычество, нашло там уже подготовленную для себя почву в предыдущие времена; османлы встретились в Крыму не с одними только чуждыми им по крови и враждебными по духу, но и с родственными им по происхождению обитателями, у которых они нашли естественную поддержку в деле совершенного вытеснения с полуострова европейских поселенцев и водворения там собственной власти. Замечательно, что самое тюркское население в Крыму представляет немалое разнообразие, сказывающееся как во внешнем сложении тела, особенно в чертах лица, так и в фонетическом строении речи. Такое разнообразие на сравнительно маленьком территориальном пространстве не могло быть, конечно, делом простой случайности или результатом влияния одних географических условий. Тип татар южного берега и ближайших к нему гористых местностей внутреннего Крыма значительно разнится от татарского типа отлогих местностей и степных равнин, не говоря уже о чистых ногайцах, плоское и скуластое устройство физиономии которых резко отличается от типа южно-бережского, весьма близкого к чисто европейским формам. Последнее явление всегда обращало на себя внимание историков, которые пришли к тому убеждению, что южно-бережские татары суть не что иное, как отатарившиеся поселенцы греческой и генуэзской национальности⁶⁵. Этого взгляда, правда, нельзя пока отрицать категорически, но нет также непоколебимых оснований и к тому, чтобы безусловно доверяться ему; если и можно принимать его, то с некоторыми ограничениями. Если, в самом деле, южно-бережское население, говорящее на турецком языке, имело своими предками греков, то, спрашивается, почему же эти предки не все отуречились, а некоторые сохранили свою национальную особенность до позднейших времен, пока не были выселены из Крыма в конце прошлого столетия по распоряжению русских властей в количестве более тридцати тысяч душ? Что же касается до генуэзских поселенцев, то они были большей частью народ торговый, живший по принципу *ubi bene ibi patria*. Обыкновенно такие колонисты, как только им приходилось плохо в их колониях от каких-нибудь врагов, «собрав свои животы», покидали свое временное отечество и отправлялись отыскивать другого, более безопасного пристанища. Так поступили венецианцы в Салониках, когда не в силах были отстоять этого города от натиска турецких полчищ султана Мюрада II в 1430 году⁶⁶; так было с генуэзскими колонистами в Галате во

время взятия Константинополя турками⁶⁷; на подобных условиях капитулировал Родос с султаном Сулейманом в 1522 году⁶⁸, и т.д. Так оно, без сомнения, бывало и с генуэзцами, занимавшими несколько укрепленных пунктов в Крыму⁶⁹. И при нашествии турок, не могши сопротивляться, они также спасались бегством; захваченные в плен были вывезены из Крыма самими завоевателями; успевших же сохранить свою жизнь, но не имевших средств удалиться едва ли могло остаться в Крыму столько, чтобы они, смешавшись с татарским населением и утративши свои прочие национальные признаки, как язык и религия, сообщили ему, однако же, свои племенные черты в типе лица и вообще телесной конструкции, а не были целиком поглощены этим населением, превосходившим их и своей численностью и животной натурой.

А куда же девались в Крыму те пришлые турки, которые являлись туда из Малой Азии? Нельзя же допустить, чтобы набеги их всегда были простыми прогулками, после которых они опять сполна возвращались туда, откуда приходили. Мы имеем положительные сведения об эмиграции крупной толпы сельджуков, которые после долгих скитаний окончательно засели на Крымском полуострове. Надобно полагать, что именно эти малоазийские выходцы тюркского племени и оставили следы своего водворения в Крыму именно в той части его населения, говорящего на турецком языке, в которой историки гадательно хотят видеть потомков генуэзских поселенцев.

Исконность тесных отношений между тюркским народонаселением Крыма и Малой Азии до сих пор свидетельствуется некоторыми бытовыми явлениями, которые надобно наблюдать на месте, чтобы понять их истинное значение. Когда вы, например, спросите какого-либо анатолийца, захавшего в Крым: «откуда ты?», он вам непременно ответит, что он «с противоположной стороны», с противоположного берега Черного моря. И это выражение звучит повсеместно в Крыму в таком тоне, как будто бы речь шла о противоположном берегу какой-нибудь реки — Волги, Невы и т.п. Далее, некоторые отрасли промышленности до сих пор составляют точно какую-то привилегию заморских турков, каково, например, хлебопекарное дело, которое во всем Крыму есть специальность анатолийских турков. Наконец, в числе народных верований и обычаев, живущих среди южно-бережских татар, есть такие, которые

также косвенным образом указывают на сохранившиеся у них воспоминания о Малой Азии, как об очень близкой их сердцу стране, с которой у них осталась духовная связь. Так, на VI археологическом съезде в Одессе почтенный протоиерей Чепурин, занимающийся церковно-археологическими исследованиями христианских древностей Крымского полуострова, сообщил следующий любопытный факт, наблюденный им у татар южного побережья. Когда случается какая-нибудь невзгода с их полями и садами, угрожающая неурожаем, они отправляют депутацию в Каппадокию за святой водой, которая должна быть освящена непременно тамошними монахами, и этой водой кропят свои поля и сады, страждущие от засухи, или насекомых и т.п. Почтенный реферант, толкуя вышеприведенный обычай со своей точки зрения, видит в нем указание на прежнюю принадлежность к христианству крымских жителей, ныне считающихся мусульманами. Но основание для такого толкования нам кажется недостаточно веско. Почитание христианской *аясмы*, как турки и татары называют святую воду, вещь обыкновенная даже и у константинопольских турков: мы сами видели, как турчанки с благоговением пили святую воду в одной маленькой пещере, находящейся на той части Босфора, которая носит название Календер, и посвященной чести и памяти св. Иоанна Крестителя. Когда мы их спросили: «Отчего вы пьете эту воду?» Турчанки отвечали: «Это Божья вода». Но при этом они бы с ужасом воскликнули: «Помилуй Бог!», если бы их заподозрить в принадлежности к христианству. Это явление в религиозном быту турков и татар можно объяснить скудостью мусульманского культа вообще, вследствие которой они принуждены искать удовлетворения своей природной суеверности или в своих же добавочных обрядах и обычаях, не имеющих, однако же, ничего общего с исламом, или даже в каких-нибудь обрядностях чужого культа, например культа христианского. Крымцы же, разобщенные с остальным мусульманским миром, не довольствуясь своими местными святынями, с радостью встречают всяких чудодеев-святош, вроде Тадж-эд-Дин-задэ Мухаммед-Садыка, который приезжал и в Константинополь и в Крым из Кесарии в 1881 году и творил чудеса исцеления больных, о чем и публиковал в турецких газетах⁷⁰. С таким же, помнится, восторгом около того же времени принимали крымцы какого-то другого шарлатана, привозившего ковчежец с

клочком бороды пророка Мухаммеда. Почитание гробниц мнимых угодников Божиих и вера в целебное свойство родников и ключей, бьющих и текущих в некоторых заветных местах, также весьма распространено у крымских татар повсюду.

В обычае же их посылать за святой водой в Малую Азию, кроме общей свойственной им суеверности, можно видеть выражение почитания святыни, находящейся в той местности, которая некогда была отечеством их предков.

Но оставляя в стороне догадки, обратимся к фактам. Арабский историк Ибн-эль-Асир, повествуя о нашествии татар и деяниях их в «Алане и Кипчаке» в 617 = 1222 году, говорит следующее: «Придя к Судак, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них с своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Кылыдж-Арслана»⁷¹.

Это несколько темное место вызвало немало соображений, находящихся в примечаниях к переводу сказания Ибн-эль-Асира, помещенному в «Ученых Записках Ак. Наук», II, стр. 660. «Есть сказание, — читаем мы в примечаниях, — что пред нашествием татар Корсунь, Судак и другие города южной части Крыма платили половцам дань, вероятно, для того, чтобы они не тревожили их своими набегами»⁷². Далее высказывается предположение, что, «может быть, и после битвы при Калке Корсунь с подвластными трапезундскому императору южными берегами не был посещен татарами, потому что иначе Гетум, правитель Синопа, едва ли осмелился бы предпринять поход на Крым летом 1223 года»⁷³. Наконец, разноречие источников о времени бегства судакских жителей, и притом отплытие их в *мусульманские* земли, приводит некоторых историков к заключению, что Судак был опустошен татарами уже после битвы при Калке⁷⁴.

В означенную пору иконийским султаном сельджуков был Ала-эд-Дин-Кэй-Кобад-бен-Гыяс-эд-Дин. Византийские источники рассказывают о постыдной для сельджуков войне, веденной в 1223 году этим султаном с Андроником I, возгоревшейся из-за того, что синопские сельджуки ограбили греческий корабль, везший государственные подати Корсуня и тамошних стран Готфии, и что синопский правитель-капитан,

или, как его называли, реис, послал на Корсунь вооруженные суда, и они совершенно опустошили эту страну⁷⁵.

В турецких источниках султан Ала-эд-Дин превозносится как замечательнейший человек своего времени. Про него говорится, что «он был краса династии; имел ревность к священной брани и овладел областями (Рума) вплоть до Скадара, произведя в них погром и опустошение; что он перевез свое войско из Синопа через Черное море и *завоевал в странах Дэшти-Кыпчак крепость Судак*. В 618 = 1221 году он возвел стены в Конии и Сивасе и овладел лежавшей на берегу Белого моря крепостью Алайей. В 625 = 1228 г. он сразился с султаном Джелал-эд-Дином Харезм-Шахом в армянском местечке, называемом Чемен. И из городов грузинских многие взял»⁷⁶. Другие турецкие историки тоже восхваляют этого султана, но о поражении его греками ничего не говорят. Комментатор известий Ибн-эль-Асира полагает, что это «молчание, может быть, намеренное, потому что война окончилась так постыдно для турков»⁷⁷.

Но подробное описание этой войны принадлежит трапезундскому митрополиту Иоанну, весь интерес которого состоял в прославлении чудес св. Евгения, который «в виде огненной стрелы перелетел в храм свой с высоты неприятельского лагеря. Варвары же (о чудо!) рассеялись во все стороны, как бы разметанные громом», и т.д. и т.д.⁷⁸. Про сельджукского же султана говорится, что он был взят в плен, но что император, вследствие совещания с своими сановниками, вскоре отпустил его; что он, по прибытии домой, не только исполнял условия клятвенного договора, но еще сверх того часто посылал императору Андронику Гиду арабских коней и другие почетные подарки, повсюду распространял славу чудесных деяний святого и ежегодно приносил богатые дары монастырю мученика⁷⁹.

Этот рассказ сильно отзывается легендарным характером, и так от него веет византийской риторикой, что становится затруднительно, чему отдать предпочтение — разукрашенному ли повествованию митрополита Иоанна или полному умолчанию мусульманских историков. Это, надо полагать, была одна из тех стычек, которые беспрестанно происходили между сельджуками и византийцами, и потому, ничем особенно не отличаясь, не обратила на себя внимания мусульманских историков. В византийском сказании одно положительно неверно, как, например,

имя султана иконийского; другое же, как, например, беспричинное немедленное освобождение императором взятого в плен султана, что-то уж очень сомнительно. Что же касается склонности к почитанию христианских святынь, которую будто бы питал султан Ала-эд-Дин, или, как он назван в сказании, Мелик, то у византийцев есть слабость приписывать эту склонность разным иноверным властительным лицам: подобное подозрение в склонности к христианству брошено ими и на другого сельджукского князя, Изз-эд-Дина⁸⁰.

Для нас во всей этой истории важно только то, что турки-сельджуки об эту пору производили вторжения в Крым морским путем и некоторое время держали в своих руках Судак. Очень может быть, что бежавшие от татар на кораблях в мусульманские земли судакцы и были именно турки, сидевшие в завоеванном ими городе в качестве гарнизона, пока их не спугнули оттуда нахлынувшие татары.

Принятие ислама золотоордынским ханом Беркэ сделало его настоящим героем в глазах правоверных арабских летописцев, и они все очень подробно распространяются о его деяниях, а особливо о его сношениях с египетским султанатом и о вмешательстве в дела малоазиатских мусульман. При нем-то и имело место одно событие, не лишенное своего значения для истории водворения тюркской народности в Крыму, а именно эмиграция довольно крупной толпы турков-сельджуков из Малой Азии в Европу и первоначальное поселение их в Добрудже, откуда они вынуждены были потом передвинуться в Крым. Эта эмиграция происходила под предводительством некоего Сары-Салтыка, память о котором увековечена в преданиях, где личность Сары-Салтыка окружена ореолом святости и даже прославлена чудесами. Дело было так.

Сыновья иконийского султана Гыяс-эд-Дина Кэй-Хосрова, Изз-эд-Дин и Рукн-эд-Дин сперва оба пришли на поклон к Гулагу-хану вскоре по завоевании им Багдада с изъявлением покорности. Но затем Рукн-эд-Дин без явного повода, а вероятно только с целью захватить владения брата, двинулся против него, вспомагаемый монгольским отрядом. После неудавшихся попыток уладить дело путем мирных переговоров Изз-эд-Дин бежал в Анталию. Когда же войско его под начальством Али-Бегадыра было разбито и он увидел, что дело его проиграно, то он стал просить убежища у византийского императора, Михаила Палеолога, который ласково

приютил беглого экс-султана. Туда же явились с целой свитой разбитый его полководец Али-Бегадыр и шталмейстер Огурлу. Полководец оказался полезен императору в его войне в Румелии, чем еще более усилил расположение императора к себе и к своим братьям-пришельцам. Через несколько времени они обратились к императору с такой просьбой. «Мы, — сказали они, — турецкого племени. Вечно жить в городе мы не можем. Вот как бы нам вне его отведено было место для жительства, то мы бы привели из Анадолу родственные нам тюркские семьи и стали бы там проводить лето и зиму». Василевс (император) дал им в поселение Добруджскую область, местности которой прекрасны, спокойны, здоровы, с благорастворенным климатом. Они тогда под рукой дали весть родственным с ними анатолийским тюркам. Много тюркских кибиток под видом кочевки на зимовье спустились тогда с Сары-Салтыком к Изнику (Никее), через Изнемид (Никомедию) подошли к Эскадару (Скутари) и переправились. В Добрудже довольно долгое время было два-три мусульманских города да тридцать или сорок групп турецких кибиток; они давали отпор врагам василевса и побеждали их.

После того на ночной пирушке у Изз-эд-Дина один из собеседников повел такого рода речь, что, мол, не худо бы ему было, лишившись своих прежних владений, при удобном случае свергнуть василевса и захватить царство над Стамбулом и над всей страной, а там бы, может быть, представился случай и насчет Анатолии, потому что подданные и свита султана по благоволению Божию умножились до 10—12 тысяч мужей. Об этом разговоре донес император виночерпий, один лукавый грек. Император сперва заключил в оковы Огурлу-бека с Али-Бегадыром; потом первого ослепил, а второго умертвил; султана же с двумя старшими сыновьями заключил в крепость, а мать его, которая была сестра василевса, с двумя маленькими сыновьями оставил в Стамбуле в своем доме; тех из свиты и нукеров их, которые приняли христианство, пощадил, не отрeksiеся же от ислама навсегда остались сидеть в тюрьме. Тогда брат султана (Рукн-эд-Дин), по внушению Божию, обратился с просьбой к хану Дешти Беркэ-хану, говоря: «Спаси моего брата». Хан послал большое войско, а вслед за ним явился и сам Беркэ с сильным полчищем и осадил Константинополь; но потом, пострадав императора, заключил мир, освободив Изз-эд-Дина из заточения. Султана татаре

представили Беркэ-хану, который принял его ласково и с подобающими почестями, угостив кумысом и бузой. Добруджских турков он с Сары-Салтыком перевел в Дешти-Кыпчак; дал султану в вотчинное владение Солхат и Судак, и туркам тоже дал место для жительства.

Так об этом водворении малоазиатских тюрков сперва в Добрудже, а потом и в Крыму повествует Сейид-Лукман, придворный поэт султана Мюрада III, в своем извлечении из старинного исторического сочинения, изданном с латинским переводом и примечаниями профессором Гельсингфоргского университета Лягусом под заглавием «*Seid Locmani ex libro Turcico qui Oyhuзname insoribitur*». *Helsingforsiae. 1854.*

По существу текста Лукмана возможны соображения касательно водворения тюркских переселенцев с Сары-Салтыком во главе в Добрудже. Покойный профессор Ф.К. Брун, предполагая, что потомками малоазийских переселенцев Изз-эд-Дина можно считать так называемых гагаузов, которые еще ныне встречаются в Варне и в окрестностях этого города, присовокупляет: «Но так как, по Сейиду Локману, Туркмены или Огузы застали уже в Добрудже тюркских обитателей, которые легко могли смешаться с малоазиатскими их родичами, то в числе нынешних гагаузов могут также находиться потомки вышеприведенных переселившихся тюркских племен, в особенности половцев, так как они именно, после нашествия монголов на Южную Россию, в большем числе перебрались в Болгарию»⁸¹. Смысл же вышеприведенного места в турецком тексте таков, что там скорее говорится об одних только малоазийских выселенцах. Это место можно перевести так: «Много турецких семей перекочевало, и довольно продолжительное время в добруджской области было два-три мусульманских города, да тридцать—сорок групп турецких кибиток». Это значит, что переселенцы, перебравшись в Добруджу и прожив там порядочно времени, заселили 2—3 города и отчасти, в количестве 30—40 групп кибиток, по-прежнему продолжали вести жизнь кочевую. Это как нельзя более вяжется с последующим. А дальше говорится, что они «давали отпор врагам василевса и побеждали их». Значит, они были на самом лучшем счету у императора, пока не произошел разлад по случаю рассказанной вслед за этим нелепой затеи пьяных приближенных Изз-эд-Дина. Тут нет Лукману повода упоминать

о других тюрках, ранее поселившихся в Добрудже. Допустив тот факт, что орда, приведенная Сары-Салтыком, раздвоилась потом на оседлую, водворившуюся в 2—3 городах, и сохранившую прежний, кочевой образ жизни, мы тогда можем себе объяснить, почему некоторые из подданных и слуг Изз-эд-Дина, вследствие гонений на них разгневанного императора, приняли христианство, другие же остались мусульманами и, по освобождении Изз-эд-Дина из византийского плена Беркэ-ханом, перекочевали в Крым. Надо думать, что вероотступниками сделались уже оседлые переселенцы, которым не захотелось расстаться с своими облюбованными обиталищами, тогда как истые кочевники поупрямились и, выждав удобный случай, перебрались на новые места, именно в Крым.

Это, кажется, будет более согласно и с известиями византийских историков. Например, Никифор, подробнее других повествующий о пребывании и деяниях сельджукских эмигрантов на византийской территории в Европе в данный период времени, неоднократно оговаривается, что он имеет в виду именно тех, которые вышли из Малой Азии с султаном Изз-эд-Дином⁸². Равным образом, хотя они и называются у византийцев именем Τουρκόλοιοι, каким звались вообще служившие под византийскими знаменами турки⁸³, но, когда нужно, постоянно различаются от других народов⁸⁴, в том числе и от команов, или половцев⁸⁵, на слияние с которыми этих эмигрантов рассчитывает г. Брун. У тех же историков не раз и настоятельно указывается на тесное сближение некоторых из этих сельджукских выходцев с местным христианским населением Балканского полуострова в отношении общежития и религии⁸⁶. Поэтому выражение Лукмана, что «в Добрудже долгое время было два-три города мусульманских», можно толковать не в смысле основания каких-то новых городов мусульманами, а только в смысле утверждения оседлости некоторой части мусульманских переселенцев в двух-трех городах добруджских, которые дотоле были обитаемы одними христианами, подобно тому как селились же турки, и в большом количестве, даже в самом Константинополе, прежде чем он стал столицей их собственного государства.

Несомненным все же остается факт поселения целой партии сельджукских эмигрантов в Крыму во второй половине XIII века, которое состоялось, согласно свидетельству всех историков, при участии Беркэ-

хана. Как и в чем проявилось его участие — это другой вопрос: в этом историки расходятся.

По словам Сейида Лукмана, как мы видели выше, Рукн-эд-Дин, прежний враг Изз-эд-Дина, тронулся будто бы потом злополучной судьбой своего брата и стал просить Беркэ-хана вступить за него. Хотя сострадание Рукн-эд-Дина приписывается Лукманом особому внушению Божию, но все же обращение его к заступничеству Беркэ-хана нам кажется невероятным, если он сам был под протекцией Гулагу-хана, заклятого врага Беркэ-хана. Эта вражда поддерживалась и усиливалась подстрекательствами, шедшими из Египта от султана Бейбарса, который ходатайствовал и за султана Изз-эд-Дина, прося оказать содействие ему⁸⁷. А так как византийский император был в дружественных и даже родственных отношениях с Гулагу, то Беркэ, чтобы досадить союзнику врага своего, не преминул между прочим воспользоваться случаем и потребовал освобождения Изз-эд-Дина. Но ближайшим поводом к посылке Беркэ-ханом войска против Константинополя послужило задержание там послов к нему египетского султана⁸⁸.

Другие историки, как например Мюнедджим-баши, мотивируют заступничество Беркэ-хана за Изз-эд-Дина родственными их связями. Когда произошло вышеописанное недоразумение между сельджукским царевичем и византийским императором, говорит Мюнедджим-баши, «Крымский хан Беркэ-хан, который имел (женою) тетку Изз-эд-Дина, услышав об этих обстоятельствах, послал весть к королю (т.е. к императору) и велел привести Изз-эд-Дина с детьми (к себе)»⁸⁹. Эти родственные отношения констатируются и весьма точно изображаются еще в одном довольно старом турецком историческом памятнике, принадлежащем библиотеке Учебн. Отдел. Восточн. язык., № 323⁹⁰. Там в статье о смерти румского султана Ала-эд-Дин-бен-Кейкобада, который приходится дедом Изз-эд-Дину, сказано, что у него осталось три сына и четыре дочери. Старший сын, от греческой рабыни, Гыяс-эд-Дин занял престол румский и велел задавить тетивой лука младших братьев своих. А из дочерей его «одна по смерти отца (который умер в 634 = 1236—1237 году), с позволения брата своего, султана Гыяс-эд-Дин-Кейхосров-бен-Кейкобада, вышла замуж за Сылях-эд-Дин-Абуль-Музаффар-Юсуф-бен-Эюба, владельца шамского; другая вышла

замуж за Беркэ-хан-бен-Тули-хан-бен-Чингизхана, ибо он сделался мусульманином и был благочестивый и благоверный единобожник; третья вышла замуж за Гулагу-хан-бен-Тули-хан-бен-Чингизхана; а четвертая умерла еще при жизни отца»⁹¹. Следовательно, жена Беркэ приходилась теткой сыновьям Гыяс-эд-Дина. Поэтому выходит также, что такой же теткой была им и жена Гулагу-хана. Если присовокупить еще, что, по свидетельству византийских историков, мать Изз-эд-Дина была христианка⁹², то получится весьма любопытная картина запутанной фамильной распри, для которой не было препятствий ни в родственных связях, ни в религиозных отношениях.

Расходясь насчет мотивов вмешательства Беркэ-хана в отношения византийского императора к Изз-эд-Дину, историки не одинаково изображают и самый факт вмешательства. Сейид Лукман говорит, что Беркэ сперва послал войско против византийцев, а потом отправился и сам с большим полчищем; осадил Константинополь, но оставил его, удовольствовавшись освобождением Изз-эд-Дина, которого он обладал и дал ему в вотчинное владение Солхат и Судак, да отвел также места для поселения и туркам, перекочевавшим в пределы его империи под предводительством Сары-Салтыка⁹³. Другие же, а именно арабские, историки повествуют о том же событии иначе. Рукн-эд-Дин Бейбарс пишет, что Беркэ уже *перед смертью своей* снарядил войско для завоевания Стамбула (Константинополя); оно, вернувшись оттуда, увело с собой султана Изз-эд-Дина из крепости, в которой были заключены он и сыновья его с своими детьми⁹⁴. В том же духе рассказывает и Эльмуфадаль — что войско, посланное Беркэ-ханом на Константинополь, произвело опустошения в окрестностях его; но потом, вследствие замирения, ушло оттуда, взяв с собой султана Изз-эд-Дина, который содержался в плену в одной из крепостей константинопольских⁹⁵. Турецкий историк Мюнедджим-баши, следуя вышеприведенному порядку событий, глухо замечает, что когда освобожденный Изз-эд-Дин приближался к Бакчэ-Сараю, Беркэ-хан уже умер, а сыновья его отнесли к Изз-эд-Дину неласково, говоря, что его прибытие не к добру⁹⁶. Прочие же известные нам историки мусульманские приписывают факт освобождения Изз-эд-Дина и водворение его в Крыму не Беркэ-хану, а преемнику его Менгу-Темиру. У Эннувейри читаем: «В 668 = 1269—1270 г. Менгу-Темир

отправил войско к Стамбулу... Побывав у Стамбула и возвращаясь, оно прошло мимо крепости, в которой находился в заточении султан Изз-эд-Дин Кейкауc, владетель Рума. Войско освободило его оттуда и привело к царю Менгу-Темиру, который принял с почетом и обласкал его»⁹⁷. Буквально то же самое говорят Эльмакризи⁹⁸ и Элайни⁹⁹. Особенно подробно рассказывается у последнего, не исключая и той частности, что войско Менгу-Темира подошло к Стамбулу в зимнее время, и что Менгу-Темир, встретив с почетом и устроив Изз-эд-Дина в Крыму, женил его на знатнейшей из женщин своих по имени Урбай-хатунь, на одной из дочерей Беркэ¹⁰⁰. В том же виде этот рассказ является и у историка XVII в. Мустафы Аль-Дженнаби¹⁰¹.

Ввиду такого согласия стольких источников относительно одного и того же факта, едва ли был прав профессор Лягус, признав вместе с Гаммером ошибочным известие Абульфеды о том, что увод Изз-эд-Дина из плена совершился не при Беркэ-хане, а при Менгу-Темире¹⁰².

Что же случилось потом в Крыму с семьей Изз-эд-Дина, и надолго ли она водворилась там?

По свидетельству Сейида Лукмана Изз-эд-Дин получил в удел Солхат и Судак; а прочим его спутникам тюрмакам также было отведено место для жительства, но где именно, неизвестно¹⁰³. Затем он вкратце присовокупляет, что по смерти Изз-эд-Дина Беркэ-хан отослал сына его Масъуда на корабле в Синоп, откуда он отправился дальше, в Тебриз, на службу к великому ильхану, т.е. к Абака-хану Гулагидскому. Что сын Изз-эд-Дина Масъуд вернулся в Малую Азию, это верно; но что его вернул туда Беркэ-хан, это — анахронизм, который был еще замечен профессором Лягусом¹⁰⁴. Эльмакризи и Элайни совсем уже коротко замечают только, что в 677 = 1278—1279 г. умер у царя татарского Менгу-Темира в городе Сарае султан Изз-эд-Дин Кейкауc, сын Кейхосроу¹⁰⁵; а сын его Масъуд отправился и завладел землями румскими¹⁰⁶.

Более обстоятельные сведения по этому предмету находим у других историков. Так, Мюнедджим-баши рассказывает, что Изз-эд-Дин, прибывши, по освобождении из византийского заточения, в Крым, не застал в живых Беркэ-хана, а сыновья его отнесли к Изз-эд-Дину неласково, говоря, что его прибытие не благополучно, и не поместили его в Бакчэ-Сарае, а остановили в одном городе на берегу моря. Изз-эд-Дин провел

там восемь лет при полном стеснении и неудобстве; терпел горе и страдал болезнью. Наконец в 678 = 1279 году тяжело захворал и дал своим сыновьям такое, достойное царей, наставление: «Я впал в это бедствие и злополучие, — сказал он, — оттого, что сближался и беседовал с глупцами, а пренебрегал людьми умными и дальновидными. Теперь после меня пойдите и живите в стране отцов и дедов ваших и слушайте слов доброжелателей». Как только он умер, сыновья его Гыяс-эд-Дин Масъуд и Рукн-эд-Дин Кеюмерс перебрались в страны румские; а затем пошли ко двору Абака-хана и там были приняты с почетом¹⁰⁷.

В этом правдоподобном по духу и согласном с хронологией рассказе турецкого историка мы все еще, однако, не видим других мотивов, заставивших детей Изз-эд-Дина покинуть свое новое отечество и вернуться на родину своих предков, кроме простого завещания отца их Изз-эд-Дина. Этот мотив раскрывается нам другими историками, и ближе всего мы его находим у Дженнаби, по словам которого Менгу-Темир ласково обошелся с Изз-эд-Дином, женил его у себя; Изз-эд-Дин оставался при нем до самой своей смерти, последовавшей в 677 = 1278—1279 году в городе Сарае. В 677 же году, по смерти Изз-эд-Дина Менгу-Темир вознамерился женить султана Масъуда на жене отца его Изз-эд-Дина. Тогда Масъуд бежал, достиг малоазийских пределов и был приведен к Абака-бен-Гулагу, который благосклонно отнесся к нему и дал ему Сивас, Эрзерум и Эрзанджан во владение¹⁰⁸.

Из этого прежде всего видно, что удаление сыновей Изз-эд-Дина из Крыма совершилось не только без содействия татарского хана, кто бы он ни был — Беркэ ли, как ошибочно говорит Сейид Лукман, или Менгу-Тимур, при котором действительно все это происходило, — а было следствием неприятных для них обстоятельств, а именно принуждения Менгу-Темиром Масъуда к кровосмесному браку с своей мачехой.

Можно бы было усомниться в справедливости этого последнего мотива, если бы он не подтверждался другими историческими свидетельствами. Вот что читаем у Рукн-эд-Дина Бейбарса. «Он (Изз-эд-Дин Кейкаус) оставался у них (татар) до тех пор, пока не приключилась смерть его в этом году (677 = 25 мая 1278—13 мая 1279 года). Когда он умер, то Менгу-Темир старался женить сына его, султана Масъуда, на жене отца его, Урбай-хатуни, но Масъуд отверг это неслыханное предложе-

ние, возмущаясь его безобразием, безнравственностью и уклонением от пути законности, и ему не было другого спасения от нее, как бегство от нее. Он (действительно) и бежал оттуда в сопровождении двух сыновей своих, из которых одного звали Меликом, а другого Кара-Мюрадом»¹⁰⁹.

Такой противонравственный поступок Менгу-Темира, возмущивший даже приудность (показную добродетель. — *Примеч. ред.*) мусульманского историка, оказывается, вовсе не был исключительным явлением у татарских ханов. Про Узбек-хана узнаем, что он женился на Баялунь-хатун, жене отца своего¹¹⁰. По этому поводу арабские историки прибавляют, что будто бы находившийся при Узбеке один ученый дал ему фетву в том смысле, что так как отец Узбека был неверный (по Ибн-Хальдуну — огнепоклонник), то брак его с этой женщиной был преступный¹¹¹.

Такое кровосмешение практиковалось в Золотой Орде не из простой безнравственной прихоти, а из политических расчетов: Баялунь-хатун в ссоре с своим пасынком-мужем бранила его и упрекала за то, что она добыла ему царство, давала ему деньги, коней, одежды для тех, кто требовал всего этого, и таким образом улаживала дела его, а он, неблагодарный, отставил ее брата Бай-Демира от управления городом Ургенджем и Хорезмской областью¹¹². Причина раздора между супругами могла быть и другая, ибо Баялунь-хатун, по свидетельству Ибн-Батуты, была дочерью византийского императора¹¹³; но самый факт раздора и характер упреков Баялунь-хатун указывает на важное значение брачных союзов, какое придавалось вообще тогдашними владетельными домами в международной политике, не исключая и ханов золотоордынских; особенно если принять во внимание то нешуточное влияние, какое оказывали в делах управления Орды высокопоставленные дамы, судя по многочисленным фактам этого влияния, которые приводятся у историков¹¹⁴. Посредством родственных связей поддерживались у золотоордынских ханов дружелюбные отношения даже с такими отдаленными странами, как Египет¹¹⁵. Эльмелик Эзахыр, египетский султан, восставляя омусульманившегося Беркэ-хана против Гулагу, в числе главных мотивов необходимости воевать против него выставляет тот, что Гулагу ради своей жены христианки будто бы установил у себя религию креста и предпочел религии, исповедуемой Беркэ-ханом, веру жены своей¹¹⁶. Другой египетский султан, Эльмелик Эннасыр, свата одну из княжен

Чингисханова рода, по имени Тулун-бия, прямо выразился послу Узбек-хана, Баян-Джару, насчет цели своего сватовства: «Мы не желаем красоты, а хотим только знатности происхождения и близкого родства с братом моим (т.е. Узбеком), да будем мы и он единым существом»¹¹⁷.

Ханы Золотой Орды подобными же политическими браками хотели, кажется, упрочить свое влияние и в Малой Азии, в особенности ввиду того соперничества и раздоров, какие происходили в их собственном роде. Беркэ-хан, мы видели, тоже был женат на дочери Ала-эд-Дина, султана иконийского¹¹⁸. На этом основании можно полагать, что намерение Менгу-Темира женить Гыяс-эд-Дина-Масъуда, сына Изз-эд-Дина, на вдове последнего, также проистекало из стремления его прочнее связать интересы малоазийских владетельных выходцев с своими собственными и обуславливалось наследственной враждой с домом Гулагу, которая продолжалась и по смерти Беркэ-хана. По тем же побуждениям, вероятно, и Абака-хан принял такое участие в искавшем его покровительства Масъуде, когда он бежал от Менгу-Темира. После того, однако же, не прекратились дальнейшие отношения между Крымом и Малой Азией. Мы далее читаем у Дженнаби, что в 681 = 1282 году татарский царь Аргун-бен-Абака умертвил румского султана Гыяс-эд-Дина-Кейхосров-бен-Кылыдж-Арслан-бен-Кейхосров-бен-Кейкобада (т.е. сына Рукн-эд-Дина, двоюродного брата Масъудова) за то, что он питал склонность к стороне владетеля Крыма, ибо между Аргуном и владетелем Крыма была сильнейшая вражда, и звание султана румского перешло к Гыяс-эд-Дин-Масъуд-бен-Изз-эд-Дин-Кейкаус-бен-Кейхосров-бен-Кейкобаду¹¹⁹. Тут не ясно только одно — почему прежний приверженец гулагидского дома Гыяс-эд-Дин, сын Рукн-эд-Дина, вдруг стал склоняться на сторону Крымского владетеля: разве, может быть, за безвинное умерщвление отца своего, оклеветанного в мятежнических замыслах¹²⁰.

Поэтому известие в безымянной биографии Гулагу, что в числе подарков, посланных из Египта к Менгу-Темиру, была также часть и для султана Гыяс-эд-Дина, сына султана Изз-эд-Дина, причем посольство не застало в живых Менгу-Темира¹²¹, надобно считать анахронизмом со стороны автора биографии, или же допустить, что в Египте не знали еще о побеге Масъуда из Крыма, когда отправляли на его долю подарки с посольством к Менгу-Темиру¹²².

Но если такова была судьба Изз-эд-Дина и его сыновей, то куда же девалась та большая толпа его малоазиатских соотечественников, которая эмигрировала за ним из Добруджи?

Ближе всего, конечно, предполагать, что эти пришельцы осели в тех местностях, которые пожалованы были в удел Изз-эд-Дину. А таким уделом был, по общему голосу историков, Судак. Значит, возможно, что и сельджукская орда потянулась туда же, в морскому побережью, как думает и г. Брун¹²³. Но всё, что мы имеем из следов тогдашнего водворения сельджуков в Крыму — это некоторые предания о Сары-Салтыке и упоминание о городе его имени. Арабский путешественник говорит про город Судак, что «его населяют турки и, под их покровительством, несколько византийцев»¹²⁴. Сопутствуя Баялунь-хатун, ехавшей в Константинополь на свидание с отцом, Ибн-Батута из Судака прибыл к городу, известному под именем Баба Салтук. «Баба, — пишет он, — имеет у них такое же значение, как у Берберов (т.е. отец); они только резче произносят (букву) *б*. *Салтук* — (пишется) через *сал*, *ту* и *к* — был, говорят, прорицатель, но про него рассказывают (такие) вещи, которые закон запрещает»¹²⁵.

Вероятно, Ибн-Батута понимает легенды об умерщвлении Сары-Салтыком какого-то дракона в Добрудже и спасении от смерти царских дочерей; о состязании его с христианским монахом посредством ордалии (Божьего суда. — *Примеч. ред.*) в виде кипящего котла и о почитании мощей его в семи различных местностях, и между прочим в Московии под именем св. Николы, — легенды, которые подробно рассказаны в записках турецкого путешественника XVII в. Эвлия-челеби и сокращенно повторены у г. Бруна¹²⁶. Но беда в том, что эти легенды слышаны путешественником от дервишей ордена бекташи в монастыре, находящемся на мысе Кильгре близ Варны и относятся к развалинам замка Кильгры. Из семи могил, в которых оказались мощи Сары-Салтыка, три находятся, по словам того же Эвлия-челеби, во владениях Оттоманских; одна из них в Бабадаге под именем «Баба-Султан», другая в Баба-Эскиси под именем «Сары-Салтык Султан», а третья под именем «Кильгра Султан»¹²⁷. На этом основании город Баба Салтук, упоминаемый Ибн-Батутой, г. Гаммер предполагает также в Добрудже, в одном из вышеозначенных мест нахождения мнимых могил сельджукского святого¹²⁸, с

чем, однако же, г. Брун не согласен¹²⁹. Уже многочисленность географических пунктов, к которым легенда приурочивает могилу Сары-Салтыка, делает подозрительно достоверность взаимной исторической связи их, тем более, что слово *баба* «отец» не есть собственное имя, а эпитет, который обыкновенно прилагается к именам очень многих мусульманских святых, или *азизов*: Коюн-баба, Кемаль-баба, Гюль-баба, и др. Но и г. Брун, оспаривающий конъектуру (предположение, догадку. — *Примеч. ред.*) Гаммера, даже приблизительно не указывает местности, где бы мог находиться загадочный город. Ничего нет удивительного в том, что тюркская эмиграция из Малой Азии под предводительством Сары Салтыка могла наделать много шума в Добрудже и оставить память о себе в легендах, связанных с именем предводителя и приуроченных в позднейшее время к вышеозначенным пунктам.

Что более всего связывает личность Сары-Салтыка с Крымом — это одно обстоятельство, которое, вероятно, и шокировало благочестивое чувство арабского путешественника Ибн-Батуты, заметившего, что про Салтыка рассказывают такие вещи, *которые возбраняются законом*. Эвлия-эфенди, перечисляя разные профессиональные корпорации, говорит под № 729 о делателях и продавцах бузы (буза — пиво или брага. — *Примеч. ред.*) которые считают своим патроном также Сары-Салтыка. Находя изобретение такого напитка, как буза, несовместным со святостью личности Сары-Салтыка, Эвлия рассказывает известную и повторенную им после еще раз легенду о нем; настоящим же изобретателем бузы он называет какого-то татарина Салсала, который был убит стрелой в Аккермане Малек-Уштуром; этот последний, огорченный смертью Салсала, умер в Крыму в Эски-Юрте и погребен в Ени-Салачике¹³⁰. В другом месте Эвлия-челеби называет Мелек-Уштура патроном чаушей и сообщает весьма любопытную заметку насчет его могилы. «Когда я, бедный Эвлия, — читаем мы, — в 1076 = 1665 году был в службе Мухаммед-Герая, хана Крымского, то он задумал выстроить монумент в Эски-Юрте, где могилы всех Крымских ханов. Во время копания земли для фундамента была найдена мраморная квадратная доска с надписью на джагатайском языке¹³¹, указывавшей, что это была могила Малек-Уштура, сподвижника пророка, убитого стрелой Салсала в 300 году¹³². Согласно вычислению ученых улемов прошло 770 лет со

смерти его. Мухаммед-Герай, найдя эту могилу, оставил мысль устроить усыпальницу для себя, а воздвиг купол над ней с надписью длинными буквами и основал монастырь с тюрбэ-дарем, или блюстителем монумента при нем»¹³³.

Кроме того, Эвлия-челеби еще раз вспоминает о Сары-Салтыке по поводу сна, виденного им в бытность его в Ангоре, когда ему явился этот святой и сказал, что он покоится в этом же городе под именем Эр-Султана¹³⁴.

Сколь ни смутны все вышеприведенные предания о личности Сары-Салтыка, смешиваемой с другими, в роде Малек-Уштура, но из сопоставления их с историческими данными все же можно вывести то заключение, что личность эта, представляя смесь исторических черт с мифическими, по месту происхождения и, действительных или мнимых, подвигов своих является как бы олицетворением той исконной связи тюрков Малой Азии с крымскими, которая всего более оставила памяти о большой эмиграции малоазийских сельджуков в Крым в конце XIII века. Другого объяснения пока нельзя дать этим преданиям.

Но кроме таких легендарных преданий есть и другие, более положительные, указания на то, что Крымское южное побережье давно было занято поселенцами тюркского племени, но только не собственно так называемыми татарами, которые предпочитали гнездиться в глубине полуострова, оставляя побережье в пользу родственных пришельцев и христианских поселенцев. Так оно было, по крайней мере, с главными прибрежными пунктами, с Судаком и Кафой.

Простерши однажды свою завоевательную руку к приморским окраинам, татары и по удалении своем не упускали их из вида, а время от времени напоминали о своей власти в этих окраинах, без церемонии распоряжаясь в них и не обращая внимания на не прекращавшиеся владетельные притязания византийских императоров на Крымское «Заморье»¹³⁵.

Произведя первый погром Судака в 1223 году, татары не замедлили повторить его в 1239 году. На этот раз южнобережцы только десять лет спустя праздновали свое освобождение от иноверного ига¹³⁶. Это освобождение надо понимать, кажется, в смысле лишь удаления массы нахлынувших татар, а не окончательного превращения всяких властных отношений завоевателей в приморской окраине Крыма, о чем они и не

помышляли вовсе. После этого нашествия татары еще не один раз производили свои опустошительные вторжения, и притом, как кажется, не то чтобы каждый раз для водворения вновь своего господства, а с целью поддержания своего прежнего престижа, который пытались было игнорировать местные правители.

В конце XIII в. в царствование хана Тула-Буги выдвинулся эмир Ногай, благодаря жене Менгу-Темира Джиджек-хатуни, которую он потом, в разгаре самоуправства, велел задушить в угоду своим сторонникам эмирам¹³⁷. Этот полководец настолько был влиятелен, что даже византийский император заискивал его расположения посредством женитьбы его на своей побочной дочери Эвфросинии¹³⁸. Уйдя хана Тула-Бугу и разбив в сражении его преемника хана Токту, Ногай овладел его областями в 698 = 1298—1299 году и послал внука своего Актаджи в земли крымские собрать подати, наложенные на жителей его. Тот пришел в Кафу, в город, принадлежавший генуэзским франкам, и потребовал от ее жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино. Когда же он охмелел от напитка, они напали на него и убили. По получении известия об умерщвлении его Ногай отправил в Крым большое войско. Оно ограбило Кафу и сожгло ее; перебило множество крымцев и взяло в плен находившихся там купцов мусульманских, алланских и франкских¹³⁹. Та же участь постигла и Судак. Ногай, прежде чем подверг город разгрому, приказал выйти из него приверженцам своим, которые составляли целую треть всего населения; а затем остальных ограбил и предал истреблению. Причиной этого погрома было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя, так названными у арабского историка, татарскими царями, один из коих был Токтай, и те, которые были соправителями его, обижали наместников его при дележе приходившихся на его долю доходов¹⁴⁰. Арабский историк, описывающий этот погром Судака со слов купцов, очевидцев происшествия, смешивает тут Ногаю с Тохтой¹⁴¹. Это смешение легко могло произойти вследствие того, что хотя разгром был произведен Ногаем, но не от своего лица, а во имя Тохтай-хана, до столкновения между ними самими, о котором тот же историк рассказывает дальше; тем более что в приписки к приведенному рассказу об одновременном разгроме Кафы сказано, что Тохтай подарил Крым Ногаю¹⁴², а он и отправился

туда осуществлять свои владетельные права посредством сбора дани с таких богатых местностей, как Кафа и Судак.

В скором времени, а именно в 707 = 1307—1308 г., Кафа потерпела новое бедствие от войск Тохты-хана, присланных туда для наказания генуэзских франков за продажу ими татарских детей в неволю и за разные другие вещи¹⁴³. На этот раз расправа с франками была повсеместная во владениях ханских — в Крыму, Кафе и в Северных областях, как говорят историки. Из Кафы франки спасались бегством на кораблях. Относительно Судака арабский историк Эльмуфаддаль замечает только, что он в эту пору входил в черту владений Тохты-хана¹⁴⁴.

Если Ногай, или Тохта, подступив с своим полчищем в 1299 году к Судаку, нашел в нем приверженцев, то естественнее всего такими должны были оказаться их соплеменники, и притом мусульмане по вере, а не христиане других рас: последним мудрено было торжествовать освобождение от иноверного ига и в то же время являться сторонниками тех, кто налагал это самое иго. Если же таких сторонников оказалась целая треть населения города, то едва ли это количество могло составиться из татар, случайно в разное время отставших от приходивших туда прежде татарских полчищ. Это скорее и были те именно турки, которые водворены были в той местности Менгу-Темир, когда они явились в нему искать себе нового отечества вслед за Изз-эд-Дином и Баба-Салтыком, и хотя еще не успели слиться с тамошними христианскими жителями, но не были вполне солидарны и с татарами, приходившими туда в качестве врагов и поработителей. Конечно, в числе сочувственников татарам могли быть также отчасти и кипчаки, или половцы, которые еще ранее добровольно водворились в Судак, или загнаны были туда первым татарским нашествием. Арабский историк Эломари обращает внимание на ассимилирующую силу кипчакской породы и говорит, что татары, смешавшись с кипчаками, сами стали точно кипчаки, как будто они одного с ними племени, а затем присовокупляет следующее соображение: «Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе»¹⁴⁵. Но что арабский историк-философ констатирует касательно кипчаков по отношению их к татарам, то не совсем применимо к тем из них, которые поселились в Судак: совместное жительство с христианским европейским населением

этого города в непродолжительный срок самих их преобразило, подчинив культурному влиянию этого населения. Наглядным доказательством такого подчинения служит тот факт, что в известных синодиковых приписках к греческому Синаксарю¹⁴⁶ мы находим в числе упомянутых там разных покойников очень много имен тюркских и притом с такими эпитетами, которые указывают на то, что они были не простые миряне, а принадлежали даже к церковному клиру, каковы, например, иеромонах Султан¹⁴⁷, монах Алачи¹⁴⁸, попадья Сююнчук, жена попа Антипы эконома¹⁴⁹; или же к местной знати, как, например, Алачук, дочь севаста¹⁵⁰, Барак, дочь севаста Пула и жена Аба¹⁵¹, Токтемир, сын севаста Стефана¹⁵². Что это не были исключительные личности, обратившиеся в христианство, это явствует из родословий, означаемых при весьма многих покойниках, как например: «Сатирик, сын Чипаки и внук Секке по отцу, по матери же внук Топчи»¹⁵³, или: «Чимен, сын Ямгурчи, родственник Оракчи»¹⁵⁴. Немало встречается и предков с тюркскими именами, тогда как их дети являются с именами христианскими, как например: Антоний, сын Кылыджа¹⁵⁵, Петр, сын Кутлубея¹⁵⁶, Фотий, сын Гази¹⁵⁷, Анастасий, сын Сункура¹⁵⁸, Пантелеймон, внук Яхьи¹⁵⁹ и др. Замечательнее то, что тюркские имена носят еще лица второго поколения, хотя предки их называются уже именами христианскими, как например: Токтемир, сын Стефана¹⁶⁰, Меликэ, дочь попа Антония¹⁶¹, Совкур, сын Мавария¹⁶², Икугач, дочь Димитрия Чогака¹⁶³ и т.п. Такие же обозначения, находимые в Синаксаре, как «Иоанн *татарин*, христианин»¹⁶⁴, или «Параскева, *татарка*, христианка»¹⁶⁵, прямо показывают, что эти субъекты принадлежали к национальности проявившихся тогда собственно татар, тогда как прочие лица с тюркскими именами настолько стали своими прочему христианскому населению Судака, что многие из них сами были глубокими христианами: носили духовный сан и пользовались почетом у обывателей, так что автор приписок в Синаксарю не скандализировался их бусурманскими именами, всех одинаково чувствуя эпитетом «раб Божий»¹⁶⁶. Мало того: в одной заметке читаем: «...ай, Салих и Сункур... и прочие все убиты татарами»¹⁶⁷. Издатель этих заметок, почтенный отец архимандрит Антоний напрасно оговаривается, что будто тут «чтение собственных имен подлежит сомнению»: напротив, в этих именах менее чем в каких других сомнительного. Имена этих жертв татарского насилия, как Сункур и то стертное, которое оканчивалось на

ай (в роде Тудай, Турунтай), чисто тюркские; имя же «Салих» мусульманское, и люди, носившие эти имена, отличаются тут от татар, которым они не были своими, ибо убиты ими зауряд с прочими их противниками в 1278 году.

Нашествие Ногая не было последним бедствием для Судака: татары и потом не переставали самым чувствительным образом напоминать южно-крымскому побережью о своем могуществе и правах власти над этими местностями. В царствование Узбек-хана (1313—1341) Судак опять пострадал от нашествия татарских полчищ под начальством двух предводителей, Толак-Темира и Кара-Булата, в августе 1322 года¹⁶⁸. Последний носит в приписке Синаксаря, сообщающей известие об этом погроме, греческий титул αλοκρησῖάρχης, который г. Брун передает словом «легат»¹⁶⁹. Толак-Темир же и после продолжал быть бичом обитателей Судака. В 1327 году имя этого мириарха, т.е. десяти тысячника, упоминается в Синаксаре вместе с неким Агадж-башли-беком, который разорил судакскую крепость и тамошние церкви¹⁷⁰. Смысл не вполне сохранившейся приписки № 103 таков, что «древоголовый (перевод татарского имени) сквернавец» был только исполнителем воли Толак-Темира, на главноначальствование которого намекает слово в приписке¹⁷¹. Еще раз чем-то недобрым поминается Толак-Темир под 1338 годом¹⁷². Факт этих бедствий Судака подтверждается и арабским путешественником Ибн-Батутой, посетившим в эту самую пору Крым¹⁷³, и мириарх Толак-Темир, без сомнения, тот же самый эмир, который назван у Ибн-Батуты Тулу-Тимуром, и о котором он неоднократно вспоминает по поводу внимания и любезностей, оказанных ему этим областным начальником и наместником Узбек-хана¹⁷⁴.

Мы уже сказали, что нашествия татар на Кафу и Судак не имели вида случайных набегов, а делались ими с целью поддержания своего престижа, который они считали, надо полагать, неоспоримым, и всякий раз являлись туда напоминать об этом престиже по каким-нибудь специальным поводам, вроде того, который вызвал на опустошительную расправу с Судакком Ногай¹⁷⁵. Правда, что ловкие европейские негоцианты не упускали благоприятных моментов для собственного усиления насчет татарского господства в Крыму и, пользуясь внутренними несогласиями в Золотой Орде, посредством договоров с татарскими временщиками, гарантировали себе

свободу действий на правах хозяев до первого случая, когда какой-нибудь новый временщик, игнорируя и не считая для себя обязательными договоры неверных с его предшественниками, без церемонии чинил опустошения в тех местностях, на которые они изъявляли претензии как на свои владения. Такие шаткие с юридическо-международной точки зрения отношения южно-бережских европейских поселенцев к материковым татарским властям до известной степени выяснены исследованиями В.Н. Юргевича и Ф.К. Бруна, на основании имевшихся в их распоряжении европейских источников¹⁷⁶. Эти отношения продолжались в раз установившемся виде с незначительными изменениями вплоть до вторжения в Крым турков-османлы, которые завели там свои уже порядки. Нам остается, не входя в подробности, лишь резюмировать главные признаки этих отношений, которые сводятся к следующему. Как торговый народ, генуэзцы больше всего отделялись, конечно, от татарской назойливости деньгами, платя татарам разные ввозные и вывозные пошлины, для сбора которых в их главных колониях, как Кафа и Судак, сидели татарские чиновники. Не будучи истинными рыцарями, коммерческие колонисты не особенно дорожили своей политической честью, а потому беспрепятственно допускали пребывание в их городах татарских приставов, которые на правах экстерриториальных ведали делами проживавших в этих городах и их окрестностях ханских подданных. Такого права тщетно, например, добивался в свое время султан Баязид I от византийского императора Иоанна Палеолога I¹⁷⁷. Мало того: генуэзцы покорно приняли ханскую тамгу (особый знак, клеймо, тавро. — *Примеч. пер.*) в качестве герба своего главного города Кафы, изображая ее как в надписях городских сооружений, так и на монетах своих¹⁷⁸.

Но, спрашивается, кто же был в Крыму носителем татарской власти; с кем южно-бережские европейские колонисты входили в непосредственное соприкосновение; в ком сосредоточивалась верховная власть, во имя которой уполномоченные ею люди предъявляли те или другие требования или, напротив, делали такие или сякие уступки поселенцам, и где эта власть имела свое пребывание?

В наиболее отдаленную эпоху южно-бережцы имели дело с татарскими приставниками, имевшими известные полномочия прямо от ханов Золотой Орды, считавшихся владыками Крымского полуострова. Подобный при-

ставник в царствование Беркэ-хана находился в Судак. Арабские историки дают ему титул правителя, губернатора¹⁷⁹, а по имени называют его *Табук*, или *Таюк*¹⁸⁰. Он встретил там и проводил до Крыма послов египетского султана Бейбарса, ехавших к Беркэ с политическо-миссионерскими поручениями в 1263 году. Имел ли этот правитель постоянное свое пребывание в Судак, нельзя сказать на основании вышеприведенных свидетельств арабских историков, которые как-то двусмысленно говорят, что в Судак послов встретил правитель этого края в местечке Крым¹⁸¹. Но факт встречи послов на самом берегу указывает на то, что татарский воевода считал себя хозяином территории, на которую вступало египетское посольство, высадившееся в Судак, хотя резиденцией его мог быть город Крым, отстоявший всего на один день пути от морского берега¹⁸².

Роль этого ханского чиновника была, можно полагать, та самая, какую позднее, во время вторжения османов в Крым, играл Эминек-бей, сидевший в Кафе и принимавший деятельное участие в утверждении ханской власти в Крыму за родом Гераев. Европейские письменные памятники позднейшего времени, впрочем, титулуют этого ханского уполномоченного *lo Titano* и *Titanus seu Vicarius Canlucorum*: так, по крайней мере, он назван в договоре 1380 года кафинского консула с татарами¹⁸³ и в уставе Генуэзских колоний в Газарии 1449 года¹⁸⁴. Г. Брун пробовал производить это слово от готского *thiudans* = *rex, dominator*, но потом отказался от этого толкования в пользу другого, которое и считается теперь общепринятым¹⁸⁵. Это последнее основывается на производстве слова *Titanus* от одного корня с турецким глаголом «держать», в смысле «наместник»¹⁸⁶. В объяснение значения слова *Titanus*, его считают видоизменением другого подобного, встречающегося у латинских анналистов и византийских писателей. Первые упоминают об аварских наместниках в конце VIII и начале IX века под именем *Tudun* или *Thodanus*, или даже *Tuttundo*¹⁸⁷. Византийцы говорят о важном сановнике у хазар, которого они именуют то *Τουδουνος*, то *Τουνδουνος*, переводя его греческим словом, согласно с тем, как латинские анналисты толкуют значение аварского *Tudun* — *regulus quidam*. Почтенный академик А.А. Куник, обративший внимание на хазарского «тудуна» и собравший вышеприведенные справки об этом загадочном лице¹⁸⁸, из двух этимологических производств слова *тудун* — непосредственно от тюркского языка или от

чувашикого, по-видимому, склонен отдать преимущество последнему. В чувашском есть глагол *тыт* = *tene*, прошедшее причастие которого *тыдаган* имеет сокращенный вид *тыдан* — «державший, державец, *le teneur*, то же что *occupator*, *l'occupant*». Г. Золотницкий самым решительным образом утверждает, что «этот же *тыдан* встречается в древних хазарских грамотах (?) в отношении каанов в смысле: владетель, самодержец»¹⁸⁹. Вот эта-то форма и принимается за первообраз вышеприведенного имени аварского вельможи *Tudun* и хазарского¹⁹⁰, и в ее-то пользу г. Брун отступился от своего прежнего толкования.

Но если трудно возразить что-либо против отождествления имени *Titanus* с аварско-хазарским тудуном, то нельзя того же самого сказать относительно этимологических объяснений этого термина, которые принимаются учеными, по-видимому, за совершенно удовлетворительный. Невольно при этом возникают следующие сомнения.

Если слово *тудун* ближе стоит к чувашскому *тыдан*, то, чтобы получить искомый исторический вывод относительно тождества с ними генуэзского *lo Titano* или *Titanus*, необходимо доказать, что чувашское племя когда-то играло какую-то политическую роль и дало между прочим бытие спорному термину; или по крайней мере доказать, что язык хазар, имевших тудунов, всего сроднее был с нынешним чувашским. Еще слабее доводы в пользу этимологического сродства слова *lo Titano* или *Titanus* с словом *тудун* чрез посредство тюркского глагола «держать».

Но помимо, действительно ли существовавших или мнимых, *тудунов*, иначе — титанов в Крыму, были и несомненные представители татарского владычества в том крае, только известные в истории уже под другими наименованиями, которые своей там правительственной деятельностью постепенно подготовили почву для возникновения там самостоятельного, независимого от Золотой Орды, государственного центра и создали на полуострове порядок вещей, какой царил там в пору образования ханства под властью династии Гераев. Дальше мы постараемся установить последовательную преемственность представителей татарской власти в Крыму, по крайней мере тех из них, о которых сохранились какие-либо сведения в исторических памятниках.

Самым ранним формально признанным властителем в Крыму обыкновенно считается Оран-Тимур, сын Токай-Тимура, младшего брата Бату,

получивший эту область в удел от Менгу-Темира¹⁹¹. Абуль-Гази, от которого идет это известие, ничего больше не сообщает относительно судьбы этого подручника Менгу-Темирова, ибо в родословной крымских владельцев он ставит потом Уз-Тимура — которого так же, как Оран-Тимура, называет сыном Токай-Тимура¹⁹². Насколько достоверными можно считать эти сведения Абуль-Гази, об этом можно всего лучше судить по следующему его собственному признанию, которое он делает в заключение вышеприведенной родословной: «Ныне за дальностью местности не знаем наверное, потомки которого из сыновей Хаджи-Герая царствуют в Крыму»¹⁹³. Бели Абуль-Гази не знал общеизвестного в его время факта владычества в Крыму потомков Менглы-Герая, вследствие дальности расстояния их владений от места жительства историка, то отдаленность времени едва ли могла быть меньшей ему помехой для точного знания преемственной последовательности прежних властителей Крыма.

Но сколь широки были полномочия Оран-Тимура, и в чем проявлял он их, ничего мы об этом не знаем. Держалось одно время мнение, что при нем и с его согласия впервые основано было поселение генуэзцев в Кафе в 1266 году¹⁹⁴, да и то теперь оно отвергнуто изысканиями Гейда, доказавшего, что означенные поселения возникли раньше того времени¹⁹⁵. Других же следов властвования Оран-Тимура в Крыму не имеется. По прибытии в Крым малоазийских турков-эмигрантов в 1269 году, главе их, бывшему султану иконийскому Изз-эд-Дину, мы видели, был пожалован во владение, между прочим, и Солхат¹⁹⁶, главное средоточие татарской власти в Крыму, но ни о каком другом там правителе, с которым бы Изз-эд-Дину пришлось совместничать во власти, в наших источниках ничего не говорится. Разве только косвенно можно предполагать о таком совместничестве, именно на основании того, что Изз-эд-Дин был недоволен своим положением в новом отечестве, так что даже своим детям завещал возвратиться в старую отчизну¹⁹⁷. По свидетельству арабских историков, Изз-эд-Дин, как мы видели, оставался у татар до самой своей смерти¹⁹⁸. Другие писатели говорят, что он провел остальную жизнь у Менгу-Темира¹⁹⁹ и умер в городе Сарае²⁰⁰. Последнее едва ли можно понимать в смысле известной столицы Золотоордынских ханов: к чему было Изз-эд-Дину забираться в такую неизвестную ему даль, если ему дано было удельное владение в Крыму, который всего более мог напоминать ему его родину,

Малую Азию, а особенно если он уже и без того был разочарован своим положением на чужбине? Сомнительно также и то, чтобы арабские историки, говоря о Сарае, разумели тут под ним Бакчэ-Сарай, ибо они всегда понимают его как резиденцию ханов Золотой Орды, вне Крыма находящуюся²⁰¹; о Бакчэ-Сарае же, столице Крымского ханства позднейшего времени, у них в такую раннюю пору еще и помину нет. Но вопрос о географической номенклатуре в отношении к Таврическому полуострову есть один из самых трудных. Самый полуостров не всегда назывался Крымом. Мало того: это же самое имя не искони принадлежало и тому городу, который именовался еще и Солхатом.

По этому вопросу, неизбежному для всех занимающихся историей Крымского ханства, мы также не можем дать с своей стороны категорических разъяснений, ибо и в источниках мусульманских нет таких данных, которые бы слишком превосходили своей ясностью все другие, сюда относящиеся памятники. По историческим обстоятельствам турки османские ближе всех имели соприкосновение с Крымом, именно в ту пору, когда, вероятно, были еще свежи в народной памяти местные предания, которые могли бы служить к разъяснению занимающих нас вопросов; но их историческо-географические сведения об этом крае не уступают другим в недостатке полноты и точности. Тем не менее считаем не лишним дать отчет о них. Если уже позднейшие турецкие историки географы имели не вполне определенное представление о территориальном объеме Крымского ханства, составлявшего в их время вассальную область Оттоманской империи, то не удивительно, что их соотечественники прежнего времени и подавно еще меньше знали об этом, несмотря на то, что близкая родня их, сельджуки, входили в непосредственные сношения с этой страной и владычествовавшими в ней татарами. Такое же неведение турецкие историки не усумнились приписать даже и султану Мухаммеду II Фатиху, который впервые формально простер оттоманское господство на Крымский полуостров. А между тем Мухаммед известен как человек ученый, применявший научные знания, какие в его время могли быть ему доступны, к военному делу: про него рассказывают, что до завоевания Константинополя он проводил дни и ночи за картами и чертежами, составляя план осады города. Но и про него у турецких историков находим следующий анекдот. В числе ученых мужей, стекавшихся со всего мусульманского мира под покрови-

тельство могущественных владык Османской династии, в царствование султана Мюрада II (1421—1451) прибыл в Рум, а при султани Мухаммеде Фатихе в новую его столицу Стамбул, и крымский ученый Сейид-Ахмед-ибн-Абду-л-Ла Алькырыми, иногда просто называемый Монла Кырыми. Султан очень любил беседовать с этим монлой (муллоу. — *Примеч. ред.*), и вот однажды, отправляясь из Стамбула в Адрианополь, он взял его с собой. Дорогой султан спрашивает монлу: «Что это за страна Крым?» Тот отвечал, что некогда это была весьма населенная местность, так что в самом Крыму находилось до 600 ученых, способных решать судебные дела, и до 300 знаменитостей, прославившихся своими сочинениями и достопамятными делами, а теперь, мол, эта область пришла в расстройство и упадок. Когда любопытный султан, приютивший крымских мулл, эмигрировавших из своего отечества от тяжкого житья в нем, спросил своего собеседника о причине такого расстройства его родины, то монла Ахмед Кырыми отвечал, что в последнее время делами там заправлял один негодяй-везирь, не уважавший и презиравший ученых и притеснявший их. Ученые же суть сердце государства, а страдания сердца непременно тяжело отзываются и на всех членах целого организма. Тогда султан Мухаммед передал речь монлы одному из лучших своих везирей, Махмуд-паше, с заключением, что расстройство и упадок государств происходит от неправильных действий везирей. На это сообразительный паша возразил, что во всяком случае виноват падишах — зачем он делает недостойных людей везирями и назначает на такой высокий пост негодяев. Султан Мухаммед согласился с Махмуд-пашой и одобрил его мнение²⁰².

Вышеприведенная беседа Мухаммеда II с крымским выходцем могла происходить до предпринятия жадным до завоеваний султаном морской экспедиции в Крым. В ответе монлы на расспросы султана есть намек и на те смутные обстоятельства на полуострове, которые предшествовали вторжению туда турков и даже были причиной, вызвавшей это вторжение, как это мы увидим далее.

Но потом, когда пришлось от праздных разговоров перейти к действию, умный султан, вероятно, собрал все потребные ему сведения о дотоле неведомой ему области, хотя история об этом умалчивает. Но сами после него жившие и писавшие турецкие историки не особенно далеко ушли в географическом и этнографическом знакомстве с Крымским полуостро-

вом и рассказывают вышеприведенный анекдот о знаменитом султанине только как бы в оправдание скудости своих собственных по этой части познаний, довольствуясь повторением того, что они находили у прежних арабских историков и путешественников, у которых тоже немало темного и неудоборазъяснимого в описаниях чуждых им стран и народов.

Несомненно только то, что местность, на которую в свое время простиралась власть Крымских ханов, носит в турецких письменных памятниках двоякое наименование: одно, более раннее, — Дешти-Кыпчак, другое, позднейшее, — Крым. При отсутствии критической разборчивости у турецких писателей в этом отношении произошло то, что, например, еще первые Чингизиды у них величаются не только *Татарскими ханами*, но и *ханами Крымскими*: так, по крайней мере Сейид Лукман и Дженнаби титулуют Беркэ-хана «Крымский хан», «владелец Крыма», хотя такой ограничительный титул, конечно, не к лицу был владыкам громадных территорий, да едва ли в их времена еще и распространялось название *Крыма* на весь Крымский полуостров.

С другой стороны, когда исчезло с лица земли и изгладилось из памяти народов некогда страшное имя могущественных наследников Чингиз-хана, господствовавших в Дешти-Кыпчаке, так что единственными видными потомками их остались ханы Крымские, на владения этих последних перенесено было чересчур широкое старинное наименование — Дешти-Кыпчак. Поэтому у всех историков, повествующих о судьбах Крымского ханства, мы находим стереотипное географическое очертание территории этого ханства в таких пределах, каких оно никогда в действительности не имело, и которые приличествовали владениям их прадедов, ближайших наследников империи Чингиз-хана. И Дженнаби, и Аали-эфенди, и Мюнедджим-баши, и Гезар-Фенн, и др. — все почти сходятся в этом очертании, с весьма незначительными разногласиями, ибо все, очевидно, черпали свои сведения из одних и тех же прежних мусульманских писателей, арабских и персидских. Для образца приведем описание, которое находится у Аали-эфенди, во многих иных отношениях авторитетного и ценного писателя, одного из первых османских полигисторов (эрудитов. — *Примеч. ред.*), огромная начитанность которого свидетельствуется им самим в длинном списке 130 сочинений, которыми он пользовался при составлении своего исторического труда²⁰³. Прежде

всего у него есть особая географическая статья под заглавием «Глава о седьмом климате», в которой много упоминается имен, относящихся к Крыму. В этой статье мы читаем следующее: «Протяжение этого пояса, по словам прежних (писателей), 2651 фарсах; расстояние между полюсными пределами 399 фарсахов; ширина же 73 фарсаха. Из замечательных городов его суть следующие: *Азак*, городок с купеческой пристанью; *Акчэ-Керман*, в наше время известный под именем *Ак-Кермана*; населенный городок между булгарами и турками. *Унэк*, город между *Сараем* и *Каларом* (?), на берегу реки Итиля. *Британия* — остров в Океанском море. Западную область его составляет *Булгар*, населенный город на берегу реки Итиля. Там-то бывают самые длинные и самые короткие дни и ночи. *Русь*, многолюдная страна распутных гяуров к северу от Булгара. *Санть-Яго* — городок на границе *Андалусии*. *Сары-Керман* есть город между Булгаром и *Тереком*. *Сарай*, столица владений татарских — есть большой город, лежащий на западе *Хазарского моря*, на берегу реки Итиля. *Сакчи* — городок между областью *Афлакской* и *Константинополем*, при устье реки Дуная. *Солгать* — город из числа городов Крымских. *Судак* тоже из городов Крымских на окраине горы. *Трнва* — город в области *Афлакской*, к западу от *Сакчи*. *Кырк-Эрь* крепость на севере от *Сары-Кермана*, из городов Ассских, находящаяся на чрезвычайно высокой горе. *Керчь* городок между *Кэфою* и *Азаком*. *Кэфа* — прекрасный город и гавань на берегу *Крымского моря*, насупротив города Тарабузана. *Кэймак* — тюркское племя, местопребывание которого в области *Терека* находится — *Маштка* (Москва?) город из *славянских*. Хотя страны *Афлак*, *Богдан* и *Эрдель* и еще некоторые места, может быть, и принадлежат к седьмому поясу, но так как все они в руках гяуров, то писавшие таблицы стран не знали о них и не записали. Что же касается до нас, то мы удовольствовались теми городами и городками, которые нам нужны были из записанных ими»²⁰⁴.

Географическое смешение разных местностей у Аали-эфенди заходит тут настолько далеко, что зауряд чередуются такие отдаленные друг от друга пункты, как Булгар и Сант-Яго если только тут вина переписчиков.

Затем Аали-эфенди дает такое описание *Дешти-Кыпчак*, буквально повторенное Гезар-Фенном и составителем изданного мною сборника. Оно находится в особом сочинении Аали-эфенди²⁰⁵. «Владения *Дешти-*

Кыпчак, — читаем мы, — составляют искони принадлежащее татарскому племени обширное государство. К восточной от него стороне находятся области *Харезм* и *Анзар* (=Отрар); а к западной стороне — области *Русь* и *Булгар*. Столицы этих упомянутых владений суть города: *Крит*, *Ортак* (?), *Сарачук*, *Хаджи-Тархан*, *Азак*, *Кафа*, *Аздарган*, *Керчь* и *Тамань*. Но Тимур Гурекан и Тохтамыш-хан не раз сражались в тех странах, вследствие чего большинство их пришли в разорение. Теперь же столица татарского хана есть Бакчэ-Сарай»²⁰⁶.

В приведенной выдержке географическое распространение татарского племени смешано с территориальными границами отдельных государств татарских, с присвоением имени *Дешти-Кыпчак* владениям татарского, т.е. Крымского хана. С другой стороны, самое понятие *столицы* — как-то тут уж очень расширено, если к столицам причисляются такие пункты, как Керчь и Тамань, которые никогда не были в приписываемой им роли, по крайней мере в эпоху татарского владычества.

Но у того же Аали-эфенди есть еще такая небольшая заметка специально о крымских границах. «*В изъяснение границ Крыма*. Крымская область заключает в себе сорок городов. Известные из них суть *Солгат*, *Судак* и *Кэфа*. Иногда бывает, что только город Солгат называют Крымом. Расстояние между этими городами друг от друга по одному дню пути. *Сары-Керман* лежит на западе от упомянутых нами трех городов. Но Крымская область — со времени Чингиз-хана стала во власти рода Чингизова. Столица их государства находится в Бакчэ-Сарае. Во время сочинения книги “Сокровищница сведений” — (1006—1007 = 1597—1598—1599 гг.) там властвующим ханом был Гази-Герай-хан-ибн... хан, благородный человек, искусный в музыке, прекрасного нрава, поэт, способный проявлять чудеса в метании стрел и в искусстве владеть оружием»²⁰⁷.

Еще подробнее распространяется о Дешти-Кыпчак османский историк XVII в. Ибрагим-паша Печеве (ум. 1650). Рассказав об известном химерном предприятии султана Селима II открыть прямое водное сообщение Черного моря с Каспийским посредством искусственного канала, Печеве затем счел нужным описать и ту местность с прилежащим к ней обширным пространством, где приводилась в исполнение эта довольно смелая, но безрезультатная затея. При этом Ибрагим-паша указывает источники, откуда он заимствовал материал для своего описания Дешти-Кыпчак:

это суть сочинения более или менее известных писателей, как Дженнаби-эфенди, как автор «Тимур-намэ», т.е. Абдул-л-Ла Гатифи (ум. 927 = 1520—1521), как Алты-Пармак, у которых он взял относящиеся к данному предмету исторические сказания; у Ибн-Аббаса и Хазрети-Казы он заимствовал мифические предания насчет стены Александра Македонского. Эта статья в истории Ибрагим-паши Печеви начинается так: «Если бы в благородную голову друзей, пробегающих этот мой любопытный сборник, пришла мысль хоть вкратце узнать, что за страны такие Дэшти-Кыпчак и Аждарган, и в обладании какого народа состоят они, то, дабы по мере возможности проскакать (мысленно) по той обширной равнине, припустим коня пера быстрого изъяснения. Да будет ведомо, что люди знающие, каковы Алты-Пармак-эфенди (ум. 1033 = 1623), Дженнаби-эфенди и автор “Тимур-намэ” об обстоятельствах Дэшти-Кыпчак написали следующее»... Затем идет почти дословное повторение того, что находим у Дженнаби²⁰⁸. Иные вещи находятся в сборнике г. Тизенгаузена²⁰⁹ и у г. Шармуа в его «Expedition de Timour-i-lenk»²¹⁰. Самая же интересная-то часть повествования Печеви касается татар, переселившихся, во время нашествия Тимура, в Польшу и другие страны неверных²¹¹; но об этом здесь пока еще не место распространяться. Оставляя в стороне других второстепенных османских историков, обратим внимание на то, что говорит о Дешти-Кыпчаке и Крыме один из позднейших исторических компиляторов, который, однако же, пользовался очень многими источниками с разбором и, насколько мог, умеючи и добросовестно, а именно Мючедджим-баши. Касаясь территориального и вместе династического формирования Крымского ханства, он, не как другие историки, отличает его, и в географическом и в государственном отношениях, от Дэшти-Кыпчак, которой у него посвящена следующая статейка.

«Цари Дешти. Да будет ведомо, что граница области так называемой Дешть с южной стороны есть Астраханское море и Черное море, так что если бы не было черкесских гор, то эти два моря слились бы воедино. С восточной стороны граница ее Анзар (= Отрар) Хареزم, Саганак и некоторые другие области, так что она простирается от Туркестана и Хатая до пределов Чина. Это суть владения Могольские и Хатайские. На северной стороне большие степи и песчаные пустыни, да высокие горы; а что за ними, неизвестно. На западе границы ее составляют владения

русские и болгарские. Татарские области, состоящие под властью Высокой Османской Державы, пограничны с этой стороной. Этот вилайет (провинция. — *Примеч. ред.*) издавна был полон селений и жителей и благоустроен был; но потом, вследствие смут Уруса и Тохтамыша, да завоеваний Тимура, пришел в разорение и опустошение. Местности этой Дешти со стороны Хатайской называются Калмыцкой степью — Моголистаном, а по направлению к русской стороне именуются Берке, прямо же по направлению по северу зовутся Дешти-Кыпчак. Иногда впрочем все это (пространство) называется Дешти-Кыпчак. Когда кого-нибудь называют падишахом Дештским, то этим хотят обозначить правящего всеми кочующими в тех степях племенами. Одна линия из царей Дештских идет от рода Бату и Орда, детей Чучи, вплоть до Мухаммед-султан-бен-Тимур-султана. Они раньше упоминались. *Дети же Мухаммед-султана не титуловались царями Дешти; они царями Крыма называются по той причине, что Мухаммед-султан вышеописанным образом избрал Крым столицей государства*²¹².

При всей смутности географических сведений турецких историков относительно Крыма, все же и у них, по крайней мере у позднейших, сложилось верное представление о том, что первой, как они говорят, столицей самостоятельного татарского ханства на Таврическом полуострове был город Крым, а впоследствии сделался столичным городом Бакчэ-Сарай; что, далее, город Крым, который назывался прежде Солхатом, потом дал свое имя и всему полуострову. Таким образом, города Крым и Бакчэ-Сарай имели такое же важное историческое значение внутри полуострова, какое Судак и Кафа на приморской окраине его. Но сколь важно значение обоих городов, столь же темны предания о возникновении их, разноречивы и сбивчивы толкования самого имени первого и старейшего из них — Крыма.

Толкований этимологического значения имени «Крым» много, и они собраны г. Хартахаем в любопытной статье его «Историческая судьба крымских татар». Подвергнув отрицательной критике все прежние догадки насчет имени «Крым», он присоединил к этим догадкам еще две свои. «Можно думать, — говорит он, — что название полуострова есть произвольное (?), принесенное самими татарами, а не переделанное из прежнего. Слово “крым” означает понятие отвлеченное и не есть

чисто татарское, но арабское, потому что татарский язык для выражения понятий отвлеченных прибегает к посредству арабского — и значит *благодать*. Вникая в значение имен многих городов и мест Таврического полуострова, находим, что татары любили переименовывать их по-своему, что следовательно и имя столицы первых ханов дано ей татарами и имеет значение произвольное (?). Мы видим, что многие места на полуострове носят такие имена, которые явно указывают на свойство почвы, климата и местоположения... Отчего нельзя допустить, что полудиккий татарин Оррам-Тимур (т.е. Оран Тимур), вышедший из голых песчаных степей Азии, получив в подарок царство, не мог назвать своей столицы (речь идет собственно об Эски — Крыме), построенной в живописной местности, *благодатью*? Другая догадка еще более (?) может подходить к делу или по крайней мере имеет больше убедительности, нежели все приведенные. Известно, что монголы и теперь называют Китайскую стену Саган-Керем. Если к этому прибавить, что хребет Яйла как бы стеной отделял татар от южного берега, куда они хотели, но не могли проникнуть, то не трудно допустить, что столица, построенная у этого хребта, могла называться *стеной*. Другие толкования имени первой столицы ханов нам кажутся совершенно произвольными»²¹³.

Нельзя не заметить, что конъектуры г. Хартахая нисколько не правдоподобнее других, им отрицаемых. Как-то уж очень сентиментально для полудикого татарина, как г. Хартахай выражается об Оран-Тимуре, приписывать ему особенный эстетический вкус, благодаря которому он, залюбовавшись живописностью местности, с изысканностью современного европейского туриста, будто бы воскликнул: «Ах, какая благодать!» да и увековечил это восклицание за самой местностью в качестве ее имени. Но если бы даже было и так, то почему же непременно понадобилось тут арабское слово, когда приведенные в пример самим же г. Хартахаем другие наименования местностей — Бахчэ-Сарай, Чатыртаг, Аюв-даг, Сары-Керман, Соук-су, Чурук-су, Чардахлы — все чисто татарские или общепринятые у татар персидские слова? А самое главное то, что благодать по-арабски *не крым, а керем*, тогда как слово *крым* произносится татарами с нарочитой твердостью выговора, по наблюдению самого же г. Хартахая²¹⁴. С другой стороны, перенесение названия Китайской стены на хребет Яйлу заставляет предполагать в Оран-

Тимуре твердые географические познания и свежесть воспоминаний о местности, которую когда-то давно знавали предки татар до выселения их из отдаленных стран, сопредельных с этою стеною.

Г. Кондараки дважды принимается в своем сочинении за этимологию имени *Крым*. Раз он говорит вот что: «*Хырым* по-татарски значит: поражение. Слово это легко применить к событию, вынудившему татар вторгнуться в Тавриду. Караимы, древние обитатели Солхата, объясняют слово Крым подарком и приписывают название это себе, но так как раньше татар страна эта не была известна под именем *Хырыма*, то вероятнее всего, что оно принадлежит татарам, у которых впоследствии многие ханы именовались этим именем»²¹⁵. В другом месте толкование г. Кондараки носит уже полемический оттенок. «Так грешат, — говорит он, — наши археологи, производя последнее название этой стороны (речь о Тавриде) *Крым* от некогда существовавшего в Тавриде города Кеммериана, Кремни и т.п. сходственных имен, тогда как в сущности название это, присвоенное татарами, на их языке имеет двоякое значение: *хырым*: гибель, опустошение, или *хырымлар*: возвышенные места. Вернее же думать, что оно происходит от слова Крым, означающего на джагатайском (sic!) наречии подарок, каким действительно досталось эта страна Орану от Кипчакского хана Мангу».

Несмотря на довольно самоуверенное заявление г. Кондараки, что «сказанного нами (т.е. им) весьма достаточно для опровержения всех существующих до настоящего времени предположений о происхождении названий этого полуострова»²¹⁶, мы позволяем себе считать его этимологию не более других удовлетворительной и нисколько их не опровергающей, и вот на каком основании. В числе производных существительных от глагола *кырман* — «резать, рубить, сокрушить, уничтожить» и т.п. есть всякие, только за исключением *крым*, или, по произношению г. Кондараки, *хырым* с значением «гибель, опустошение»²¹⁷. Да слишком мудрено, чтобы отмеченное имя действия могло стать именем места. Точно так же ни в одном словаре нет значения «возвышенного места» для слова *крым*: если же существует непременно только одна форма множественного числа «*хырымлар*: возвышенные места», то это какая-нибудь особенность крымско-татарской речи, никем, кроме г. Кондараки, пока не замеченная. Равным образом и на джагатайском наречии

существует слово «крым», но только оно не значит «подарок», а значит *ров*, в каком смысле оно и встречается в известном джагатайском сочинении «*Кысасы Рубугузи*», где в статье об Асхабах-Ухдуд читаем: «Царь приказал, велел вырыть глубокий *кырым*, зажечь в нем огонь, наложив дров с нефтяным маслом; в этот огонь он бросил тех принявших (истинную) веру и сжег их»²¹⁸. Здесь по ходу дела, очевидно, слово *кырым* означает ров, что подтверждается дальше самим автором. В конце сказания он присовокупляет объяснение слова *Ухдуд* и говорит: «*Ухдуд* значит *кырым*, т.е. *хандак*, на арабском языке». Смысл этой несколько нескладной филологической заметки таков. Автор объясняет малоупотребительное арабское слово *ухдуд* — своим тюркским словом *кырым*. Но и слово ему ли самому, или кому-нибудь из позднейших переписчиков его сочинения²¹⁹ показалось тоже удобопонятным архаизмом, и тогда явилось добавочное сопоставление с более известным и употребительным словом *хандак*, которое есть арабизованное персидское слово *кэндэ* = «ров», хотя в том же месте сказания Рубугузи встречается другой чисто тюркский синоним — *чокур*. Этот последний исключительно и употреблен в том же предании, находящемся в сочинении «*Гефтийск Тефсири*»²²⁰. Приведенное толкование слова *кырым*, в смысл рва, окопа, имеет более всего вероятности в применении к изъяснению известного имени города и полуострова, и оно по справедливости находит себе сторонников среди ученых исследователей²²¹. Весьма обыкновенное явление, что многие местности носят двойное наименование: одно, так сказать, официальное, другое — ходячее, употребительное в обыденном говоре населения. Последнее чаще всего содержит в себе указание на какой-нибудь выдающийся, характерный внешний признак данной местности, иногда подразумевавшийся и в прежнем имени, но с течением времени утративший свою рельефность и забывшийся. Так, например, турки еще до завоевания Константинополя, имея доступ в него, подслушав, вероятно, ходячее у окрестного греческого населения выражение «в город», и не очень заботясь о точном смысле его, превратили его в собственное имя города, подобно тому как, например, в новейшее время проживающие в Константинополе европейцы постоянно слышат на улицах и базарах турецкую фразу *бана бак*, что значит: «посмотри на меня», т.е., по-нашему, «послушай-ка!», превратили ее в род особой, с бранным

оттенком, клички для всех турков и изменяют ее по всем падежам, каждый сообразно правилам грамматики своего языка: *банабак, банабака, банабаку* и т.д. Особенно легко прививаются в народе новые наименования, которые имеют какое-либо созвучие с прежними, не имея, однако же, никакого с ними сходства по значению. От этого, например, город Астрахань у восточных писателей является под разными по смыслу, но близкими по выговору формами. Византийский город Халкидон переименован турками в Кады-кой. Любимой чертой народов, меняющих свое место жительства, служит склонность давать новым занятым ими местностям имена прежних своих обиталищ: отсюда одноименность рек, городов и т.п., особенно бросающаяся в глаза в географической номенклатуре наших восточных окраин, а в Турции в близлежащих местностях по обе стороны Дарданелльского пролива и Мраморного моря. Это явление в народном быту служит одним из вспомогательных средств следить за историческим передвижением народных масс, как это уже замечено учеными²²². Нечто подобное надо предполагать в образовании названия «Крым» для Таврического полуострова.

Академик Кеппен, также занимавшийся этим вопросом, собрал данные, свидетельствующие о том, что первоначально Крымом татары называли древний Солхат²²³. В конце статьи, посвященной Старому Крыму, у него есть любопытное археологическое сведение, а именно, «что с северной стороны города, на возвышенности, называемой ныне Ногайлы Оглу Оба, заметны следы укрепления, за коим пролегает древний ров, который, как видно, был очень глубок и продолжался до города»²²⁴. С своей стороны мы можем присовокупить, что, при посещении этой местности летом 1884 года, мы нашли заметные признаки этого рва, шедшего позади развалин старинных укреплений, близ которых круто возвышается холм, называемый у местных жителей «Кемаль-баба», по имени одного знаменитого шейха дервишей, остатки развалин монастыря которых видны еще теперь в довольно рельефных очертаниях. Нет ничего удивительного в том, что татары название этого замечательного в данной местности рва придали в качестве имени и самому городу, около которого он находился. Для татарина, как для наездника, всякая рытвина, которую не может перескочить его лошадь, есть такая же важная, непреодолимая преграда, как и крепостная стена, и потому глу-

бокий ров в его глазах есть столь же выдающийся признак какой-либо местности, как и неприступная возвышенность. Город, к которому было вначале применено название Крыма, с течением времени утрачивал свое значение, падал и, наконец, совсем исчез, а имя его, как древнейший памятник татарского водворения в крае, осталось за целой местностью, которая, кстати сказать, не настолько обширна, чтобы название наиболее выдающегося города не могло распространиться на нее. В свое время город Москва дал же имя целому Московскому царству, отчего и город Крым не мог стать именем всей окружающей его местности, где, кроме бережных оседлых пунктов, принадлежавших геноуэцам, татарское население вело бродячую жизнь и не имело другого более важного, недвижимого пункта, который бы служил внешним выражением их племенной и вместе политической совокупности и особенности от других татар, принадлежавших к другим юртам, хоть бы, например, в отличие от самых ближайших к ним соплеменников — ногаев?

Насколько важно значение рвов в системе укреплений у степных народов, настолько же значительно могло быть для них и самое название этого оборонительного сооружения. Правдоподобность выше приведенного объяснения имени «Крым» косвенно подтверждается также тем значением, которое очень давно получил Перекоп. Это собственное имя есть только перевод татарского. Правда, что это название относилось к другому, также весьма важному в стратегическом отношении, рву, существовавшему на перешейке, но очень ранняя и широкая популярность Перекопа у русских и поляков, а чрез них и у других европейцев, так что крымских татар называли *перекопскими* и даже самого хана величали *перекопским*²²⁵, может быть приписана тождественности лексического значения его с Крымом.

Мало помогают удовлетворительному решению занимающего нас вопроса сведения более ранних арабских писателей, у которых имя «Крым» является одновременно и в значении города, и целой страны, как это мы видим у историков Рукн-эд-Дина Бейбарса (ум. 1335) в Эннувейри (ум. 1333) в их повествовании о разгроме Кафы полчищами Ногай²²⁶; или у Эльмуфаддала в его рассказе о посольстве египетского султана Эльмелик-Эззахира к Беркэ-хану². Несколько определеннее высказывается по этому предмету арабский путешественник Ибн-

Батута (ум. 1377), прямо называя Крым городом²²⁷. Немного странно только у него произношение этого собственного имени: вместо общеизвестного и общепринятого выговора, оно должно, по наблюдению Ибн-Батуты, звучать *Кырам*. Но этот любитель филологических упражнений и лингвистических каламбуров легко мог ослышаться, особенно при известной быстроте чуждой ему живой татарской речи. Случалось же с ним, что он, давая этимологическое объяснение имени Сарайского дворца, смешал два совершенно различных по значению, но похожих по звукам, татарских слова «голова» и «камень», говоря, что дворец этот назывался «Алтун-ташъ» и что «*алтун*» значит «золото», а *таш* значит «голова»²²⁸. Вероятнее, что дворец назывался не «Алтун-таш», а «Алтун-баш» — «златоверхий», «с золотой маковкой», как оно и есть в переводе Ибн-Батуты, который, однако же, ослышавшись, подменил в то же время слово *баш* словом *таш*, не подозревая нелепости, происходящей от этой подмены.

Имя «Крым» в значении города встречается и еще у одного, близкого по времени жизни в Ибн-Батуте, арабского писателя, Эль-Омари (ум. 1348), у которого очень много географических сведений насчет Золотой Орды, полученных им из расспросов людей, бывавших в землях Золотоордынского царства по торговым и дипломатическим делам, каковы упоминаемые им Зейн-эд-Дин Омар, Джемаль-эд-Дин Абду-л-Ла Эльхисни, Низам-эд-Дин-Абу-ль-Фадаиль Яхья, сын Эльхакима Аттаяри, Хасан-Эль-Ирбили, Хасан Эрруми, Шериф Шемс-эдэДин-Мухаммед Эльхусейни Эльвербеляи²²⁹. Эль-Омари, говоря о Дэшти-Кыпчак, зауряд перечисляет Сарай, Харезм и *Крым*, как наиболее значительные города одного и того же государства, которое у него вообще-то называется «Домом Берке».

Другой арабский писатель, хотя из сравнительно поздних, уже по самому своему официальному званию секретаря при дворе мамлюкских султанов, также должен был иметь точные сведения относительно стран, находившихся в дипломатических сношениях с египетским султанатом — это Абуль-Аббас-Ахмед-Шихаб-эд-Дин Элькалькашанди (ум. 1418—1419). Вот какая заметка сделана этим государственным человеком Египта касательно Крыма. «*Правитель в Крыме*. Это — местность к северу от Черного моря; столица ее Солхат, город на полдня

(пути) от моря; теперь ему большей частью дается имя Крыма»²³⁰. Эта справка Элькалькашанди буквально повторяется еще в одном арабском сочинении конца XVI в.). Соображаясь с другими, приведенными выше, данными, можно сделать такое заключение, что во время составления этой заметки имя «Крым» стало настолько уже известно и популярно, что египетский дипломат прямо приписывает его целой стране, но, на случай могущих открыться международных сношений, оговаривается насчет употребления этого же имени и в значении города, взамен устарелого и совершенно им вытесненного прежнего имени «Солхат». Не следует ли дать точно такое же толкование и известию арабского географа Абульфеды (ум. 1331), который, еще раньше Элькалькашанди, в противность другим свидетельствам, говорит, что «“Крым” есть имя страны, заключающей в себе сорок городов», и что «это же имя прилагается в частности в городу Солхату, как столице»²³¹?

Обращаясь к нашим русским старинным письменным памятникам, мы и в них очень долго не встречаем имени «Крым» ни в одном из его значений. В «Слове о Полку Игореве» упоминаются только Тмуторокань да Готские девы из всего, что имело хоть какое-нибудь отношение к местности, ныне именуемой Крымом. Но и более поздние письменные памятники знают Сурож, знают Кафу, а Крыма не знают. Дмитрий Донской, отправляясь на войну с татарами, берет себе в проводники десять *сурожан*, как говорится в известной повести, прославляющей знаменитую Куликовскую битву²³²; а разбитый им Мамай «добеже, идеже есть град Кафа»²³³. Если же в заключительном присловии в той же повести и сказано, то «пойде весть по всем градом ко Орначу, *Крым*у и Кафе, к Железным Вратом, ко Царю граду на похвалу»²³⁴, то не надо забывать, что самое присловие находится не во всех редакциях повести, и, следовательно, оно могло быть присочинено и прибавлено позднее, а потому имя Крыма, или Крима, надо полагать, здесь есть такая же новейшая вставка, какой несомненно оно является в Густинской летописи, в которой читаем о Св. Князе Владимире: «Прием же Володымер славный и крепкий град Греческий Корсунь (ныне же тамо *Крим*), и весь той остров, глаголемый Тавриду»²³⁵. Равным образом летописный рассказ о путешествии князя Юрия Дмитриевича «в Крым зимовати» в 1432 также носит все признаки несовременного описываемому факту происхождения, ибо находится в списках позднейшей, ком-

пилятивной редакции, Воскресенском²³⁶ и Никоновском²³⁷. Упоминание имени «Крым» в наших летописях становится обычным, заурядным лишь в конце XV в., да и то сперва в каких-то смутных и неопределенных выражениях, вроде того, что, например, «Приходи царь *Киреим* Гириев сын с Татар под Коломно»²³⁸; или: «Приде царь Мингирей *Крымской* Перекопские орды»²³⁹. В первом случае географическое название «Крым», искаженное в «Киреим», обращено в личное имя хана; вторая же фраза звучит аналогично со старинным наименованием известного Тамерлана «Темир Железный», где татарское слово сопровождается русским переводом. То же самое замечаем и относительно Крыма: Менгли-Герай назван царем *Крымским*, а добавочные слова «*Перекопские* орды» можно рассматривать как пояснительный русский перевод незнакомого еще тогда слова *Крым*, из которого сделано прилагательное *Крымский*. В таком же, вероятно, смысле хан Менгли-Герай иногда называется у наших летописцев просто «Перекопский царь»²⁴⁰. Сбивчивость наших летописей по части географических сведений заметна в них даже и в том случае, когда речь идет о таком громком событии, как утверждение Османского владычества на Крымском побережье. В одной летописи сказано коротко: «Того же лета царь Турьский взял Кафу и *Крым*»²⁴¹; в другой находим не более пространную заметку: «О взятии Кафы и *Крыму*. Того же лета Туркове взяша Кафу... Азигирееву орду *Крым* в *Перекоп* осадиша дань давати»²⁴².

Летописцы заносили сведения о том, что творилось на белом свете в отдаленных странах, понаслышке, и потому не удивительно, что географическая номенклатура чуждых земель представляла для них большие затруднения. Но насколько имя «Крым» долго было непривычно вообще для русского уха, это всего очевиднее явствует из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, который самолично был на Таврическом полуострове, возвращаясь через него из своего далекого и долгого странствования. Этот любознательный и наблюдательный человек, трижды подряд упомянув в своем «Хождении» о Кафе, даже назвав, хотя в несколько искаженном виде, Балаклаву и Гурзуф, ни одним словом не обмолвился о Крыме²⁴³.

В памятниках официальных сношений Москвы с татарами вообще и с ханством Таврического полуострова в частности название последнего Крымом, или Крымским встречается также не раньше конца XV в., и не

вдруг становится заурядным, общеупотребительным. Вначале замечается как будто некоторая сомнительность или нерешимость касательно официального употребления этого географического термина; не говорят: «в Крыму», а говорят: «в Орде у царя у Менгли Гирея»²⁴⁴. Такая осторожность в выражениях московских дипломатов, вероятно, проистекала из неясности политического положения основателя Крымского ханства, вследствие чего они сосредоточивали все свое внимание на личности самого Менгли-Герая, а не на его государстве, существование которого было до поры до времени проблематическим, на что имеются довольно прозрачные намеки в наказе Алексею Старкову. Устами этого посла московское правительство обратилось к хану с укорительным запросом насчет его действительных отношений к Кафе, где русские купцы подверглись грабежу и избиению. Старков должен был держать такую речь к хану от имени великого князя Московского: «Говорил еси моему боярину Миките о Кафе, а зовешь Кафу своими людьми. Ино ведаешь сам, волный человек, что в Кафе моего посла Прокофья пограбили, да колко гостей моих перебили в Кафе»²⁴⁵. Позднее же, когда окончательно выяснилась прочность власти Менгли-Герая, московская дипломатия стала точнее обозначать в своих посольских грамотах его владения. Тогда появляется имя «Крым», и притом одновременно в двух значениях — области и города. Так, в наказе боярину Шеину, отправленному в 1487 году послом к Менгли-Гераю, впервые определенно упоминается о Крыме в смысле известной области, как это видно из выражений наказа: «Ино на весне оттоле из *Крыма* не ездити... А учнут Муртоза и Седихмат цари кочевати *межи Дону в Крыма*, в Дмитрею (Шеину) не ехати ж к великому князю оттоле из *Крыма*... Да толко Орда учтет кочевати *межи Дону и Крыма*, и Дмитрею однолично оттоле из Крыма не ехати»²⁴⁶. Ясно, что здесь составители наказа понимали Крым в смысле целой области, ибо с значением города как-то несовместимо определение кочевания татар между этим городом, лежащим на полуострове, и рекою Доном, протекающею по материковой земле. Но рядом с этим мы встречаем употребление имени «Крым» и в значении города, как это явствует из сопоставления этого имени с именами других городов же — Кафы, Тамани, Очакова. Так, в грамоте Великого князя Ивана Васильевича от 1496 года читаем: «Да гость великого князя Иван Всеяков дорогой *в Кафе* стоял

на подворье у селянина, да розболелся; и селянин его выслал *в Крым...* и Иван дорогой в Крыму умер»²⁴⁷. В другой грамоте, названной «Памятью князю Семену», от 1198 года также говорится между прочим: «Коли ты меня не велишь проводить *до Крыма*, или *до Тавани*, или до Менли-Гиреева городка *до Ячакова*, что на усть Днепре, а людей со мною мало, и яз еду назад к своему государю»²⁴⁸.

Впоследствии, при более частых и усиленных сношениях с новообразовавшимся в нашем соседстве ханством, географическая номенклатура наших письменных памятников пополнилась наименованиями разных местностей Таврического полуострова; в том числе находим даже и «Старый Крым» — название, явившееся на смену прежнего простого «Крыма». Но замечательно, что в памятниках русской письменности не встречается имени «Солхат» для обозначения какого-либо географического пункта, ни в правильной, ни в искаженной форме, — имени, которое было известно всем другим народам — византийцам, генуэзцам, арабам, касавшимся географии Крымского полуострова в эпоху татарского владычества, по делам практической необходимости или только из простого ученого любопытства. Неведение русских о Солхате есть факт столь же замечательный, сколь и трудный для объяснения. Но, не останавливаясь на бесплодных догадках, посмотрим, что имеется у самих татар пригодного для разрешения сомнений относительно древнейшего центра их власти на Таврическом полуострове, переименованного на своем веку целых три имени — Солхат, Крым и Эски-Крым. Все, что есть относящегося к этому вопросу, заключается в скудных данных нумизматических, в немногих официальных документах, да в отрывочных народных преданиях, попавших и в исторические сочинения татарско-турецкого происхождения.

Из данных первой категории в нумизматических кабинетах имеется множество монет, битых в городе Крыме. Старейшая из них принадлежит хану Менгу-Темиру, чекана 665 = 1266—1267 года²⁴⁹. Г. Блау тоже дает описание одной монеты, битой в Крыме²⁵⁰, которую он считает куманской, а следовательно, еще более древней, нежели вышеупомянутая, описанная г. Савельевым. Затем следует целый ряд монет позднейшего чекана с именем Крыма²⁵¹. Есть монеты, битые в разных местностях Крымского полуострова — в Кафе, Бакчэ-Сарае, Карасу-Базаре,

Балаклаве, однако между ними нет ни одной с именем Солхата и Эски-Крыма.

Последнее обстоятельство тем особенно обращает на себя внимание, что находится в полном согласии с другими историческими памятниками татарской категории. Старейший в этом роде подлинный документ есть ярлык Тимур-Кутлука и относится к 1397 году. В нем дважды упомянут Крым — зауряд сперва с Кырк-ером, а потом с Кафой²⁵². Другой подобный же документ — ярлык Сеъадет-Герая, от 930 = 1524 года, носит пометку: «В городе Крыме»²⁵³. Ярлык Мухаммед-Герая I, от 923 = 1517 г., помечен: «В благословенном Крыму»²⁵⁴. Между ярлыками коллекции В.В. Григорьева один ярлык Селямет-Герая, от 996 = 1588 г., также помечен: «В городе Крыме». На ярлыке Менглы-Герая, от 1498 года, имеющемся в русском переводе, значится: «Писано в Крыме городе»²⁵⁵. Но ни в числе старых, ни позднейших татарских грамот не находится таких, в которых бы значилось, что они писаны в Солхате или в Эски-Крыме. Такой замечательный факт, как отсутствие обоих географических имен на монетах и в официальных документах, не мог быть делом простой случайности.

Что касается до Солхата, то этимологическое объяснение этого имени проще всего находят в татарском языке, считая это имя составленным из двух слов тюркского корня *сол* — «левый», и *кат* — «сторона». Таким образом, имя Солхат должно было принадлежать одной только части города, по отношению к другой, которой обязательно было называться *Солхат* = «правая сторона»²⁵⁶. Сколь ни правдоподобно это объяснение, все же полной его несомненности мешают следующие обстоятельства. Во-первых, выражение «правая и левая сторона», или «правое и левое крыло» — имело уже место в официальной монголо-татарской терминологии для обозначения рангов высших сановников государства²⁵⁷ и потому если оно могло опять употребляться для обозначения частей того или другого города, то разве в обыкновенном, вульгарном говоре у местных жителей. Между тем имя «Солхат» известно было, и даже предпочтительно, иностранцам: мы его находим в договоре, заключенном кафским консулом с татарами в 1380 году²⁵⁸, да еще у арабских географов. Сами же татары, будто бы создавшие это имя, игнорируют его. Во-вторых, если бы имя «Солхат» впервые стало употребляться тата-

рами, и в том смысле, в каком предполагают ученые комментаторы, то едва ли бы первоначальное значение его до того изгладилось из памяти народной, что татарские историки, также интересовавшиеся вопросом о происхождении этого имени, нашли совсем иное ему объяснение, облеченное в форму целой легенды. Рассказав о вероломном поступке Сейид Ахмед-хана, который после тщетной сорокадневной осады Солхата обманом заставил жителей сдать и потом перерезал их, а городские укрепления разрушил, Сейид Мухаммед Риза сообщает такие предания касательно истории этого «бесподобного города». В прежнее время, говорит Риза, местность, на которой расположен этот город, принадлежала к Кафской пристани, служа сборищем купцов персидских и франкских, привозивших сюда разные европейские и азиатские товары, которыми наполнялись и пестрели шалаши, палатки, деревянные дома и саманные мазанки. Благодаря превосходному климату и чудесному воздуху, население и строения все умножались, и мало-помалу возник целый город, обнесенный ради безопасности сильной крепостью, к югу от Кафы при подошве высокой горы Агармыш, названный Солгатом. В ту пору один из богатых купцов предпринял сооружение большой мечети и, из усердия угодить Богу, присоединил к материальным пожертвованиям еще и личные старания: одетый в старое платье, он таскал вместе с другими работниками глину. Только проезжает мимо купец и везет двадцать вьюков татарского мускуса. Строитель мечети полюбопытствовал узнать, что за товар везут. Торговец, поглядев на грязную, рабочую одежду его, презрительно ответил: «Подходящего тебе товара тут нет». Сконфуженный таким ответом торговца, строитель тотчас же сполна заплатил стоимость мускуса и велел свалить его в размешанную для постройки стен мечети глину, сказав мастерам: «Вали!» (по-татарски: *сал*) и «Меси!» (по-татарски: *кат*). Оттого-то и самый город получил название *Салкат*²⁵⁹. Автор «Краткой Истории» повторяет вышеприведенный Ризой рассказ, даже обозначает время основания города Солхата, полагая, что оно имело место приблизительно в 300 = 912—913 году²⁶⁰, но только совершенно опускает подробность о словах, будто бы сказанных благочестивым строителем и сделавшихся именем города, где произошла описанная забавная сцена. Отвергнув этимологию имени «Солхат» от *сал* и *кат*, показавшуюся невероятной, автор «Краткой Истории» не

дал, однако же, взамен ее никакой другой, которая бы сколько-нибудь подкрепляла конъектуру об образовании этого имени из татарских слов *сам* и *кат*; а повод был к такому производству, и, вероятно, историк воспользовался бы им, если бы представлялись только данные.

Не большим правдоподобием отзывается татарское народное объяснение другого имени того же города — «Крым». В этом объяснении оно связывается с личностью одного героя, которому оно первоначально принадлежало. У ногайских татар существуют предания, имеющие характер национальных родословий. В одном таком предании говорится, что предок Ногайцев был Улус. Сын его Байрас имел трех жен: старшая жена называлась Ток-Саба, вторая — Тута-Ары, третья — Ак-Манклай. От первой и второй жен у него было по семь сыновей, от третьей два сына. Первым семи сыновьям мать их дала (общее) имя Етишкэ-Оглу, другим семи их матерью дано имя Еди-Сан, двум последним дано имя Гэльче. Оттого-то ногайцев и называют «детьми трех матерей». Общее же для всех их в совокупности имя «Татар-Тоб» и просто «Татар». Из этих-то татар один молодец, по имени Кырым, пришел на Зеленый Остров, который в то время был юртом франков. Кырым пришел для торговли, для каковой он потом отправился в Исламбул и являлся там к вельможам падишаха Исламбульского. Они спрашивали у Кырыма, что за местность, в которой он жил и откуда теперь прибыл. Кырым расхваливал все, что было на том Зеленом Острове — соль, сады, бакчи, горы, города, села, деревни. Тогдашний Исламбульский падишах предпринял поход, взял генуэзско-франкские владения на Зеленом Острове и завоевал тот остров. Из генуэзцев никого не осталось: они бежали, а жившие внутри страны приняли мусульманство и остались. Вот по имени того молодца Кырыма назван был Кырымом и Зеленый Остров по завоевании его. А молодец-то Кырым пошел к своему народу Татар-Тоб на прежних местах и стал приглашать его на Зеленый Остров. Большинство, послушав его слов, пожелало перебраться на Зеленый Остров; иные же отказались и не пошли. Тогда уходившие сказали им с укоризною: «Ну что вам доброго в том, что вы отстанете от нас»? По-татарски это так: «...нэ онггайсыз», отсюда и взялось будто бы прозвище *Ногай*²⁶¹.

Все составные элементы вышеприведенного предания, в отдельности взятые, совершенно правдоподобны. Имя *Крым* носили у татар и люди,

даже исторические личности, каков был хан Крым-Герай. Не редкость были и переселенческие движения ногайских племен из их кочевий на Кубани и Тереке в Крым, хотя они случались уже спустя много времени после утверждения там татарского владычества: очевидно, легендой и увековечена память о подобных переселениях, и притом, вопреки исторической истине, в связи с историей целого края. На это указывает, между прочим, присвоенное легендой ногайским племенам имя Татар-Тоб, в котором легко можно усматривать географическое название одной местности на реке Тереке — Татар-Топа²⁶². Вымышленность мнимого факта изобличается тем, что он представляется одновременным со вторжением в Крым турков-османлы и изгнанием ими генуэзцев — с таким событием, которое одно только исторически и верно в целом предании, но зато совершилось в ту пору, когда имя «Крым» уже было известно и популярно. Что особенно любопытно в легенде — это название Крыма «Зеленым Островом», которое является древнейшим, по народному воззрению. Не находя пока никаких, ни этимологических, ни исторических данных, которыми бы оправдывалось это воззрение, мы не можем однако же совершенно игнорировать его и считать произведением чистого вымысла народной фантазии: к возникновению его в народных преданиях могло дать повод какое-нибудь действительное историческое явление или событие, которое может со временем разъясниться. С этой точки зрения не лишен некоторого значения также еще один факт в татарских народных сказаниях, который будет приведен ниже по вопросу о третьем названии одного и того же исторического города, об «Эски-Крыме».

Относительно имени «Эски-Крым» было замечено, что оно не встречается на татарских монетах. То же следует сказать и о письменных памятниках. Самое раннее известное нам упоминание его принадлежит русским памятникам, где татарский эпитет «Эски» — является в русском переводе «Старый». В Крымских Делах под 1585 годом читаем: «Калга да Саламет-Кирей пошли к *Старому Крыму* и пришли в Кафу»²⁶³. Карамзин, говоря об умерщвлении ширинского бека Бахтияра, «господствовавшем в *Старом Крыму*» в 1531 году, тоже ссылается на Крымские Дела²⁶⁴, но не делает выписки из них. Из татарских памятников письменности имя «Эски-Крым» однажды попадает в «Краткой Истории»²⁶⁵, да еще встретилось в казы-эскерском дефтере № 36 за 1113—1115 =

1701—1703 год; в других же дефтерах, и то не раньше 1085 = 1674 года, знаменитый город называется или, с заменой тюркского эпитета «Эски» арабским «Атык»²⁶⁶, или же просто без всякого эпитета²⁶⁷.

Толкуют, что слово «Эски», означая «старый, древний», будто бы может служить эпитетом, «напоминающим минувшую славу города Крыма после перенесения столицы (ханской) в Бакчэ-Сарай»²⁶⁸. Но, сколько нам известно, такое безотносительное употребление тюркского слова «эски» не находит себе оправдания ни в коренном значении его, ни в каких-либо аналогических примерах. Обыкновенно в смысле «старинный, матерый, кондовый» в турецком языке употребительно другое слово — «коджа» = «старик, старец»: турки, например, говорят «Старые Балканы», «Старый Дунай», и т.п. Эпитет же «эски» по общему правилу является при географических собственных именах всегда для отличия одной местности от какой-либо другой, действительной или предполагаемой, так что для большей части имен городов и местечек с эпитетом *эски* подыскиваются дублиеты с противоположным эпитетом «ени» = «новый», как, например, Эски-Загра и Ени-Загра, Эски-Джумеа и Ени-Джумеа, Эски-Шегер и Ени-Шегер, и т.п.²⁶⁹. Существует даже Эски-Истамбул, да еще не один, а целых два — один на малоазиатском берегу Архипелага, против острова Тенедоса, а другой на Балканском полуострове, неподалеку от Шумлы и Правади²⁷⁰. Есть полное основание полагать, что это имя дано турками обоим местностям в каком-нибудь соотношении с Константинополем, который сам по себе, конечно, город не новый, но как «Стамбул», столица Оттоманской империи, в глазах турок все же не очень древний. К этому соотношению могли дать повод туркам какие-нибудь исторические соображения, например археологические памятники, существующие в местах нахождения обоих Эски-Истамбулов: первый из них лежит на развалинах древнего города Антигонии; в соседстве второго, а именно там, где город Правади, видны какие-то громадные железные кольца на утесах, которые, по местному народному преданию, во времена оные служили ложем для морского пролива, вроде Босфора, и пристанищем для кораблей, причаливавших к означенным кольцам²⁷¹.

В силу такого вышеизъясненного общего правила естественно предполагать, что и «Старый Крым» явился в соответствии с каким-нибудь

«Новым Крымом». Это предположение, к сожалению, находит себе опору в нумизматическом факте: нашлись татарские монеты, на которых местом чекана значится «Город Крым *Новый*», как обыкновенно переводится эта легенда нашими учеными нумизматами²⁷². Я сказал: к сожалению, потому что факт этот не только не помогает разрешению вопроса о Старом Крыме, а еще более запутывает его: приходится отыскивать Новый Крым, где таковой находился. Позволяем себе прямо и решительно утверждать, что все поиски Нового Крыма будут тщетны, так как существование города или местечка с этим именем более чем сомнительно. Такое убеждение сложилось у нас на основании следующих соображений. Кроме «Крыма *Нового*» нумизматам известны еще, как места чеканки монеты татарской, «Сарай *Новый*», «Булгар *Новый*», «Гюлистан *Новый*», «Хаджи-Тархан *Новый*», «Маджар *Новый*», «Саганак *Новый*», «Улус *Новый*», «Орда *Новая*». Из этого как будто выходит, что коли был Сарай *Новый*, то должен был существовать и Сарай *Старый*, что если был Булгар *Новый*, то должен был существовать и Булгар *Старый*, и т.д. Замечательно однако же, что все эти *Новые* Сарай, Булгары и проч. доселе пока значатся лишь на монетах, никаких же других археологических признаков действительного существования дублетных географических пунктов ученым исследователям не удалось в точности констатировать. Оказывается, судьба так была безжалостна, что не пощадила ни одного из вышеперечисленных географических дублетов для избавления ученых от напрасных трудов по отысканию этих дублетов. Нам кажется, что это отыскивание есть погоня за призраком, созданным себе самими же учеными. Дело в том, что эпитет, который нумизматы переводят русским словом *Новый*, или немецким *Neu*, на всех татарских монетах этого интересного типа выражен арабским словом *эль-джедид* или *эль-джедидэ*. Ни разу не встречается на монетах весьма, казалось бы, приличествующего в данном случае чисто тюркского слова *янги*, *ени* — «новый», исключая одного «Янги-Шегра», «аральского Новгорода», как называет его покойный Савельев²⁷³. Что же это могло значить? Кроме эпитета *джедид* при именах мест чеканки татарских монет мы встречаем еще некоторые другие, и все взятые из арабского языка, как-то: «богохранимый», «высочайший», «благоустроенный», «превознесенный», «досточтимый». Город Крым большей частью является на

монетах без всякого эпитета; а из эпитетов чаще других стоит при нем «богохранимый»²⁷⁴; иногда встречается эпитет «досточтимый»²⁷⁵.

Во всех случаях замечается одна и та же тенденция татарских минцмейстеров (начальников монетных дворов. — *Примеч. ред.*) щеголять замысловатыми, и притом непременно арабскими, словами, употребляя их в качестве добавочных изысканных, высокопарных приложений к имени места чеканки. Вычурность в этом случае иногда заходила так далеко, что эпитет выражался целой фразой: «Бито в городе Крыме, да сохранится он от бедствий»²⁷⁶. Что арабские прозвища были своего рода щегольством в Золотоордынском царстве, это явствует из примера хана Тудан-Менгу, который отправлял нарочитое посольство в Египет с просьбой к тамошнему султану о даровании ему какого-нибудь «мусульманского прозвища»²⁷⁷. Ничто не мешало распространить это щегольство и на монетные легенды. Изобретать же и сочинять замысловатые эпитеты и выражения для торжественных актов проявления татарско-ханского величия было кому, ибо Ибн-Батута застал уже в Крыме и шейхов, и имамов, и кадиев, и хатыбов²⁷⁸ — одним словом, всевозможных представителей мусульманско-арабской учености, которые, конечно, не упускали случая блеснуть своей ученостью и знаниями в арабском языке. У историка Эль-Айни рассказывается, что в 1427 году к султану египетскому «прибыло письмо от завладевшего Крымом лица, по имени Даулет-Бирди, состоявшее из прекрасных фраз, которые заключали в себе двустипхи, стихотворения и поговорки, переполненные разными риторическими затеями, оборотами и украшениями. Оно было прочтено султану, и слуга нижайший (т.е. автор) присутствовал при этом в собрании. Но ни читавший, ни другой кто не понимали содержащихся в нем (письме) тонкостей»²⁷⁹.

Соображая вышеприведенные данные, можно сделать такое заключение, что эпитет города Крыма, арабское прилагательное *эль джедид*, есть также не более как одна из тонкостей изобретения местной татарско-арабской учености, заодно с прочими вычурными эпитетами, фигурирующими на татарских монетах; видеть же в нем наособицу какое-либо географическое обозначение нет достаточного основания. А потому нет крайности принимать это прилагательное тут, в слишком простом и банальном его значении «новый», когда в словарях ему приписывается также значение «счастливый, благополучный»²⁸⁰, как раз подходящее к

категории других, равносильных с ним по употреблению. Да и в самом деле: еще для приложения к именам постоянных городов эпитета *эль-джедид* в значении «новый» могло быть какое-нибудь основание; но что за смысл мог быть в приложении его к улусу или к орде, т.е. к ханской ставке, которая, при кочевом образе жизни прежних татарских ханов, беспрестанно передвигалась с одного места на другое? Что такое словом «новый» обозначалось в применении к подобному подвижному месту чеканки монеты ханской? Наконец в тех случаях, когда прилагательное *эль-джедид* было употребляемо в смысле «новый», как составной элемент целого имени города, например в названии «Шегр эль-Джедид», иначе «Янги-Шегр», рядом с ним ставился уже другой эпитет «богохранимый»: «Чекан богохранимого Янги-Шегра»²⁸¹; «Чекан богохранимого Шегр-эль-Джедид»²⁸². Ни одного случая подобной встречи других арабских эпитетов с эпитетом *эль-джедид* на монетах татарских пока нам не приходилось наблюдать.

Не говоря уже о «Крыме *Новом*», изредка появляющемся единственно на монетных легендах, даже и «Сарая *Нового*» не знают арабские историки, писавшие о Золотой Орде. Только автор биографии Эльмелик-Эннасыра да Эль-Асади (ум. 1448) мимоходом замечает, что Узбек умер в Новом Сарая²⁸³; но случайная заметка первого и единственный пример второго, довольно позднего арабского писателя, в данном случае столь же мало колеблют наше убеждение, как и ратование покойного Ф.К. Бруна за несомненность бытия «Нового Сарая», основанную у него между прочим на отождествлении мнимого туземного названия «Новый Сарай» и русского его прозвища «Большой» или «Великий», или *Saray Grando*, как оно значится на карте венецианца Фра-Мавро²⁸⁴.

Не признавая существования Нового Крыма, мы должны также отказаться от признания исторической необходимости и Старого Крыма, или Эски Крыма. Не оправдываемое старинными документальными памятниками, это собственное географическое имя, без сомнения, получило свое бытие в очень недавнее время и обязано своим возникновением, по всей видимости, творческим свойствам местной народной речи. В числе таких свойств, как известно, весьма важную роль играет случайное созвучие слов, нередко порождающее и новые понятия. Город Крым, бывший Солхат, некогда славился обширностью своего строения и мно-

голюдством населения. Этот выдающийся его признак не только наблюдался заезжими иностранными путешественниками, но не ускользнул и от внимания более близкого к нему татарского люда, который и отметил этот признак особым эпитетом в своих словесных произведениях.

В числе народных преданий о богатырях прежнего времени у ногайских татар немало есть песен, в которых воспеваются какие-то деяния и великие замыслы знаменитого мурзы Мамай, памятного истории своим поражением в Куликовской битве, а также прославляется геройство Адиль-Герая, известного своими романтическими приключениями во время своего пребывания в плену у персов. Иногда подвиги этих обоих героев переносятся народными песнями на почву Крыма. В этих-то самых песнях имя «Крым» неоднократно является с эпитетом *яссы* — «широкий, пространный»: выражение *Яссы Кырым* «Широкий Крым» имеет в этих песнях точно такой же смысл, как *Яссы Идил* «Широкая Волга»²⁸⁵. Хотя обычная в народных произведениях неопределенность позволяет под Крымом в этих песнях разуть и весь полуостров; но ничто не мешает подразумевать и собственно город Крым, ибо в этих песнях беспрестанно упоминаются и другие татарские города и крепости, как Бакчэ-Сарай, Ак-Мечеть, Астрахань, Ор, Кыркор, Азов; да притом собственно Крымский полуостров едва ли мог ногайцам показаться обширным, раздольным после необозримых степей материка, где находились их главные кочевья.

Если наше предположение, что *Яссы-Кырым* в ногайских песнях означает город Крым, верно, то само собой далее следует, что когда славный город Крым пришел в упадок и запустение, непременно должен был утратить свой смысл и прилагавшийся в нем эпитет *яссы* = «обширный»: он должен был или совершенно отпасть и исчезнуть из употребления в живой речи местного народонаселения, или уступить свое место другому, который бы более соответствовал действительному состоянию некогда цветущего, а потом совсем развалившегося и заброшенного города. Ничего не могло быть проще и легче, как измениться слову *яссы* в очень близкое к нему по своему звуковому составу тюркское же слово *эски* = «старый, древний»: оно как нельзя более подходило к имени города, за которым только и осталось достопамятного, что он стар, древен, давно занимает известную местность; а цветущее

великолепие его, многолюдство и разноплеменность жителей, торговая оживленность, сосредоточенность мусульманской учености и религиозного представительства — все это со временем изгладилось из народной памяти и едва ли сколько-нибудь воскрешается в ней присоединением к имени города Крыма эпитета *эски* = «старый».

Так как главным основанием для нашего объяснения имени «Эски-Крым» нам служат здесь народные песни, то невольно приходит в голову вопрос о том, мог ли поэтический эпитет *яссы* = «широкий», который в ногайских песнях прилагается не только к Крыму, а и к Волге, обратиться в ходячий, вульгарный придаток к имени города Крыма, а потом видоизмениться в простой географический термин. Правда, что в настоящий момент не представляется другого подходящего примера, равносильного рассматриваемому нами в турецкой географической номенклатуре, но мы позволим себе обратиться к аналогическим фактам в языке русском, ибо некоторые явления и условия духовной жизни и творчества речи одинаковы у всех народов. Положим, что, например, в русских песнях река Волга обыкновенно называется *широкой*, *матушкой*, а между тем ни один из этих эпитетов не сделался с именем реки простым географическим термином. Но то, что не заурядно, не общепринято, еще не совсем непозволительно, не безусловно невозможно. Известно, что к иным местностям в народе живет какое-то особенное чувство, то благоговейное и симпатичное, то враждебное и антипатичное, и оно постоянно проглядывает не только в поэтических его произведениях, а даже и в обыкновенной, житейской речи: русский человек, например, в особенности простолюдин, охотно скажет и запросто, что он едет, положим, в *Белокаменную*, подразумевая Москву; наша столица у простого народа называется не Петербургом, а *Питером*, т.е. тем именем, под которым она только и является в народных песнях и поговорках. Мало ли у нас географических названий вроде *Чистое Поле*, *Синее Море* и т.п., которые в сильной степени отзываются поэтическим колоритом. Подобная склонность к поэтической живописности в названиях местностей не чужда также и туркам, как это показывают многие географические наименования, вроде *Кызыл-Эльма* = «Красное Яблоко» (Рим), у турок османских, *Чатыр-Даг* = «Шатер-гора», *Аю-Даг* = «Медведь-гора», у крымских татар.

И так Солхат, переименованный в Крым и, позднее, в Эски-Крым, был главным центром татарского господства на Таврическом полуострове до утверждения династии Гераев. Такое значение этого города надо понимать однако же не в том смысле, чтобы он был столицей какого-либо отдельного татарского государства, а в том, что в нем сосредоточивалось все то, что служило высшим выражением татарско-мусульманского престижа в стране — религиозные учреждения с соответственным персоналом, т.е. мечети, дервишские текье (монастыри. — *Примеч. ред.*), медресе, с их муллами, шейхами, кадиями и т.п.; обнесенная каменной оградой и рвом крепость, способная выдерживать сильную осаду; караван-сарай для склада товаров и проживания проезжих торговцев. Первые удовлетворяли высшим духовным потребностям окрестного кочевого народонаселения и поддерживали внутренний гражданский порядок, ведая суд и правду; вторая служила убежищем и оплотом богатого населения и местных правителей на случай вторжения внешнего врага; третьи составляли источник доходов, поступавших в казну владельцев края и их правительственных органов. Несмотря на многие свои преимущества, город Крым однако же не был постоянной резиденцией золотоордынских ханов: они иногда бывали в нем временно, мимоходом, в качестве гостей или беглецов, спасавшихся туда от преследования своих противников. Через город Крым, лежавший на перепутье, они вели свои сношения с знатным в то время египетско-мамлюкским султаном. Памятником этих сношений было построение великолепной мечети в Крыме на иждивении мамлюкского султана Бейбарса, приславшего и деньги, и своего мастера для производства на этой мечети эпиграфических и других орнаментов²⁸⁶. Но особенно благоволил к городу Крыму, по-видимому, Узбек-хан (1313—1342). Арабские историки не нарадуются благочестию Узбека и ревности, с какой он утверждал в своих владениях правоверие, выстроивши себе особую мечеть для аккуратного совершения пятикратной молитвы и преследуя тех своих из подданных, кто неодобрительно относился к его мусульманскому ревнительству²⁸⁷. Поэтому покойный Брун не без основания утверждал, что фанатическое убийство князя Михаила Ярославича Тверского Узбеком произошло именно в городе Крыме во время пребывания там последнего²⁸⁸. Кроме удобств быстроты сношений с Египтом, которые особенно участились

при Узбеке, Крым мог привлекать его и обилием предметов, должествующих удовлетворять религиозным чувствам истого мусульманского адепта: в Крыму, как мы сказали, были и мечети, и дервишские монастыри, и много духовно-ученой мусульманской братии. Другим археологическим подтверждением пребывания Узбека в эту пору в Крыму служит сохранившийся до нашего времени портал мечети, построение которой относится к тому же времени. Смысл надвходной надписи таков, что, можно думать, это и есть та самая мечеть, которая, по словам арабских историков, была построена самим Узбеком. Эта надпись обыкновенно переводится так: «Да будет благодарение Всевышнему за руководство на путь истинный, и милость Божия на Мухаммеде и его преемниках. Строитель сей мечети, в благополучное владычествование великого хана Мухаммеда (да будет владычество его вечно!) смиренный раб, нуждающейся в милосердии Божиим, Абду-ль-Гази-Юсуф, сын Ибрагима Эзбали. 714 гиджры (от Р. Хр. 1314)»²⁸⁹. Перевод этот, сделанный г. Негри, не совсем полон. В тексте после ханского имени Мухаммед стоит одно слово, которое опять повторено в конце, после имени архитектора. Г. Негри в первом случае совсем пропустил его, а во втором передал его по-русски, согласно с копией арабского текста, словом «Эзбали». Но что же это такое за «Эзбали»? По форме это слово похоже на прилагательное относительное, которое может быть производимо от имени места; следовательно, здесь оно должно означать прозвище архитектора, или его отца, Ибрагима — «Эзбайский» или «Эзбальский». Но никакого более или менее известного географического имени, сколько-нибудь похожего на *Эзба*, или *Эзбал* и т.п., не существует. При осмотре же подлинной надписи портала, можно заметить, что слово, прочитанное *эзбали*, — в первом случае следует читать — *Узбек*, ибо конечная буква сделана длинная и размашистая, что ее нетрудно принять за другую букву. Следовательно, фразу надо перевести так: «во дни царствования великого хана Мухаммеда Узбека». И на монетах хан Узбек обыкновенно носит двойное имя — национальное «Узбек» и мусульманское «Мухаммед», или же одно первое; второе же в одиночку не встречается. Явно, что и здесь Узбек является с двойным именем. Труднее решить, в каком значении то же слово могло быть придано в имени архитектора Абду-ль-Гази-Юсуф-ибн-Ибрагима. Остается прибегнуть к конъек-

туре. Узбек-хан так был знаменит в свое время, что в честь его некогда названа была обширная площадь в Каире, которая и до сих пор сохраняет название Узбековой²⁹⁰. Мусульманские историки, превознося этого хана, самое Золотоордынское царство иногда называют просто «Страной Узбековой»²⁹¹. Нет ничего удивительного, что архитектор, увековечивший в надписи свое имя, тоже счел лестным для себя присовокупить к своему имени и прозвище «Узбекский», или «Узбеков», намекая этим, может быть, на то, что он не был местный, доморощенный мастер, а специально был выписан из Египта благочестивым строителем мечети, ханом Узбеком, подобно тому как прежде него был тоже нарочито прислан оттуда в Крым резчик для изсечения султанских титулов на мечети, построенной султаном Эльмелик-Эннасыром²⁹².

Но это едва ли не единственный исторически засвидетельствованный случай пребывания золотоордынского хана, правоверного и общепризнанного обладателя всего Джучидского улуса, в главном городе одного из важных уделов своего царства, Крыме. А то обыкновенно этот удел ведался ханскими *наместниками*, да иногда появлялись там случайные авантюристы и узурпаторы, из которых иные стяжали себе громкую известность в истории своими деяниями и печальной судьбой, другие же исчезли бесследно, едва оставив по себе память лишь по имени.

Выше мы видели, что эти наместники у туземного народонаселения крымского, по крайней мере у генуэзских колонистов, известны были под названием тудунов, но что сами татары вовсе не пользовались этим архаизмом хазарской эпохи в своих официальных актах.

Арабские историки также знают о существовании звания *наместников* — во всех государствах, где правили потомки Чингиз-хана. По словам их, эти наместники назначались из татарских вельмож первого разряда, которых они называют *старшими эмирами*, в отличие от второго разряда — обыкновенных, или *младших эмиров*, по-арабски²⁹³. Слово *эмир* по коренному своему составу принадлежит арабскому языку. Если же оно и могло быть усвоено монголо-татарами, то уже, вероятно, не ранее как с утверждением и распространением среди них мусульманства и моды на все мусульманское, благодаря благочестивой ревности или политическому расчету некоторых ханов, из коих Джаныбек, например, заставил своих подданных надеть чалмы и ферязи, в противность

их народному обычаю²⁹⁴. Отсюда естественно, что титул *эмир* был в ходу главными образом у монголо-татар, владивших в Персии и Египте²⁹⁵, тогда как в ярлыках золотоордынских ханов он не встречается. Нет его и в итальянском переводе договорного акта генуэзского, где свидетели с татарской стороны подписались с титулом *bey*, вследствие чего ученый комментатор этого акта и в итальянском слове *segno* видит передачу того же самого татарского титула *бек*, или *бей*²⁹⁶. Да и сами арабские писатели не совсем тверды в употреблении эпитета *эмир*: Ибн-Батута, кроме общего деления эмиров на старших и младших, особенно говорит об *эмире-темнике*²⁹⁷. Ибн-Хальдун, например, говоря об эмирах, называет их еще *царями Монгольскими*,²⁹⁸ а между тем другой, не менее авторитетный и основательный писатель, Эль-Омари свидетельствует о неуважении и пренебрежении кыпчаков к этому последнему титулу, так что рекомендует султанско-египетской канцелярии избегать его употребления в официальной переписке с ними²⁹⁹. Точно так же потом Эльмухыбб и Элькалькашанди относят в разряд эмиров темников, нойонов, визирей и инаков³⁰⁰. Таким образом, титул *эмир* в приложении к татарским вельможам у мусульманских историков был скорее книжным термином; на практике же у татар в равносильном смысле употреблялся титул *бей*, — как это явствует из татарских официальных документов и косвенным образом вытекает из свидетельства тех же историков: описывая внутренние порядки в стране кыпчаков, они говорят, что управление их государством было в руках *улусных эмиров*; что улусных эмиров было четыре и старший из них назывался *бекляр-ибек*, т.е. бек над беками, а по-арабски эмир над эмирами³⁰¹. Но что эпитет «эмир» также имел в свое время какое-то жизненное значение в улусе Джучидском, доказательством этого служит оставленный им глубокий след в титуле *мурза*, который есть не что иное, как сокращенное и несколько видоизмененное арабско-персидское *эмир-задэ* — «эмирович». Титул этот хоть и более поздний, но зато самый популярный и пережил все другие почетные приставки к именам татар, считающих свое происхождение знатным.

Называя татарских беков, впоследствии мурз, эмирами, мусульманские историки довольно ясно определяют их общее положение в Золотой Орде, сравнивая его иногда с положением подобных им вель-

мож в других государствах, бывших под властью монголо-тюркских династий.

Эль-Омари, со слов одного очевидца, говорит, что дворец золотоордынского хана в городе Сарае «окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его; в этом дворце их зимние помещения»³⁰². Некоторые из них несли придворные должности; например, эмир Байдара был начальником охоты при хане Узбеке³⁰³, подобно тому как эмир Сейф-эд-Дин Урудж состоял начальником дворцовых музыкантов при дворе мамлюкского султана в Египте³⁰⁴. Про другого эмира, Байтару, говорят историки, что он находился в услужении у влиятельной в свое время Джиджек-хатуни, жены хана Менгу-Темира, и погиб вместе с нею от руки временщика Ногая³⁰⁵. Арабский путешественник Ибн-Батута, описывая празднование рамазана при дворе Узбек-хана, точно обозначает различие между старшими и младшими эмирами, наблюдавшееся в этикете ханского двора³⁰⁶. Близость эмиров к хану и его двору неизбежно создала им влиятельное положение в Орде, но оно усиливалось или ослаблялось, смотря по личным свойствам и характеру правивших в Орде ханов. Хан Тохта, например, по интригам временщика Ногая, действовавшего через жену свою Байлак-хатунь, вытребовал к себе поодиночке и предал смерти тех эмиров, на которых ему было указано интриганом как на «остальное вредное терние», достойное искоренения³⁰⁷. Подобную же кровавую расправу учинил Узбек-хан над эмирами, выказавшими свое неудовольствие на принятие им ислама и сговорившимися свергнуть его³⁰⁸. Тем не менее однако ж такое деспотическое обращение ханов с эмирами не уничтожало влиятельности последних, благодаря ничтожеству лиц, восседавших на ханском троне, и лености их ведать самим дела правления. Эль-Омари, касаясь государственных порядков у туранцев, т.е. в Мавераннагре, Хорезме и Кыпчаке, не без удивления замечает, что у царей их нет большой заботливости об учреждениях; что в правительственных делах там принимают деятельное участие не только эмиры, но и знатные дамы. «Мне привелось, — пишет он, — видеть много грамот, исходивших от царей этих стран, времен Беркэ и позднейших, а в них (читать): *мнения хатуней и эмиров сошлись на этом*»³⁰⁹. Хан Туда-Менгу (1281—1288), по свидетельству историков, питал отвращение к занятию государственными делами и проводил все время в религиозных упраж-

нениях и собеседничестве с разными святошами — факирами, шейхами и другими ханжами³¹⁰. Самым образцовым и знаменитым ханом, как по личным качествам, так и по необыкновенному порядку, бывшему в Орде в его правление, выставляется у мусульманских историков Узбек-хан, а и про него тот же Эль-Омари говорит, что он обращал внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств³¹¹. Следовательно, хан давал, так сказать, общее направление ходу дел в государстве, сообразно своим взглядам и наклонностям, фактическое же осуществление властных прав — то, что составляло, по выражении Эль-Омари, подробности обстоятельств, было в руках его ближайших подручников, и прежде всего, конечно, эмиров. На аудиенции, данной послу египетского султана Эльмелик-Эннасыра, приехавшему сватать за своего государя Чингизидскую царевну, Узбек сказал ему, чрез переводчика, что если в его докладе содержится что-нибудь кроме простого приветствия, то пусть он переговорит об этом с эмирами, которые потом и собрались на совещание в числе 70 человек³¹². Поэтому Эльмухыбби не без основания говорит про инака Кутлу-Бугу, что «это один из четырех (улусных эмиров), которые, по принятому обычаю, бывают правителями в землях Узбека»³¹³. Элькалькашанди, повторяя сведения Эльмухыбби, который, в свою очередь, следовал Эль-Омари, насчет эмиров Золотой Орды пишет: «Управление этим (т.е. Золотоордынским) государством в руках улусных эмиров и визиря, как в царстве Иранском; но у улусных эмиров и визиря этого царства нет такой исполнительной власти, как там, т.е. что они ниже саном, чем улусные эмиры и визирь в Иране... Переписка с улусными эмирами и с визирем в этом (Кыпчацком) царстве была проще, чем переписка с улусными эмирами и с визирем царства Иранского»³¹⁴. Тут заметно некоторое самопротиворечие мусульманских историков, которые представляют эмиров то главными заправилами в государстве, то беспрекословными последователями распоряжений какого-то визиря. В последнем случае, кажется, можно подразумевать такое положение вещей, когда случайно выдвигался из среды эмиров один какой-нибудь, который ловко и быстро приобретал силу и влияние в Орде и забирал фактическую власть в свои руки, не только по-своему распоряжаясь действиями других эмиров, но управляя и волей самого хана, хотя мог и не носить какого-либо особого титула, вроде визиря; который, говоря

короче, становился временщиком. Таковы были в свое время временщики из эмиров Ногай, Джубан, Мамай, Идики. Это предположение наше отчасти оправдывается разномыслием арабских историков относительно сана и роли известного Мамаю. Эльмухыбби, по поводу переписки египетского султана с Мамаем, делает такое замечание: «Говорят, что он правил землями Узбековыми; что при хане Мухаммеде, о котором было упомянуто выше, он занимал положение, подобное тому, какое занимает при высочайшем дворе (египетском) его покойное степенство, Сейфи Телбога Эль-Омари»³¹⁵. Элькалькашанди же подверг сомнению это известие Эльмухыбби на том основании, что если бы, говорит он, Мамай занимал то же положение в Золотой Орде, какое занимал Телбога в земле Египетской, то, значит, он был бы старшим эмиром, а между тем ему писали с меньшим почетом, чем улусным эмирам³¹⁶.

Такого могущественного значения достигали татарские вельможи в роде Ногай, благодаря как своим личным способностям, так и некоторым выгодным условиям, в которых находилась корпорация эмиров, или беков татарских. В принципе территория целой Орды составляла неограниченное достояние носителя верховной власти, хана. Это абсолютное владычество ханов над землей формулировано у тюрок в поговорке: «Куда ступит копыто ханского коня, то и принадлежит хану»³¹⁷. Но это не исключало возможности для других лиц высшего ранга в Орде иметь свои, иногда весьма крупные, земельные владения. Эль-Омари говорит, что у эмиров были свои земли, которые иным приносили по сто, по двести тысяч динаров годового дохода³¹⁸. Получая такие большие доходы, они могли содержать значительное число ратников, которые в совокупности составляли внушительную военную силу. Весь успех временщиков поэтому зависел от умения их пользоваться в своих интересах и благоволением хана, и сторонничеством эмиров, соразмеряя одно с другим, смотря по тому, что было в данный момент нужнее им — произвести ли давление на первого, или устранить опасность соперничества вторых.

Так как Крым считался уделом Золотоордынской империи до самого ее распада, то и вся его политическая история до воцарения династии Гераев в сущности есть история Золотой Орды: существовавшие в ней внутренние порядки переносились первоначально целиком в Крымский удел, видоизменяясь потом соответственно местным условиям; проис-

ходившие в ней политические события отражались известными последствиями и на судьбе Крыма.

Первый исторически известный из эмиров, игравших первенствующую роль в Золотой Орде, был Ногай, племянник Беркэ-хана. Выдвинувшись при нем своей военной храбростью и ставши главным предводителем войск ханских, этот одноглазый старик был вместе с тем ловкий и искусный интриган. Действуя через посредство влиятельных при дворе дам, он особенно упрочил свое положение в царствование полупомешанного и бесхарактерного хана Тула-Менгу, который проводил все время в религиозных упражнениях и собеседничестве с разными святошами, а государственными делами вовсе не занимался, как уже было выше замечено. Когда же преемник этого хана Тула-Буга вознамерился было ограничить самоуправство могущественного временщика, то Ногай, при содействии матери хана, коварным образом заманил его в засаду и беспощадно умертвил его вместе с некоторыми братьями, престол же ханский предложил Токте, рассчитывая упрочить свое могущество на благорасположении своей креатуры. Для большей же безопасности со стороны тех эмиров, которые были на стороне убитого хана Тула-Буги, Ногай чрез посредство жены своей Байлак-хатуни уговорил нового хана искоренить «остальное вредное терние», как он называл враждебных ему и обреченных им на погибель эмиров. Токта вызвал в себе указанных эмиров поодиночке и предал их смерти. Получив известие об исполнении этого своего жестокого желания, Ногай успокоился, считая свое положение окончательно упроченным. Само собою разумеется, что могущество главы рода повело к возвышению и целого рода: «стали властвовать дети Ногай и дети детей его; усилилось могущество их; окрепли власть и значение их», замечают по этому случаю мусульманские историки³¹⁹. Ногай так успешно достигал своих целей, без сомнения, благодаря своему умению расположить к себе хана и сделать своими приверженцами многих эмиров, даже тех из них, которые прежде не были его сторонниками. Для этого Ногай пользовался всякими обстоятельствами: сам он подстрекнул Токту-хана к истреблению неприятных ему эмиров, а когда уцелевшие из них, испугавшись беспричинной жестокости нового хана, бросились искать себе спасения, он же первый обласкал их и отвел им на своей земле места для жительства. Когда же Токта-хан спохватился

в ошибочности своих отношений к Ногаю и послал ему грозный вызов в виде эмблематического сюрприза, состоявшего из сохи, пука стрел и горсти земли, то Ногай считал свою позицию настолько уже надежной, что смело принял этот вызов: он открыто выступил против Токты-хана в 1297 году с 200 000 всадников, и хан потерпел поражение³²⁰.

В эту же достопамятную эпоху в жизни Ногая мы видим его действующим в Крыму. Поразив Токту, Ногай, по свидетельству Рукн-эд-Дина Бейбарса, захватил его области, к числу которых принадлежали и земли Крымские, куда Ногай послал сына дочери своей собирать дань, наложенную на тамошних жителей. В приписке в рассказе арабского историка находится заметка, что Токта подарил Крым Ногаю³²¹. Действительно, могло быть так, что Токта в пору своего благорасположения в Ногаю сделал ему такой подарок; но вскоре за этим произошел между ними раздор, и Ногай, победив своего патрона, простер свою властную руку на Крымский удел на двояком основании — и в силу дарственных прав на этот удел, полученных им от настоящего, законного хозяина земли, хана, и в качестве победителя, восторжествовавшего над своим неприятелем, опять-таки над ханом. Выше мы видели, что случилось с Актаджи, внуком Ногая, в Крыму, — как его пьяного умертвили там, и как Ногай двинул туда огромное войско, которое произвело погром и опустошение по всему полуострову³²². В названной приписке в истории Бейбарса сказано, что в Крым отправились сперва Таз, зять Ногая, и эмир Алтыбарс с войском приблизительно в 4000 всадников, а полчища, посланные туда Ногаем, были предводительствуемы эмиром Маджи³²³. Естественно, что войска могли быть вверяемы Ногаем только людям, преданным ему. Очень может быть, что эта экспедиция состоялась именно с участием тех эмиров, которые бежали от Токты-хана и нашли покровительство у Ногая, так что самое водворение их на новых местах можно понимать в смысле вторжения их в Крым в сопровождении полчищ Ногая. Другой историк арабский, Эльмуфаддаль, говорит, что Ногай сам лично приходил в Крым чинить опустошение. При этом он сообщает причину описанного им погрома Судака. Историк тут несколько путается, но тем не менее в этой путанице проглядывает кое-что весьма правдоподобное, проливающее свет на тогдашнее состояние Крыма, подвластного татарам. Причиной нашествия татар, говорит Эль-

муфадаль, было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями; что один из них был Токтай³²⁴, тот самый, который находился в дружбе с властителем Египта, посылал к нему послов и подарки; и что цари, которые были соправителями его, обижали наместников его в том, что касалось причитавшихся ему доходов³²⁵. Неясность известий Эльмуфаддаля заключается в том, что он золотоордынских ханов везде титурует эпитетом «царь», в том числе и Ногай тоже называем царем, *сидевшим на престоле Беркэ*. Так как при этом стоит дата 1298—1299 гг., то не удивительно, что Ногай, разбивши Токту-хана и фактически захвативши в свои руки власть над целой Ордой, прослыл в чужих краях самостоятельным властителем наравне с прочими ханами Золотой Орды, по крайней мере на то время, пока сам не погиб во вторичном сражении с оправившимся Токтою в 1300 году. Но в таком случае кто же те четверо татарских царей, между которыми делились дани, собиравшиеся с Судака и других доходных местностей крымских, и к числу которых принадлежал царь, неясно обозначенный в арабском тексте и принимаемый за Токту-хана? Число четыре, встречающееся здесь у арабского историка, указывает на то, что под царями здесь надо разумеать именно четырех улусных эмиров, которые, по общему свидетельству историков, управляли всеми государственными делами в Орде. В Крыму сидели ханские наместники, сбиравшие дани, из которых известная доля отчислялась хану, а остальные доставались ближайшим его подручникам, четверем улусным эмирам. Что касается до обид, причинявшихся этим наместникам тетрархами, то Эльмуфадаль тут, надо полагать, хотел изобразить административную и затем военную экзекуцию, произведенную Ногаем, когда последний, разбив Токту-хана, послал внука своего Актаджи в Крым собирать дани в свою собственную пользу, а прежний ханский наместник, естественно, должен был оставить свой пост, или же, не желая этого, должен был оказать вооруженное сопротивление агентам нового властителя, Ногая. Очень возможно, что этот строптивый наместник был тот самый Табук, или Таюк, о котором у нас была речь раньше³²⁶.

В числе местностей, пострадавших от нападения полчищ Ногая в Крыму, упоминается, между прочим, Кырк-Иери, весьма замечательный географический пункт во времена утверждения там татарского владыче-

ства. Это была труднодоступная цитадель на той крутой скале, где ныне находятся лишь развалины жилищ обитателей позднейшего времени, мирных торговцев-караимов, да древнее кладбище, прославившееся в учено-археологическом мире, благодаря надгробным надписям, вызвавшим столько ученых соображений и пререканий. Теперь это местечко называется Чуфут-Калэ — «Жидовская крепость», «Жидовский городок»; прежнее же его название возбуждает нескончаемые сомнения и разные толкования. Произношение его имени в исторических памятниках, где встречаем о нем упоминание, до крайности разнообразно: оно звучит, следуя хронологическому порядку этих памятников, так: *Керкри* (у Абульфеды, XIV в.), *Каркери* (у Шильтбергера, XV в.), *Киркель*, *Kirkiel* (у польских писателей), *Керкиард*, *Cherkiarde* (у Барбаро, XV в.), *Керкер*, *Chercher* (у Контарини, XV в.), *Киркеры* и *Киркер* (в Литовских грамотах, XV в.), *Крикъер* (у караимского раввина, XV в.), *Херхиард* (в сочинении о татарах неизвестного автора, XVII в.), *Кыркор*, *Кирькор*, *Киркор*, *Киркир* (в русских грамотах). Все эти варианты можно видеть в «Крымском Сборнике» Кеппена³²⁷. В том же Сборнике сделано замечание, что последняя, русская форма — *Кыркор* или *Киркор*, находится у Карамзина, который дважды упоминает о Кыркоре на основании Дел Крымских, хранящихся в московском архиве МИД впервые под 1521 годом и потом десятью годами позже³²⁸. Но в Делах Крымских о Кыркоре упоминается, и даже довольно часто, гораздо ранее. В грамоте Колычева от июня 27 1492 года говорится: «Да сам, государь, царь (Менгли-Герай) поехал на третей день *в Кыркор*, а мне велел на собою быти и с казною. Да приехав, государь, *в Кыркор*, велел ми у себя быти назавтрее в вечере»³²⁹. В январе 1493 года Костя Заболотцкий доносил в Москву: «Приехали есми, государь, в Орду на Козмодемьянов день, а царь был *в Кирькоре*, а посол был королев в Орде князь Иван Глиньской; а хотел царь посла королева отпуститьи часа тово, и царь нам велел с Лобаном *в Кыркоре* у себя быти... А мне, государь, царь с собою итти не велел, а велел ми жити без себя *в Кыркоре*»³³⁰. Он же опять передает речи Менгли-Герая, который между прочим сказал: «И яз посла из *Кыркора* отпустил, а быти ему у меня поиману в новом городке»³³¹. Насчет того же литовского посла уже сам Менгли-Герай пишет Великому князю Ивану Васильевичу в своем ярлыке от 1 сентября 1493 года: «Которой

посол пришел, и яз его поймав, крепить велел, и до сих мест в городе в нашем в *Кыркоре* в крепи»³³². Константин Заболотцкий подтверждает вышеприведенный факт в своей грамоте того же года, говоря: «И царь, государь, с моих речей того Леза поймал и посадил его в *Кыркоре* и людей его перепродал»³³³. В наказе Звенцу от 11 октября 1496 года, в числе обид и покраж, причиненных крымцами русским, значится между прочим: «Да *киркирского* наместника сын Мамышев взял у великого князя людей силою за пошлиною две однорятки, да два сагадака, да полотно, да двадцать стрел»³³⁴. В августе 1500 года Иван Кубенский доносил великому князю: «Да Ебага улан привел, государь, к Менгли-Гирею царю царевича Менглишика Ягубова... и нонеча, государь, тот царевич скован сидит в *Кыркоре*»³³⁵.

Замечательное местоположение Кыркара и несколько загадочное значение этой природной крепости в эпоху образования самостоятельности Крымского ханства сделали его предметом легендарных преданий и серьезных недоумений позднейших ученых. Турецкий историк Аали-эфенди в географическом описании седьмого климата говорит о нем так: «Кырк-Эр есть крепость, из городов асских на севере от Сары-Кермана. На весьма высокой горе находится»³³⁶. У Сейид Мухаммед-Ризы и автора сокращенной истории Крыма находим следующее о нем повествование. «Упомянутый замок, — читаем у них, — есть находящаяся близь Бакчэ-Сарая, на вершине крутой горы, построенная из мелких, твердых камней, крепкая, не имеющая себе подобных, твердыня». Автор «*Таблицы стран*» (т.е. Абульфеда) описывает его под именем «К-р-к-р» — под 50° долготы и 50° широты³³⁷, и объясняет значение имени его с турецкого — *сорок человек*. В прежние времена непохвальный народ из племен Могульских³³⁸, называемый *ас*, вследствие полной своей уверенности в неприступности замка, проявлял непокорность и сопротивление Крымским ханам. Один из потомков Чингисхановых, Шейбек-хан, напрягал все усилия, чтобы осадить и стеснить его, но не в состоянии был завоевать и покорить его. Тогда один из эмиров племени Яшлау, сметливый человек, подал блестящую мысль вооружиться новым и крепким оружием изречения «Война — хитрость». Он велел собрать все, сколько было в ханском лагере, барабаны, дудки и вообще все музыкальные инструменты, а также тазы, горшки и прочую медную

посуду, и колотить в них в течение трех дней и ночей. По поговорке: «Таз упал с крыши»³³⁹, произведенный шум, точно светопреставление, ошеломил и привел в остоленение жителей крепости. Они думали, что уже происходит атака, и с оружием в руках трое суток не спали: все караулили в указанных им местах, стоя на ногах, точно кладбищенские надгробные памятники. Когда не стало у них мочи, на четвертый день они все поневоле мертвецки заснули. Хитрый мирза, воспользовавшись этим случаем, развернул свое победоносное знамя и с своими приверженцами, именитыми татарами, произвел атаку. Скверные гяуры спали и не чуяли нападения татар, которые без боя и сражения овладели ключами означенной крепости³⁴⁰. Затем присовокупляется еще одно важное обстоятельство, которое полнее изложено в сокращенной же истории, а именно: «Со временем, когда мусульманам не стало надобности в означенной крепости, в ней заставили водвориться корпорацию караимов из жившего в Бакчэ-Сарае племени иудейского. До сего времени из поголовной подати с них часть приходится на долю Яшлауских беков».

Предание о взятии Кыркора сильно напоминает собою библейское сказание о взятии Ерихона евреями и тем обнаруживает смешение правдоподобного с вымыслом. Но любопытно, что первоначальными обитателями Кыркора признается какой-то народ *ас*, этнографическое определение которого у крымских историков довольно смутное: один называет асов племенем монгольским, другой — татарским. Важно то, что караимы во всяком случае не считаются коренными жителями Кыркора, а водворенными в нем в позднейшее время по воле татар, вследствие чего крепость и получила другое имя — Чуфут-Калэ — «Жидовский город», которое постепенно совсем заменило прежнее его наименование. Объяснение причины выселения татарами караимов из прежнего их места жительства в Бакчэ-Сарайской долине на крутизну Кыркора тоже не кажется невероятным, ибо оно согласуется с образом жизни и нравами татар: степнякам, проводившим полжизни на коне, действительно, ни к чему была не нужна крутая и безводная скала Кыркора; плоская низменность около него, обильная водными ключами, имела для них большую привлекательность, и потому им легко могла придти в голову мысль вытеснить из этой последней проживавшее там чуждое им по племени население и основать свой собственный юрт, положивший

основание будущей новой столице ханства — Бакчэ-Сараю. Последний соединял в себе важные достоинства, чтобы служить местом главной ханской стоянки: будучи удобен для жительства низменностью своего местоположения, он находился в то же время возле такой неприступной возвышенности, каков был Кыркор, куда в случае внезапного нападения всегда можно было укрыться, как это и случилось с Менглы-Гераем³⁴¹.

Говоря о водворении караимов в Кыркоре, крымские историки однако же не дают известий о том, что случилось с сидевшими в нем дотоле асами. О поголовном избиении их, или вообще о какой-либо резне, ничего не говорится. Долина и ущелье, занимаемые Бакчэ-Сараем, и теперь кишат людьми разнородных национальностей: там есть и татары, и армяне, и караимы, и греки, и бухарцы, и цыгане, со множеством подразделений последних на какие-то цеховые роды — кэмэнчи, аюджу, гурбэт и т.д. В жалованных грамотах роду беков Яшлауских на доходы с жителей Чуфут-Калэ обыкновенно рядом с караимами упоминаются армяне. Можно думать, что татары, овладев Кыркором, загнали туда всех без различия иноплеменников, которые казались им одинаково враждебными и которые, сидя в Кыркоре, очутились как бы в постоянной осаде без надежды на свободное сообщение с окрестностями, и чрез то были лишены всякой возможности к дальнейшему неповиновению и сопротивлению татарской власти. Но какие установились взаимные отношения между самими разноплеменными обитателями Кыркора, на это ответить пока трудно. Видно только, что караимы возобладали над прочими народностями, судя по позднему переименованию прежнего Кыркора в Чуфут-Калэ. Но и они загадочное племя: по типу лица и по религии они сродни евреям; наречие же, которым говорят, принадлежит к тюркским и содержит в себе архаизмы, показывающее близость его к одному из старейших тюркских наречий — джагатайскому. Далее замечательно, что с одной стороны большинство надгробий прилежащего в Чуфут-Калэ кладбища носит еврейские надписи, относительная древность которых составляет предмет ученых споров; с другой стороны, среди самого Чуфут-Калэ находится татарско-мусульманская гробница Ненекэ-Джан-хаными, дочери Токтамыша, и относительно этой гробницы можно думать, что в склепе ее лежит несколько покойников какого-то татарско-мусульманского знатного рода. Все эти комбинации

обращают на себя внимание своею странностью и загадочностью, окончательно сбивающей с толку в вопросе об этнографической принадлежности первоначальных строителей и жителей Кыркара. Одни усиленные и тщательные археологические изыскания на местах древнейших поселений караимских в Крыму, может быть, сколько-нибудь подвинут этот вопрос к решению. Без этих же изысканий и разные конъектуры относительно настоящей формы имени Кыркара никогда не достигнут желаемой несомненности. Свод этих конъектур сделан у А.Я. Гаркави в упомянутой нами его статье «О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове» с его собственными соображениями касательно этимологии имени «Кыркор», или «Кырк-ер» из индо-европейского корня *кар*, усматриваемого в латинском *carcer*, немецк. *kerker* и т.п.³⁴². Не вдаваясь в новый пересмотр и критику этих конъектур и соображений, мы можем заметить лишь следующее. А.Я. Гаркави особенно настоятельно отрицает присутствие тюркского элемента в исследуемом имени, говоря: «Из всего... явствует, что имя Киркер не татарского происхождения, которому насильно хотят навязать тюркскую этимологию. Если обратимся к истории, то нам также станет ясным, что означенное название вовсе не должно быть татарским»³⁴³. Тем не менее для нас не совсем ясно, в чем тут насилие: напротив, всего более вероятности предполагать, что название Чуфут-Калэ, имеющее арабское начертание со всеми вариантами в его выговоре — *Кырк эр*, *Кырк йер*, *Кырк ор*, и т.д. — тюркской формации: чем же иначе объяснить то, что во всех почти памятниках, где дается этимологическое толкование этому названию, основным элементом признается в нем тюркское числительное *кырк* — «сорок»? Разница встречается только в объяснении второй половины составного имени: одни видят в ней тюркское же слово *эр* — «муж»; другие *йер* — «место»; третьи *ор* — «ров, крутизна», четвертые даже *юрт* — «жилье, становище». Наконец, так как в европейских памятниках встречается форма *Kirkiel*³⁴⁴, то можно, пожалуй, предполагать, что и в татарском выговоре, прежде чем явился звук *р*, на конце стоял звук *л*. В таком случае тут могло быть слово *иль* — «народ, племя, жители», как намек на разноплеменность жителей укрепленного города; или же там могло стоять слово *йел* — «ветер», и целое имя могло звучать *кырк йел* — «сорок ветров». Это последнее название

могло взяться с того, что на возвышенности Чуфут-Калэ, особливо в углублениях и пещерах ее утесов, беспрерывно и в разных направлениях ощущается движение ветра, даже в то время, когда в окрестных низменностях царит полнейшее затишье. Косвенным доказательством возможности подобной этимологической комбинации может служить доньне существующее наименование одного из утесов скалы Манкупской — *Йеллы бурун* — «Ветряной мыс».

Какую бы мы ни приняли этимологию имени, явно, что оно получило свое бытие от татар, у которых так же, как и других тюрков, была манера образовывать собственные имена из числительных, взятых в одиночку или, чаще, с придачею каких-нибудь нарицательных. Мы встречаем, например, в Крыму, следующие географические названия: *Отуз* — (Тридцать), *Кырк* — (Сорок), *Ондёртелиман* — (14 пристаней), *Кырк куладж* — (Сорок погонных саженьей), *Кырк азиз* — (Сорок святых). Из числа ногайских племен одно называлось *Докузлар оглу* — (Девятовичи). У татар литовских встречается географическое имя *Кырк татар* — (Сорок татар). У турков есть: *Кырк килиса* — (Сорок церквей), *Кырк агадж* — (Сорок деревьев), и т.п. Кроме того, числительное *кырк* — «сорок» употребляется для обозначения множества, обилия вообще: например, про извилистые реки турки говорят, что они *кырк гечит* — (сорок бродов), про крутые возвышенности — *кырк мердыван* — (сорок лестниц), и т.п. Мало того, как на курьез, можно указать на существование у турок личных прозвищ, образованных также из имен числительных: например, один ученый турецкий известен под прозвищем *Йиирми секиз* — (Двадцать восемь).

Если не татары впервые создали твердыню Чуфут-Калэ, то, само собою разумеется, не они же впервые и нарекли ее так или иначе; но отсюда никак еще не следует, что они не переименовали ее по-своему, как это они делали обыкновенно с завоеванными ими чужими местностями, не исключая и крымских. Можно только принять с полною достоверностью, что, переименовывая эту твердыню по-своему, они, по закону влияния омонимии, выбрали ей название новое по значению, но близкое к прежнему имени по звукосочетанию. В таком случае остается догадываться о том, какого корня и состава могло быть прежнее имя, на смену которого с нашествием татар явилось тюркское *К-р-к-р*, а еще позд-

нее — *Чуфут-Калэ*. Отдавая полную справедливость соображению г. Гаркави, мы все-таки не видим достаточных оснований для того, чтобы совершенно игнорировать и мнение Кеппена, усматривающего искомый корень в греческом языке, и следовательно допускающего возможность основания твердыни Чуфут-Калэ греками, а не аланами, или асами. Он полагает, что корнем имени *Кркр* можно считать греческое слово — *Κίρκος* или *Κρίκος* — «круг, кольцо, а в переносном смысле, окруженное стеною место»³⁴⁵. Но неприступность твердыни заключалась в естественных свойствах занимаемой ею местности, представляющей с трех сторон громадную отвесную свалу, тогда как стена, защищавшая крепость с четвертой стороны, все же оказалась не такою надежною обороною, чтобы в конце концов не уступить натиску осаждавших ее татар. Чтобы кончить теперь с вопросом о загадочной крепости, который, повторяем, не может быть окончательно решен без помощи археологических изысканий, позволим себе высказать еще одну конъектуру насчет древнейшего ее названия и первых ее соорудителей. В числе крымских городов, основание которых с наибольшею вероятностью должно быть приписано грекам, был также прибрежный город Каламита. Его греческое, а не иное какое-либо, происхождение выводится учеными между прочим и из этимологического состава самого имени, в котором возможно видеть греческие слова *καλός λιμήν* — «Хорошая пристань»³⁴⁶. Этот и подобные примеры показывают, что греки имели обыкновение в названиях местностей обозначать их свойство — «хороший» или «худой». Но если они называли пристань «хорошей», то ничто не мешало им назвать «хорошей» крепость или цитадель. И действительно, на крутом мысе, выдающемся в Черное море близ Варны и представляющем прекрасную защиту для кораблей во время бури, некогда существовал крепкий греческий замок, носивший название *Каллиакра*, отчего и самый мыс до сих пор значится на географических картах под тем же именем Каллиакра, или же, видоизмененно, — Джеблегра. Это та самая Килгра, о которой говорит турецкий путешественник Эвлия-челеби как о месте нахождения одной из семи гробниц мусульманского святого и чудотворца Сары-Салтыка. Эвлия-челеби дает этимологическое толкование имени «Килгра», неизвестно откуда им заимствованное. «Гроб, — говорит он, — был зарыт в Килгре в одной пещере Дракона (умерщвленного упомянутым свя-

тым), и отсюда он называется Килгра-Султан: *Килгра* значит по-латыни “семиглавый дракон”, это чисто по-латыни³⁴⁷. Имя Каллиакры также подверглось неизбежным видоизменениям в разных транскрипциях: оно пишется то *Caliatra*³⁴⁸, то *Kallacercka*, то *Kalliakra*, то *Caliacra*. При доказанном применении у греков имени *Каллиакра* к одному из укрепленных замков, который превосходил прочие крепости по берегу Черного моря своим положением на крутой возвышенности, возможно, что и Чуфут-Калэ, неоспоримо обладающее подобными же отличительными качествами превосходнейшей цитадели, также носило у греков название, которое весьма удобно могло у татар превратиться и *Кркр*. В этом предположении нас утверждает главным образом то, что во всех вариантах древнего названия Чуфут-Калэ мы видим одни и те же основные согласные звуки к-р-к-р, которые как нельзя более соответствуют греческим, звуки же гласные разнообразились потом и в говоре местных жителей, и в транскрипции иностранных путешественников и ученых наблюдателей, применительно к понятию, которое хотели выразить в той или иной вариации, считая его в свое время наиболее правдоподобным³⁴⁹. Дальнейшим подтверждением нашей конъектуры является упоминание Рубруквиса о Сорока замках — *Quadraginta castella*, в которых, по правдоподобной догадке покойного Бруна, «скрывается тогдашнее название города Кырк-ера»³⁵⁰. Г. Гейд, считающий эту догадку г. Бруна неосновательной³⁵¹, сам однако же не был в состоянии указать какие-либо «сорок замков», которые бы существовали когда-нибудь в маленьком пространстве между Херсоном и Судаком. Да и никогда не будет он в состоянии этого сделать. Когда сын султана Баязида II (ум. 1512), Ахмед, просил хана Менглы-Герая о содействии ему к занятию отцовского трона, против происков брата своего, впоследствии все-таки сделавшегося султаном, Селима, то в награду за это содействие авансом выслал хану жалованную грамоту, в которой было написано: «Все вообще находящиеся в Кэфской области владения, и в особенности с девятью известными и знаменитыми замками, да будут ваши, только не пускайте пожалуйста в ту сторону брата моего»³⁵². Стало быть, еще в ту пору Крым славился своими крепкими замками, и если бы у царевича Ахмеда было хоть какое-нибудь основание насчитывать их не девять, а сорок, то он бы непременно воспользовался случаем упомянуть об этом в своей

грамоте, для придания большей ценности своему подарку, который он сулил Менглы-Гераю. Соображения покойного Бруна кажутся нам более убедительными и заставляют допустить, вместе с ним, что «Рубруквис, по какому-нибудь недоумению, в имени Кырк-эр видел только намек на большое число замков Южного берега»³⁵³. Недоумение это нетрудно объяснить: оно могло быть вызвано тем, что татарское *кырк* — «сорок», слышное в имени *Кырк-эр*, сменившем греческое, взяло силу и сделалось популярным у местного населения во времена Рубруквиса, тогда как со второю татарскою половиною названия продолжало еще бороться, вследствие чего сами татары, должно быть, путались, подставляя вместо греческого слова то одно, то другое свое, близкое к нему по звукам. Они во всяком случае разумели под спорным именем *Кырк-эр* только один известный им географический пункт, согласно с духом своей тюркской логики и речи. Рубруквиса же его европейская логика заставила усомниться в возможности применения такого конкретного собирательного имени, как «сорок замков», к одному пункту, не могущему на практике вместить в себе такого количества замковых сооружений, и вот он безотчетно, повинаясь одному только теоретическому рассуждению, выдумал «quadraginta castella», которых никогда не видел в действительности. Поэтому же мы полагаем, что покойный Брун, в свою очередь, не совсем прав, утверждая дальше, что «эти замки не имели ничего общего с 40 городами, о которых говорит Абульфед»³⁵⁴. Напротив, известие арабского географа только подкрепляет предположение насчет недоумения европейского путешественника. Очевидно, что под влиянием того же самого недоумения Абульфед, говоря о Киркэре, производит его имя от татарских слов *Кыркэр* — «Сорок мужей», а в другом месте своей географии пишет о Крыме, что «это страна *сорока городов*»³⁵⁵. В таком случае из всех возможных вариантов второй половины имени, впервые явившейся со стороны татар на смену греческого, всего более вероятности приходится на долю тюркского слова, которое кроме «рва» значит, между прочим, еще «возвышенность, крепостная насыпь». Произнесенное вначале под влиянием известного впечатления и сознанного явления, это слово потом бессознательно варьировалось в живой речи пестрого крымского народонаселения, будучи искажаемо каждым по-разному с фонетическими свойствами природной его речи.

Таким образом, долина, примыкающая к Чуфут-Калэ, в которой расположен нынешний Бакчэ-Сарай с его предместьями, с давних времен сделалась вторым центром татарской колонизации, совершавшейся постепенно, по мере прилива татарских толп с материка под предводительством знатных эмиров, или беев, которые встречали какие-либо неудобства оставаться долее в коренных становищах Золотой Орды. Главным пунктом татарской оседлости там надобно считать именно ту часть долины, которая и до сих пор сохранила название Эски-Юрта — «Древнего сельбища». Доказательством этого служит археологический факт, сообщаемый у Эвлия-эфенди о дощечке с джагатайской надписью, найденной во время раскопки, произведенной в его присутствии в Эски-Юрте³⁵⁶. Турецкий путешественник замечает при этом, что в Эски-Юрте находились *могилы всех Крымских ханов*³⁵⁷. В сказании священника Иакова, написанном в 1634—1635 гг., читаем также: «Искиюрт от Бакчисараев с версту, церкви зело велика и украшена велми была, нынеже сделана мечетью; а *кладутся в ней Крымстии Цари и Царевичи*, а простые мурзы и татарове отнюдь не кладутся»³⁵⁸. И в самом деле: все почти гробницы членов фамилии Гераев, находящиеся на ханском кладбище близ главной мечети Бакчэ-Сарайского дворца, не восходят своею древностью далее начала XVII века, как показывают даты надгробных надписей. Исключение составляет могильный сундук в отдельной часовне, приписываемый Адиль-Сахиб-Герай-хану, который умер будто бы в 939 = 1632 году³⁵⁹. Но ложность этой даты, написанной, нужно заметить, на особом ярлычке, который привешен к могильному сундуку, явствует из того уже, что Сахиб-Герай-хан умер позже, в 958 = 1551 году, и похоронен в Салачике³⁶⁰. Подобный же вздор оказывается и на этикетке гробницы некоего Махмуд-Герая, умершего в 1100 = 1688 году³⁶¹. Вопреки и истории, и даже надписи на самом мраморном столбе гробницы, этот Махмуд назван в ярлычке ханом, который будто бы царствовал 9 лет; а между тем никакого хана по имени Махмуда не только в означенную на памятнике эпоху, но и за все время существования Крымского ханства не было. Откуда взяли такой факт составители надгробных этикетов, неизвестно. Вследствие этого о достоверности дат, означенных не на самих каменных гробницах, а на бумажных ярлычках, не может быть и речи, потому что Бог весть кем, когда и на основании каких данных эти

ярлычки писались и привешивались к могильным сундукам. Мало того: есть повод сомневаться в принадлежности самих могильных сундуков тем покойникам, имена которых названы в ярлычках. В обеих часовнях нами усмотрено по надгробному сундуку, которые оба приписываются их ярлычками одному и тому же покойнику, да еще не какому-нибудь неважному, а замечательнейшему из ханов Крымских Эльхадж-Селим-Гераю (ум. 1704). Сколько нам известно, все более или менее древние гробницы татарских царственных лиц находятся вне Бакчэ-Сарая, как, например, склеп Непэкэ-Джан-хаными в Чуфут-Калэ, усыпальница Хаджи-Герая в Салачике³⁶². Надпись, найденная на гробнице в Эски-Юрте, не имеет даты, но характерным признаком ее древности служит то, что упоминаемые в ней собственные имена лиц сопровождаются титулом *бей*³⁶³, которым величалась старотатарская знать. На ханском же кладбище с этим титулом являются лишь позднейшие покойники османского происхождения, все сыновья разных турецких пашей.

Так как собственно Бакчэ-Сарай лежит в середине между Эски-Юртом и Салачикским ущельем, ведущим в Чуфут-Калэ, то не может быть и поднимается вопроса о времени основания его, как города. Как показывает самое его имя — Бакчэ — «сад», тут во время оно была одна из пригородных ханских ставок, каких было много разбросано близ Эски-Юрта: кроме Бакчэ-Сарая, как известно, существовали Эльма-Сарай, Ашлама-Сарай, и др.³⁶⁴. Подобным образом квартал Долма-Бакчэ на Босфоре, где теперь красуется дворец турецкого султана, еще не так давно был тоже пригородным увеселительным местом, прежнее имя которого удержалось и за самим дворцовым зданием. Русские посланники Тяпкин и Зотов, ездившие в Крым в конце XVII в., упоминая о Бакчэ-Сарае, в то же время называют еще просто *бакчами* и другие местопребывания ханские. «Приехали мы с приставом своим беем на реку Качю, где стоял в *бакчах* Ханово Величество», читаем мы в статейном списке названных посланников³⁶⁵. Или еще: «Все помянутые чины к Хану съехались и засели в думе с его Хановым Величеством в *бакчах* его Хановых, на Каче»³⁶⁶. Тщательно описывая посещенные ими места, они однако же не называют имени Эски-Юрта, как не называет его и Броневский, хотя он целым столетием раньше Тяпкина и Зотова посетил Крым и останавливает в своих описаниях внимание на разных строениях и развалинах,

окружавших «небольшой городок и первый каменный дом, в котором жил хан, и который называется Бакчэ-Сарай»³⁶⁷. Речь может быть разве о том, когда ханский сарай, именовавшийся «Бакчэ», сделался предпочтительной резиденцией ханов, а Эски-Юрт был заброшен и потому мало-помалу пришел в запустение. Археологические исследования на пространстве Эски-Юрта и Азиза, усеянном древними развалинами, без сомнения, могут открыть много данных, которые должны будут уяснить истинное значение этой местности в истории утверждения татарского элемента в Крыму в до-Герайскую эпоху, когда наибольшими были в крае не ханы, а беки, вроде, например, беков Яшлау. Об этих последних сохранилось предание, что они играли весьма важную роль при завоевании татарами Кыркора во времена, предшествовавшие возникновению и утверждению в Крыму династии Гераев. По этому преданию, крепость не сразу сдалась осаждавшим. Тщетная вначале попытка овладеть ею приписывается тем же преданием некоему Шейбек-хану. Под этим именем истории известен Мухаммед-бек, один из ханов династии Шебайдинской, погибший в сражении с Исмаил-шахом Сефевии в 916 = 1510 году³⁶⁸. Между тем в это время над Крымом уже господствовал знаменитый Менглы-Герай, а потому не может быть и речи о каких-либо завоеваниях там Шейбека, сидевшего в отдаленных странах Средней Азии. Тут в предании или обмолвка, или анахронизм. Далее, мотивом к осаде и взятию Кыркора предание выставляет непокорность сидевших в нем асов «Крымским ханам». Правда, Иосафат Барбаро сообщает темное сведение о Менглы-Герае, что он тоже брал приступом Кыркор, воюя с засевшим там Эминек-беем³⁶⁹. Но тут есть одно довольно важное недоразумение, состоящее в том, что по другим известиям Эминек-бей был не врагом, а сторонником Менглы-Герая. Далее, в эту пору Кыркор по временам служил резиденцией для самого хана Менглы-Герая и убежищем для его потомков во время их междоусобных распрей³⁷⁰, так что завоевание его Менглы-Гераем может быть отнесено в число частных фактов нападения на крепость, случавшихся в эпоху принадлежности ее татарам. Затем, по Барбаро, Менглы-Герай отнял крепость у своего же брата татарина, тогда как предание ясно называет прежними обладателями ее неверных асов. Под Крымскими же ханами в предании могут разумеаться и ханы золотоордынские, к владениям которых долго при-

числялся Крым. Наконец, в предании взятие Кыркора татарами тесно связывается с водворением там караимов, а у Барбаро нет даже намека на какие-либо распоряжения Менглы-Герая насчет этого водворения.

Что же касается деятельного участия в завоевании Кыркора одного из эмиров Яшлау, так это обстоятельство находит себе подтверждение в сохранившихся до нас документальных данных, содержащихся в ханских ярлыках и султанских ферманах, которыми подтверждались давнишние владетельные права Яшлауских беев на Чуфут-Калэ. Старейший из этих документов есть ярлык Бегадыр-Герай-хана (1637—1642), помеченный 1047 = 1637 годом. В нем Яшлауские беи названы «*древними владетелями города Кыркы*, ныне именуемого Жидовским городом», а жители того городка — подданными тех беев³⁷¹. Таких вещей спроста не вписали бы самые завзятые восточные риторы, писцы ханской канцелярии, в жаловано-подтвердительные грамоты беев Яшлауских. Род Яшлау и потом, во времена Гераев, выдавался своим значением и особенною известностью: в упоминавшемся выше сказании священника Иакова повествуется о том, как Яшловской Адирша-Мурза-Сулешов воспрещал русским посланникам Дворенинову и Непейцыну выпускать лошадей на пастбище, говоря: «Лошади де у вас поемлю, и вас де с стану собью, то де земля наша, царя де теперь в Крыму нет», и как потом он, «грозя, поехал в Яшлов»³⁷², под которым надо разуместь Яшловский стан, упоминаемый в другом сказании того же автора³⁷³ и находившийся поблизости Бакчэ-Сарая. По имени рода Яшлау называются даже люди, принадлежавшие, очевидно, к подданным этих беев, как показывают такие выражения, встречающиеся в том же сказании Иакова: «Имал товары у Жидовина у Изрыну *Яшловскова*»³⁷⁴, или: «И в те поры были у стану пристав Резван да *Яшловские татарове* Алейко Юрга, да Мула Шабанов, да Темирко»³⁷⁵. Пейсонель, хотя относит Яшлауский род ко второразрядным, замечает однако же, что старейший из этого рода, называвшийся обыкновенно Яшлау-бей³⁷⁶, в числе других почетных prerogativ имел также привилегию отправлять должность обер-церемониймейстера на всех свадьбах дочерей и других родственников ханских, причем он распоряжался вполне самовластно, с правом даже жизни и смерти над всеми без различия. Позднее, со времени воцарения Гераев, род Яшлау был заслонен другими, каковы в особенности Ширин, Барын, Аргын и

Седжеут, составлявшие ближайших сподвижников и опору новоявленной династии, но в свое время фактическое господство татарской власти в Крыму олицетворялось владетельными правами беков Яшлау и других, которые прикочевали туда с своими племенными толпами по указанию Ногая. Роду Яшлау только посчастливилось сразу прочнее других утвердиться в новом юрте, между тем как остальным выходцам приходилось иногда покидать занятые ими места и возвращаться на прежние, как это случилось, например, при самом еще Ногае.

Ногай, по свидетельству историков, был очень расположен к своим приверженцам, но только до поры до времени: добившись чего ему было надобно, т.е. независимости и полновластия, он зазнался и стал ставить своих сыновей выше тех эмиров, которые были при нем, а сыновья стали несправедливо поступать с эмирами, т.е. беками, покинувшими Токта-хана и принявшими сторону Ногая². Не чувствуя охоты подчиняться произволу детей временщика, узурпатора, беки сочли за благо вернуться в прежнее подданство настоящего, законного повелителя: они покинули Ногая и опять ушли к Токта-хану с своим народом, в количестве до 30 000 всадников. Ободренный и подкупленный возвратом своих беков, Токта-хан решился побороться с своим противником, мятежным Ногаем. На этот раз полчища Ногая были разбиты, а ему самому отрубил голову какой-то русский, служивший в войсках Токты.

После неудавшейся попытки Ногая усилить свое могущество до степени основателя собственной независимой династии, имея главным своим базисом Крым, этот последний остался на прежнем положении удела Золотой Орды с новым правителем в качестве наместника ханского. На этот раз пост наместника занял Толук Темир, или Толук-Тимур, упоминаемый историками в числе темников, собравшихся вокруг хана Токты и помогших ему одолеть мятежного Ногая³⁷⁷. Должно быть, Толук-Тимур вел дела правления умеючи и согласно с требованиями центрального правительства, потому что мы видим его довольно долго занимавшим свой наместнический пост и при следующем хане Узбеке. Им был ласково принят в Крыму арабский путешественник Ибн-Батута, по словам которого, Толук-Тимур настолько был важен, что эмир Азовский являлся пред ним как бы лицом низшего ранга и даже его подчиненным³⁷⁸. Можно думать, что, кроме хорошего управления, Толук-Тимур еще тем

был угоден суровому и взыскательному Узбек-хану, что, подобно ему, предан был мусульманскому правоверию и благочестию. Об этом можно заключать по рассказу Ибн-Батуты, что когда они с Толук-Тимуром выехали из города Крыма, то остановились в ските эмира, находившемся в местечке Седжан, где сделано было туристу угощение³⁷⁹. Эмиры, или беки татарские, в прежние времена были усердными святошами, не только приносившими материальные жертвы на дело благочестия, но и лично предававшимися подвижничеству, предписываемому тем или другим уставом (гарикатом), как это явствует из частого присоединения монастырско-настоятельского титула «шейх» к именам эмиров; постоянно встречаются имена: эмир *шейх* Нур-эд-Дин, эмир *мевляна* Кутб-эд-Дин Коруми и т.п.³⁸⁰. Периодические военные экзекуции, несколько раз учинявшиеся над Судаком лично самим Толук-Тимуром или другими татарскими военачальниками по его распоряжению³⁸¹, могли быть столько же применением административной системы наместника, сколько и делом фанатической нетерпимости к христианским жителям подчиненного его власти города. Последнее упоминание источников о Толук-Тимуре относится к 1338 году³⁸², а под 1340 годом мы читаем у Могултая известие, что в этом году ездил в Мекку из Крыма некий Сейф-эд-Дин Солгати, зять *Мелик-Темира, наместника Крымского*³⁸³. Следовательно, Толук-Тимур продержался на своем месте в продолжение целого царствования Узбек-хана³⁸⁴, который был весьма требователен и капризен, если, например, другого своего наместника в Харезме, Кутлук-Темира, на некоторое время отставлял от должности³⁸⁵, хотя в начале своего правления пользовался советами этого эмира³⁸⁶.

Со смертью Узбек-хана в 1342 году не стало в Золотой Орде руки, твердо державшей бразды единовластия. Узбек настолько ревностно служил принципу единодержавия и не давал ни малейшего хода и простора притязаниям и поползновениям эмиров, что даже пошел войною против Гулагиды Абу-Саида из-за того только, что в государстве последнего вся власть была в руках его наместника Джубана, который самоуправствовал с потомками Чингиз-хана³⁸⁷, несмотря на то что этот же самый Джубан, пользуясь малолетством Абу-Саида, предательски входил в сношение с Узбек-ханом, приглашая его овладеть землями своего законного государя³⁸⁸.

Понятно, что когда умер Узбек-хан, эмиры тотчас же подняли головы и поспешили восстановить свое прежнее значение, тем более что этому благоприятствовали обстоятельства. После Узбека осталось три сына: Тини-бек, Джаны-бек и Хызр-бек. Два первых были от одной и той же матери, знаменитой Тайтуглы, которую Узбек страстно любил за какие-то особенные исключительные физические свойства ее организма, делавшие ее подобною райским хуриям, если верить рассказам, передаваемым Ибн-Батутой³⁸⁹. Несмотря на старшинство Тини-бека и предпочтение, которое отдавал ему отец, царство досталось младшему брату, Джаны-беку, ибо старший Тини-бек вскоре после смерти отца был убит. Ибн-Батута, восхваляющий Джаны-бека, не говорит о том, кем и почему Тини-бек был убит; глухо только замечает, что он был убит «за постыдные дела, которые с ним приключились»³⁹⁰. Но в безымянной биографии Эльмелик-Эннасыра довольно правдоподобно передается факт убийства Тини-бека и воцарения Джаны-бека. Там рассказывается, что во время смерти Узбека старший сын его Тини-бек находился в походе. Мать их Тайтуглы более любила Джаны-бека и потому сговорилась с эмирами умертвить возвращавшегося Тини-бека³⁹¹. Если эмиры так легко пошли на стачку со вдовой Узбека, то, и разумеется, не без расчета: Тини-бек, любимец отца, и должно быть, обещал продолжать его суровую политику, не нравившуюся эмирам, тогда как Джаны-бек, достигший престола с их поддержкою, тем самым обязывался благоволить к своим пособникам, которые постарались поскорее воспользоваться выгодами нового порядка вещей, коснувшегося, без сомнения, и Крыма.

В течение непродолжительного царствования Джаны-бека в Крыму совершилось несколько фактов, изменивших прежнее положение и пределы татарской власти в этом уделе, а именно: в 1344 и 1345 годах татары тщетно пытались овладеть Кафою, и Джаны-бек, продлив войну с генуэзскими поселенцами до 1347 года, заключил с ними мир, уступив им некоторые льготы по территориальному распространению их колоний³⁹². Надо полагать, что генуэзские поселенцы Кафы зорко следили за ходом дел в Золотой Орде и воспользовались случившимся там после смерти Узбек-хана замешательством в наследовании его трона для того, чтобы или вовсе избавиться от всякой татарской зависимости, или же, по крайней мере, ослабить сколько возможно эту зависимость. Татары

же, в свою очередь, неохотно поступились своими властными правами и стали было поддерживать их силою оружия; но успех на этот раз был на стороне неверных, и хан помирился с ними на условии некоторых с своей стороны уступок. Такая неустойка татар в распре со строптивыми европейскими колонистами должна быть приписана шаткости положения представителей ханской власти в Крыму, наместников, которые, по-видимому, соперничали между собою, как это явствует из частой смены их. После Мелик-Темира наместником-правителем Крыма был Зейя-эд-Дин Рамазан, сидевший там в 750 = 1350 году³⁹³. Долго ли Рамазан занимал свой пост, с точностью трудно сказать. В марте 1356 года он заключил с венецианцами договор, по которому им был открыт доступ в порт Провант, к западу от Кафы³⁹⁴. По арабским источникам, после Рамазана в Крыму утвердился в качестве наместника Алибек, сын Исы, сына Толук-Тимура, также бывшего Крымского наместника³⁹⁵. Между тем в числе венецианских архивных документов есть небольшая грамотка, в которой солхатский правитель уступает венецианцам, кроме Прованта, другие гавани в Крыму. Имя этого правителя там изображено так: *Cotuletamur, Signer de Sorgati*, что в татарском смысле надо читать по Гаммеру *Kutlugh Timur*³⁹⁶, а по Бруну Котлог-Темир, которого он и считает преемником Рамазана³⁹⁷. Грамота эта без обозначения года и составляет придаток в договорному ярлыку хана Бирды-бека, помещенному 759 = 1358 годом. Взаимное соотношение обоих документов обнаруживается лишь косвенным образом, из тождества имен венецианских уполномоченных, упоминаемых в заглавии ярлыка Бирды-бека и в тексте грамотки *Cotuletamur'a*; совместность же нахождения их еще не может служить достаточным основанием их однопредметности, ибо в архивах иногда находятся соединенными вместе акты, не имеющие ничего общего между собой³⁹⁸. В числе сложных татарских имен прежнего времени так часто встречаются имена, в которых одною из составных частей является слово «кутлук», или «кутлу», например Кутлу-бек, Кутлу-Буга, Кутлу-Тимур и т.п., и так часто упоминаются исторические лица, носившие которое-нибудь из этих имен, что нетрудно было смешивать их даже и современникам их, а тем паче последующим писателям. Затем, итальянские писцы-переводчики были мастера на искажения татарских имен и терминов: например, в упомянутом ярлыке Бирды-

бека они поместили каких-то «Signori' de Chumani»³⁹⁹ на что г. Говордз обращает особенное внимание, как на серьезный факт⁴⁰⁰, не подозревая тут очевидного искажения татарского титула «туман-бек». При всем том однако же мы думаем, что арабы напутали, говоря, что преемником Рамазана был «Али-бек сын Исы, сына Толук-Тимура». Родство искомого лица с Толук-Тимуром и то, что тут замешан какой-то Иса, заставляет с уверенностью полагать, что называемый арабами Али-бек был не кто иной, как Кутлу-Тимур, сын Толук-Тимура, упоминаемый Ибн-Батутю, который пишет, что они поехали в сообществе эмира Толук-Тимура, брата его, *Исы*, и двух сыновей его, *Кутлу-Думура* и *Сарыбека*⁴⁰¹. Что некоторого рода наследственная преемственность в занятии правительственных постов в Крыму была в ходу, это отчасти видно из того, что еще позднее сын наместника Зейя-эд-Дина Рамазана, Хасан, является в Египет послом от Токтамыша, владевшего Крымом⁴⁰². Тем не менее однако ж внук Толук-Темира, каким считают арабские историки преемника Рамазана, был бы чересчур молод для занятия высшего поста наместнического.

Итак Кутлук-Тимур, кто бы он ни был по происхождению, ставши наместником в Крыме, превзошел своих предшественников в уступчивости в пользу венецианцев до того, что отдал им гавань Солдайскую и *Caliera*, или нынешний Огуз. Подобная предупредительность татарского правителя относительно неверных франков просто необычайна, после того крутого режима, каким незадолго перед этим ознаменовал себя Толук-Тимур. Она только и может быть истолкована, как признак наступления таких смут в Золотой Орде, которые сопровождались ослаблением центральной ханской власти и начали питать автономно-сепаративные вождедения в беках, чувствовавших за собою известную силу. Уступки Крымского наместника венецианцам могли быть им сделаны именно в каком-нибудь расчете на их помощь в случае его столкновения с центральным правительством, от которого он, может быть, уже и помышлял в благоприятный момент совсем отделаться на правах самостоятельного владетеля. А близость этого момента не могла не чувствоваться всеми, кто вникал в ход тогдашних событий.

В самом деле: братоубийца Джаны-бек, прославленный однако же арабскими историками за свое благочестие и добродетельность, сам был

умерщвлен во время похода своим собственным сыном Бирды-беком в сообществе с военачальником Тоглубаем⁴⁰³. Но и Бирды-бек вскоре погиб от руки сына же своего Кулны. Мусульманские историки отмечают смерть Бирды-бека как настоящий финал Золотоордынской монархии. Мюнедджим-баши, например, говорит по этому поводу: «Он (Бирды-бек) погиб, и эта династия (династия Джучидов отрасли Золотой Орды) прекратилась», и затем переходит к изложению судьбы Джучидов другой линии⁴⁰⁴. Аб-уль-Гази приводит даже историческую пословицу, сложившуюся в народе для характеристики этой эпохи: «С Бирды-беком отрезана шея верблюда»⁴⁰⁵. И точно, за Бирды-беком следовал целый ряд царствований, которых доселе не удалось истории привести в полную известность, ибо они перемежались узурпациями более или меньше видных авантюристов. И для Крыма настала пора такого же смутного положения дел, при котором невозможно становится уследить даже за простым чередованием лиц, стоявших во главе татарского управления этим краем до окончательного утверждения династии Гераев, возникновение которой также недостаточно ясно в общем тумане событий, волновавших Крым в ту эпоху. Арабские писатели тоже с этого времени потеряли нить последовательного хода исторических фактов в истории Золотой Орды и Крыма и сообщают лишь отрывочные сведения о более или менее крупных происшествиях, слухи о которых доносились до их отдаленных пределов.

Один из этих писателей, славный своим философско-критическим взглядом на историю, Ибн-Хальдун, так определяет тогдашнее состояние монголо-татарской империи. «По смерти Бирды-бека, — говорит он, — ему наследовал сын его Токтамыш, малолетний ребенок. Сестра его, Ханым, дочь Бирды-бека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его царствование управлял всеми делами. К владениям его принадлежал и город Крым. В то время его там не было. Было также еще несколько эмиров монгольских, поделившихся управлениями в округах Сарая; они были не согласны между собою и правили своими владениями порознь... Все они назывались ушлыми эмирами»⁴⁰⁶. Когда Бирды-бек умер, пресеклась династия, и стали самостоятельно править эти эмиры в провинциях, то выступил Мамай в Крым, объявил ханом отрока из детей Узбека по имени Абдул-Лу и двинулся с ним в Сарай»⁴⁰⁷. Далее у Ибн-Хальдуна вкратце

описывается междоусобие, в котором принимали участие разные царевичи Чингизидские, пытавшиеся восстановить распадавшуюся империю как лично на свой страх, так и поддерживаемые разными покровителями из царствовавших лиц и пособниками из сильных эмиров. В числе последних самым выдающимся деятелем был, без сомнения, Мамай, который утвердился и стал править главным образом в Крыму. Долго не получалось сведений о Мамае, заключает Ибн-Хальдун свое повествование о судьбе этого татарского богатыря, воспетого в татарских песнях, а потом подтвердилось известие о гибели его⁴⁰⁸. Ибн-Хальдун относит утверждение Мамае в Крыму к 776 = 1374—1375 году. Но апогеем его могущества надобно считать то время, когда, по свидетельству Эльмухыбби, канцелярия султаната египетского открыла с ним переписку, т.е. 773 = 1371 год. «Говорят, — читаем у Эльмухыбби, — что он (Мамай) правил землями Узбековыми и что при хане Мухаммеде он занимал положение подобное тому, какое занимал при высочайшем дворе (египетском) его покойное степенство, Сейфи Телбога Эль-Омари»⁴⁰⁹. Мухаммед тут, конечно, тот самый Мухаммед-Булак, креатура Мамае, который был им посажен, по русским летописям, в 1370 году и в течение целых пятнадцати лет числился ханом, судя по датам на монетах его имени⁴¹⁰. Элькалькашанди, оспаривая сановность Мамае и ставя его ниже Эль-Омари, подтверждает однако же тот факт, что в течение 776 = 1374—1375 года Мамай был правителем в Крыму⁴¹¹. А что Мамай все-таки не был ханом, это явствует из того, что во всех татарских сказаниях он является с эпитетом «мурза», а не «хан».

До появления же Мамае Крым оставался совершенно без призора, потому что генуэзцы в 1365 году беспрепятственно овладевают Судаксом со множеством деревень в его окрестностях, лежавших вдоль морского берега. Мамай снова отобрал захваченное генуэзцами. Но лишь только он сперва был разбит русскими на Куликовом поле, а потом потерпел поражение и от Токтамыша, как генуэзцы смекнули, что настал конец могуществу Мамае, который с ними не церемонился. Предание говорит, что Мамай, спасаясь от преследовавшего его неприятеля, нашел убежище в Кафе и однако же вскоре был убит вероломными кафинцами⁴¹². Памятниками такого печального финала политического поприща временщика и героя татарских былин, подтверждающими правдоподобность вышеозначенного предания,

служат: во-первых, большой могильный курган между Федосией и Старым Крымом, который известен у местных жителей под названием «Шах-Мамай»⁴¹³; во-вторых, договор, заключенный на свежей могиле Мамаю между генуэзцами и новыми представителями татарской власти в Крыму. Что заключение этого договора было в тесной связи с конечной судьбой Мамаю, это с несомненностью явствует из следующих обстоятельств. Договор состоялся в 1380 году, к этому же приблизительно времени относится преданием и смерть Мамаю⁴¹⁴. Сходка договаривавшихся сторон происходила на нейтральном пункте, на какой-то горе Jachim, между Кафою и Тремя Колодцами⁴¹⁵. Договор веден с татарской стороны солхатским правителем от лица «императора», т.е. хана татарского. Хан этот, правда, не назван по имени, но явно, что тут надо разуместь последнего врага и противника Мамаю, Токтамыш-хана, для которого окончательное истребление Мамаю было необходимой гарантией своего дальнейшего неоспоримого властвования во всем Золотоордынском царстве. Самый тон выражений договорного акта отличается каким-то заискиванием татар перед франками: например, там прямо говорится, что правитель Солхата и уполномоченный хана имеют целью «снискать дружбу и любовь» франков, которые обзываются тут *кунаками* (cupachi) — тем ласковым эпитетом, который и до сих пор служит у всех тюрок для почетного названия дорогих гостей и приятелей... Наконец в числе первых условий договора выставлено со стороны татар обязательство генуэзцев «не принимать в свои города и крепостцы ни неприятелей императора (т.е. хана), ни тех, кто отвратил бы от него лицо свое» (т.е. бунтовщиков, мятежников, отложившихся изменников). Взамен же этого татары возвращают генуэзцам те 18 селений, которые, принадлежа к Солдаю, были захвачены генуэзцами и потом «отняты у них Мамаем»⁴¹⁶. Все в этом договоре как нельзя более совпадает с историей отношений между Мамаем и Токтамышем... Даже самая высокая курганная насыпь над прахом Мамаю свидетельствует, что он не пал презренной жертвой мести одних неверных франков, а умерщвлен при участии своих же единоплеменников, окруживших кончину его почетом, достойным, по их обычаю, родственника дома Чингизидов и знатного воеводы⁴¹⁷.

Одно, что представляет затруднение в этом договоре, это — имя татарского уполномоченного, который, заключая договор от лица непои-

менованного в акте хана, титулуется правителем Солхата, поставившим на вид свое официальное положение для придания договору большого значения. В одной редакции итальянского перевода договорного акта он называется то *Jhancasius*, то *Jharcasso segno*, то *lo segno Zicho*, а в другой редакции вместо всех приведенных вариантов стоит одна форма: *Ellias fïo de Jnach Colloloboga*. Соображения ученых по поводу такой разницы пока не привели ни к каким окончательным выводами Сильвестр де-Саси, впервые издавший в свет договор, полагает, что солхатский наместник является в договоре то под собственным своим именем «Jharcasso», то с одним титулом «lo Zicho», т.е. «шейх»⁴¹⁸. Что наместник ханский мог носить благочестивый титул шейха, это весьма возможно, как показывают другие примеры, и потому мнение на этот счет Сильвестра де-Саси весьма правдоподобно. Поэтому сомнительно, чтобы слова «lo Zicho segno» представляли своеобразный перевод имени «Jharcasso segno», как думает г. Брун⁴¹⁹, имея, конечно, в виду то, что черкесы у средневековых писателей назывались *зихами*, или *джихами*⁴²⁰; сомнительно потому еще, что формы «Jhrcasso» и «Ellias» обнаруживают некоторое, хоть и не очень близкое, сходство как в звукосочетании, так и в начертании, и нельзя категорически утверждать, что первая из них предпочтительнее, и что она есть только транскрипция имени «черкас», или «черкес». Г. Гейд также отвергает мнение г. Бруна и предпочитает взгляд Сильвестра де-Саси в понимании спорных терминов, ввиду сомнения касательно тождества обеих редакций договора. Сомнение это возникает вследствие того, что в одной редакции договора нет подписи солхатского наместника, и в ней помечен месяц шабан, соответствующий 28 ноября 1380 года; другая же редакция имеет подпись Элиас-бея и помечена месяцем зи-ль-каедэ, который падает на 23 февраля следующего 1381 года. Отсюда г. Гейд полагает, что договор с Черкес-шейхом не успел состояться в 1380 году, а заключен уже в следующем 1381 году и притом уже с другим ханским наместником, по имени Элиас, сын Кутлу-Буги⁴²¹. Г. Десиони думает, что одна редакция, та именно, которая без подписи, есть только проект договора; другая же, подписанная, есть самый акт договора⁴²². Г. Брун видит тут просто ошибку, хотя и не объясняет, в чем именно состоит она⁴²³. На наш взгляд, г. Гейд ближе всех к истине, за исключением только предположения его о двух сол-

хатских правителях: нам кажется, что тут одно и то же лицо в обоих документах, Элиас-бей, имя которого упоминается позднее в договоре 1387 года, и опять в искаженной форме — *Allias*⁴²⁴; как-то странно, чтобы форма договоров буквально была одинаковая, а договаривающиеся лица были разные. Действительно, переговоры татар с генуэзцами могли возобновляться несколько раз при тогдашних смутных обстоятельствах. Эта множественность следовавших друг за другом договоров указывает на поспешность, с какою и клеветы Токтамыша, гнавшиеся за бежавшим Мамаем, и генуэзцы добивались каждый своих ближайших целей, и в то же время свидетельствует о взаимной неуверенности обеих сторон в точном исполнении поставленных ими друг другу обязательств. Может быть, именно замедление выдачи генуэзцами Мамаю и было причиною того, что окончательная ратификация договора наместником Токтамыша последовала спустя несколько месяцев после заключения самого договора, когда уже стало известно, что главнейшее условие этого договора — умерщвление ханского противника, нашедшего себе убежище за стенами крепости франков, Мамаю, приведено в исполнение.

В довершение всех соображений насчет личности солхатского правителя, неясно названного в договоре 1380 года, г. Брун строит еще одну конъектуру на случай, если бы подтвердилось существование не одного, а двух разных договоров. Он предлагает в главном участнике договора 1380 г. с татарской стороны видеть сына хана Джаны-бека, Черкес-бека, который был некоторое время номинальным ханом в Орде, а потом, «по низвержении его с престола, спасся в Крым и там удержался до падения Мамаю». На это можно заметить, что Черкес-шейх, или, по г. Бруну, Черкес-бек, очень ясно и определенно титулуется в договоре только «солхатским синьором», командированным со стороны какого-то императора, который не назван по имени; а такой случай, чтобы верховный владетель целой империи, хан, хотя бы даже и номинальный, потом фигурировал в роли простого чиновника при другом хане, не находит себе подтверждения в аналогических примерах татарской истории⁴²⁵.

Некоторые затруднения представляет и личность инака Кутлу-Буги, сыном которого назван загадочный наместник Крыма Элиас. Явно, что этот Кутлу-Буга одно и то же лицо с одним из четырех улусных эми-

ров, которого Эльмухыбби называет «наместником хана Джаны-бека»⁴²⁶. Того же мнения держится и г. Брун; но почему он считает инака Кутлу-Бугу «наместником крымским в царствование Джаны-бека»⁴²⁷, это для нас не совсем ясно. Ссылка на Макризи, или, правильнее сказать, на прибавление издателя к сочинению Макризи, ровно ни к чему не служит: там Кутлу-Буга инак просто назван «наибом хана Джаны-бека»⁴²⁸, т.е. в смысле высшего сановника, первого министра⁴²⁹, а о том, чтобы этот «наиб по преимуществу» был в частности «наибом крымским», в указанном месте ни слова не сказано. Отсюда само собой следует, что Кутлу-Буга, отец Элиаса, крымского наместника, не мог быть тождествен с тем Кутлу-Бугою, который в 1380 году был послан Токтамышем в Литву, чтобы известить Ягайло о восшествии своего патрона на престол, и потом сам, в качестве крымского наместника, заключил договор с генуэзцами в 1387 году. Между тем созвучие имени, столь употребительного у прежних татар, увлекло г. Бруна сделать вышеприведенное отождествление, причем он допускает мысль, что спорный Элиас, прописанный в договоре 1380 года, мог временно исправлять должность крымского наместника в отсутствие отца, ставшего снова, по возвращении из посольства к Ягайлу, эмиром солхатским⁴³⁰.

Кутлу-Буга, преемник Элиаса, впервые является в звании наместника крымского приблизительно около 1382 года. Об этом мы узнаем косвенным путем, а именно: в 1387 году тот же самый Кутлу-Буга, прямо уже объявляя себя солхатским правителем (*dominus Solcatensis*), заключает с генуэзцами договор и подтверждает условия прежнего своего договора, заключенного с кафским консулом Бартоломео де Якопо⁴³¹, который в последний раз занимал консульское место в Кафе в 1382 году⁴³². Кроме того, мы имели бы и прямое, документальное свидетельство в ярлыке Токтамыша, начинающемся обращением к Кутлу-Буге, как главному начальнику Крымского удела, если бы не существовало разногласия насчет даты этого ярлыка: одни читают в весьма неразборчивом начертании ее 1382 год⁴³³, другие 1392 год⁴³⁴. Профессор И.Н. Березин, которому принадлежит второе чтение ярлыковой даты, видит в ней важное историческое указание на вторичное утверждение на ханстве Токтамыша, оправившегося и вновь собравшегося с силами после поражения его Тимуром при Кундурче⁴³⁵. Для нас это указание получает

особенное значение в сопоставлении с другими фактами, возбуждающими недоумение насчет властных отношений Токтамыша в означенное время собственно к Крыму. Вышеупомянутый ярлык содержит в себе подтверждение тарханных льгот некоему Бек-Хаджи, представителю племени суткуль, дарованных этому племени Тимур-Пуладом. Между прочим там сказано: «Областные власти да не трогают никакого подчиненного суткулью человека внутри Крыма, вне, на местах остановки»⁴³⁶. Блюсти эти привилегии поручается, как уже сказано, разным властью имущим чиновникам Крымской области с Кутлу-Бугою во главе. Теперь спрашивается: кто такой был Тимур-Пулад, который даровал суткульцам льготные права в Крыму, вновь санкционированные Токтамышем? Как, затем, согласить властное обращение Токтамыша к крымским чиновникам от своего лица, когда в 1390—1394 гг. Крымом и Азовом владел Бек-Булат, по соображению г. Савельева, основывающегося на нумизматических данных?⁴³⁷ Этих вопросов не касались комментаторы ярлыка Токтамыша; а между тем с разрешением их связывается, на наш взгляд, не только разъяснение известного момента в политической истории Крыма, но и определение степени надежности монетных легенд, как путеводителей в исследовании темных эпох этой истории. В самом деле, если Токтамыш подтверждает права, дарованные Тимур-Пуладом, то, следовательно, должен был когда-нибудь существовать на свете подобный человек, который считал свою власть компетентною и для Крыма, коли предоставлял целому племени льготу разгуливать там безданным, беспопылинно. Он затем должен был быть предшественником Токтамыша во власти и по крайней мере современником его по жизни. Между тем с точно таким именем не отыскивается никого ни среди легальных властителей татарских, ни в числе узурпаторов смутного времени. Остается подозревать только того Пулад-Тимура, имя которого встречается на некоторых монетах совместно с именем «покойного Джаны-бека»⁴³⁸, для отыскания которого построено столько ученых догадок нашими ориенталистами⁴³⁹. В.В. Григорьев предполагает, что Пулад-Тимур был только сильным вельможею в ханстве, который, не имея права на престол, или находя для себя удобнее властвовать под чужим именем, по примеру Мамай, провозгласил от себя ханом некоего Джаны-бека, а когда этот умер, то продолжал властвовать под именем покойного, как

бы в качестве его наместника, почему и монету бил с именем «покойного Джаны-бека»⁴⁴⁰. Г. Савельев, не соглашаясь с г. Григорьевым только насчет того, которого из Джаны-беков нужно разуть на монетах Пулад-Тимура, не оспаривает однако же вышеприведенного мнения г. Григорьева относительно самого Пулад-Тимура⁴⁴¹. В ярлыке Токтамыша имя Тимур-Пулада стоит без титула «хан», но написано золотыми чернилами — обстоятельство немаловажное в канцелярской форме тогдашних татарских властителей, которые, по свидетельству арабского писателя Элькалькашанди, «в своих письмах, в их формах и правилах, подражали величайшим монархам на Востоке и Западе»⁴⁴², а следовательно усвоили приемы и обычаи мусульманского востока в деловой письменности вообще. Начертание золотыми буквами составляло почетный атрибут признанных царственных особ: нарушение этого общепринятого обычая в дипломатических сношениях немало подлило масла в пламя взаимного раздражения между Тимуром и турецким султаном Баязидом I (1389—1402) и было не последним мотивом к Ангорской катастрофе, кончившейся позорным пленом Баязида, по убеждению самих турецких историков⁴⁴³. Значит, если имя Тимур-Пулада изображено в ярлыке Токтамыша золотом, то Тимур-Пулад в глазах Токтамыша был настоящими полноправным властителем Золотой Орды во всем обширном объеме этого царства до Крыма включительно. Если, далее, Тимур-Пулад ярлыка есть одно и то же лицо с Пулад-Тимуром вышеупомянутых двуименных монет, то догадка гг. Григорьева и Савельева о второстепенных, узурпаторских властных качествах автора этих монет оказывается несостоятельной, и вопрос о происхождении тех двуименных монет остается опять нерешенным в том смысле, в каком думали его решить почтенные нумизматы. Если же, наконец, их соображения основательны, то изображение имени Тимур-Пулада, или, что то же, Пулад-Тимура, в ярлыке Токтамыша со всеми признаками настоящего золотоордынского властителя, как бы по праву распоряжавшегося даже отдаленными улусами, каков был Крым, и жаловавшего важные тарханные привилегии, признанные в силе и со стороны Токтамыша, является новою загадкою. В последнем случае остается только заключить, что Токтамыш, отчасти и сам авантюрист, обязанный своим возвышением капризу Тимур-Ленка, признавая и уважая права захвата власти другим

узурпатором, поступал сознательно, по принципу «власть принадлежит сильнейшему» и в подрыв порядка законной, кровной наследственности, который в это смутное время впал в полнейшее пренебрежение.

Удача одного всегда заразительно влияет на других. Признание принципа захвата власти имело невыгодные последствия и для самого Токтамыша, могущество которого было окончательно сокрушено Тимур-Ленком. Прежде других воспользовался шаткостью положения Токтамыша его же собственный полководец Бек-Пулад, вместе с другими угланами, т.е. беками династической крови, которые поименованы в ярлыке Токтамыша к Ягайлу, как изменники. Об этом обстоятельстве довольно подробно говорит арабский историк Ибн-Хальдун, называя главного героя неурядицы, Бек-Пулада, Оглан-Булатом и родичем Токтамыша. По свидетельству Ибн-Хальдуна, Оглан-Булат вместе с некоторыми из эмиров вошел в предательские сношения с Тимур-Ленком. После стычки, происшедшей между последним и Токтамышем, Оглан-Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на домочадцев и имущество Токтамыша. Когда же Токтамыш опять явился в Сарай и овладел им, то Оглан-Булат бежал в Крым и засел в нем. Токтамыш преследовал его и осадил Крым, но должен был вернуться в Сарай, отвлеченный нападением на Сарай сына Урус-Хана, а войско его продолжало осаду Крыма, пока не овладело им. Оглан-Булат был убит⁴⁴⁴. В эту пору разбрелись, говорит Ибн-Хальдун, в разные стороны эмиры, с которыми Тимур входил в сношения; они отправились в пограничные области и утвердились там⁴⁴⁵.

В числе таких окраин, открывавших наибольший простор самовольству беков, был, конечно, Крым. Следуя обычаям настоящих государей, узурпаторы били монету и отправляли посольства к другим дворам. Все это имело место и в Крыме. Мы видели, что в 1387 году Кутлу-Буга, в звании ханского наместника и областного правителя в Крыме, заключил дружеский договор с генуэзцами. В ряду условий договора любопытно одно, касающееся монеты: Кутлу-Буга «обещается за все время своего управления велеть чеканить монету в Солхате и в прочих подчиненных ему землях, хорошую и достаточествующую, такого же хорошего качества, как велел чеканить Элиас во время своего управления»⁴⁴⁶. Чеканка монеты и самими татарами создавалась уже как известная государственная прерогатива⁴⁴⁷; в договоре же ханскому представителю вменя-

ется в обязанность чеканить монету, да еще в достаточном количестве. Какую в этом находили для себя генуэзцы выгоду, остается до сих пор не вполне ясным, даже и после статьи почтеннейшего В.Н. Юргевича «О монетах генуэзских, находимых в России»⁴⁴⁸, где был повод коснуться этого вопроса⁴⁴⁹. Если же вся суть означенного условия состояла в обязательстве бить монету *доброкачественную* (bonam resuniam), то оно указывает на какие-то злоупотребления правом чеканения монеты; но опять остается тайною, какого рода были эти злоупотребления — касались ли они только ценного свойства металла и веса монеты, или же правильности, легальности самого штемпеля. По-видимому, тут имелось в виду последнее. Из договора мы узнаем, что монета билась самими ханскими наместниками, сидевшими в Крыму, во имя своего верховного государя, хана Золотой Орды. Нет сомнения, что в то смутное время стала уже появляться монета, битая другими беками, претендовавшими на независимое господство, что ставило генуэзцев в затруднение, какие деньги считать хорошими, т.е. настоящими, и какие плохими, т.е. фальшивыми с точки зрения золотоордынского правительства, заявлявшего себя единственно законным. По крайней мере в числе настоящих монет с именем Токтамыша очень много попадаетея экземпляров, представляющих весьма грубую подделку⁴⁵⁰. Даты его собственных монет крымского чекана доходят до 796 = 1393—1394 г.⁴⁵¹, а между тем и монеты Бек-Пулада или Оглан-Булата, который отложился от Токтамыша и утвердился было в качестве самостоятельного властителя в Крыму, там же были биты еще в 794 = 1391—1392 гг.⁴⁵².

Относительно посольств к иностранным дворам в это время мы имеем сведения от арабских историков. Так, например, они упоминают, что приходило в Египет посольство Токтамыш-хана и было принято там с большим почетом в 1385 году⁴⁵³. Но Элькалькашанди, трактуя о разных формах международной переписки, которые, говорит он, различны по различию способа выражения жителей той или другой страны и *по степени могущества лица, от которого пишется*, указывает на высокое значение секретаря, который, будучи знаком с терминологией каждого государства по части переписки, сейчас может определить, что действительно исходит от царя, и что подделано, и обнаружить подлог при помощи оселка знания. В доказательство своего мнения Элькалькашанди

приводит случай, который он называет замечательным, т.е. по-нашему просто курьезный. Прибыл, говорит он, в Египет посланник и был самым торжественным образом встречен: думали, что он от Токтамыш-хана. Когда же он предъявил грамоту свою, то начальник султанской канцелярии, Эльбердин Ибн-Фадла-л-Ла, рассмотрев ее, нашел, что она не соответствует условным правилам ханских писем в отношении бумаги и написания. Стали вздорить и допрашивать посла, и тогда он признался, что «он *от правителя Крымского из подданных Токтамыш-хана*»⁴⁵⁴. Явно, что подлог этот был сделан кем-либо из самовластных беков, и, вернее всего, Бек-Пуладом, искавшим в международных сношениях признания своих властительных прав в Крыму: не было надобности и повода делать такой подлог Кутлу-Буге, верному слуге Токтамыша и наместнику его в Крыму. Да Кутлу-Буга, по всем признакам, должен был удалиться из своей областной резиденции, когда поднялись смуты эмиров, предводимых Бек-Пуладом, ибо в 1393 году мы видим его во главе посольства к Ягайлу с заявлением о том, что Бек-Пулад и его сообщники преданы Богом в руки Токтамыша, и что впредь все дани и знаки дружественных международных отношений должны быть адресуемы к этому последнему, как полновластному государю Великого Улуса, т.е. всей Золотой Орды⁴⁵⁵. Хотя Кутлу-Буга никак не титулован в ярлыке, и даже один раз искаженно назван «Тулу-Оджа», но о тождестве его с бывшим крымским наместником свидетельствует то, что товарищем его по посольству был Асан, в котором нетрудно угадать того самого Хасана, сына прежнего крымского наместника Рамазана, который уже раньше, в 1385 году, предводительствовал послами Токтамыш-хана в Египет. «С ними, — говорит Эль-Аскалани, — владетель Крыма отправил подарки, которые были приняты»⁴⁵⁶. Кто бы ни разумелся тут под «владельцем Крыма» — сам ли Токтамыш, или его наместник Кутлу-Буга, в обоих случаях Хасан является солидарным с Кутлу-Бугою политическим деятелем, одинаково преданным Токтамышу⁴⁵⁷. Токтамыш, по-видимому, не напрасно хвастался победой над своими противниками. Бек-Пулад, по крайней мере, вскоре сошел со сцены, по словам арабских историков; да и на монетах больше уже не появляется его имени. Едва ли он продержался даже и до 1394 года, как думает г. Савельев, потому что все монеты, кроме имеющей дату 794 = 1391—2 гг.⁴⁵⁸, ненадежны:

в остальных годы крайне неясны, и самое имя бывшего их властителя является уже в форме «Булад-хан»⁴⁵⁹, как назывался еще один скоропреходящий хан Золотой Орды, бивший монету в 1407—1410 гг.⁴⁶⁰

Но прежде чем власть Токтамыша была опять восстановлена в Крыму, там успел на короткое время засесть и выбить свою монету некто Таш-Тимур. Они оба с Бек-Пуладом, говорит г. Савельев, воспользовались поражениями Токтамыша для провозглашения себя ханами и отделились от него: Бек-Пулад владел, кроме Крыма, и Азовом; Таш-Тимур известен доселе только как хан Крыма в 797 = 1394—1395 году⁴⁶¹. Любопытно, что одна из его монет носит на другой своей стороне имя Токтамыша. «Если это не случайное употребление штемпеля Токтамышевой монеты, — замечает г. Савельев, — то оно свидетельствовало бы о признании со стороны Таш-Тимура верховной власти хана Золотой Орды»⁴⁶². Могло быть и то и другое, и последний мотив долженствовал быть чисто платонического свойства, ибо трудно ожидать установления правильных суверенных отношений между Таш-Тимуром и Токтамышем в ту смутную пору, когда сам Токтамыш не мог быть уверен в прочности своего положения, непрерывно преследуемый и тревожимый прежним своим патроном, а потом неусыпным врагом, Тимур-Ленком. Около этого же самого времени, а именно в 796 = 1394 году, послы Токтамыша были у египетского султана с просьбой действовать заодно против Тимур-Ленка, которого Токтамыш называет общим врагом их⁴⁶³, в следующем 1395 году египетский посол Тулумен Али-шах, ездивший к Токтамышхану, привез известие о поражении Токтамыша Тимур-Ленком⁴⁶⁴. Некоторые из арабских историков сообщают при этом, что разбитый Токтамыш бежал в земли русские, а Тимур-Ленк овладел Крымом, 18 дней осаждал Кафу, взял ее и разорил⁴⁶⁵. Но они ошибаются в этом случае: предание о том, что Тимур-Ленк, сражаясь с Токтамышем, лично проник в Крым, признано теперь неверным. Возможность ошибки со стороны арабов по части сведений о судьбе Токтамыша явствует из самого разноречия их между собою. Ибн-Хальдун, например, прямо сознается, что «затихли известия о нем (о Тимур-Ленке) на некоторое время, но потом, в 797 = 1394—1395 г. пришло известие, что султан Тимур одержал победу над Токтамышем, убил его и завладел всеми землями его»⁴⁶⁶; тогда как положительно известно, что Токтамыш окончательно

был поражен в 1399 году, бежал в Киргизскую степь, где и был убит в 1406 году⁴⁶⁷; а по сведениям Мюнедджим-баши, просто умер в Тулине (т.е. в Тюмени) в 807 = 1401—1405 г.⁴⁶⁸. У другого араба, Эль-Аскалани, вышел такой курьез: в 798 = 1395—1396 году, говорит он, «был убит тюрк Токтамыш-хан, владетель земли Дештской, после поражения его Ленком; убил его один из татарских эмиров, по имени Темир-Кутлу», а в следующем, 799 = 1396—1397 г., будто бы «произошло великое сражение между (убитым-то) Токтамыш-ханом, владетелем земли Дештской и между генуэзскими франками»⁴⁶⁹. В этой хронологической путанице, бывшей последствием недостаточности сведений о происходившем в Дешти-Кыпчаке и в Крыму, в сущности кроются действительные факты: в поражении Токтамыша, нашедшего поддержку у великого князя литовского Витовта, со стороны Тимур-Ленка принимал деятельное участие Тимур-Кутлук, который вскоре сам был провозглашен ханом в Золотой Орде в 1397 году, и потом воевода Идики, или Идику. Этот последний упоминается в ярлыке Токтамыш-хана к Ягайлу, как один из главных участников в измене эмиров с Бек-Пуладом во главе⁴⁷⁰. Обласканный Тимур-Ленком, Идики вскоре входит в силу в Орде и играет ту же роль, какую в свое время играли там Ногай и Мамай. Вот этот самый Идики, после поражения Токтамыша, вторгся в Крым и осадил Кафу в 799 = 1396—1397 году. О причине этого вторжения Эль-Айни просто говорит, что «произошла вражда между Идики, отнявшим землю от Токтамыш-хана, государя страны Дештской, сидевшего на престоле Беркэ, в землях Кипчацких, и между владетелем Кафы, города на берегу Крыма, в руках генуэзских франков»⁴⁷¹. По другим же источникам, эта вражда возгорелась из-за того, что один из сыновей Токтамыш-хана, после его разбития, бежал в Крым и нашел себе радушный прием в Кафе⁴⁷². Имя Идики настолько сделалось громко, что тот же Эль-Айни про него не раз говорит так: «государем Дешти, Сарая и Крыма был царь Идики»⁴⁷³, хотя в действительности он только был всесильный и самовластный временщик. «Утвердилось, — говорит Ибн-Арабшах, — дело Дештское за правителем Идику, и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям... Устраивалось дело людское по указам Идику: он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет, и никто не противится ему; проведет грань, и (никто)

не переступит этой черты»⁴⁷⁴. Немудрено после этого, что такой всемогущий временщик совершенно заслонил собой эфемерных ханов Золотой Орды, из коих многие были только его креатурами.

Прежде всего неизвестно, куда делся вышеупомянутый Таш-Тимур, память о котором сохранилась в двуименных монетах. Личность его тем замечательна в истории Крыма, что в некоторых источниках он признается одним из ближайших предков Хаджи-Герая, родоначальника династии Гераев: по одним, он приходится Хаджи-Гераю дедом⁴⁷⁵, по другим же — отцом⁴⁷⁶. По сведениям Шереф-эд-Дина, после окончательного разгрома преданной Токтамышу орды, расположенной на берегах Днепра, военачальники ее разбежались: в числе их был и Таш-Тимур-оглан, который, в компании с другим предводителем, Актау, ушли было сперва с своим народом за Днепр к Дунаю, но были враждебно встречены местным населением. Тогда туман-бек Актау оставил эту страну и удалился в Анатолию, где и водворился до поры до времени⁴⁷⁷. Но приверженец Токтамыша и предводитель орды титулован у Шереф-эд-Дина огланом, т.е. только кровным княжичем, и потому трудно категорически сказать, что это был тот же самый Таш-Тимур, который на монетах величается «Султан правосудный Таш-Тимур-хан», особенно при множестве одноименных лиц, встречающихся в татарской истории. Не менее трудно утверждать, как это делает Гаммер и за ним другие ученые⁴⁷⁸, что Таш-Тимур перекочевал с своим народом в Малую Азию: Шереф-эд-Дин говорит только об эмиграции одного Актау⁴⁷⁹; разве предположить, что тот не отставал от своего товарища, вышеупомянутого Актау. Точно так же нам кажется слишком смелым видеть в татарской эмиграции, следовавшей около того времени из Малой Азии в Румилию, не более как возвращение тех же самых татарских орд, которые ушли в Малую Азию под предводительством Актау и, будто бы тоже, Таш-Тимура. Из сказаний восточных историков мы знаем, что султан Мухаммед I действительно выселил оттуда и водворил близ Филиппополя партию татар, но так называемых *Капа-татар*, или «Черных татар», которые, составляя остаток от полчищ, приведенных некогда в Переднюю Азию Гулагуханом, были поселены на османской территории султаном Баязидом I и зачислены в его милицию⁴⁸⁰. Они же, неблагодарные, первые изменили Баязиду во время Ангорской битвы и перешли на сторону Тимур-

Ленка⁴⁸¹. Это предательское поведение татар, индифферентное отношение их к интересам давшего им приют государства и манкирование обязательной для них службой в султанских войсках, их обогащение за счет коренного населения вследствие свободы от всяких даней и налогов, а также вообще их непохвальный образ действий во время междоусобных войн Мухаммеда с своими братьями⁴⁸² главным образом и побудили его изгнать этих пришельцев, взысканных милостями его отца, но отплативших ему черной неблагодарностью, и перевести их на беспокойные окраины своих владений в Европе. Они впрочем и тут еще несколько времени бродили, приставая к разным мятежническим бандам, пока не осели там, где их застало окончательное подавление всех бунтов, образовав особую колонию в Румилии, получившую от них название Татар-Базарчика, т.е. «Татарской толкучки».

Это передвижение татарских толп из Европы в Азию и обратно совершилось при обстоятельствах во многом сходных между собой, в которых находились Турция и Крым в то время: те же смуты, междоусобия и безурядица, которые обуревали Оттоманскую империю пред окончательным утверждением ее могущества в Европе, царили и в Крыме перед образованием там татарского ханства, вскоре ставшего в самые тесные отношения с державой османов. Кроме простой аналогии фактов, в эту эпоху, по-видимому, имело место и непосредственное соприкосновение крымских татар с турками, все на той же почве смут, которые происходили тогда во всей Турции. Путешествовавший в 1421 году с посольскими поручениями де-Ланнуа говорит, что никто из людей воеводы молдо-валахского не только не отважился проводить его, но даже не взялся перевезти за Дунай, так что он должен был оставить свое намерение ехать через Турцию, а отправился в Кафу, чтобы уже оттуда морем поплыть в Константинополь: такая была тогда сумятица и резня в пределах оттоманских владений, вследствие междоусобицы сыновей султана Баязида, оспаривавших друг у друга отцовское наследие⁴⁸³. Политические смуты под конец усложнились еще движением религиозно-социалистического характера. Известно, что главный зачинщик и душа этого движения, шейх Бедр-эд-Дин Махмуд Симавна-оглу, перед разгаром бунта в Румилии был в гостях у валахского воеводы Мирче, с его поддержкой пошел через Силистру в Добруджу и в Дели-

Урмане развернул знамя своей мятежной пропаганды⁴⁸⁴. По некоторым же источникам, этот агитатор прямо из Малой Азии морем отправился *в Кафу* и пробрался в *татарские владения в Дешти-Кыпчаке*⁴⁸⁵. Следовательно, Бедр-эд-Дин Симавна-оглу, побывав в Крыму, несколько времени шатался в татарских кочевьях между Днепром и Дунаем. Само собой разумеется, что бродячие толпы тех татар, которые были распуганы и угнаны к Дунаю военачальниками Тимур-Ленка, едва ли оставались безучастными зрителями происходивших на их глазах смут, будучи увлекаемы не столько, конечно, религиозным прозелитизмом, сколько перспективой грабежа, к чему поощряла их социалистическая проповедь Бедр-эд-Дина. Там татары непременно должны были повстречаться с тюрками, оставшимися в Добрудже и вообще на Балканском полуострове от прежней сельджукской эмиграции, и со вновь переселившимися из Малой Азии Кара-татарами, которые, кроме собственной Румилии, разбрелись и далее по Молдавии и Валахии⁴⁸⁶. Тогда-то, без сомнения, образовалось и татарское гнездо в окрестностях Адрианополя, где позднее имели приют заштатные Гераи, ожидавшие своей очереди на ханский трон в Крыму или же, потеряв его, проживавшие в отставке без всякой надежды когда-нибудь опять играть политическую роль на своей родине.

Таким образом, если не открывается подлинных следов действительного, или только предполагаемого, прародоначальника династии Гераев, Таш-Тимура, в вышеозначенных переселенческих движениях татар, то всего вероятнее допустить, что конечная его судьба была связана с другой крупной татарской эмиграцией, имевшей место около того же времени, а именно с уходом татарских орд во владения знаменитого литовского князя Витовта.

То немногое, что мы знаем о поселении татар в пределах Польши и Литвы, заключается в преданиях самих татар и в кратких известиях турецких и польских историков. Первые находятся в одном старинном татарском памятнике конца XVI в. — небольшом сочинении какого-то литовского татарина, совершавшего благочестивое пилигримство в Мекку в 965 = 1557—1558 г. Оно, по словам автора, написано им для удовлетворения любопытства стамбульских вельмож, начиная с знаменитого верховного визиря Рустем-паши, интересовавшихся судьбой и

положением своих польско-литовских единоверцев, и было преподнесено для прочтения тогдашнему турецкому султану Сулейману Капуни (1520—1566) ⁴⁸⁷. Автор этого сочинения, которое озаглавлено «Рисалэ-и-Татари-Лэх», истый мусульманин и татарский патриот, душевно скорбящий об утрате его соплеменниками чистоты своей веры и национальности, первым делом касается вопроса о водворении татар в тогдашней Литве и Польше и говорит: «Прибытие нашего народа в эти страны и поселение в них произошло не очень давно. Еще мой отец звал одного седобородого старика, который пришел со своими товарищами в это государство. Он рассказывал моему отцу, что наш народ перекочевал в эти владения, наскучившись восточным беспечным существованием. Мое же мнение таково, что наши мирзы из поколения предшественников ханов, бывших на службе хаканов тюркских, состоя вместе с вельможами государства при ханах, помогали им оружием к утверждению на троне и служили им. Когда же ханы гибли, они тоже принуждены были искать пристанища и поселения в чужих странах. Все-таки же было бы далеко от истины сказать, что до тех пор в наших странах не было мусульман». Далее автор говорит, что еще во времена благочестивого Джаны-бека бывали нашествия татар на Польшу, во время которых несколько отрядов из татарских племен поселились в этом государстве, понемногу начали говорить языком туземцев, жениться на христианках и через то постепенно утрачивать свою религиозную и племенную особенность. «Но большая часть, — продолжаешь автор, — пришли во времена эмира Тимура. Причина была та, что ляхский король просил у того эмира помощи против врагов своих. Эмир отобрал несколько тысяч из своего богатырского войска и послал к нему на помощь. После того как они победили врагов ляхских, они по просьбе короля остались в тех пределах, получив разные милости и благодеяния королевские, а также вотчины, кафтаны и деньги, каждый смотря по своему сану и услугам, и достигли благосостояния. Имя короля, который был прибежищем и опорой мусульман, Ваттад (т.е. Витовт). Память о нем до сих дней осталась: ежегодно, в воспоминание о нем, в особый день совершают празднество. Тамошние мусульмане в тот день собираются в мечеть и, поминая его имя, творят молитву. Жители тех стран называют нас вообще татарами, хотя большинство нас не из тех грубых татар, что во все вре-

мена считаются презренными в глазах мусульман, а из остатков чистокровной отрасли сельджукской, составляющей благородных предков османлы»⁴⁸⁸. Оспаривая далее распространенное мнение, что живущие в польско-литовских городах татары суть остаток пленников, взятых во время войны, автор говорит: «По моему же мнению они есть остаток татар, вышедших из Орды, но не из поколения пленников⁴⁸⁹, ибо если бы они в самом деле были из пленных, то давно бы стали гяурами, а между тем в действительности среди них доселе остались мусульмане. Во времена оные с мусульманскими пленниками, которых брали во время войн с мусульманами, не поступали так, как с прочими бывшими там пленными, вроде того, например, чтобы их продавать за ничтожную цену, или держать в цепях и подвергать тяжким работам: мусульманские пленники немедленно были отсылаемы в занимаемые нами места и там с нашей помощью проживают, зарабатывая хлеб каким им угодно промыслом»⁴⁹⁰. Тяготение литовских татар к Крыму, по словам автора, поддерживалось постоянными сношениями их прежде всего по делам религиозным: из Крыма приходили мусульманские ученые для занятия имамских мест при мечетях. Автор при этом со скорбью припоминает бедствие земляков своих во времена Менглы-Герая, хана Крымского, когда они, благодаря дружбе этого хана с московским царем, как он называет великого князя, и вражде к королю польскому, должны были прервать сношения с Крымом и остались вовсе без имамов⁴⁹¹. Кроме религии, литовско-польских татар связывали с прежним их отечеством не сразу исчезнувшие у них бытовые вкусы и привычки. Касательно занятий и промыслов своих земляков автор пишет следующее: «Большинство их занимаются выделкой сафьяна, разведением огородов, лошадиным торгом и извозничаньем. Живущих же одной торговлей нет: вот разве некоторые извозчики из находящихся на крымских границах привозят из Крыма разные турецкие товары, как, например, кумач, бязь, полотенца, салфетки и пояса, и продают их своим единоверцам и другим»⁴⁹². Автор насчитывает всех татар Литвы и Польши 200 000 и говорит, что они большей частью живут по городам в особых местах, именуемых «татарскими кварталами»⁴⁹³. Любопытно, что он нигде даже не намекает на какое-нибудь иное название своих земляков, кроме названия «татар». Гаммер же приписывает им две специальных клички — *Karaboghdan*

и *Likaner*⁴⁹⁴, и у г. Говордза тоже они названы *Likani*⁴⁹⁵. Относительно первого названия можно сослаться на авторитет Ибн Араб-шаха⁴⁹⁶, но *Likaner* и *Likani* есть, очевидно, искажение правильной формы *Липка*, под которой издавна известны в турецких памятниках польские татары, преимущественно жившие в местах нынешней Подольской губернии⁴⁹⁷. В статейном списке Тяпкина и Зотова, от 1681 года, также попадаетея такое замечание: «Ян Муранский, родом Литовской татарин, *которые татаровя у Полше зовутца Липками* принял нас»⁴⁹⁸. На крымском наречии этот термин теперь звучит «Лупка» и до сих пор там служит для обозначения татар наших западных губерний. По объяснению крымцев, это слово значит «соблазнившийся», «прельщенный», но с какого языка оно взялось и от какого происходит корня, неизвестно⁴⁹⁹.

Вышеприведенные сведения о времени и обстоятельствах поселения татар на литовско-польских землях собраны автором из устных рассказов старожилов-переселенцев, но не включают в себе ничего такого, что бы противоречило другим источникам. Одна только там есть историческая справка, которая представляет собою некоторую трудность, а именно: какого эмира *Тимура* разумеет автор рисалэ, когда говорит о дружественных его отношениях к князю Витовту, результатом которых будто бы и было пришествие татарских отрядов, посланных этим Тимуром на помощь Витовту и образовавших потом главное зерно татарской колонии во владениях Витовта? Обыкновенно восточные писатели, говоря об эмире Тимуре, всегда имеют в виду знаменитого Тимур-Ленка, известного у нас под именем Тамерлана. Но в этом случае к нему вовсе неприложимо то, что свидетельствуется автором рисалэ о некоем Тимуре и его дружбе с Витовтом. Турецкий историк Печеви, ссылающейся на более раннего писателя, Алты-Пармака-эфенди, не так трактует о татарских переселениях в эту эпоху, и, согласно с другими данными, иначе определяет значение Тимур-Ленка в этом историческом событии. «Когда, — говорит он, — могущественный Тимур пришел (в Дэшти-Кыпчак), то иные из них (татары) были полонены, иные сделались добычей меча; а несколько их племен бежало во владения ляхских в московских гяуров да в тех странах неверия и утвердились. Доныне их в Лэхе существует шестьдесят селений, и в каждом селении по мечети... Несколько из упомянутых татарских племен поселилось в пределах Бог-

дана (Молдавии) и Афлака (Валахии) и, долгое время обращаясь и ведя дружбу с неверными, сами охристианились. Большая часть молдавских гяуров из этого народа. Несколько же племен, поверив лукавым обещаниям Тимура, когда он три дня и три ночи сражавшись на р. Итиле с Токтамышем, тайно послал к ним весть, призывая их в свое подданство, присоединились к его войску, и Токтамыш-хан был обращен в бегство. Те племена называют отпадшими. Они, пойдя с Тимуром в Рум, поселились кто в окрестностях Эдирне, кто в округе Баба»⁵⁰⁰. Затем, вторично коснувшись вторжения Тимура во владения татарские, Печевы повествует так: «Урус-хан стал было ханом; но против него выступил Токтамыш-хан. Тот был прогнан и нашел прибежище у Тимур-Ленка, был причиной нашествия Тимура на Дэшти-Кыпчак. Два или три раза он приходил с несметными войсками в Дэшт и Крым, и эти населенные владения, погранные копытами скотов грабительского войска татарского, сравнялись с землей. Еще и теперь на Очаковских равнинах видно и заметно несколько кладбищ. На некоторых кладбищенских камнях написаны стихи из Корана и слова исповедания; на иных видны надписи вроде таких: “Здесь покоится такой-то шейх-уль-ислам”, или шейх, или муфти, или визирь, или мирза. Сему многоничтожному бедняку (т.е. автору) в 1027 (= 1618) году случилось отправиться в сторону Аккермана и Бендера. Как раз супротив Бендера находилась развалина одного высокосводного здания, именно входная часть его. На ней были четким почерком написаны слова: *Сия могила Ширин...* остальное же уничтожилось. Мы сами смотрели. От стольких городов и сел тех владений и такие-то остались следы, благодаря злодейству гордого Тимура! А теперь те поля и степи наполнились почти сотней крепостей и верков злополучных русских и мятежных казаков»⁵⁰¹. Автор рисалэ, не раз обнаруживающий явную симпатию к туркам, надо полагать, разделял и их воззрение на Тимур-Ленка, как на ужаснейшего злодея, и по одному этому, даже в случае исторической забывчивости, не мог выдумать небывалых дружественных отношений Тимура к Витовту, которого он выставляет отцом и благодетелем предков своих соотечественников. Мы, кажется, не ошибемся, если допустим, что тут под эмиром Тимуром надобно разуместь того Таш-Тимура, который, по другим сведениям, играет не последнюю роль в тогдашнее бурное время и потом вдруг бес-

следно куда-то пропадает. Если даже автор сознательно имел в виду и Тимур-Ленка, то, внося в свое повествование такую явную историческую неточность, он, может быть, бессознательно только переименовал народное предание, относившееся к Таш-Тимуру, а не к Тимур-Ленку. Таковы данные, заключающиеся в народных преданиях самих татар и в исторических памятниках турков, касательно факта татарской эмиграции в Литву и в страны, сопредельные с границами Османской империи в конце XIV и в начале XV века.

Известия польских историков о том же предмете не отличаются ни большей полнотой, ни отчетливостью и определенностью: некоторые частности возбуждают недоумения и сомнение в их достоверности. Так, между прочим, у них рассказывается про столкновения татар с литовцами, относимые ими к 1331 году. Совершившееся тогда разбитие и угон татар под начальством трех татарских предводителей — Кутлубаха, Качибея и Демейтера приписывается у них литовскому князю Ольгерду. Одни ученые, как, например, профессор Мухлинский, принимают это известие за истинное⁵⁰²; другие же исследователи находят, что польские историки в данном случае напутали — что описанное ими событие имело место гораздо позже, а именно около 1396 года, и что главный герой его был не великий князь литовский Ольгерд, а только соименный ему полководец великого князя литовского Витовта. Покойный Брун, сводя разногласия источников по этому вопросу и высказав только что приведенное соображение, подкрепляет его довольно удачною ссылкой на Шлёцера. Последний в своей истории Литвы также говорит, что полководец великого князя Витовта, по имени Ольгерд, разбил около Дона трех выступивших против него ханов Крымского, Киркельского и Манлопского, в которых, по мнению г. Бруна, нельзя не узнать поименованных польскими историками трех предводителей татарских орд — Кутлубаха, Качибея и Демейтера⁵⁰³. При этом случае г. Брун положительно уверен, что из разбитых Витовтом или его полководцем трех ханов «хан (sic) Крымский непременно долженствовал быть Кутлабуха, т.е. Кутлубуга», разумея выше упоминавшегося у нас Кутлу-Бугу, наместника крымского и посла Токтамышева к Ягайлу; что, далее, «султан Манлопский, т.е. Мангупский, мог называться Дмитрием, будучи христианином»; и что «ханом (sic) Киркельским не мог не быть основатель Гаджибея (нынеш-

ней Одессы), что не помешало бы нам видеть в нем некоего Бек-Гаджи, начальника племени Суткул, или Шюракуль, которому утвердил Токтамыш льготы, дарованные Тимур-Пуладом его племени»⁵⁰⁴. Но прежде чем безусловно согласиться с мнением г. Бруна, надобно обратить внимание на следующие обстоятельства. Ведь Кутлу-Буга, мы видели, был доверенное лицо Токтамыша и посредник в его сношениях с Ягайлом. Бек-Хаджи, глава племени Суткуль, как мы тоже доподлинно знаем, пользовался владельческими правами, основанными на тарханном ярлыке Токтамыша. Следовательно, оба эти человека должны были быть приверженцами и сторонниками Токтамыша, по крайней мере до окончательного уничтожения его власти и престижа любимцами и клеветами Тимур-Ленка, каковы были Идики и Тимур-Кутлук, которые одни только и могли хозяйничать в Крыму по удалении оттуда Бек-Пулада и Таш-Тимура. Сам же Токтамыш, как известно, до последней крайности поддерживал дружественные связи с князем литовским, у которого нашел покровительство и даже военную поддержку, не поправившую, впрочем, его плачевного положения и имевшую в результате полнейшее поражение при Ворскле в 1399 году. Теперь невольно возникает вопрос: каким образом Кутлу-Буга и Бек-Хаджи вдруг оказались супостатами друзей Токтамыша, литовцев? Это как будто не совсем в порядке вещей. Чтобы выйти из такого противоречия, следовало бы допустить, что оба эти татарские беки в короткое время, но не ранее 1392 года, когда Бек-Хаджи получил жалованный ярлык от Токтамыша, успели прозреть недалекую гибель своего патрона, заблаговременно передались на сторону его противников, вошли к ним в такое доверие, что получили в управление — один город Крым, а другой — Кыркор с их округами и, в качестве изменников Токтамыша и приверженцев и представителей нового тимуровско-идикиевского режима, подверглись нападению литовских войск и понесли поражение на Дону в 1396 году. В ту эпоху политической сумятицы могло быть и это, тем более что азиатам вообще недостает политической стойкости и всегда присуща готовность в критических обстоятельствах с легким сердцем становиться под знамя того, на чьей стороне очевидный перевес в могуществе и силе. Но едва ли не более вероятности может иметь следующее предположение, направленное не столько на оправдание догадки г. Бруна, опирающейся на шаткое

основание созвучия имен действующих в историческом событии лиц, сколько на уяснение смысла и значения самого события в общем ходе истории татарского владычества в Крыму.

Московские политики, как известно, очень недоверчиво относились к действиям великого князя литовского Витовта, подозревая в нем тайный замысел овладеть землями московскими, так что когда он объявил поход против татар, то Москва смотрела на это как на замаскированное посягательство на ее собственную независимость. Это предубеждение против Витовта настолько было обще и популярно, что русские летописцы сближение его с Токтамышем и вмешательство его в дела татарские только и приписывают вышеозначенным его замыслам против Москвы. «Преже бо того съвещашася Витофт с Тактамышем, глаголя: “аз тя посажу в орде на царстве, а ты мене посади на Москве на великом княжении, на всей Русской земли”; и на том поидоша на царя Темир Кутлуя», читаем мы в Воскресенской летописи⁵⁰⁵. Этот взгляд летописцев вполне разделяется и нашими историками: «Витовт хотел посадить своего хана в Кыпчаке, — говорит Соловьев, — и с его помощью подчинить себе Москву»⁵⁰⁶; «Витовт выговаривает себе Москву у Токтамыша», еще решительнее высказывается он в другом месте⁵⁰⁷. В этом воззрении есть крайность. Не следует забывать, что приписываемая Витовту стачка с Токтамышем имела место после того как на голову последнего обрушилось столько всяких злоключений как от измены его собственных подданных, так и от вражды в нему Тимур-Ленка; когда Токтамыш, в качестве беглеца, искавшего приюта и покровительства у неверных, едва ли уже пользовался прежним обаянием. Хитрый Витовт не мог не понимать, что Токтамыш не такой уже могущественный и надежный для него союзник, чтобы можно было слишком рассчитывать на него в серьезном деле овладения московским тронem. Если он и оказывал Токтамышу свое расположение и покровительство, то скорее, кажется, с целью воспользоваться происходившими в Орде замешательствами для покорения себе той части ее территории, которая была поближе к его собственным владениям. Г. Савельев утверждает, на основании летописных известий, что Витовт относительно указанных своих планов входил даже в сношение с Великим князем московским Василием Дмитриевичем, но этот осторожно уклонился от всякого участия в их осуществлении⁵⁰⁸. По свидетельству немецких писателей, Витовт

пытался-таки привести свой план в исполнение и проник с оружием в руках в самый Крым вплоть до Кафы⁵⁰⁹. Если дело было именно так, то можно думать, что Кутлу-Буга и Хаджи-бей, даже будучи прежде приверженцами Токтамыша, заранее угадали истинные намерения хитрого Витовта и, ввиду опасности, грозившей Крыму со стороны нового врага, выступили ему навстречу, располагая более или менее значительными военными силами, в союзе с правителем манкупским, личность которого остается пока невыясненной. При этом они могли действовать на свой собственный страх, отстаивая независимость занимаемой ими и их соплеменниками территории от чуждого завоевателя, а не в качестве непременно подручников того или другого повелителя Орды, которому был подвластен и Крымский удел; не по уполномочию кого-либо из номинальных ханов Золотой Орды, восходивших на престол по благосклонности и с поддержкой временщика Идики. Недаром же три вождя татарских орд, разбитых литовцами в 1396 году, названы у Шлецера ханами — крымским, кыркорским и манкупским. Если тут есть несомненное преувеличение в титуле этих трех вождей, то нет его в самом факте. Из этого факта в связи с некоторыми другими обстоятельствами, о которых речь впереди, можно заключить, что после окончательного поражения Токтамыша и бегства его к Витовту средоточием всей административной власти и военной силы стал Идики, абсолютно правивший под фирмой номинальных владык, им же самим возводившихся на ханский трон и низвергавшихся с него. Местные же областные правители пользовались властью только урывками, с большим или меньшим авторитетом, смотря по обстоятельствам усиления или ослабления надзора и контроля центрального правительства, а также по степени увеличения или уменьшения смут в Орде... Одним из благоприятных для областной автономии моментов было, без сомнения, и роковое столкновение полчищ Тимур-Лепка с Токтамышем: прежний режим в Крыму был пошатнут, а новый еще не установился. Могло быть, что упомянутые Кутлу-Буга и Хаджи-бей именно и пытались воспользоваться случаем в своих видах, да встретили себе помеху в союзнике своего прежнего патрона, Витовте, который тоже усматривал возможность захвата татарской территории, оказавшейся без определенного и признанного хозяина, и протер свои завоевательные стремления на Крымский полуостров.

Какой практически результат имела экспедиция Витовта в Крым, о которой повествуется немецкими писателями, в точности не известно; но, должно быть, никаких существенных последствий для политического состояния Крыма из нее не вышло, ибо в скором времени мы видим там опять восстановленную власть татарскую в лице Тимур-Кутлука, внука Урус-хана и протезе всемогущего темника Идики, что решительно было бы немыслимо, если бы только в Крыму прочно установился престиж Витовта. Несмотря на то, и попытки Витовта не остались совершенно бесследны: если в одних татарских беках он встретил себе ярых противников, то другие, наоборот, выказали готовность стать его друзьями и подчиниться его господству. Недаром же, по свидетельству де-Ланнуа, в свите Витовта, во время его пребывания в Каменце, находился также один *татарский князь* — *un duc de Tartarie*, который присутствовал за княжеским столом всякий раз, как де-Ланнуа был приглашаем к обеду, и занимал там почетное место подле супруги Витовта⁵¹⁰. Недаром также Витовт счел нужным тогда построить на одном из берегов Днестра совершенно новый замок. Место, выбранное для означенного сооружения, было пустынное, где не было ни леса, ни камней; но губернатор Подолии Гедигольд привел 12 000 человек народа да 4000 подвод с камнем и деревом, и замок был выстроен скорее чем в один месяц⁵¹¹. Явно отсюда, что Витовту нужны были укрепленные пункты в степи, в которой кочевали татарские орды, для упрочения собственной власти в тех местностях и для поддержки тех ордынцев, которые считались его друзьями и слугами. Де-Ланнуа, проездом через татарскую степь из Монкастро (теперешнего Аккермана) в Кафу, нашел на нижнем Днепре татарского князя по имени Джамбо — *Jambo*, друга и слугу Витовта, а также целое большое татарское селение, принадлежавшее Витовту. Мало того: в это время Витовт имел уже дружественные связи в самом Крыму и послал с де-Ланнуа подарки одному владетельному лицу, которого де-Ланнуа именует «императором солхатским» — *l'emperenr de Salhat*. Дорогою путешественник был полонен шайкой татар человек в 60 или 80, принадлежавших означенному «солдатскому императору».

Оказалось, что этот друг Витовта уже умер; но все же люди его, когда узнали, что де-Ланнуа и его спутники были от Витовта, отпустили их на свободу и проводили их другой дорогой к Солхату, хотя впрочем

взяли с них хороший выкуп, состоявший из золота, серебра, хлеба, вина и мехов, что де-Ланнуа называет подарками⁵¹². Это было в 1421 году; а несколько позже, именно под 1426 годом наши летописи, в рассказе про поход Витовта на Псков, говорят, что в числе его военных сил были также и «татарове его», которым всего больше досталось от разъярившихся граждан осажденного Пскова. При этом упоминается, что Витовт «у царя Махмета испроси двор его»⁵¹³.

Кто был друг-приятель Витовта из владетельных лиц Крыма, трудно угадать при множестве сменившихся в ту переходную эпоху правителей; но из этого мы видим, что Витовт, после не особенно блестящих результатов своего воинственного замысла против татарского Крыма, удовольствовался покорением нескольких татарских орд на материке, а по отношению к Крыму решил держаться другой политики — политики дружественного союза с властвовавшими там беками, так как этот союз представлял ему выгодную опору во враждебных столкновениях с главной Ордой, одинаково им всем неприятной. Но тогда уже не было в живых ни Токтамыша, ни Идики. До этого же времени много людей заявляло претензии на господство в Крыму, и прежде всего, как мы сказали выше, Тимур-Кутлук.

Памятниками властных претензий Тимур-Кутлука на Крым служат, во-первых, монета с его именем, выбитая «в городе Крым» в 799 = 1396—1397 г.⁵¹⁴ и, во-вторых, данный этим ханом тарханный ярлык. В описании монеты г. Блау сделал заметку: «Notabilis». И, в самом деле, монета весьма замечательна, если мы вспомним отзыв Г. Савельева о монетах Тимур-Кутлука. Он говорит: «Все эти монеты биты на походе, *в орде*, т.е. в лагере, и не известно ни одной, битой в Сарае, Булгаре или других городах»⁵¹⁵. Г. Савельев, кажется, хотел этою оговоркою обратить особенное внимание на то, что Тимур-Кутлук в течение своего кратковременного царствования находился в постоянной перекочевке с места на место. Это, кроме монет, подтверждается также и единственным ярлыком Тимур-Кутлука, данным также на походе, где-то на берегах Днепра⁵¹⁶. Тем любопытнее факт, что единственная монета Тимур-Кутлука, выбитая в известном городе, получила свое бытие именно в городе Крым, и что единственный дошедший до нас ярлык этого хана также касается только территории крымской, заключая в себе предоставление

некоему Мухаммеду с сыновьями права безданного, беспопытного пользования разными привилегиями и угодьями в местностях, лежащих в округе Крыма и Кыркора, в окрестностях Судака, в Узунджу и Мысхоре. Из этого ярлыка Тимур-Кутлука мы видим, что он основывал свои властные права еще на наследственной преемственности, называя своего предшественника, даровавшего тарханство, «старший брат наш хан» — и возводя свою санкцию к авторитету Саип-хана. Тимур-Кутлук был провозглашен ханом целой Золотой Орды, но фактически его власть, по-видимому, пользовалась признанием и авторитетом только в Крыму, где она могла иметь опору в полчищах Идики, хлынувших в Крым для преследования одного из сыновей Токтамыша, вздумавшего там искать себе убежища. Из ярлыка не видно, чтобы Мухаммед, сын Хаджи-Байрам-ходжи, получивший этот ярлык, был представителем ханской власти в Крыму, как это показалось г. Бруну, который считает Мухаммеда преемником Хаджи-бея в звании правителя Кыркорского округа⁵¹⁷. Мухаммеду дарованы были только права пользования тарханскими привилегиями в некоторых местностях Крымско-Кыркорской области, каковыми можно считать Узунджу и Мысхор, но не давалось никаких полномочий областного правителя: исчисляемые в ярлыке права и привилегии ничего похожего на это не представляют.

Мало того: из ярлыка не видно, чтобы вообще во время дачи его кто-либо считался признанным ханским наместником в Крыму: начальное обращение в нем делается вообще к власти имущим в государстве лицам, во главе которых назван Идики, но нет специального указания на Крымскую или иную какую-либо область, как это мы видели в ярлыке Токтамыша. Тем не менее однако ж эта грамота есть живое свидетельство того, что, несмотря на разные смуты и беспорядочность в центральном правлении Золотой Орды, несмотря на непрерывную смену ханов и явную зависимость их от таких всесильных временщиков, каков был Идики, все же татарский элемент продолжал систематически приливать в Крым и пускать там корни, не ограничиваясь притом центральной степной территорией полуострова, а простираясь и далее к гористому побережью и не обращая внимания на гарантии, данные незадолго перед тем разными представителями татарско-ханской власти франкам, которые в силу последних договоров сделались господами всего побережья

от Судака до Кафы. Теперь уже началось деятельное образование того положения вещей в Крыму, которое завершилось полным вытеснением оттуда европейско-колониистского элемента и заполнением всей территории тюркским населением — татарско-ногайским с одной стороны и турецко-османским с другой. Из того, что Тимур-Кутлук издал отводил татарским родам в безвозмездное пользование земли в Крыму и чеканил монету со штемпелем города Крыма, можно заключить, что из всех составных частей обширной территории Золотоордынского царства эфемерные претенденты на владычество в нем считали Крымский удел, вследствие его изолированного положения, наиболее надежным убежищем в случае своего неуспеха в исконных становищах ханов Золотой Орды. А чтобы заручиться союзниками и приверженцами, они охотно дарили своим соплеменникам земли сомнительной принадлежности в ущерб франкским соседям, а иногда, в критический момент, искали дружбы и покровительства последних. Так дело шло с временщицтва Идики в Золотой Орде вплоть до утверждения трона Гераев в Крыму. Жаль только, что крайне скудны исторические материалы, чтобы можно было с достаточной полнотой и ясностью обрисовать этот исключительный период истории татарского Крыма.

По нумизматическим данным нам известно, что из монет, битых следовавшими за Тимур-Кутлуком ханами, Крым является только на монетах Тимур-хана да еще, под великим сомнением, Керим-бирды. До Тимур-хана сидел на ханстве сперва брат Тимур-Кутлука, Шадибек до 1407 г., а потом Пулад-хан, который в одних памятниках считается племянником изгнанного им Шадибека и сыном Тимур-Кутлука, а в других — сыном самого Шадибека. Пулад, в свою очередь, был изгнан родным братом своим Тимур-ханом, в 1411 году. Между тем монета имени Тимур-хана, выбитая в Крыму, имеет дату 809 = 1406—1407 года⁵¹⁸. Такой интересный и важный нумизматический факт приводит к тому заключению, что в 1411 году Тимур-хан завладел собственно Сараем, изгнав оттуда Пулада, а дотоле уже более пяти лет ханствовал в Крыму. Идики в письме своем к Великому князю московскому от 1409 года, перечисляя царствовавших друг за другом в Золотой Орде ханов, говорит: «И ныне Булат Салтан сел на царство и уже третьей год царствует»⁵¹⁹. Г. Говордз почему-то полагает, что вышеозначенная

монета Тимур-хана выбита им еще до воцарения Пулада⁵²⁰; приведенное же место письма Идики, кажется, достаточно устраняет его заключение. Равно ошибочно г. Говордз помещает в разряд истинных фактов то, что будто бы Тимур-хан продолжал чеканить свою монету до 818 = 1415—1416 года⁵²¹, ибо он, по летописным и другим известиям, был еще в 1412 году свергнут и убит сыном Токтамыша Джелал-эд-Дином.

В этих немногих данных о царствовании Тимур-хана любопытно то, что он, сидя в Крыму и будучи до поры до времени игнорируем центральным правительством Золотой Орды, в состоянии был собрать такую силу, что вскоре свергнул Пулад-хана и успел сокрушить могущество временщика Идики, изгнанного из Орды⁵²². По другим источникам, Тимур сделался ханом Золотой Орды по желанию самого Идики и вопреки настояниям своего собственного сына Нур-эд-Дина, который хотел, чтобы Идики или царствовал сам, или предоставил бы царствование ему. Не желая доводить распри до кровопролития, Идики будто бы добровольно удалился в Харе́зм; но буйный сын погнался преследовать отца в его удалении⁵²³. Арабский историк Ибн-Арабшах тоже описывает один поход Идики в Харе́зм в 1405—1406 гг. и произведенные им завоевания, однако же ни на какой прежний или последующий раздор его с сыном своим не намекает⁵²⁴. Весьма правдоподобно, что опытный временщик предпочитал верное средство властвовать за спиной номинального, в сущности однако же во всем от него зависившего, хана, нежели самому сесть на троне, рискуя потерять все от возмущения и протеста народных инстинктов, которые могли быть встревожены столь явной и наглой узурпацией. Он мог из-за своего предусмотрительного упрямства серьезно поссориться с своим честолюбивым сыном, мечтавшим уже о беспрепятственном наследовании ханского достоинства, оснащенного авторитетностью своего отца. Но все же остается для нас неясным, что именно побудило Идики свергнуть Пулад-хана, на смену которого явился из Крыма Тимур-хан. Как бы то ни было, в этом факте обнаружилось в сильной степени обособление Крымского удела от главного татарского центра, Золотой Орды, и заметное усиление этого удела. Если даже Тимур получил власть в Сарае по предложению Идики, то в самом этом предложении можно видеть политический расчет ловкого Идики, который своим выбором Тимур-хана, утвердившегося в Крыму,

в ханы целой Орды имел, должно быть, в виду парализовать возраставший сепаратизм и усиление Крымского удела.

Историческая правдоподобность влияния распри, происшедшей у Идики с сыном своим, на судьбу Золотоордынского трона, косвенным образом подтверждается также и ногайскими народными преданиями о Токтамыш-хане и Идики. Только в этих преданиях сын Идики называется не Нур-эд-Дин, а Нур-Адилъ, или Шах Нур-Адилъ, все же содержание их вращается исключительно около честолюбивых притязаний этого отважного молодого мирзы, основанных не на родовом происхождении, а на личных доблестях. В них рассказывается, что Идики сделал своего сына ханом, и уже прошло с тех пор несколько лет, как народ Токтамыш-хана возроптал, говоря, что Нур-Адилъ не годится, ибо Токтамыш-хан был из Чингизова поколения, а происхождение Нур-Адила Бог его знает каковское. Когда такие речи дошли до слуха Нур-Адила, то он будто бы отвечал так:

«Нур-Адилъ сказал: О, почтеннейшие!
Я явился на свет в пятницу!
Я, открыв глаза, увидел ночь-кадр,
Я, раскрыв рот, изрек: Ля Иляг илля-л-Лав!
Я и книги читал все арабские;
Я все то говорил, что ученые.
Я родился важнее отца своего.
Я служил сорок дней двум святым — Хызру, Илье.
Токтамыш хоть и сын Туйгучжи
Из Чингизова рода — что ж из этого?
Я ж потомок Коджа-Ахмеда Туркестанского,
Всем известного святого отца».

Затем следует другой в том же роде панегирик Нур-Адила собственным доблестям:

«Я мирза, дом которого базар, и который берет
дань со множества народа;
Я мирза, который княжит, сидя на коне, подобном
Бораку», и т.д.⁵²⁵.

В этих преданиях сохранилась народная память о нескончаемой вражде между потомками Токтамыша и Идики, причем выставляются на вид родовые права одних и прославляются доблести других, хотя в исторической действительности перевес остался за первыми.

Распрей Идики с сыном своим воспользовался старший сын Токтамыша, Джелал-эд-Дин, успев вытеснить Тимура, обратившегося в бегство пред превосходящей силой противника. Про этого Джелал-эд-Дина Ибн Арабшах говорит, что он по смерти отца ушел с братом своим Керим-бирды в Россию⁵²⁶. Затем, перечисляя ханов, креатур Идики до Тимур-хана, который первый возвысил голос против самоуправства временщика, тот же арабский историк смутно намекает на какое-то величие власти Джелал-эд-Дин-хана. «В его (Тимур-хана) время, — повествует Ибн-Арабшах в свойственном ему высокопарном тоне, — расстроились дела; он не вручил своих бразд эмиру Идику, сказав: “нет за ним ни славы, ни почета; я передовой баран (т.е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому)? я бык (т.е. вождь), за которым следуют, так как же я сам пойду за другим?” Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастья, войны и враждебные действия. В то самое время, когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий между обеими партиями в сумраках Дештских, вдруг, в полном величии (собств. в полнолунии) власти Джелалиевой, появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых и поднялся, выступая из стран Русских. Произошло это событие в течение 814 = 1411—1412 года.

Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Тимур-хан был убит, и продолжались смуты да раздоры между царями владений Кыпчацких, пока (наконец) Идику, раненный, потонув, не умер»⁵²⁷.

Надо полагать, что храбрый сын Токтамыша покинул Орду с большой толпой татар, да кроме того умел в случае надобности привлечь и других татар на свою сторону, и если в отсутствие Идики, осаждавшего Москву в 1406 году, «приобрел поборники себе, и прииде изгоном на Орду и едва не полонил оставшегося дома хана»⁵²⁸. А когда в 1410 году возгорелась война короля Ягайла с тевтонцами, то в многочисленном войске Витовта находилось 30 000 союзных татар, опять под начальством Джелал-эд-Дина, которого русские летописцы называют *Зеледи, Зеди и Зелени-салтаном*,

а польские историки преобразили в Саядина и даже в Тохта мирза-Антон⁵²⁹. Последнее обстоятельство особенно замечательно: Джелал-эд-Дин, предводительствуя преданными ему татарами и сражаясь в рядах Витовта на правах союзника, в свою очередь имел право рассчитывать на подобную же взаимную услугу со стороны Витовта, который не переставал все время вмешиваться в дела татар, поддерживая и подкрепляя детей Токтамыш^а, и, несомненно, оказал сильное содействие Джелал-эд-Дину в достижении им ханской власти в Орде⁵³⁰, что случилось в 1412 году. Энергичный Джелал-эд-Дин тотчас же по вступлении на ханство поспешил дать знать чрез нарочитых послов везде о своем воцарении; в наших летописях о нем замечено: «Тое жь зимы (в 1412 г.) сяде Зелени-Салтан на Царстве, а Едигея прогна... Того же лета от Зелени-Салтана прииде во Тферь *посол лют*, зовя с собою Вел. Кн. Ивана Михайловича в Орду»⁵³¹...

Общепризнанность же его господства подтверждается дальнейшими летописными известиями о том, что русские князья Василий Дмитриевич и Иван Тверской ходили в Орду на поклон «к царю Зеди Салтану, Токтамышеву сыну»⁵³². Но и Джелал-эд-Дин недолго пользовался властью: дети Токтамыш^а, питая злобную жажду мести заклятым врагам своего дома, потомкам и клеветам Идики, в то же время не ладили и между собой. Так и Джелал-эд-Дин, процарствовав около одного года, был свергнут и убит братом своим Керим-бирды, составившим себе партию из недовольных гордостью и жадностью Джелал-эд-Дина. Керим-бирды числился ханом Золотой Орды всего каких-нибудь пять месяцев: он погиб в одной схватке с братом своим Джеббар-бирды, который тоже тут лишился жизни, оспаривая трон у Керим-бирды. Настоящим преемником последнего поэтому был Кепэк-хан, также сын Токтамыш^а; но вскоре вернувшийся Идики посадил на его место Чекре-хана.

При такой быстрой смене ханов Орды едва ли можно говорить о каком-либо значении их краткосрочных царствований для политического состояния тогдашнего Крыма, который, видимо, был тогда совершенно предоставлен самому себе. Из монет упомянутых выше ханов одна только монета Керим-бирды-хана относится в числу битых в Крыму, да и то предположительно, по форме чекана; притом же на ней нет никакой даты⁵³³. Нельзя поэтому категорически сказать, какими путями Керим-бирды достиг ханского трона, бывши дотоле эмигрантом в России, и был

ли он сколько-нибудь времени в Крыму, подобно Тимур-хану, который там-то и заручился силой и средствами сделаться ханом всеордынским.

Но удивительно после этого, что эти скоросменные ханы не были известны мусульманским историкам, которые продолжали считать настоящим владыкой всего Золотоордынского царства Идики, громкое имя которого долго еще пользовалось репутацией на мусульманском востоке. «В 804 = 1411—1412 году государем Крыма, Сарая и прочих земель Дештских был Идики», пишет арабский историк Эль-Айни⁵³⁴. «В 819 = 1416—1417 году, — читаем мы у Эль-макризи и Эль-Асвалани, — прибыла в Дамаск хатунь, жена Идику, *владельца Дештского*, с просьбой совершить хаддж (т.е. паломничество в Мекку). Вместе с ней прибыли 300 всадников, и они совершили хаддж в сообществе сирийского каравана»⁵³⁵.

Смерть Идики, последовавшая в 822 = 1419—1420 году, завершает, можно сказать, собой золотоордынский период исторической жизни татарского Крыма⁵³⁶. В эту пору, по изображению арабского историка Эль-Айни, «в землях Дештских, столица которых Сарай, была великая неурядица, *вследствие отсутствия старшего*, который бы взялся за дела; *одержало там верх несколько лиц из рода ханского* и др. *Каждый из них правил своим краем*, и ни у одного дело не шло на лад, как бы следовало»⁵³⁷. То, что имело место во всей Золотоордынской империи, не составляло исключения и для Крымского удела. Проезжавший в те поры через Крым де-Ланнуа свидетельствует, что и там также царила безурядица. «Солхатский император, — говорит он, — недавно умер, и у татар этой Татари и великого хана, императора Орды, шел величайший в мире вопрос о том, чтобы сделать там нового императора, ибо всякий хотел иметь своего, и все в означенной стране были в резне и всеоружии, вследствие чего я находился в великой опасности»⁵³⁸. Де-Ланнуа не называет имени правителя солхатского, а только величает его одинаковым с ханом Орды титулом — *l'empereur de Salhat* и выставляет другом Витовта — *amy dudit Witholt*. Де-Ланнуа имел поручение явиться к нему в качестве посланника и вручить подарки, присланные с ним от Витовта⁵³⁹. Приведенное место из мемуаров де-Ланнуа находится в них под 1421 годом, когда в Крыму, должно быть, происходили величайшие беспорядки, и нет возможности добраться, кто был этот друг-приятель Витовта, правитель солхатский, смерть которого послужила поводом к этим беспорядкам.

Эль-Айни, описавши последнюю, роковую стычку Идики с сыном Токтамыша Кадир-бирды, стоившую жизни им обоим, упоминает одного только Дервиш-хана из рода Чингиз-ханова, который был еще возведен на царство самим Идики, и затем, рассказав об умерщвлении последнего, присовокупляет: «Когда случилось все это, то царством Дештским стал править некто из рода Чингиз-ханова, по имени Мухаммед-хан, но при нем смуты сделались постоянными, и дела расстроились (окончательно)». Арабский историк вслед за этим еще неоднократно повторяет меланхолическую фразу о непрерывных смутах и беспорядках в землях Дештских и всякий раз упоминает о Мухаммед-хане, как первенствующем и как бы признанном государе Дешти-Кыпчак. «В 824 = 1421 году, — говорит Эль-Айни, — государем земель Дештских был Мухаммед-хан, но между ним, Борак-ханом и Берке-ханом (вероятно, Чекре-ханом) происходили смуты и войны, и дела не улаживались»...⁵⁴⁰ Под 826 = 1422—1423 годом буквально говорится то же самое. Под 828 = 1424—1426 годом замечено, что Мухаммед-хан одерживал перевес над прочими лицами ханского рода, стремившимися стать независимыми владетелями. Под 830 = 1426—1427 годом Эль-Айни называет Мухаммед-хана уже «государем Крыма и пр.» — и опять прибавляет при этом, что «земли Дештские были расстроены; в них (царствовала) большая неурядица между старшими эмирами»⁵⁴¹. А между тем вскоре после того, именно «в джемазиу-ль-эввеле того же 830 = в марте 1427 г. прибыло письмо от *завладевшего Крымом* лица, по имени Даулет-бирды, состоявшее из прекрасных фраз»...⁵⁴² Речь идет о том высокопарном письме к султану египетскому, о котором у нас упоминалось выше⁵⁴³. Привезший это письмо сообщил, что в землях Дештских большая неурядица, и что три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулет-бирды, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммед-хан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимур-Ленка. Но вскоре земли, захваченные Даулет-бирды, сделались также достоянием Мухаммед-хана, ибо Эль-Айни говорит под 832 = 1428—1429 годом, что «*государем Крыма* и прилегающих к нему земель — был Мухаммед-хан; и что 16 реджеба 832 = 21 апреля 1429 года прибыли в Египет послы от Мухаммед-хана, *государя Дешти и Крыма*, с двумя письмами, из коих одно было на арабском языке,

а другое на уйгурском, которого никто разобрать не мог»⁵⁴⁴. Наконец у того же Эль-Айни читаем, что «в 847 = 1443—1444 г. *государем Крыма* и Дешти был (какой-то) Мухаммед-хан»⁵⁴⁵, но прежний ли Мухаммед, или другой какой, этого не видно из слов Эль-Айни: это выясняется уже из других источников, свидетельствующих, что тут надо иметь в виду двух разных Мухаммедов.

Несмотря на всю краткость и неопределенность вышеприведенных известий об этой смутной эпохе, они все же дают некоторое понятие о тогдашнем положении дел в Крыму. Очевидно, что тогда уже взяли силу татарские беки, кочевавшие с своими ордами в самом Крыму, или по соседству с ним на материке, и, не обращая внимания на то, что творилось в главном татарском гнезде, Сарае, деятельно стремились создать свой особый центр, что вскоре и осуществилось, хотя и не сразу, не без борьбы с последними представителями золотоордынского единства, выбивавшимися из сил в стараниях поддержать это единство и воспрепятствовать успеху удельного сепаратизма.

Выступление Мухаммед-хана на политическое поприще имело место как раз в тот момент, когда Идики окончательно сошел со сцены, будучи тяжело ранен в битве с Кадир-бирды, и потом умерщвлен одним из эмиров Токтамыша. Старейшая из монет Мухаммеда выбита в 822 = 1418—1420 году в Астрахани. Из многих его противников, оспаривавших у него власть, особенно выдавался какой-то Даулет-бирды. По вышеприведенным сведениям арабских писателей, он владел в 830 = 1427 году Крымом и прилегающим к нему краем, Мухаммед же властвовал тогда в Сарае. Эти сведения идут от одного современника и очевидца тогдашних событий, посла Даулет-бирды ко двору египетскому, которому, конечно, не было надобности умалывать размер владений своего господина.

Шильтбергер свидетельствует, что Даулет-бирды царствовал всего только три дня: он будто бы был убит врагом своим Мухаммедом, которого он незадолго перед тем низверг с престола и выгнал⁵⁴⁶. Но еще наш знаменитый историк заметил, что вообще известия Шильтбергера «неясны, бестолковы»; в данном случае тоже, кажется, не следует слишком полагаться на них: что-то не совсем вероятно такой краткий срок, отводимый властвованию Даулет-бирды. Как, в самом деле, этот последний мог успеть в течение трех дней и отчеканить монету своего имени,

и повести дипломатические сношения с Египтом, снарядив и отправив туда гонца с письмами? На посольство Даулет-бирды отвечали из Египта установленным порядком, потому что в заметке, сделанной неизвестным автором в одной арабской рукописи, касательно форм официальной корреспонденции говорится между прочим: «Так писано было при Эльмелик-Эль-ашрефе Барсбае — да оросит Аллах век его! — *хану Даулет-бирды*»⁵⁴⁷. В той же заметке поименованы еще другие главнейшие претенденты на господство в Дешти-Кыпчаке, и в числе их видим Даулет-бирды, «который, — как сказано там, — принял (власть) от Мухаммеда; Мухаммед принял от Идики; а Идики от Токтамыша, сына ханского, Токтамыш же от Мамай, который был (сперва) заурядным эмиром, но усилился и, благодаря своему могуществу, сделался ханом»⁵⁴⁸.

Для достопримечательности Даулет-бирды и то много значит, что арабские писатели ставят его наравне с такими крупными историческими личностями, как Мамай, Токтамыш и Идики, и тем страннее, что русские летописи вовсе не упоминают о нем. Но исторический интерес Даулет-бирды заключается еще в том, что с его именем, между прочим, связывается очень трудный и вместе весьма любопытный вопрос о происхождении, достоинстве и значении крымских так называемых двуязычных (bilingvi) монет. Эти монеты давно занимали ученых характерностью своего типа и труднообъяснимостью своего происхождения. Признано однако же за несомненное, что эти монеты биты в Крыму и не кем иным, как генуэзцами. В.В. Григорьев, обстоятельно рассмотрев все соображения относительно легенд на этих монетах и причин появления самых монет, мимоходом делает сопоставление их с подобными же двуязычными русско-татарскими монетами, высказывая при этом одно «очень неприятное», по его словам, «предположение», которое побудило его поставить такой вопрос: точно ли эти двуязычные монеты принадлежат ко времени тех ханов, имена которых носят на себе? ⁵⁴⁹ С именем Даулет-бирды еще известны монеты, битые в Астрахани в 831 = 1427—1428 году, а также в Новом-Сарае и в Орде, около того же, вероятно, времени⁵⁵⁰. Между тем еще г. Соре полагал, что означенные двуязычные монеты, по некоторым признакам, не могли получить существования до поступления генуэзских владений в Крыму под управление банка Св. Георгия, т.е. ранее 1453 года. Г. Григорьев отверг справку г. Соре,

выставив на вид невозможность объяснить в таком случае существование монет с именем Даулет-бирды; но при этом оговорился: «Прибегнуть разве к предположению, высказанному выше», т.е., что не кроется ли в легендах этих монет анахронизма⁵⁵¹.

Другой исследователь истории и древностей Крыма, почтенный В.Н. Юргевич, уже с большей решительностью повторяет робкое подозрение г. Григорьева касательно подлинности рассматриваемых монет. Г. Григорьев имел в виду лишь монеты с именем *Даулет-бирды* и *Хаджи-хана*, а В.Н. Юргевич присовокупляет к одной с ними категории еще монеты, на лицевой стороне которых находится изображение всадника, а на оборотной арабская легенда с именем хана *Пулада*⁵⁵², а также и монеты вовсе *безымянные* с изображением всадника на лицевой стороне и с татарской тамгой на оборотной⁵⁵³. Соображения почтеннейшего ученого следующие: нахождение на этих монетах деталей герба города Кафы с несомненностью убеждает в том, что эти монеты *принадлежат Кафе*, а всадник, представляющей св. Георгия и тамга Гераев, говорит он, доказывают, что они *чеканены после уступки колоний, сделанной республикой банку Св. Георгия*⁵⁵⁴, которая состоялась в 1453 году. Ввиду этих соображений нельзя было не удивиться, встретив монеты с именами ханов Пулада и Даулет-бирды, которые, сколько известно из других источников, ханствовали раньше означенного года, особенно последний из них. Удивление это усугубляется еще тем, что с точностью не известно, когда кафские генуэзцы получили привилегию чеканить монету во время своей зависимости от генуэзской республики⁵⁵⁵, так как о монетном дворе в Кафе говорится в первый раз в письме консула Дамокульта, писанном в августе 1454 года к протекторам банка Св. Георгия⁵⁵⁶. В частности монеты с именем Даулет-бирды возбуждают сомнение В.Н. Юргевича в их подлинности тем, что этот хан «царствовал только три дня между 1427 и 1428 г., во время величайшей неурядицы в Кипчакской орде», а также и «по поводу двух начальных букв М. D. латинской легенды, которых нельзя приложить к именам консулов 1426 и 1428 года». «Как могло случиться, — спрашивает В.Н. Юргевич, — чтобы в столь краткий промежуток времени, между известием о вступлении на престол хана Девлет-Бирди и его низложением, был в Кафе, кроме Франческо Вивальди и Габриеле Джюстиниани еще один консул?» «Чтобы выпутаться из этих противоречий, — заклю-

чает уважаемый исследователь, — нам остается прибегнуть к предположению, что упомянутые монеты не принадлежат ни 1427 ни 1428 годам, но, подобно прочим, времени Хаджи-Гирея, и что на них находится имя Девлет-Бирди потому, что они были *выбиты по образцу случайно попавшихся монет этого хана*»⁵⁵⁷.

Это последнее заключение в сущности есть применение того, что раньше было высказано г. Савельевым насчет двуязычных русско-татарских монет, контрафакция которых, говорит он, практиковалась в очень широких размерах, не одними только русскими, но и поволжскими инородцами. Чтобы вышеприведенное предположение получило однако же силу бесспорной истины относительно рассматриваемых монет крымского чекана, необходимо устранить следующие сомнения, невольно возникающие по поводу аргументов против подлинности этих монет⁵⁵⁸.

Город Кафа, говорят, не пользовался привилегией чеканить монету во время своей зависимости от генуэзской республики; мало того: прежними уставами 1290 и 1316 годов это строго запрещалось под угрозой большого денежного штрафа. Но иное дело писанные законы, и иное дело практические, жизненные условия: часто между ними происходит упорный антагонизм. Кафинцы, считаясь подвластными далеко от них находившейся генуэзской республики, в то же время испытывали еще большее тяготение над собой власти татарской, которая постоянно была возле них сперва в лице наместников ханов Золотой Орды, а потом и независимых владетелей Крыма, стремившихся образовать особое татарское ханство. Едва ли генуэзской республике очень могло нравиться изображение ханской тамги на публичных надписях Кафы в качестве герба этого города, и однако же обстоятельства вынуждали кафинцев выставлять это изображение⁵⁵⁹. Могло быть, что они производили чеканку монеты известного смешанного типа как повинность, налагавшуюся на них теми татарскими ханами, имена которых встречаем на монетах, и с которыми кафинцы, должно быть, состояли в каких-нибудь особых обязательных отношениях. Самое повторение запрещения Кафе чеканить монету в вышеупомянутых уставах скорее указывает на стремление республики уничтожить существовавшее уже зло, если это было зло, нежели предупредить зло предполагаемое. Когда же оно признано было неизбежным, то в уставе 1449 года, изданном республикой для

города Кафы и обращающем внимание на самые малейшие подробности колониального управления, уже ни одним словом не намекается на какую-либо регламентацию касательно чеканки монеты: она этим уставом вовсе игнорирована⁵⁶⁰. Упоминание в уставе об *Aspri argenti de Caffa* является в некотором роде легализацией колониальной монеты со стороны республиканского правительства, и нам недостаточно очевидно, почему тут следует непременно разуть греческие серебряные аспры, имевшие обращение в Кафе, как на этом настаивает почтеннейший В.Н. Юргенич⁵⁶¹, а никак не аспры из кафского серебра. Известно, что татарские ханы династии Герайской сами не занимались выделкой монеты, а всегда сдавали ее на аренду караимам. Нет ничего мудреного, что и в прежние времена монетные операции татарских властей в Крыму составляли доходную арендную статью кафских коммерсантов, и не в этом ли следует искать разгадки того довольно странного условия в договоре 1380 года, по которому ханский наместник в Солхате *обязывался* чеканить хорошую монету, да еще в достаточном, т.е. в большом, количестве⁵⁶². Беря в свои руки выделку татарской монеты, кафинцы имели двоякую выгоду: получая барыш от самого производства, они в то же время могли быть уверены в доброкачественности и настоящей стоимости монеты, с которой им приходилось иметь дело по торговым операциям. Как давно они взялись за это дело, с достоверностью нельзя указать. Сам же г. Юргевич сознается, что «определение начала крымско-генуэзской монеты представляет некоторые затруднения». Несмотря на умолчание устава 1449 года о чеканке монеты, которому он придает большое значение, он все же допускает, что монетный двор был учрежден до уступки колоний банку республикой, и притом вскоре после издания означенного устава. Основанием для такого предположения ему послужило нахождение на монетах букв J. J., в которых он видит инициалы имени Дживованни Джюстиниани, консула в 1449—1450 гг.⁵⁶³. И тем не менее однако ж для монет Пулада и Даулет-бирды делается исключение: они безусловно признаются позднейшей фальсификацией.

Сколько можно судить по ходу аргументации противников подлинности крымских монет Даулет-бирды, главная сила их доводов заключается в подозрительных свойствах монет Пулад-хана. Имя Пулада какое-то злополучное в истории Золотой Орды и Крыма: выше мы

видели⁵⁶⁴, что с именем другого Пулада соединяется ряд ученых соображений касательно не только происхождения монет, но и самой личности этого хана.

Оспариваемые монеты позднейшего Пулад-хана носят на лицевой стороне изображение всадника, а на оборотной арабскую легенду. Сравнение экземпляров этих монет, описанных академиком Френом, с одесскими экземплярами, на которых с лицевой стороны находится тот же самый всадник, а на обороте тамга Гераев или же генуэзский портал, привело В.Н. Юргевича к убеждению, что «они принадлежат Кафе, и что чеканены, как доказывает всадник, представляющий св. Георгия, и тамга Гераев, после уступки колоний, сделанной республикой банку Св. Георгия»⁵⁶⁵. На наш же взгляд, только нахождение на этих монетах генуэзского портала может служить неоспоримым признаком принадлежности их Кафе, что же касается до изображения всадника, то значение его в этом вопросе нам кажется преувеличенным и может быть еще оспариваемо. Мы нимало не удивляемся тому, что «знаменитый ориенталист (т.е. академик Френ), — по замечанию почтеннейшего В.Н. Юргевича, — *не догадывался*, что это генуэзские монеты, хотя и выразил сомнение, были ли они чеканены монголами»⁵⁶⁶: как было ему догадаться, имея в руках только свои два экземпляра монет и не видевши тех, которые были в распоряжении В.Н. Юргевича? Одного же изображения всадника ему недостаточно было для того, чтобы прийти к этой догадке, потому что подобное изображение не безусловно надежный признак генуэзского чекана монеты, ибо оно встречается и на монетах иного происхождения. Мы его, например, видим на монетах русско-татарских с именем Токтамыша⁵⁶⁷, а также на подражаниях византийским монетам, обращавшихся в Золотой Орде⁵⁶⁸. Сам почтеннейший В.Н. Юргевич, по поводу подобного типа монет, описанных Щербатовым в его «Опыте объяснения древних русских монет», очень нерешительно замечает, что «может быть они скорее генуэзские, чем русские»⁵⁶⁹. Но особенно веский аргумент против воззрения почтенного исследователя представляет, на наш взгляд, любопытный экземпляр медной монеты, описанный г. Савельевым. На одной стороне этой монеты также изображен всадник, а на другой тамга с арабской надписью по сторонам ее⁵⁷⁰. Г. Савельев отнес эту монету к разряду так названных у него «безымянных монет Золотой Орды».

Грубость чекана обеих монет не оставляет сомнения в том, что они татарская самодельщина крымского происхождения. Отсутствие на них тамги Гераев указывает на то, что хотя они биты и в Крыму, но еще до утверждения там этой династии. Всадник на этих монетах представлен стреляющим из лука, следовательно, это не есть позднейшее грубое воспроизведение всадника, изображающего св. Георгия монет генуэзской работы, а совершенно самостоятельный тип, не подходящий к категории тех безымянных монет с тамгой Гераев⁵⁷¹, которые по этому последнему признаку могут быть приписаны Хаджи-Гераю, не говоря уже о позднейших монетах его преемников, на которых не встречается никакой всаднической фигуры. Всего чаще, по наблюдению г. Савельева, монеты с изображением на них всадника попадают вместе с монетами эпохи Токтамыш⁵⁷²: значит, эта форма чекана была модной в то время, была в ходу в Золотой Орде. К этой же приблизительно эпохе относится и царствование хана Пулада (1407—1410).

Соображая теперь все вышеизложенные данные, мы приходим к следующим выводам. Подвергаемые спору монеты Пулад-хана не представляют собой никакого нумизматического анахронизма: они выбиты в царствование этого хана и по его, вероятно, воле. Чистота работы этих монет и изображение на них всадника в виде св. Георгия, действительно, заставляет думать, что эти монеты чеканились в Кафе генуэзскими мастерами, которым, без сомнения, было известно изображение св. Георгия, и как вообще христианского святого, и как покровителя общины города Генуи, а не одного только банка его имени, на что указывает и почтеннейший В.Н. Юргевич⁵⁷³. Прототипом же им, можно с уверенностью сказать, служили вышеупомянутые татарские монеты с всаднической фигурой. Употребительность этой фигуры на прежних татарских монетах была им ручательством в том, что появление св. Георгия на монетах татарских ханов не должно было показаться какой-то новизной чуждого изобретения неверных гяуров, которая бы шокировала непривычный к этому глаз правоверных татар-мусульман, а было лишь новым вариантом давно знакомого им образца, подвергшегося лишь более чистой и изящной обработке под штемпелем генуэзских монетчиков. Чеканилась же монета Пулада в Кафе, надо полагать, по его заказу: так как этот хан был из числа авантюристов тогдашнего смутного времени,

то у него могли быть какие-нибудь особые расчеты поручить чеканку своей монеты кафинцам; или же его могло принудить к этому простое неимение под руками средств и приспособлений для денежной фабрикации. С другой стороны, и генуэзцы города Кафы, вероятно, имели свои виды преобразить стрельца-всадника прежних татарских монет в своего св. Георгия: может быть, они этим смешанным типом пытались положить начало собственной монете, как первому акту готовившегося перехода их колоний от республики в ведение банка Св. Георгия, о чем у них могла быть даже какая-нибудь особая сделка с Пулад-ханом.

Отвергнув таким образом сомнения против подлинности монет Пулад-хана, мы считаем себя обязанными настаивать на неподдельности и монет с именем Даулет-бирды: они также могли явиться, не дожидаясь уступки генуэзской республикой своих колоний в Крыму банку Св. Георгия. Прежде всего нельзя не обратить внимания на то, что монеты Даулет-бирды представляют необыкновенное сходство чекана с монетами имени Хаджи-хана: это показывает, что те и другие были продуктом одной и той же фабрикации. А если так, то спрашивается: для чего же чеканившим настоящую монету одного из этих ханов понадобилось в то же время чеканить еще и фальшивую, с именем другого, «по образцу случайно попавшихся монет этого хана»? Отчего могла произойти такая случайная небрежность в столь важном деле, или кому могла быть нужна и выгодна заведомая подделка монеты? Простой неразборчивостью кафе-ских монетчиков, не знавших арабского языка и письма, в выборе штемпеля трудно объяснить анахронизм легенды на монетах: мы никак не можем согласиться с мнением почтеннейшего В.Н. Юргевича, что будто бы «подобный анахронизм несколько ее мешал выпуску их (монет) в обращение»⁵⁷⁴, если принять в соображение, что обращение фальшивой монеты должно было происходить почти что на глазах самого властвовавшего в Крыму Хаджи-хана, политические интересы которого в ту смутную пору едва ли могли позволить ему равнодушно относиться к предмету такой государственной важности. Равным образом и факт существования самых грубых анахронизмов в легендах русских двуименных монет не представляет такой очевидной аналогии с анахронизмами монет крымских, какую усматривает В.Н. Юргевич: небрежность русских денежников происходила оттого, что они смотрели на арабскую

легенду как на простой орнамент, ничем не важнее всяких других украшений, а не как на выражение подданических отношений русских князей к Орде, уже давно утратившей престиж свой. Цель при этом была, по правдоподобию предположению г. Савельева, коммерческая — доставить монете более свободное обращение в Орде⁵⁷⁵. С таким же расчетом одно время тульские оружейники, говорят, выбивали легенды монет последнего Крымского хана Шагин-Герая, и притом в крайне искаженном виде, на своих изделиях, когда у нас в России еще славились турецкие ружейные стволы и стальные клинки азиатской работы.

Ссылка на кратковременность властвования Даулет-бирды тоже не может служить достаточным основанием для признания крымской монеты с его именем фальшивой. Имел же он время выбить свою монету в Хаджи-Тархане и в Новом Сарае, которая, однако же, не заподозривается в своей подлинности и, судя по форме чекана, никак не могла послужить случайным образцом для так называемой фальшивой монеты, битой в Крыму. Вопрос о том, «как пришло в голову генуэзцам бить монету с его именем», нам представляется вовсе излишним, как возникающий из чрезмерной доверчивости к свидетельству Шильтбергера. Напротив того: существование монет Даулет-бирды, битых в столь отдаленных друг от друга местах, каковы Астрахань и Крым, приводит к тому заключению, что трехдневный срок, отчисляемый властвованию Даулет-бирды Шильтбергером, не должен быть принимаем в чересчур буквальном смысле. Шильтбергер или риторически преувеличивает краткосрочность царствования этого хана, или просто ошибается.

Устранив одно затруднение, мы избавляемся и от другого, которое почтеннейший В.Н. Юргевич видит в буквах М.Р. латинской легенды на монетах Даулет-бирды: в списке консулов города Кафы не отыскивается под 1427—1428 годами таких имен, для которых бы вышеозначенные буквы могли служить инициалами. Мы недоумеваем, почему уважаемый ученый затрудняется допустить существование еще одного консула с подходящим именем, который пока нам не известен из других достоверных источников: справляясь с консульским списком, мы видим в нем вообще немало пробелов по части консульских имен. Кратковременность же царствования Даулет-бирды, даже если бы она и была доказана, никакой не составляет помехи в данном случае, ибо и между кафскими

консулами встречаются такие, которые занимали консульскую должность в продолжение всего лишь нескольких дней⁵⁷⁶.

Последнее затруднение в вопросе о достоверности монет Даулет-бирды заключается в изображении на них точно такой же тамги, какая находится на монетах Хаджи-Герая и его преемников, последующих ханов Крымских: в этой тамге видят анахронистический признак, обличающий поддельность монет Даулет-бирды. Выход из этого затруднения однако же не столь безнадежен, как это может показаться с первого взгляда. «У народов тюркского и монгольского племени, — говорит В.В. Григорьев, — каждое поколение имеет, и имело искони, свою собственную тамгу, которая употребляется всеми его родами»⁵⁷⁷. Но исконность — понятие условное, а в приложении к династическому гербу Гераев и тем более. Татарские предания, положим, возводят происхождение фамильных тамг к Чингиз-хану. «Затем Чингиз-хан, — читаем мы в сборнике сказаний об этом грозном завоевателе, — каждому из беков дал тамгу, птицу, дерево и сигнальный клич». Например, «обратился он к Кункрат-бий-оглу Сенкелэ и говорит: “Эй Сенкелэ, пусть твое дерево будет яблоня, пусть твоя птица будет сокол; твой клич — “Кункрат”, а тамга твоя пусть будет месяц”. Она изображается в виде круга, на деньгах же в виде трехзубчатого новолуния» (т.е. близко к русской букве Э)⁵⁷⁸. Последнее изображение сильно напоминает тамгу Герайскую.

Если старинная фамильная тамга была внешним знаком какого-либо привилегированного состояния того или другого рода, то естественно, что в интересах каждого из них было возводить свою знатность к наиболее отдаленному времени, даже, пожалуй, ко временам Чингиз-хана. Но ученому миру известна восточная беззастенчивость в вопросах генеалогии, по которой все почти родоначальники властвовавших в Азии мусульманских династий обязательно приходится прямыми потомками какого-нибудь из сыновей Ноя. Захудалость прежних знатных родов, как и усиление новых, есть обычное и повсеместное явление, которое неминуемо должно путать старинные генеалогические предания, особливо те из них, которые не опирались на письменные документы. Пример у нас на глазах. По присоединении Крыма к России поднят был административный вопрос о родовитости разных татарских фамилий, заявлявших претензии на свое привилегированное, по-нашему — дворянское, достоинство. Образована

была целая специальная комиссия для рассмотрения этих претензий, и она, кажется, до сих пор еще не окончила своих работ по оценке документальных данных, на которых основываются вышеозначенные претензии. Любопытно, что эти данные даже у самых выдающихся мурзинских родов, каков, например, род мурз Седжеукских и даже Ширинских, заключаются в грамотах, данных Крымскими ханами или, еще чаще, турецкими султанами, в обмен на прежние подобные же документы, которыми подтверждались землевладельческие права предъявителей этих документов. Все эти грамоты однако же сравнительно очень позднего времени: самая старейшая, кроме упомянутой прежде грамоты беев Яшлауских, есть грамота, представленная родом Ширинских, ферман султана Сулеймана II (1687—1691), данный в 1099—1688 году Кадыр-шах-мурзе⁵⁷⁹.

Ввиду такой скудости неоспоримых документальных доказательств своего исконного дворянского, в татарском смысле, звания и достоинства, иные мурзы вынуждены были прибегнуть к круговой поруке других мурз, удостоверяющих своими показаниями справедливость их претензий на древность и знатность своего рода⁵⁸⁰. Тут даже пригодилась известная сказка о происхождении предков Чингиз-хана, со включением чудесного очреватения Аланку-хатуни, прародительницы рода Чингизского, целиком выписанная из истории Абуль-Гази-Вагадур-хана, в старинном русском переводе⁵⁸¹.

При этих обстоятельствах не забыта и геральдика. К вышеупомянутой выписке из сочинения Абу-ль-Гази, имеющейся при деле мурз, считающих себя прямыми потомками Чингиз-хана и отраслью династии Гераев, приложено толкование символического значения тамги, заменяющей фамильный герб этому мурзинскому роду, той самой тамги, которая находится на монетах Даулет-бирды-хана и Хаджи-Герая с его потомством. Вот что говорится в засвидетельствованном рукоприкладством показании гг. Чингизидов, основанном у них, очевидно, на каком-то предании, в том виде, как оно изложено в старом русском переводе с татарского.

«Тамга, или герб царствовавших Кипчацкие степи в Крымском государстве Али-Джингиз-хановых потомков Гирей-ханов и султанов и их поколения: трезубой тарак, т.е. гребень померанцевого цвета в четырехугольной раме, имеющей сверху внутрь оной сияние. Четырехугольная рама, внутри сверху сияющая, знаменует комнату, в которой имела пре-

бывание в глубокой древности царствовавшая над могулами Юлдуз-хана Могульского внука Аланку; а сияние — снисшедший с высоты в оную свет, подобный солнцу, и из одного приближавшегося к ней божественного посетителя в образе прекрасного человека, имеющего померанцевый цвет, от которого она духовным образом тогда сделалась беременной. В середине сей рамы в сиянии изображенного тарака три зубца знаменуют, что в 9 месяцев после сего посещения Аланку разрешилась от бремени, родила вдруг трех сыновей: Бокум-Катагуна, Бочкин-Чалчи и Буденджир-Монага. От сих трех принцев произошли три народа: от первого Катагуны, от второго Чалчуты, а третий царствовал над могулами, и от него произошла фамилия Джингиз-ханова и многие другие фамилии в Могульском государстве. А связующая сии три зубца поверхность знаменует чудесное их от духовного семени единого светоносного солнечного обитателя зачатие и рождение. Померанцевый же цвет сего тарака изображает цвет того бесплотного божественного посетителя».

«Сей гиероглиф Али Джингиз-хана и его потомки для того себе единственно в символический герб избрали и присвоили, что как головным гребнем расчесываются ежедневно путающиеся на голове человеческой волосы, поставляются им в порядок, и изъемяются из них в беспорядке отделившиеся волосы и всякая инородность, так Али Джингиз-хановы предки, происходя от Турка, первого сына Яфисова, в начале веков в глубокой древности царствуя над татарскими, калмыками и мунгалами и многими из них происшедшими поколениями, над которыми Али Джингиз-хан, а по нем его потомки царствовали многие веки, управляли ими трояким средством: по закону Божию, по праву естественному, искусством человеческого разума и нравственностью, содержа их в порядке трояким способом: породных несчастных, пришедших в упадок, восстанавливали; добродетели, таланты и заслуги отличали и щедро награждали; невинных, обиженных и угнетенных защищали правосудием, а преступников исправляли наказанием, дабы не усилились пороки».

«Али-Джингиз-хановы потомки, Крымские Гирей-ханы и султаны, царствуя в Крыму над тремя татарскими народами — над татарами крымскими, над татарами бучжацкими и над татарами кубанскими, разделили власть на три начальства: на начальство хана, калги и нурадин-султанов в память своего происхождения»⁵⁸².

Вышеприведенное толкование символического смысла тамги всецело приспособлено к той легенде о чудесном зачатии Аланку, о котором упомянуто было выше. В нем особенное внимание обращается на тройственное число, соответствующее трем зубцам тамги Гераев. Натянутасть, искусственная сочиненность толкования едва ли требует каких-либо доказательств: помимо всего прочего, она явствует из совершенно произвольного отождествления тамги Гераев, имеющей вид трезубца, с обще-кыпчакской тамгой ханов золотоордынских, похожей своей формой на стремя, как это мы видим везде на татарских монетах. Толкование это, очевидно, рассчитано на отождествление корня и источника властительных прав рода Гераев с таковыми же правами прежних общетатарских владык. Ссылка на свое чингизидское происхождение особенно была необходима наследникам Хаджи-Герая в последующее время, когда к ним стала слишком уже бесцеремонно относиться Порта и ее агенты, имевшие дело с Крымскими ханами.

Но то, что стало со временем лестно для позднейших потомков Хаджи-Герая, вовсе еще не представляло такого интереса для него самого, стремившегося основать свое господство в Крыму независимо от главного центра татарского и положить начало своей собственной династии. Стремление к локализации своей автономии непременно должно было соединяться у него с выработкой и изобретением внешних отличий и атрибутов этой автономии, к числу которых относятся династическое прозвище, титул, герб, чекан монеты, и т.п. Вот с этой-то точки зрения, мы полагаем, и следует рассматривать вопрос о загадочных признаках монет Даулет-бирды и Хаджи-Герая. Не надобно забывать, что время, к которому они относятся, было переходное время для Крыма: как не вдруг возникло и образовалось там самостоятельное татарское ханство, так не сразу могли быть и установлены внешние знаки его политической самостоятельности. В доказательство нашего соображения можно указать на титул «султан». Имя Хаджи-Герая, подобно его предшественникам по власти, является на монетах еще с титулом «султан», зауряд с главным титулом «хан»: «Верховный *султан* Хаджи-хан»; а между тем уже в скором времени, при его ближайших преемниках, этот титул получил второстепенное значение и стал принадлежать только ханским княжичам, не бывшим в ханском достоинстве. То же самое колебание мы

видим и в употреблении тамги, сделавшейся фамильным гербом Гераев. Впервые она встречается на монетах Даулет-бирды-хана и затем признанного родоначальника династии, Хаджи-Герая; но одновременно на некоторых монетах того и другого видим еще тамгу кыпчакскую, которая выбивалась на монетах золотоордынских ханов⁵⁸³. При равенстве условий, породивших известные факты, не представляется достаточных оснований делать различие между этими фактами только относительно личностей, соприкосновенных с ними; если употребление новой тамги на монетах Хаджи-Герая признается оригинальным нумизматическим явлением, то почему же на монетах Даулет-бирды следует считать его имитацией, подделкой?

Происхождение новой тамги, встречающейся на монетах Даулет-бирды и Хаджи-Герая, представляется нам в следующем виде. Выше было замечено, что форма этой тамги не имеет сходства с кыпчакской тамгой; но если хорошенько всмотреться во все варианты ее, приведенные у г. Блау⁵⁸⁴, то они обнаруживают бесспорное сходство с изображением кафского портала, которое находится на двуименных монетах, битых для татарских ханов генуэзскими чеканщиками. Было бы смело категорически утверждать, что тамга Крымских ханов была простым повторением кафского портала, ввиду того, что она иногда является рядом с этим порталом на одних и тех же монетах⁵⁸⁵; но что герб весьма важного в свое время города Кафы имел влияние на образование формы тамги Крымских ханов, это также едва ли можно отвергать с решительностью. Кафские монетчики, по известным своим соображениям превратившие всадника прежних татарских монет в своего св. Георгия, по тем же самым соображениям могли превратить прежнюю татарскую стремевидную тамгу в трезубец, не совсем отклонившийся и от старой формы, но еще более напоминавший герб их собственного города. Эта выдумка кафских монетчиков, если даже она была и произвольная, отвечала автономным стремлениям ханов, для которых чеканилась монета указанного типа, хотя она и не вдруг получила всеобщее и исключительное употребление, пока окончательно не определилась и не упрочилась самая политическая автономия Крымских ханов, как самостоятельных правителей отдельного татарского ханства. Новопридуманная форма ханской тамги тем пригодна была для татарских ханов, стремившихся всецело овла-

деть и генуэзскими колониями в Крыму, что служила внешним знаком присвоения ханами себе тех владетельных прав на полуострове, которые принадлежали генуэзским колонистам, пока они не были оттуда окончательно изгнаны османскими турками.

Но допустим, что высказанное нами предположение о происхождении тамги Крымских ханов несостоятельно; что тамга этого типа хоть и не встречается ни на монетах, ни в других археологических и исторических памятниках эпохи, предшествовавшей образованию Крымского ханства, тем не менее однако ж искони, по преданию, составляла геральдическую принадлежность того племени, или отрасли чингизидской, которая дала начало династии Гераев. В таком случае, чтобы появление этой тамги на монетах Даулет-бирды-хана признать анахронизмом, надо прежде доказать, что между ним и ханом Хаджи-Гераем не было ничего общего, никаких отношений, кроме простой хронологической преемственности во власти над одним и тем же территориальным пространством в Крыму. Между тем некоторые обстоятельства, сопровождавшие выступление на политическое поприще Хаджи-Герая, как будто показывают противное.

По свидетельству арабского историка Эль-Айни, как мы видели выше⁵⁸⁶, в 830 = 1126—1427 году Крымом завладел Даулет-бирды, но одновременно с ним соперничествовали в притязании на власть и еще некоторые лица ханского рода, захватившие другие участки обширной золотоордынской территории. Вслед за сим тот же писатель говорит, что в 832 = 1428—1429 г. «государем Крыма и прилегающих к нему земель был Мухаммед», от которого тогда же приходили послы в Египет⁵⁸⁷. Про Даулет-бирды он уже вовсе не упоминает. Это молчание арабского историка, современника повествуемых им событий, занимавшего разные должности и потому имевшего много официальных связей, весьма существенно: оно сильно подрывает доверие к одиночному свидетельству Шильтбергера о том, что Даулет-бирды после трехдневного царствования был убит своим соперником и преемником Мухаммедом. Даулет-бирды, хоть и короткое время, все же был в сношении с египетским султаном, и внезапная, необыкновенная его кончина едва ли бы прошла там незамеченной и осталась бы неизвестной Эль-Айни, который под 847 = 1443—1444 годом еще раз повторяет, что «государем Крыма и Дешти был Мухаммед»⁵⁸⁸, и еще раз умалчивает о Даулет-бирды.

В русских летописях за эту пору находим известия, касающиеся лишь Мухаммед-хана. Так, под 1430 годом в них повествуется о набеге ордынского бея Айдара и о рыцарском поведении *царя Махметя*, который неодобрительно взглянул на клятвопреступное поведение Айдара, обманным образом полонившего мценского воеводу Григория Протасьева⁵⁸⁹. А пред этим рассказывалось о набеге «царя Куйдадата» в 1422 году⁵⁹⁰; но о Даулет-бирды еще не упоминается.

В том же 1430 году русские князья Василий Васильевич и Юрий Дмитриевич, заспорив между собой о великокняжеских правах, отправились судиться в Орду, тоже к царю «Махметю». На стороне Юрия был крымский вельможа, по имени Ширин-Тэгенэ (в летописи Ширин-тягиня), с которым Юрий и отправился зимовать в Крым. Когда же они весной 1432 года прибыли в Орду, то решение хана Мухаммеда явно было в пользу князя Василия Васильевича. Но и крымский бей не уронил своего достоинства: он заступился за своего приятеля и протеже, князя Юрия, грозя, в случае неуважения его ходатайства ханом, «отступить от него, понеже бо в то время пошел бяше на Махметя *Кичих Ахмет* царь». Улу-Мухаммед все-таки поставил на своем, хотя и вознаградил Юрия, дав ему город Дмитров⁵⁹¹. Затем идет целый ряд упоминаний об Улу-Мухаммеде: как он в 1437 году сулил русским всякие милости, если они помогут ему возвратить потерянное царство; как он в следующем году пожег московские посады⁵⁹²; как он в 1445 году овладел Нижним Новгородом и пошел далее к Мурому, потом разбил и полонил русских князей и бояр в удачной битве у Евфимьева монастыря близ Суздаля⁵⁹³.

После 1445 года об Улу-Мухаммеде не упоминается в летописях. Во всяком случае он вскоре, в том же году, покончил свое земное поприще, убитый сыном своим Махмудеком, с именем которого связывается основание царства Казанского⁵⁹⁴. Незадолго перед этим, в 1437 году, Улу-Мухаммед был изгнан и бежал из Золотой Орды и приютился в Белеве. Кем же он был изгнан? По одним известиям, Улу-Мухаммед был выгнан еще в 1432 году «пришедшим из-за Яика князем Эдигеем»⁵⁹⁵, который будто бы по изгнании его из Орды «тамошнее царство принял»⁵⁹⁶. Но это неверно, ибо Идики в это время уже не было в живых⁵⁹⁷. В Воскресенской летописи сказано просто: «царь Махмет седе в граде Белеве, бежав *от иного царя*»⁵⁹⁸. В Царственном же летописце точнее указывается: «пре-

жде бо сего и с поля согнан (Улу-Махмет) с Большая Орды *от брата своего Кичи Ахмета*⁵⁹⁹. Кичи Ахмет или, по другим вариантам, *Кичих-Ахмет* и даже *Амахмет*, без сомнения, есть тот самый Кючук-Мухаммед, т.е. «Мухаммед-Меньшой» мусульманских историков, который так называется ими в отличие от другого Мухаммеда, названного у «них Улу-Мухаммедом» = «Мухаммедом Большим». Но где же этот Кючук-Мухаммед обретался до времени изгнания им Улу-Мухаммеда, и откуда взялась у него сила для произведения политического переворота в Орде?

Так как этот факт совершился вскоре после столкновения Улу-Мухаммеда с Ширинским беem Тэгенэ, то можно с уверенностью полагать, что последний недаром грозил Улу-Мухаммеду «отступить от него» ввиду приближавшегося Кючук-Мухаммеда⁶⁰⁰. Ширинский бей в Орде был гостем, главное же свое местопребывание, надо полагать, он имел в Крыму, куда он возил с собой на зимовку русского князя Юрия. Русские летописи в рассматриваемую нами эпоху следят только за тем, что делалось у татар материковых, и не обращают, до поры до времени, никакого почти внимания на татар Крымского полуострова. А между тем Крым тогда приобретал все большее и большее значение в ходе общетатарских дел: в нем завелись уже крупные татарские беи, вроде вышеупомянутого Тэгенэ, располагавшие могущественными средствами и силами, которые делали их при случае весьма полезными пособниками или же опасными противниками для тех, кто нуждался в чьей-либо военной опоре.

Крым и теперь не переставал быть предварительной школой, переходной ступенью для татарских царевичей, которые стремились к достижению ханского трона в самой Золотой Орде, доколе казалось им лестным сидеть на нем. Это значение Крыма усугублялось близостью к нему владений знаменитого Витовта Литовского, который в течение всей своей жизни, по хвастливому свидетельству польских историков, не переставал вмешиваться в политические дела татарских стран, принимая деятельное участие в утверждении власти тех или других претендентов на нее в Орде. В Троках и Вильне у него не раз происходило торжественное наречение этих избранников, состоявшее в пожаловании им сабли и шитого золотом с жемчугом колпака, что польские историки называют «коронованием». Таким-то образом по смерти Джелал-эд-Дина Витовт короновал, по выражению Стрыйковского, некоего Бетсбула, или Бетсу-

булана, которого татары называли Токтамышем⁶⁰¹. Этот новонареченный хан предназначался прямо для Золотой Орды на смену Керим-бирды, не нравившегося Витовту. Крым тоже не исключался из сферы политического влияния Витовта чрез посредство татарских царевичей, пользовавшихся его содействием и поддержкой для достижения господства в этом краю, становившемся все более и более автономной провинцией. По свидетельству Стрыйковского, в числе достопамятных дел Витовта было и то, что он «Перекопским татарам дал двух султанов, посадив на *царство Киркельское* Мухаммеда, а затем и Девлет-Керея»⁶⁰². В этом панегирике Витовту заметно некоторое преувеличение. Судьба татарских ханов, как видно по другим источникам, тогда главнейше зависела от сочувствия или не сочувствия им влиятельных в Орде и в Крыму беев. При всем том, конечно, и Витовт, имевший большие связи среди татарской знати и дававший у себя приют многим бездомным и обездоленным татарским царевичам, не упускал случая ставить на ноги своих протеже и помогать им достигать властного положения, которое могло иметь и для него некоторые выгодные последствия. Мухаммед, сидевший в Кыркоре, должен был быть один из двух Мухаммедов, Большой или Малый, выдвинутый в начале своей карьеры Витовтом, и всего вероятнее — первый, так как Ширинский бей Тэгенэ на чем же нибудь да основывал предпочтительность своего ходатайства за русского князя пред ханом, с которым у него должны были существовать известные отношения, как у ближайшего когда-то соседа и притом главы племени, обитавшего в сопредельных с крымскими владениями хана местностях. Тем чувствительнее должна была быть и обида Тэгенэ, причиненная ему отказом хана, которую гордый мурза, конечно, не замедлил выместить, пристав к противнику Улу-Мухаммеда, к Кючук-Мухаммеду, явившемуся в этот раз с Волги, по сказанию Иосафата Барбаро⁶⁰³.

Так оно почти выходит и по известиям восточных историков, которыми пользовался Ланглес. Из них мы узнаем, что после гибели Кадыр-бирды-хана татарская знать посадила на ханство Улу-Мухаммеда, сына некоего Хасана Джефаи, близкого родственника Токтамыша, а по другим свидетельствам — сына Тимур-хана. Он-то велел отыскать убежище смертельно раненного Идики и прикончить его. Главными деятелями в этом избрании Улу-Мухаммеда указываются эмиры

Ширин и Барын, вследствие чего сыновья убитого Идики, сперва бежавшие вместе с Гыяс-эд-Дином, сыном Шади-бека, в Московию, потом вернулись с тремя тысячами татар опять в Дешти-Кыпчак и напали на Ширинского бея, как главного виновника возвышения Улу-Мухаммед-хана. Разбивши ширинцев, Гыяс-эд-Дин с своими партизанами обратился против самого Улу-Мухаммеда и его приверженца Хайдэр-бея, главы татарского племени кункрат (koukerat). Хан и бей, потерпевши поражение, оба *удалились в Крым*. Победитель Гыяс-эд-Дин воспользовался ханской властью, но не надолго: спустя год он умер в 811 = 1436—1437 году. Тогда-то был возведен в ханы юноша Кючук-Мухаммед, сын Тимур-хана, благодаря стараниям одного из сыновей Идики, сильного эмира Мансура. В то время в Азове засел сын Урус-хана, Борак-хан, который, как мы видели, и у арабских историков значится в числе соперничествовавших из-за власти Чингизидов. Мансур вздумал было потом свергнуть Кючук-Мухаммеда и предложил ханское достоинство Бораку. Но Борак, вероятно уже озлобленный на Мансура за предпочтение, оказанное им Кючук-Мухаммеду, умертвил его и подверг преследованиям всех тех, кого только подозревал в приверженстве к убитому Мансуру. Тогда все недовольные шли к Кючук-Мухаммеду, образовав около него такую внушительную силу, что когда Борак вздумал было предупредить нападение противников собственным наступлением, то войско его было разбито и рассеяно, а сам он в жестокой сече лишился жизни⁶⁰⁴. Вслед за этим произошло столкновение между счастливым Кючук-Мухаммедом и Улу-Мухаммедом. Только по источникам Ланглеса выходит, что первый сделал нападение Улу-Мухаммед, удалившийся после поражения его Гыяс-эд-Дином в Крым, хотя и не видно, чтобы он в то время там находился. Сказано только, что после нескольких сражений противники заключили договор, по которому все приволжские земли стали принадлежать Кючук-Мухаммеду, а Крым достался Улу-Мухаммеду⁶⁰⁵. Затем, повествуется в тех же источниках, Улу-Мухаммед повздорил с эмиром Хайдэром, который пошел тогда к Сейид-Ахмед-хану, потомку Токтамыша, с предложением своих услуг для отнятия трона у обидевшего его Улу-Мухаммеда. Они с войском пошли в Крым, а Улу-Мухаммед, не надеясь устоять против них, убежал в Казань. Сейид-Ахмед же, без боя завладевший достоянием Улу-Мухаммеда, встретил себе другого, более

опасного соперника, также претендовавшего на господство в Крыму, в лице Хаджи-Герая, был им разбит и преследуем в 1452 году и наконец попался в плен к полякам⁶⁰⁶. Здесь, очевидно, рассказана история того Сейид-Ахмеда, который известен и нашим летописям под именем «Сиди Ахмета», а у историков польских зовется Sadahmeth или Sadahmetos. Он, действительно, в 1449 году грабил наши пределы, а потом, разбитый Хаджи-Гераем, бежал в Литву и умер пленником в Ковно⁶⁰⁷.

Таким образом, пока на территории главного татарского гнездилища тягались из-за господства над ней два Мухаммеда, Большой с Меньшим, да, напридачу им, еще несколько претендентов, менее видных, как, например, Борак, Гыяс-эд-Дин и Сейид-Ахмед, в Крымском улусе выдвинулся и успел взять силу Хаджи-Герай. Он уже до того надоел своими притязаниями и назойливыми требованиями геноуэзцам, что те вынуждены были обратиться к своей метрополии с просьбой о помощи. Поручение защиты кафинцев от беспокойного соседа было возложено на Карла Ломеллино, только что завоевавшего тогда опять Чембало (т.е. Балаклаву). Но сей военачальник, высадившись в Кафе и оттуда двинувшись в глубь полуострова с отрядом в 6000 человек, был разбит Хаджи-Гераем во внезапной атаке около Солхата. Это произошло в 1437 году⁶⁰⁸. Поражение Ломеллино имело последствием еще большую несносность поведения Хаджи-Герая в отношении к геноуэзцам, которых он обложил данью⁶⁰⁹. Спрашивается: откуда же взялся Хаджи-Герай и в столь короткое время приобрел такое могущество, что держал в своих руках весь Крым, грозно обращаясь с геноуэзскими колонистами, если каких-нибудь пять лет перед тем там власть числилась за Даулет-бирды и Улу-Мухаммедом? Мы таким образом подходим к вопросу о родоначальии Гераев, с утверждением господства которых над Крымом начинается новый период в исторической судьбе последнего, когда окончательно порывается политическая связь этого удела Золотой Орды с главным центром татарского владычества, вследствие утраты им всякого могущества и государственной силы, и, взамен этого, открываются более оживленные и деятельные сношения с другой отраслью тюркского племени, только что воздвигшего здание могущественного государства, с турками османскими.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ПОД ВЛАСТЬЮ ДИНАСТИИ ГЕРАЕВ И УТВЕРЖДЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА НАД НИМ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ

События крымско-татарской истории, достигнув наибольшего интереса в половине XV века, в эпоху образования самостоятельного татарского ханства, независимого от Золотой Орды, не приобретают однако же соответственной этому интересу большей ясности, сравнительно с предыдущим периодом. Здесь нам известны, пожалуй, имена исторических лиц, но некоторые пункты их деятельности и отношения остаются и надолго еще, вероятно, останутся непонятными и не могут быть определены удовлетворительно при тех исторических данных, какие пока доселе имеются. Эта неопределенность, эта неясность, помимо разных других вопросов, прежде всего имеет место в вопросе о личности Хаджи-Герая, считающегося родоначальником целой династии, властвовавшей в Крыму по окончательном выделении этого юрта в особое ханство. Чем более строится ученых догадок в этом пункте генеалогических изысканий, тем становится очевиднее безнадежность достижения вполне удовлетворительных результатов. Эту безнадежность сознавали еще турецкие историки, на которых особенно много ссылаются европейские ученые. Например, Мюведджим-баши, не менее добросовестно, чем г. Говордз, собиравший из всех доступных и недоступных ему источников сведения о предках Крымских ханов, в конце концов отступился от попытки восстановить их истинную генеалогию. Кроме довольно пространного повествования о ханах той Джучидской властительной отрасли, в непосредственной связи с которой должна стоять династия Гераев, мы находим у Мюнедджим-баши еще, так сказать,

краткое резюме, в котором он снова возвращается к родословию Крымских ханов. Вот это резюме дословно.

«Крымские ханы. Столица их Бахчэ-сарай, а начало появления их около 830 = 1426—1427 года. Происхождение их из рода Чингизова, из дома Джучиева признается всеми единогласно; но по одним они составляют поколение Урус-хана, а по другим они суть потомки Тохтамыш-хана. Первое более вероятно и ближе к истине. Историк Дженнаби, со слов Хафиз-Мухаммеда Ташкенди, рассказывает вот что. Во время битвы с Идигу-бен-Аланджаком, покорившим джучидские племена, попала стрела в Тохтамышева сына Кадыр-бирды, и он погиб. Тогда с согласия эмиров на его место был посажен брат его Мухаммед-бен-Токтамыш. А этот последний был известен под именем *Кючук-Мухаммед-хана*. Из его-то поколения и происходят Крымские ханы. Но дештыцы не соглашались с этим: они говорят, что после Токтамыша Большого был Токтамыш Малый; после него Улу-Мухаммед-хан, а за ним Кючук-Мухаммед. Дженнаби говорит, что Кючук-Мухаммед и есть тот самый, который, по словам Ташкенди, стал ханом во время идикеевской истории. Он был храбрый человек и богатырь: вел несколько войн против русских (sic) и московов и покорил несколько из них. На его место вступил *Хаджи-Герай*. Этот был также знатный хан. Есть несколько памятных дел его». Тут конец слов Дженнаби⁶¹⁰. Из сказаний Гаффари в «Джиган Ара» явствует следующее. «Впервые избравший столицей Крым был Мухаммед-султан-хан, Бен-Тимур-султан, Бен-Тимур-Кутлук, Бен-Тимур-Мелек, Бен-Урус. В 730 = 1426—1427 г., после того как Борак-хан, бен-Куйруджак-оглан, ибн Урус-хан, был убит, он (Мухаммед) с согласия эмиров воссел на ханский трон, обстроил и поправил город Бахчэ-Сарай, сделав там свое местопребывание, и неоднократно вел войны против неверных. Он возвеличил свои владения, стяжал себе честь и славу и до самой смерти пребывал тверд на своем месте. Затем очевидно еще то, что упомянутый (Мухаммед-хан) и есть предок Крымских ханов, а Хаджи-Герай — сын его, ибо в некоторых историях написано, что Хаджи-Герай был сын Токтамыш-оглу-Кючук-Мухаммеда. Но, кажется, ошибочно возводить его происхождение к Токтамыш-хану. Согласно господствующему мнению и мы скажем, что когда умер Мухаммед-султан, то на его место сел сын его Хаджи-Герай-бен-Мухаммед-султан, Бен-Тимур-султан,

бен-Тимур-Кутлук, бен-Тимур-Мелек, бен-Урус-хан, бен-Чимтай-ибн-Эберзен, бен-Сасы-Бука, бен-Тули, бен-Ордэ, бен-Джучи, бен-Чингиз. Все согласны в том, что этот был предок ханов Крымских. Он же присокупил в конце своего имени и слово “Герай”; но зачем он присоединил это слово, и отчего это стало после него необходимо и детям его, причина этого нам не известна»⁶¹¹.

Таким образом общепризнанный родоначальник крымской династии Гераев есть Хаджи-Герай. Расходящиеся же мнения восточных писателей о его происхождении задали немалую работу европейским исследователям. Гаммер, истощив все свои усилия разрешить противоречивые данные относительно настоящего отца Хаджи-Герая, в заключение говорит, что «Aus diesen Widerspruchen die Wahrheit zu ermitteln, wird dem künftigen Geschichtsschreiber der Krime bliegen»⁶¹². Верные этому завещанию Гаммера, последующие историки неоднократно принимались за разрешение той же задачи, но в результате и они все-таки не пошли далее догадок. В.В. Вельяминов-Зернов заявляет: «Чей был сын Хаджи-Гирей, достоверно неизвестно. Во всяком случае, по моему мнению, правы те, которые производят Хаджи-Гирея из одного рода с Тохтамышем»⁶¹³. Г. Говордз, перебрав соображения своих предшественников по тому же вопросу, делает такое заключение: «При отсутствии положительных доказательств, я решительно склонен заключать, что Хаджи-Герай был, в самом деле, сын Таш-Тимура и племянник Улуг-Мухаммеда»⁶¹⁴.

Существует целое предание, которое повторяется всеми турецко-татарскими историками, о происхождении и личности главы династии Гераев. Считаю не лишним привести здесь это предание в простой, но более полной редакции, какую оно имеет в «Краткой Истории» неизвестного автора, ибо и г. Негри, переведший извлечения из этой истории, и профессор Казембек, в предисловии к изданному им тексту «Семи планет», ограничились лишь одним упоминанием об этом предании⁶¹⁵, или кратким пересказом его содержания с пропуском некоторых подробностей, не лишенных, на наш взгляд, исторического значения⁶¹⁶. Вот что говорится в этом предании.

«Когда Улуг-Мухаммед-хан умер, Крымское ханство досталось Сейид-Ахмед-хану. Новый хан, умертвив дядиных с отцовской стороны сыновей, Гыяс-эд-Дина с братом его Али-беем, вознамерился также

известии Хаджи-Герая с племянником Джанай-огланом. Двое последних, узнавши об этом, с одним своим верным слугою бежали. Известившийся о побеге их жестокий хан снарядил погоню за ними. Преследовавшие настигли их на реке Днепре. Те со всем, с лошадьми бросились в реку и поплыли. Преследователи осыпали их с берега дождем стрел, но не попали в них. Конь Джанай-оглана в состоянии был добраться до безопасного берега. А когда Хаджи-Герай с слугой своим при этой перепалке были уже на середине реки, одна стрела угодила в коня его. Хаджи-Герай очутился кругом в воде. В то время верный слуга отдает свою лошадь своему господину, пожертвовав ради него своей жизнью. Он утонул, едва успев ему завещать, сказавши: “Если достигнете счастья, то окажите милость моим детям и родственникам”. Царство ему небесное!

Эти два подростка попали в широкую степь, не имея ни друзей, ни приятелей. Опасаясь шпионов врага душ своих, хана, они никому не показывались, ни в чьем жилище не останавливались; трое суток не евши и не спавши скитались они, отпустив поводья. Только повстречались они с одним степняком. На вопрос их: “Кто ты такой?”, он отвечал: “Я был раб одного хозяина, но, не вытерпев тиранства его, бежал”. Когда он тоже спросил об их обстоятельствах, то они, по смыслу поговорки “И сообщать другому свое положение трудно, и отказать в этом трудно; помочь одержимому такую тяжкою скорбью тоже трудно”, соблюдая осторожность, однако же сказали ему следующее: “Мы дети одного хорошего человека в Крыму. Так как по смерти нашего отца некоторые интриганы затеяли козни против Крымского хана, то мы бежали и вот попали в эту чужую степь. Мы не знаем дороги. Если бы ты взялся проводить нас в Хаджи-Тархан, то труд твой не пропал бы даром”. — Означенный человек, сказав: “На голове и глазах” (т.е. “с полной готовностью”), покормил царевичей хлебными ошурками, собранными им в грязном мешке его. “Вы отдохните, — сказал он им, — а я постерегу ваших коней”. — Они положились на слова этого надувалы. Как только они заснули, этот плут забрал коней, сбрую и вообще все что было при царевичах, и исчез. Когда они, проснувшись, узнали о случившемся, то говоря: “Вот беда-то, вот горе-то!”, еще два дня пробродили, голодные, жаждущие, расстроенные, недоумевая, в какую им идти сторону. Джанай-оглан, выбившись из сил, остался на вершине одного холма; а Хаджи-Герай напряг всю

свою энергию; проходив еще один день, увидел кибитки степных татар и направился в ту сторону. Когда один встретившийся ему мусульманин спросил Хаджи-Герая о его обстоятельствах, то он сказал: “Мы бедные, несчастные, подвергшиеся бедствиям на сем свете нищие. Отец мой из купцов. Когда мы пребыли в эти места, на нас напали разбойники; отца моего убили, а я кое-как убежал”. Упомянутый человек сжалился и проводил его к главе племени Девлет-гэльд-суфи.

Суфи тоже расспросил его и принял его с удовольствием. По прошествии нескольких дней он отпросился у суфи пойти и привести Джанай-оглана, если найдет его. Поостранствовал он по степи; но партия купцов взяла с собой Джанай-оглана в Хаджи-Тархан⁶¹⁷. Не найдя Джанай-оглана, Хаджи-Герай в отчаянии вернулся в дом Девлет-гэльд-суфи. По смыслу изречения “Венец почести и на голове раба красит его; а кандалы бесчестия и на человеке свободном позорят его”, он проводил день, исполняя службу суфи. Хаджи-Герай сам будто бы рассказывал следующее. “Когда, наделавши досыта разных тяжелых работ, мне хотелось бывало соснуть, то я ложился, постлавши вместо тюфяка немного соломы и подложив вместо подушки камень. А если бывало в это время меня застанет хозяйка дома, досужая женщина, то скажет бывало: «Ну ты, парень! Ты, какой-то холуй, рабочий, стыдишься что ли ложиться на голой-то земле? Если будешь спать на мягкой соломе, так ведь испортишь наше добро!» По временам суфи услышит бывало брань ее и, следуя изречению “Не думай о всяком лесе, что он пуст: в нем, может быть, лежит спящий тигр”, бывало скажет: “На лице этого молодца есть знак счастья. Может быть, этот молодец когда-нибудь достигнет благополучия, и тогда ты будешь раскаиваться!” Сколько он ни вразумлял эту старую ведьму, сколько ни унимал ее, никакого не было толку: она не отставала от всегдашней своей ядовитой ругани и язвительных укоров”.

Как бы то ни было, но в таком положении он прожил около шести лет. Затем могущественнейший из эмиров того времени и сторонник Сейид-Ахмед-хана Кункрат-Хайдэр-мурза умер; тогда престиж перешел к Ширин-Тэгенэ-мурзе. А так как у этого Тэгенэ-мурзы была вражда к Сейид-Ахмед-хану, то он, чтобы, найдя одного из двух пропавших ханьчей, поставить его ханом, стал делать розыски и расспросы. Один разумный человек из подданных Гыяс-эд-Дина, отца Хаджи-Герая, знавший

о Хаджи-Герае, известил Тэгенэ-мурзу. Тэгенэ-мурза тотчас же отправил упомянутого человека с подводой к Хаджи-Гераю. Хаджи-Герай немедленно по прибытии вошел в общество Тэгенэ-мурзы. Все мурзы, присягнув ему, сделали его ханом. Затем, когда оба хана вступили друг с другом в бой, Хаджи-Герай-хан одолел, а Сейид-Ахмед-хан, будучи побежден, бежал на Волгу. Когда весть об этом дошла до слуха Джанай-оглана, то он немедленно прибыл к державному трону Хаджи-Герая и удостоился разных милостей. Доселе повелевающие в Крымской стороне Чингизиды суть из потомков того Хаджи-Герая.

Во время царствования деда Хаджи-Герая, Таш-Тимура, он по их обычаю поручил воспитание сына своего Гыяс-эд-Дина одному из своих ветеранов, главе племени Герай, по имени Девлет-гэльди, и упомянутого суфи сделал дядькой в смысле атабека. Добродетельный суфи отправился в хаддж (на богомолье в Мекку). Так как возвращение его совпало с рождением Хаджи-Герая, то отец последнего Гыяс-эд-Дин, в память паломничества своего аталыка и в честь его племени, нарек сына Хаджи-Гераем. Когда со временем Хаджи-Герай сделался ханом Крымским, добродетельный старец суфи был еще в живых. Хаджи-Герай-хан, желая почтить его воспитательские достоинства, сказал ему: “На какую бы ты милость рассчитывал от нас?” Но так как добродетельный суфи был человек неискательный, то он ради доброй памяти попросил хана присокупить имя его племени “Герай” к именам происходящих из ханского рода султанов. Хан согласился на его просьбу, и до сего времени следовали этому обычаю»⁶¹⁸.

Сличая вышеприведенное предание о начале политического поприща Хаджи-Герая с историческими свидетельствами о том же предмете, мы находим, что они в главных чертах согласны между собою и, следовательно, происходят из одного и того же источника, имея в своем основании действительные факты. Не случайно же, в самом деле, в тех и других обращается внимание на какую-то особенность происхождения имени Хаджи-Герая, хотя дается различное толкование этой особенности; не случайно же в них первоначальное возвышение Хаджи-Герая ставится в связь с недовольством татарских вельмож на своих прежних ханов, причем главная роль, и в предании, и в исторических памятниках, приписывается одному исторически известному лицу, а именно Ширин-

скому бею Тэгенэ, выступившему противником партии Хайдэр-мурзы Кункратского. Разногласие предания с показаниями историков, и этих последних между собой, касается только некоторых частных, но в этом отношении историческая требовательность может не настаивать на окончательном примирении всех существующих разноречий: достаточно только сгладить их, выровнять, взаимно контролируя и пополняя одни данные другими.

Предание, например, умалчивает о родине Хаджи-Герая, а по свидетельству Михалона Литвина, он родился в Троках⁶¹⁹. Сестренцевич-Богуш к этому присовокупляет, что «Хаджи был воспитан в ссылке, в нищете; находился в опасности и без подпоры; однако снискал себе пособия, и его добродетели и бодрость духа доставили ему почтение князя Витольда»⁶²⁰.

Относительно того, чей был сын Хаджи-Герай, существует столько же различных мнений, сколько отдельных памятников: ему в отцы дают и Токтамыша, и Мухаммеда, и Даулет-бирды, и Таш-Тимура, и Гыяс-эд-Дина. Из всех этих указаний наибольшую вероятность имеют два последних, по которым Хаджи-Герай или сын Таш-Тимура, или внук его, по отцу Гыяс-эд-Дину. Но, кажется, основательнее будет допустить первую версию — что Хаджи-Герай был сын Таш-Тимура, ибо она поддерживается свидетельствами восточных историков, которые передаются Ланглесом и отличаются в этом случае большей сравнительно с другими источниками последовательностью и устойчивостью. По сказаниям этих историков, у Токтамыша был близкий родственник, богатый стадами татарин, Хасан Джефаи, имевший двух сыновей, Улу-Мухаммеда и Таш-Тимура⁶²¹; а у этого, последнего, в свою очередь, тоже было два сына — Хаджи, впоследствии прозывавшийся Герай, родоначальник династии Гераев, и Джан, которых, когда они были еще детьми, намеревался истребить Кадыр-бирды-хан, опасаясь быть свергнутым ими с трона⁶²². В Джане весьма нетрудно усмотреть Джаная, который в предании делит плачевную участь с Хаджи-Гераем во время их бегства; но только там он назван не братом Хаджи-Герая, а как будто его племянником, если родственный термин грамматически относить к возле него стоящему имени «Хаджи-Герай», а не к упоминаемому немного выше в том же предложении Сейид-Ахмед-хану.

Что касается до некоего Гыяс-эд-Дина, составляющего посредствующее родословное звено между Таш-Тимуром и Хаджи-Гераем, то указания на него как на отца Хаджи-Герая мы находим в таких памятниках, которые, по всей видимости, основываются на авторитете Абуль-Гази, откровенно признавшегося в плохом своем знакомстве с историей Крыма, вследствие отдаленности этого края.

Затем, в числе многих авантюристов, игравших тронем Золотой Орды во время происходившей там общей сумятицы, мы не встречаем Гыяс-эд-Дина в других источниках, кроме тех, которыми пользовался Ланглес. Но герой его источников, Гыяс-эд-Дин, не мог быть отцом Хаджи-Герая, потому что он вел борьбу за власть с Улу-Мухаммедом и, одержав над ним верх, был признан ханом Орды в 840 = 1436—1437 году, а потом уже через полтора года умер⁶²³. Между тем, по единогласному свидетельству всех источников, Хаджи-Герай остался десятилетним сиротой после отца, убитого его ненавистником Сейид-Ахмед-ханом, что должно было случиться гораздо раньше 1436—1437 года, ибо еще в 1434 году сам Хаджи-Герай храбро сражался с генуэзцами, разбив генуэзского полководца Карла Ломеллино при Солхате.

Далее, в тех памятниках, где Гыяс-эд-Дин признается отцом Хаджи-Герая, сам он считается сыном Таш-Тимура, а между тем историки, сказания которых воспроизведены Ланглесом, говорят про него, что он был сын Шади-бек-хана⁶²⁴.

В пользу того мнения, что Хаджи-Герай был сын Таш-Тимура, говорят еще всегдашние тесные отношения Хаджи-Герая к Литве и к ее великим князьям. Это как нельзя более согласуется с прежде высказанным у нас мнением, что и отец его, Таш-Тимур, потеряв власть в Крыму и удалившись в чужие края искать себе пристанища, обрел его себе именно в Литве у Витовта, который, по свидетельству польских историков, помогал и Хаджи-Гераю в первых его попытках к достижению ханской власти в татарских землях.

При такой неясности родословия основателя целой династии, мы позволяем себе высказать следующее предположение: уж не было ли наречение отца Хаджи-Герая Гыяс-эд-Дином в последующих сказаниях, исторических и народных, плодом какого-либо недоразумения, порожденного той случайностью, что это имя издавна было в большом упо-

треблении, как нарицательное имя существительное в качестве дополнительного, высокопарного эпитета при собственных именах татарских ханов, как это мы видим на многочисленных монетах этих ханов, начиная с Токтогу-хана до Токтамыша и Таш-Тимура включительно⁶²⁵. На некоторых монетах встречаются разом три имени — Таш-Тимура, Гыяс-эд-Дина и Токтамыша, и опять второе из них является лишь в служебном значении эпитета к имени Токтамыша⁶²⁶. Мы не думаем утверждать, что мусульманские составители родословной Крымских ханов руководствовались соображениями науки нумизматики⁶²⁷, но нет ничего невозможного в том, что на позднейших досужих пересказчиков родословия Хаджи-Герая могло повлиять нахождение имени Гыяс-эд-Дина на монетах рядом с именем Токтамыша и даже Таш-Тимура. Оно могло дать им повод превратить этот нарицательный титул в собственное имя какого-то неизвестного человека, родственника знаменитого Токтамыша, и назвать его отцом Хаджи-Герая, который также озаменовал себя основанием целой династии, но происхождение которого осталось для последующих поколений покрыто мраком неизвестности.

Трудно также сказать что-либо решительное и насчет того, кто был преследователем малолетнего Хаджи-Герая, принужденного спастись, живя долгое время в неизвестности и скрываясь от врагов своих. В источниках Ланглеса роль преследователя приписывается Кадыр-бирды-хану, властвовавшему некоторое время и в Крыму⁶²⁸ и погибшему потом одновременно с врагом дома Токтамышева, Идики; в предании же преследователем выставляется некий Сейид-Ахмед-хан. Но свидетельство предания компрометируется тут явным анахронизмом — что будто бы преследование Хаджи-Герая имело место уже по смерти Улу-Мухаммеда, что положительно неверно. Если же согласиться с преданием, то всего более подозрение в роли преследователя падает на того Сейид-Ахмеда, который впоследствии был разбит Хаджи-Гераем, бежал в Литву, был там схвачен, заключен под стражу, по-видимому в угоду врагу своему Хаджи-Герая, и умер пленником в Ковно⁶²⁹. Но что-то сомнительно, чтобы Хаджи-Герай удовольствовался такой сравнительно еще благополучной участью своего смертельного врага — убийцы его отца и злоумышленника против его собственной жизни. Имея близкие связи с литовскими князьями, он бы, вероятно, добился более чувстви-

тельного возмездия Сейид-Ахмеду, если бы он был для него тем, чем он представляется в предании. Поэтому нельзя отказать в известном правдоподобию свидетельству источников Ланглеса, что Хаджи-Герая хотел погубить Кадыр-бирды-хан, сын Токтамыша: родственные узы не были тогда помехой для кровопролития, которое являлось единственным средством обеспечения успеха искателям ханской власти, часто не по праву домогавшимся ее.

Теперь обращаемся к самому имени Хаджи-Герая. Сестренцевич-Богуш, на основании имевшихся у него под руками источников, утвердительно говорит, что обе составные части сложного имени родоначальника Герайской династии суть только добавочные прозвища, из коих первое, «Хаджи», дается обыкновенно у мусульман лицам, совершившим благочестивое путешествие в Мекку или оказавшим иные какие-либо богоугодные подвиги: второе же — «Герай» принято Хаджи-Гераем из чувства благодарности к человеку, оказавшему ему покровительство в то время, как он подвергался гонениям со стороны врагов своего рода. Сестренцевич-Богуш не говорит, какое же было настоящее имя Хаджи-Герая, но сам нередко в других местах своей истории называет его «Хаджи-Девлет-Герай» и даже просто «Девлет»⁶³⁰. И Стрыйковский также упоминает какого-то *Dewletkieraja*, которого Витольд даровал Перекопским татарам, в ханы, разумеется⁶³¹. За какой подвиг благочестия Хаджи-Герай получил первое из своих званий, Богуш ничего не говорит; а Герай, спасший жизнь Хаджи-Гераю, был, говорит он, один крестьянин в Литве⁶³². Г. Хартахай в упоминавшейся выше статье, повторяя сказания Сестренцевича-Богуша о первоначальной судьбе Хаджи-Герая, присовокупляет от себя следующее замечание: «Сам Девлет, как набожный человек, *по преданию*, ездил в Мекку к гробу Магомета, за что и назван хаджи, т.е. паломник. Это прозвище многие, или почти все писатели, принимают за имя»⁶³³.

Не отвергая действительного существования самого предания, мы однако же не можем не выразить крайнего сожаления о том, что г. Хартахай не указал источника, откуда он почерпнул это в высшей степени интересное предание. Во всяком случае ничего подобного нет в том предании, которое приведено нами выше. Там также имя Хаджи-Герая объясняется случайностью, или, правильнее сказать, двумя случайностями, притом еще

разделенными большим промежутком времени. Имя «Хаджи», по этому преданию, дано отцом Хаджи-Герая при его рождении в честь своего воспитателя, аталыка, вернувшегося в ту пору из путешествия в Мекку, а прозвище «Герай» добровольно принято самим Хаджи-Гераем в память одного татарского племени того же имени, из которого происходил воспитатель его отца и нечаянный благодетель его самого во время его приключений. Замечательно однако же, что и в предании мы встречаемся с именем *Девлет*: благочестивый аталык назывался «Девлет-гэльди», что значит: «Счастье пришло» — «Добро пожаловать!»

Г. Гаммер, отрицая всякую правдоподобность предания о происхождении имени Хаджи-Герая, ссылается на то, что во всех известных перечнях тюркских племен не оказывается ни одного племени под таким именем (т.е. «Герай») ⁶³⁴. Неизвестно, что г. Гаммер разумел под «всеми известными перечнями» — *allen bekannten Verzeichnissen* — одно только можно сказать, что если не совсем тождественное с именем «Герай», то все же несколько близкое к нему встречается еще у Рашид-эд-Дина название одного тюркского племени «кераит» ⁶³⁵. Но чтобы признать генетическую связь между обоими именами, пришлось бы допустить сокращение вышеприведенной формы старинного собственного имени, которое однако же, кажется, продолжает существовать и доньше где-то в степях Средней Азии. Мы не знаем также, имел ли в виду г. Гаммер сочинение Бекаттини «*Storia della Crimea Piccola Tartaria. Venezia. 1685*», и известный атлас Польши и Южной России Риччи Цаннони, напечатанный в 1772 году; но только и на карте, приложенной к книжке Бекаттини, и на карте № 24 атласа Цаннони, в низовьях реки Днепра, ближе к Перекопу, нанесено прямо-напрямю кочевье племени Хаджи-Герай: *Kabil. Hadgi Keraï*. Не сами же эти ученые придумали такое племя, когда бы его не существовало в действительности. Любопытно еще то, что название племени и тут является в составном виде. Но чтобы с уверенностью сказать, что родоначальник династии Крымских ханов принял почему-либо имя вышеозначенного племени, следует сперва с точностью определить, сколь древне это племя. Такая осторожность внушается тем явлением в истории тюркских народов, что иногда племена принимают и носят имена каких-либо замечательных лиц, более всего, конечно, храбрых предводителей. Чтобы не ходить далеко за примером, укажем на знако-

мых нам современных турков османских: они величают себя «османлы» по имени своего первого, так сказать официально признанного, эмира Османа. Подобным же образом, когда и Золотая Орда стала падать и дробиться, татарские группы, подвластные тому или другому потомку Чингизову, нередко носили имена своих главарей: так в наших летописях встречаются «Татарове *Седи-Ахметевы*»⁶³⁶. По поводу вторжения турок в Крым в летописи говорится, что они «*Азигирееву орду, Крым и Перекоп осадisha дань давати*»⁶³⁷. На этом основании вернее, кажется, будет предполагать, что не Хаджи-Герай получил свое имя от какого-то татарского племени, а, напротив, некоторая толпа татар, отделившись в тогдашнее смутное время от главной массы татарского населения некогда обширной, но уже начавшей распадаться Золотоордынской монархии, под начальством Хаджи-Герая приняла имя этого своего предводителя и продолжала потом называться «Хаджи-Гераевой ордой» даже после того, как власть Хаджи-Герая распространилась почти на весь Крым; а досужее воображение позднейших поколений создало по этому поводу целую легенду, переиначив в ней историческую истину.

С другой стороны, и в подробностях, которыми обставлено происхождение имени Хаджи-Герая в предании, нет ничего невероятного. Едва ли надо доказывать, сколь высоким уважением и значением пользовалось у тюркских народов звание аталыка; в свое время кавказское племя *бесленей* считало как бы своим монопольным правом воспитательство детей Крымских ханов. Наречение имени новорожденному царевичу в честь какого-нибудь достопамятного лица или события также имеет примеры в истории Крымских ханов: Сафа-Герай, например, был назван так в память отца своего⁶³⁸. Про Каплан-Герая рассказывается, что он родился тогда, когда отец его, знаменитый Селим-Герай, после первой отставки отправлен был на жительство на остров Родос. В то время, как малютка впервые увидел свет, у острова бросила якорь оттоманская флотилия под командой адмирала Каплан Мустафа-паши, и вот в память такого события, замечательного в однообразной жизни скучавших на уединенном острове заточеников, ханский ребенок был наречен Капланом⁶³⁹. Возвращение из хаджа какого-нибудь уважаемого паломника могло составить не меньшее торжество в ханском доме, чем привал турецкой эскадры, и это событие также могло быть почтено в ханской

семье наречением имени новорожденного младенца «Хаджи». Но дело в том, что наречение известного нам исторического лица, по преданию, произошло в два приема и связывается непременно с каким-то временным скрывательством Хаджи-Герая, с безвестным исчезновением его на более или менее продолжительный срок.

Историки также положительно свидетельствуют о двукратном по меньшей мере появлении Хаджи-Герая на политическом поприще. По исследованиям Сестренцевича-Богуша, он впервые выступил претендентом на ханство около 1428 года. Во время происшедшей тогда смуты и многоцарствия во всех концах Кыпчакской империи, когда в ней властвовало три государя зараз, и когда каждая область избрала себе особого государя, Хаджи-Герай, «будучи слаб для сопротивления сему возмущению, удалился к Витольду, возведшему его на престол Таврийский»⁶⁴⁰. Затем Сестренцевич-Богуш говорит, что Хаджи-Герай, поддержанный преемниками умершего в 1430 году Витовта, Владиславом и Казимиром Ягайловичами, снова воспользовался каким-то удобным случаем к объявлению себя независимым. Он напал в то же время на генуэзцев, союзников Кипчака, победил их в сражении и даже, будто бы, отнял у них город Кафу⁶⁴¹. Как все это произошло, Сестренцевич не объясняет с точностью, а главное — не означает времени, когда это произошло. По всем данным, тут надо разуместь поражение, нанесенное Хаджи-Гераем близ Солхата генуэзскому военачальнику Карлу Ломеллино, явившемуся защищать Кафу от нападений Хаджи-Герая, что случилось, как мы видели, в 1434 году. Что после этого Кафе стало еще жутче от досадного Хаджи-Герая, наложившего на нее тяжкую дань, это верно; но чтобы он хотя временно завладевал самою Кафою, об этом из других достоверных источников ничего не известно. Да и сам С.-Богуш замечает, что «история не повествует, как генуэзцы взяли обратно Кафу»; но, говорит он, видно, что прошло 5 лет, в течение коих, кажется, Хаджи-Герай укрывался у польского короля Казимира; что по нисшествии с престола, когда похититель (?) умер, Хаджи-Герай был возведен на оный в 1443 году крымскими татарами, и что возведение его было совершено торжественным образом в Вильне, откуда он отправился с великой свитой в Крым⁶⁴².

Пятилетнее скитание Хаджи-Герая Сестренцевич-Богуш считает с 1437 года; но не дает точных указаний источников, откуда он взял

подобные сведения. Известие же о вторичном призвании Хаджи-Герая в 1443 году татарами крымскими находим у Стрыйковского. «Того же года (т.е. 1443), — читаем мы в его хронике, — татаре перекопские, барынские и ширинские (Bokrinowscy i Syginowscy), у которых царь умер без потомства, прислали к Казимиру, великому князю литовскому, с просьбой дать им на царство Хаджи-Герая (Aszkiegeja), который, бежав из Орды, в то время проживал в Литве, где он владел для прокормления городом Лидой по милости панов литовских. Поэтому Казимир в назначенный день в Вильне, в приготовленном замке возвел с литовскими панами того Хаджи-Герая на царство татарское и послал его в Перекопскую орду с маршалком Радзивилом, который смело посадил его там на трон отцовский»⁶⁴³.

Таким образом, из совокупности данных, находящихся у историков литовско-польских, выходит, что Хаджи-Герай, родившись в Литве и выросши где-то в неизвестности, в первый раз с помощью Витовта выступил претендентом на ханскую власть в Орде в 1428 году, но, потерпев неудачу, принужден был опять вернуться назад к своему патрону. Затем в какое-то, с точностью не указываемое, время он снова, уже по смерти Витовта, является во главе сильной татарской орды, оказывая военную помощь Владиславу и Казимиру Ягайловичам. В этот темный в хронологическом отношении период он теснит в Крыму генуэзцев и даже будто бы овладевает самой Кафой; но каким-то образом генуэзцы опять отнимают у него город, и Хаджи-Герай почему-то принужден был укрыться у польского короля Казимира. Это вторичное удаление Хаджи-Герая будто бы произошло в 1437 году и продолжалось до 1443 года, когда он был возведен крымскими татарами на ханство по смерти их хана, не оставившего по себе потомства.

Некоторая сбивчивость сведений польских историков в изложении фактов жизни и деятельности Хаджи-Герая до вторичного и окончательного его водворения в Крыму позволяет нам думать, что они, вероятно, сбились в хронологии, и сделать небольшую поправку в этой последней. Если даты 1437 и 1443 годов подвинуть на 10 лет назад, то сведения Стрыйковского и ссылающегося на него Сестренцевича-Богуша станут в довольно близкое соответствие с тем, что нам известно про Хаджи-Герая из других источников. Сам же Сестренцевич один раз определяет время

первого царствования Хаджи-Герая приблизительно в 1428 году; а затем нам известно, что в 1434 г. Хаджи-Герай разбил Карла Ломеллино, сделав удачную вылазку из Солхата. Последний военный подвиг он, вероятно, совершил уже после вторичного призвания его татарскими мурзами в предыдущем 1433 году. Но отчего же могло случиться, что ни русские, ни арабские источники ни слова ни говорят о первом царствовании такого замечательного впоследствии человека, как Хаджи-Герай, а только называют трех соперников, тягавшихся из-за власти приблизительно около того же времени — Мухаммеда, Борака и Даулет-бирды? На этот вопрос мы берем смелость отвечать предположением, что Даулет-бирды есть одно и то же лицо с Хаджи-Гераем, и вот на каких основаниях.

Во-первых, существование целого предания о происхождении имени Хаджи-Герая показывает, что в этом имени заключалось нечто особенное, знаменательное по отношению к его личности, тем более что обе составные части этого имени еще встречаются и раньше, являясь порознь, в качестве собственных имен разных лиц, упоминаемых в старинных памятниках⁶⁴⁴. Так, в числе убитых в Куликовском сражении с татарской стороны значится *Хазибей* = Хаджи-бей⁶⁴⁵; а в русском лагере, по сказанию о Мамаевом побоище, находился некий *Фома Хаберцеев*, или, в других вариантах, *Халцибеев*, *Хацибеев* и *Кацибей*⁶⁴⁶, т.е. опять-таки Хаджи-бей. Во времена Мамая в Астрахани властвовал Хаджи-Черкес⁶⁴⁷. Равным образом еще арабские историки упоминают в числе татарских вельмож, прибывших в Египет в 1263 году, некоего Герая⁶⁴⁸. В 1321 году в Египет явились послы от Узбек-хана, и один из них также назывался Герай⁶⁴⁹. Не говоря уже о более поздних источниках, каковы наши грамоты конца XV века, где имя *Кирей* зачастую попадает не только в приложении к именам членов ханской династии в Крыму, а особо, в качестве имен простых людей, каковы, например, *Кирей-Сиит*⁶⁵⁰, или *Китай-Кирей*⁶⁵¹, или даже просто *Кирей*⁶⁵². Следовательно, сами по себе эти имена — Хаджи и Герай, порознь или вместе взятые, ничего не представляют необыкновенного: они являются знаменательными и достопримечательными для известного исторического лица, лишь по отношению к какому-то особенному обстоятельству в судьбе Хаджи-Герая. Обстоятельство это, по всему вероятию, заключалось в том, что Хаджи-Герай был двуименный, и что другое его имя было Даулет-бирды,

как оно и является на монетах. Доказательством этого, по нашему мнению, служит то, что в предании благодетель бедовавшего Хаджи-Герая, захотевшего в дни благополучия принять имя своего благодетеля, тоже зовется *Даулет-гэлды*. Польские историки не зря же, а по каким-нибудь основаниям, прямо называют его *Девлетом*. Стрыйковский даже упоминает о каком-то Девлет-Кирее, как посаженце Витовтова на Крымском ханстве. По древней русской Родословной царей Крымских и Казанских Даулет-бирды считается отцом Хаджи-Герая⁶⁵³, следовательно ставится ею в самое тесное с ним соотношение, и про этого Даулет-бирды та же Родословная говорит, что он жил в Литве у Витовта⁶⁵⁴, что как нельзя более идет к личности Хаджи-Герая, пользовавшегося лаской и покровительством великих князей литовских. Из этого с несомненностью явствует, что составители Родословной два имени одного и того же лица превратили, по недоразумению, в два отдельных человека.

Во-вторых, предполагаемая нами двуименность Хаджи-Герая не составляет какого-либо небывалого, исключительного явления в татарской истории. Татарские ханы, со времени принятия монголо-татарами ислама, всегда имели обыкновение носить два имени — одно национальное, другое мусульманское. Обычай этот ставил в затруднение уже арабских писателей, интересовавшихся знать, кто были правителями в Дешти-Кыпчаке. Так, Элькалькашанди, по поводу переписки египетских султанов с династией Берковичей, говорит следующее: «Выше уже было упомянуто, кто в этом царстве правил после Узбека. Между ними (этими правителями) нет такого, имя которому Мухаммед. В упомянутом 776 = 1374—1375 году в этом царстве правил уже человек по имени Урус... Может быть, *Мухаммед* имя его, а *Урус* прозвище его, как это было с Хода-бендой, отцом Абу-Саида, из царей Ирана, называвшимся *Мухаммедом* и прозванным *Хода-бендой*»⁶⁵⁵. Пример подобной двуименности одного и того же лица мы встречаем и у крымских историков. Когда умер Хаджи-Герай, то он был погребен, по их словам, в усыпальнице, выстроенной им для себя в Салачикском квартале Бакчэ-Сарая, который, будучи основан одним из предков его, *Мухаммед-ханом Худа-бирды*, избран им в свои столицы⁶⁵⁶. Г. Негри, передавая вышеприведенное место «Краткой Истории», называет этого Мухаммеда «дедом Хаджи-Герая», держась буквального смысла слова⁶⁵⁷, но оно совершенно

не согласно ни с одной генеалогией Хаджи-Герая. Если же игнорировать родословные отношения этого Мухаммеда, то можно полагать, что он одно и то же лицо с тем Мухаммедом, которого, по словам Стрыйковского, Витовт «посадил на *царство Киркельское*»⁶⁵⁸: владеть Кыркором, или Чуфут-Калэ, и не иметь никаких отношений к Бакчэ-Сараю едва ли было в те поры мыслимо. Но если нельзя с точностью указать, какому Мухаммеду принадлежало прозвище «Худа-бирды», то несомненно, что это прозвище, дошедшее каким-то путем до сведения крымских историков, не их собственная выдумка, так как оно находит себе оправдание в других источниках. В наших летописях есть упоминание об одном татарском хане по имени *Куйдадате*: «В лето 6932 (т. е в 1423—1424 г.), — читаем мы, — Царь *Куйдадат* поиде ратию к Одоеву на князя Юриа на Романовича. И слышав то князь велики Витофт, и посла на Москву к зятю своему к великому князю Василию Дмитриевичу, чтобы послал помочь на царя, а сам послал князя Андрея Михайловича и др... Они же шедше с князем Юрием, царя *Куйдадата* и силу его пресекли, а сам царь убежал, а царицы поймали, одну послали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому князю»⁶⁵⁹. Имя *Куйдадат*, очевидно, есть русское искажение настоящего мусульманского Худай-дад. Первая его половина, *Худай* — «Бог», употребительна и у татар, а вторая, *дад* — «дал», есть слово персидское, однозначашее с татарским *бирды* — так что и *Худай-дад* и *Худай-бирды* значит: «Бог-дал», т.е. в переводе на наше именословие, это будет: «Феодор», «Богдан».

Так как вслед за рассказом о набеге неизвестного царя Куйдадата в наших летописях идут уже упоминания о царе Махмете, то, судя по всем данным, можно полагать, что прозвище Худайдад, или, что то же, Худай-бирды носил Улу-Мухаммед⁶⁶⁰. Его-то, должно быть, и посадил сперва Витовт на «царство Киркельское» в Крыму. Но когда честолюбие или хищничество увлекло его так далеко, что он простер свои набеги на владения самого Витовта, то этот последний противопоставил ему другого, бывшего у него в запасе, кандидата на ханскую власть, Хаджи-Герая, который под именем Даулет-бирды, как доподлинно известно, соперничал с Улу-Мухаммедом. Во всяком случае ошибочно мнение Гаммера, что будто Кепек-хан, как читает его имя на монетах г. Савельев, есть тот самый, которого будто бы «русские летописи называют *Куйдат*»⁶⁶¹,

ибо форма *Куйдат* есть только вариант более полной формы *Куйдадат* и явилась, без сомнения, вследствие оплошности переписчика, помимо того что между формой Куйдат и формой *Kibak*, или *Kuibak*, вообще-то не заметно большого сходства.

Доказанный нами факт двуименности татарских ханов наводит нас, по пути, на такое предположение: не в этом ли обстоятельстве, между прочим, следует искать объяснения появления в исторических памятниках такого несметного количества ханов в смутную эпоху перед падением Золотой Орды, что относительно некоторых из них нет никакой возможности точно определить ни места, ни времени, где и когда они властвовали. Таков, например, хан Гыяс-эд-Дин, о подвигах которого довольно много повествуется теми восточными историками, сказания которых передает Ланглес, и о котором совсем не упоминается в других источниках. Положим, что словосочетание «Гыяс-эд-Дин» часто встречается и в одиночку в качестве собственного имени, но еще чаще, как мы видели⁶⁶², оно является лишь добавочным прозвищем, или просто только почетным титулом. Невольно возникает сомнение в полной достоверности имени лица, названного у вышеупомянутых историков Гыяс-эд-Дином: может быть, это имя представляет лишь добавочную часть составного имени, другая половина которого была пропущена самими же историками, или игнорирована пересказчиком их повествований, г. Ланглесом. Так оно могло случиться и с другими, в особенности позднейшими, бытописателями, сохранившими кое-какие сведения о последних временах Золотой Орды, которая после целого ряда смут и междоусобий, происходивших в ней, прекратила свое существование, раздробившись на отдельные ханства.

На основании вышеизложенных соображений мы заключаем, что настоящее имя Хаджи-Герая было Даулет-бирды, а Хаджи-Герай было его второе имя, или прозвище. Если верить настоящим свидетельствам всех источников о том, что Хаджи-Герай неоднократно пытался овладеть ханским тронem и после первой неудачной своей попытки должен был совершенно стушеваться, то надо думать, что, будучи вторично призван крымскими мурзами властвовать в Крыму, он стал известен более под вторым своим именем, чему он мог сам же способствовать, начавши бить теперь монету с этим именем, а не с первым, не оправда-

вшим своего лексического значения, указывающего на «счастье». Этому же обстоятельству следует приписать и чрезвычайное сходство типа монет генуэзского чекана, носящих оба имени бывшего их хана.

Допустив нашу гипотезу, можно будет принять такую систему в распределении монет с именами «Даулет-бирды» и «Хадж-Герай» по времени предполагаемого их появления. Старейшие из них должны быть с именем Даулет-бирды и с обще-кыпчацкой тамгой, чеканенные в Хаджи-Тархане⁶⁶³. Они были выбиты еще в то время, когда Даулет-бирды, соперничая с Улу-Мухаммедом и Бораком, мечтал утвердиться на троне Золотой Орды. За ними должны были следовать монеты того же имени, и также с обще-кыпчацкой тамгой, но уже чеканенные в Крыму генуэзцами и появившиеся, надо полагать, тогда, когда Даулет-бирды фактически властвовал только в Крыму, но употреблением общетатарской тамги на своей монете давал знать, что он еще не вовсе отказался от претензии на ханское звание в Большой Орде, а не в одном только Крымском ее уделе⁶⁶⁴. К третьей категории надо отнести монеты крымско-генуэзского же чекана, уже с именем на них Хаджи-хана, но все еще пока с обще-кыпчацкой тамгой⁶⁶⁵. Они, вероятно, выбиты во вторичное властвование этого хана, до того момента, пока окончательно не выяснились обстоятельства, убедившие его в необходимости сосредоточить свои силы на удержании власти в одном Крыму, на правах отдельного и независимого от Золотой Орды государства, и употребить их на упрочение этой власти за своим домом. Этот последний момент в политических домогательствах родоначальника Герайской династии ознаменовался выпуском монеты с специальной тамгой, которая с тех пор сделалась государственным гербом Крымских ханов. Монеты этой категории представляют два разных типа, с их подразделениями, которые мы бы разместили в такой последовательности. Монеты первого типа безымянные и только с герайской тамгой на одной стороне; на другой же их стороне находится или всадник, изображающий св. Георгия⁶⁶⁶, или портал с генуэзской легендой⁶⁶⁷. Монеты второго типа на одной стороне имеют портал и генуэзскую легенду, а на другой — герайскую тамгу, окруженную татарской легендой. В татарской легенде на некоторых монетах имя Хаджи-Герая изображено в краткой форме: «Хаджи-хан»⁶⁶⁸, а на иных в полной форме: «Хаджи-Герай-хан»⁶⁶⁹.

За всем тем, однако же, остается неясным, почему имя *Герай* сделалось фамильным добавочным прозвищем потомков Хаджи-Герая. Сам он, по-видимому, не имел в виду такого установления, хотя оно и приписывается ему народным преданием, ибо из восьми, а по иным свидетельствам — из двенадцати сыновей Хаджи-Герая один только Менглы носил этот придаток к своему имени, так что уже дети Менглы-Герая и последующие его потомки являются с вышеприведенным добавочным прозвищем. Турецкие историки, как мы видели, прямо отказываются объяснить причину такого, все же замечательного в своем роде, исторического факта. Тщетно было бы искать этого объяснения и в этимологическом значении имени *Герай*. Категорическое замечание г. Малиновского, или редакции, печатавшей труд его, что будто «название Гирей... значит на татарском языке “пастух”»⁶⁷⁰, совершенно не основательно: в татарском языке нет такого слова с подобным значением, а источника, откуда г. Малиновский почерпнул свое толкование имени *Герай*, он не указывает.

Гаммер, ссылаясь на словарь Фергенги-Шуъури, утверждает, что *Герай* значит то же, что *Хосроу*, *Кэй*, *Хакан*, *Фараон*, *Цезарь*, *Султан*, т.е. попросту сказать — означает титул⁶⁷¹. Но это — не объяснение, а простое сопоставление, и ничего не прибавляет к раскрытию основания, почему имя *Герай* получило такое важное значение. Из существующих лексиконов турецкого языка толкование слова находится только в словаре Ахмед-Вефык-паши. На странице 1043 этого словаря читаем следующее: «*Герай*, имя существительное, с кесроу, в монгольском же с двумя фатхами (выговаривается). Оно имеет смысл слов: “правильный, достойный, подобающий, истиннейший” и есть имя господствовавшей в Крыму династии *Менглы-Герая*, из рода Чингизова».

Это объяснение Ахмед-Вефыка есть также только предположительное его соображение, ибо оно не основано у него ни на каком этимологическом словопроизводстве. Оно замечательно лишь в том отношении, что автор его считает начало династии Гераев с Менглы-Герая, а не с его отца Хаджи-Герая. Такое воззрение, впрочем, встречается не у одного Ахмед-Вефыка. В основании его, надо думать, лежит тот же факт, который имеет соответствующее себе аналогическое явление в истории турецкой. Мы знаем, что главой племени, ставшего ядром разросшейся потом целой империи Оттоманской, был Эр-Тогруль, отец

Османа, а между тем целая династия носит имя второго из них, а не первого. Поэтому, стало быть, остается теперь догадываться о побуждениях, которыми руководился Менглы, сын Хаджи-Герая, присвоивший прозвище *Герай* всем членам своего дома и удержавший это прозвище навсегда за своим потомством.

Оставляя в стороне этимологический вопрос о значении фамильного прозвания ханской династии, воцарившейся и утвердившейся в Крыму, мы однако же без особенного труда можем объяснить себе самый факт установления этого прозвания в смысле титула, как результат известных исторических обстоятельств.

И Хаджи-хан, и сын его Менглы могли совершенно случайно получить от нарекавших их добавочное имя Герай. Оно было облюбовано почему-то вторым из них и принято им, как отличительный династический титул, в числе других внешних знаков признания за ним и его домом господства над Крымским уделом бывшей Золотоордынской империи⁶⁷². Но это могло состояться не прежде, чем Менглы-Герая удалось локализовать свою власть в Крыму, утвердиться в совершенной независимости от прежнего общетатарского центра, хотя эта локализация и независимость нуждались в другой гарантии, опираясь на признание и покровительство со стороны другого, сильнеешего в то время соседнего государства — султана Османского.

К этому всю свою жизнь стремился Хаджи-хан, но достиг цели уже сын его Менглы, и то не без приключений, а потому он же учредил и особый титул для своей династии. Он выбрал для этого добавочное имя *Герай*, принадлежавшее ему одному из всех братьев, да еще отцу его, Хаджи-хану, которому первому принадлежит решимость довершить политический сепаратизм Крыма, и который немало поработал для осуществления этой заветной мечты своей, увековечившей его память в истории татарской.

Возникновение других, кроме Крымского, татарских государств, окончательно парализовало политическое значение главного центра, Золотой Орды, низведенной таким образом на один уровень с отложившимися уделами. Это обстоятельство, вместе с усилением возрождавшегося могущества русских, беспрерывно воевавших с прежними своими поработителями, в значительной степени облегчало задачу Хаджи-Герая совершенно

обособить Крым под власть своего дома. Но территориальное положение Крымского полуострова и прилегавших к нему материковых земель было таково, что полное политическое обособление нового ханства было вообще невысказано, а окончательное отложение от Золотой Орды в частности требовало еще некоторых усилий в течение известного времени. Отсюда выходило то, что Хаджи-Гераю надо было одновременно смотреть во все стороны, чтобы сохранить равновесие в своем довольно еще шатком положении. Это подтверждается и теми скудными историческими известиями, какие пока имеются о конце властвования Хаджи-Герая.

Давние связи его с Польшей питали в нем всегдашнее тяготение к ней и готовность в поддержке ее интересов. В переписке сына его Менглы-Герая с польскими властями не раз делаются ссылки на братство и дружбу, существовавшие между Хаджи-Гераем и королем Казимиром⁶⁷³. К этому располагала Хаджи-Гераю также некоторая общность их стремлений к обеспечению целости своих владений от набегов татар Большой Орды и от заметного усиления России. Фактическое доказательство такой политики Хаджи-Герая мы видим в том, что он встретил и разбил Сейид-Ахмед-хана, шедшего из-за Волги опустошать Подолию⁶⁷⁴.

Нет также ничего невероятного и в том, что Хаджи-Гераю в угоду полякам обнаруживал расположение действовать, в случае надобности, заодно с ними против русских; но чтобы он заключил формальный договор с Польшей, по которому предоставлял ей право на завладение русской землей, это похоже на фавулу, несмотря на то что польские историки определенно указывают даже год, 867 = 1461, когда будто бы дана была Хаджи-Гераю грамота за золотой печатью, содержащая вышеозначенное уполномочие⁶⁷⁵. Сомнительность существования подобной грамоты явствует из того, что она выставляется лишь как подтверждение обещания, данного будто бы еще Токтамышем. Печальный конец Токтамыша, без сомнения, достаточно должен был показать всю ненадежность подобного рода договоров с лицами, не представлявшими гарантии к их выполнению. Положение Хаджи-Герая, правда, было лучше, нежели Токтамыша, но все же оно не настолько было прочно и могущественно, чтобы он мог предъявлять какие-либо претензии на Русь, как на подданную ему страну, и предоставлять пользование своими на нее правами кому-нибудь другому, хоть бы, например, Польше.

Любопытно, что в русском переводе сочинения Сестренцевича-Богуша относительно вышеупомянутой грамоты в выносках сделано такое примечание: «Сей диплом я видел в Варшаве в 1772, в библиотеке Залуского»⁶⁷⁶. Между тем во французском подлиннике его «*Histoire de la Tauride*» этой заметки не находится ни в первом издании, предшествовавшем русскому переводу⁶⁷⁷, ни во втором, пересмотренном и явившемся много лет спустя после этого перевода⁶⁷⁸.

Наконец с духом подобной грамоты, если бы только она дана была Хаджи-Гераем, как-то не совсем согласуется последующее поведение его относительно русских. Сам же Сестренцевич-Богуш приводит тот факт, что в 1465 году Хаджи-Герай «оказал россиянам услугу, воспрепятствовав Кипчакскому хану перейти через Дон»⁶⁷⁹, но только он этот поступок приписывает какому-то сентиментальному чувству миролюбия Хаджи-Герая и его рыцарской готовности «защищать своих соседей против турок (sic)»⁶⁸⁰. Без сомнения, Сестренцевич понимает тут известный факт татарского нашествия, который записан и в наших летописях под тем же 1465 годом. Беда только в том, что наши летописные памятники, едва ли не впервые занесши на свои страницы имя Хаджи-Герая, названного тут Азигиреем, расходятся между собою касательно имени его противника, хана Большой Орды. Карамзин, на основании имевшихся у него источников, говорит, что к Москве тогда хотел идти царь *Ахмат*, повелитель Волжских Улусов⁶⁸¹. А в Воскресенской летописи мы под 1465 годом читаем: «Того же лета поиде безбожный царь *Махмут* на Рускую землю с своею ордою и бысть на Дону; Божиею же милостию и его пречистые Матери прииде на него царь *Азигирей*, и би его, и орду взя, и начата воеватися промежь себе, и тако Бог избави Рускую землю от поганных»⁶⁸². Равным образом в изложении событий татарской истории Малиновского, основывавшегося на документах Главного Архива в Москве, противник Хаджи-Герая также назван «новым Ордынским царем *Магмутом*, преемником Седи-Ахметовым»⁶⁸³. Точно такого имени мы не находим между тогдашними татарскими ханами, исключая имени сына Улу-Мухаммеда, царя Казанского, да и то в уменьшительной форме «Махмудек». При склонности наших летописцев к искажению чужестранных собственных имен можно бы было предполагать тут хана Ахмеда, сына Кючук-Мухаммеда, который незадолго перед стыч-

кой 1465 года тщетно приступал к Переяславлю Рязанскому в 1460 году⁶⁸⁴ и потом опять вскоре делал приступ к городу Алексину, в 1472 году: он является в наших летописях под именем *Охмута Кичиахметевича*, или *Ахмата Кочиахметевича*, или *Ахмута Кочи Яхмутовича*⁶⁸⁵, или, наконец, просто *Ахмута*⁶⁸⁶ — в форме, самой близкой к имени *Махмут*. Но несколько позже, а именно под 1485 годом, мы опять встречаемся в летописи с Махмудом: «Того же лета, — читаем мы, — Ординской царь *Махмут*, Ахматов сын, с князем с Темирем иде изгоном на Мингирея... Той же *Махмут* приведе Муртазу и посади на царстве»⁶⁸⁷. Это был один из сыновей вышеупомянутого хана Ахмеда, подвизавшийся на поприще смут и междоусобий в союзе с братом своим, ханом Сейид-Ахмедом II⁶⁸⁸. Равным образом в договоре короля Сигизмунда с Менглы-Гераем, заключенном в 1513 году, король польский подтверждает свое обещание быть заодно против неприятелей хана, детей Ахметовых и *Махмутовых*, говоря: «A czto Bratu Naszomu Mendigireiu Caru nepriyateli Achmatevy a (sic) *Machmutowy deti* to i nam Nepriyateli byli, nam z Carem Mendigiryem na nich za odin»⁶⁸⁹. Если тут разумеются дети Махмуда, сгонявшего Менглы-Герая с престола, и если он не одно и то же лицо с Махмудом, с которым вел распрю Хаджи-Герай, то не слишком ли были молоды его дети, чтобы Менглы-Герай считал их опасными для себя противниками?

Во всяком случае столкновение Хаджи-Герая с Махмудом, кто бы он ни был — самостоятельный ли хан Большой Орды, или только ханский царевич, предводительствовавший ханскими полчищами, произошло в 1465 году, в тот момент, когда Махмуд угрожал вторжением в русские пределы, и когда не видно было, чтобы это нашествие татар Большой Орды направлено было так или иначе против Хаджи-Герая или затрагивало его территориальные владения. Но он все-таки перерезал дорогу своим соплеменникам, нанеся им поражение, и явился чрез это благодетелем русских, независимо от того, питал ли он внутренние симпатии или антипатии к ним. Ему надо было так действовать по естественным политическим соображениям — не дать усилиться хану Большой Орды, Ахмеду, хотя бы и насчет русских: это было не выгодно самому Хаджи-Гераю, стремившемуся в обеспечению своего сепаратизма. Оно так выходит и из слов летописи: «начата воеватися промежь себе». Начавшаяся татарская междоусобица, конечно, была ко благу русских; но Хаджи-

Гераю выгоднее было щадить русских, лишь бы не давать оправиться Золотой Орде, с которой у него еще не были совсем покончены счета.

Осторожность политики Хаджи-Герая под конец замечается и в его поведении относительно генуэзцев и турок. Взятие Константинополя последними произвело переполох во всем тогдашнем христианском мире, хотя само по себе это событие вовсе не имело такого грандиозного характера ни по исторической подготовке его, ни по размеру материальных сил и средств, употребленных тогда в дело обеими воевавшими сторонами. Папы стали проповедовать крестовый поход против турок. Любопытно, что один папский посланец явился с предложением участия в этом походе и к Хаджи-Гераю в 1466 году. Умный татарин, понимавший всю нелепость подобного предложения, сослался однако же в своем отказе на то, что он в своей политике сообразовался с намерениями друга своего, короля польского, а этот последний состоял тогда в дружественных отношениях с завоевателем Константинополя, султаном Мухаммедом II⁶⁹⁰.

Если принять во внимание не особенную отдаленность от Крыма турецких владений в Европе и удобство сообщения с ними морским путем, то Хаджи-Гераю, без сомнения, было известно все, что творилось тогда турками османскими. Ему, вероятно, небезызвестны были далеко не любезные отношения султана Мухаммеда II к генуэзцам, как приютившимся в Галате, у Константинополя, так и плававшим через проливы в свои черноморские фактории. Автор «Краткой Истории» положительно утверждает, что Хаджи-Герай даже будто бы входил в переговоры с покорителем Константинополя насчет оказания ему материальной помощи к завоеванию генуэзских укрепленных поселений присылкой стенобитных орудий и войска⁶⁹¹. Но необыкновенные успехи османского оружия должны были заставить Хаджи-Герая приостановить до поры до времени натиск на неверных соседей и занять выжидательное положение. Кафские колонисты, или, как их называют польские историки, *кафинские мещане* уже достаточно приучены были им в покорности и не были ему опасны, а в особенности когда им пришлось сосредоточивать все свои силы на самообороне в случае возможного нападения на них турок — с моря. Так как, по всей вероятности, дальновидный Хаджи-Герай сам зарился на владения колонистов в Крыму, рассчитывая рано или поздно воспользоваться ими, прямо ли путем военного захвата, или же посред-

ством фискальной их эксплуатации, то едва ли ему желательно было видеть эти колонии в полной власти турков, хотя единоплеменного и единоверного, но все-таки чуждого, пришлого народа. Поэтому Хаджи-Герай под конец своей жизни, должно быть, уже не трогал кафинцев, ибо они в 1463 году произвели вербовку наемных солдат в Польше с королевского дозволения, прямо мотивировав это свое предприятие опасением нападения со стороны турок⁶⁹², и мы не видим достаточных оснований для сомнения Сестренцевича-Богуша, который считает вышеприведенный мотив только предлогом, которым будто бы генуэзцы хотели замаскировать свои стратегические планы против Хаджи-Герая, поведение которого им казалось подозрительным и ненадежным⁶⁹³. При дружественных отношениях Хаджи-Герая с королем польским едва ли такие планы кафских генуэзцев могли остаться для него тайной; а потому и вышеупомянутая затея их, если бы она устроилась без ведома Хаджи-Герая, была бы и нецелесообразна и рискованна для них. Впрочем, набор во всяком случае не удался как следует: ватага в 500 человек волонтеров, направленных было в Кафу, дорогой сожгла одно имение князя Чарторыйского и совершила какое-то убийство, за что и подверглась истреблению, не достигнув места своего назначения⁶⁹⁴.

Занятый установлением наивыгоднейших отношений с соседними странами и обеспечением своих владений от завоевательных посягательств извне, Хаджи-Герай, конечно, не имел еще возможности приступить к какой-либо внутренней организации созданного им ханства и обходился традиционными правительственными средствами и порядками, унаследованными от прежних татарских ханов. Поэтому рассказы некоторых позднейших историков о заботах и предприятиях Хаджи-Герая, направленных на развитие у татар потребностей комфорта оседлой жизни и на водворение среди них ремесел и других мирных, ведущих к благосостоянию, занятий⁶⁹⁵, преувеличены и не основаны ни на каких несомненных данных. Сами татарские бытописатели довольно правдоподобно ограничивают его государственную деятельность чисто внешней политикой. «Так как Хаджи-Герай, — говорит сочинитель “Краткой Истории”, — умел привлекать сердца, то он во время своего правления собрал в Крым значительное количество народа с Волги. Поелику же от этого у него было много войска, и он мог делать походы в московские и

польские страны, всегда оставаясь победителем, то он стал знаменитым ханом»⁶⁹⁶. Такие переселенческие передвижения народных масс в Крым вполне согласовались с видами Хаджи-Герая, служа ему средством в увеличению числа жителей своих владений и созданию необходимой для него могущественной военной силы, которая бы служила оплотом вновь основанного ханства. Они производились и преемниками Хаджи-Герая, как об этом свидетельствуется историками, которые говорят про Менглы-Герая, что он, одолев и погубив Сейид-Ахмед-хана, переселил жителей Тахт-Иля (т.е. некоторую часть их, конечно) в Крым⁶⁹⁷. Эти переселения не раз совершались и при последующих ханах, например при Сахыб-Герае I⁶⁹⁸ и других. По таким же соображениям, разумеется, Крымские ханы издавна привлекали в свое подданство и распоряжение и воинственных черкесов, как это видно из одного кабардинского народного предания, которое сообщает турецкий историк Джевдет, говоря о русских завоеваниях на Кубани в конце прошлого столетия.

«Занятие Кабарды русскими, — пишет он, — привело в ужас находящиеся по сю сторону (р. Кубани?) черкесские племена, и они принуждены были искать прибежища и покровительства Высокой Державы. Тогда к Высокой Двери прибыл человек от бека племени бесленей, Кызыл-бека, по имени Хаджи-Исмаиль, да человек от бека племени тимур-кой, Арслан-бека, по имени Хаджи-Мухаммед, и заявили они следующее: “Кабарда, — сказали они, — и другие черкесские племена суть старинные слуги Высокой Державы: они вплоть до времен султана Баязида Вэли состояли на службе в военное и мирное время под именем конницы. Потом, когда Коджа-Хаджи-Герай-хан, при свидании с Баязид-ханом, попросил его, чтобы означенные племена находились на службе у него, то последовало соизволение на его просьбу, и с тех пор упомянутые племена стали находиться на службе Крымских ханов”»⁶⁹⁹. Время царствования султана Баязида II (1480—1512), с которым имел свидание Крымский хан, показывает, что в вышеприведенном предании ошибка в имени хана: свидание могло произойти у Баязида с Менглы-Гераем I, а не с отцом его, Хаджи-Гераем, которого при Баязиде уже не было в живых. Но самый факт свидания не подлежит сомнению, как это мы увидим впоследствии, и если он сохранился в народной памяти кабардинцев, то, без сомнения, потому, что с ним связано было возник-

новение тех самых отношений к хану Крымскому, которые также увековечены преданием.

Что же касается до внутренних организаторских попыток, начиная с приучения татар к оседлой жизни, то таковые приписываются татарскими историками одному из преемников Хаджи-Герая, а именно Сахыб-Герая⁷⁰⁰. Даже самое перенесение резиденции, по-нашему столицы, из Крыма, т.е. прежнего Солхата, в Бахчэ-Сарай, также приписывается Хаджи-Герая, тогда далеко не имело того важного политического значения, как в наши времена. Что такое столица для тогдашнего татарина, хоть бы и самого хана, более кочевника по роду жизни, нежели оседлого человека? Простота государственной организации и несложность делопроизводства по всем отраслям управления избавляли от необходимости заводить какие-либо постоянные, неподвижные правительственные учреждения, прикрепленные к известному месту, где бы всегда обязательно находился сам носитель власти и глава этих учреждений, хан. У татар было наоборот: где останавливался своим станом хан, там действовала и правительственная машина: писались и издавались указы, организовалась армия, творился суд и расправа, давались иностранным послам аудиенции, и даже иногда чеканилась монета. Оттого-то на протяжении всей истории Крымского ханства, даже в то время когда Бахчэ-Сарай сделался действительным центральным пунктом этого ханства, мы видим самих ханов беспрестанно странствующими с одного места на другое, и притом не налегке, а со всеми принадлежностями обыденного комфорта, благо они также не отличались у них особенной изысканностью и разнообразием.

Гораздо важнее, по нашему мнению, было то, что в Бахчэ-Сарае Хаджи-Герай сложил свои кости, сам, как гласит предание, устроив себе могилу в Салачике, на границе между Бахчэ-Сарайской долиной и подъемом на скалу Чуфут-Калэ. Этот факт мог иметь чисто нравственное значение для крымских татар, которые в отношении почитания гробниц знаменитых предков вполне сходятся с своими соплеменниками турками. У этих последних до сих пор чтутся, как священные, те места, где османская орда, в своем движении из Азии, оставляла по пути тех или других своих важных покойников. Так, например, доселе существует курган, носящий название «Турецкой могилы», где, по преданию, схоронен Ала-эд-Дин, брат Эр-Тогуля, отца Османа I. Зогуд почитается

как гробохранилище самого Эр-Тогруля и Османа. Город Бруса очень долгое время был пантеоном членов Османской династии, куда царственные ее покойники были отправляемы даже с европейской территории турецких владений. То же самое было в обычае и у татарских ханов Герайской династии. Один из ближайших преемников Менглы-Герая, Сахыб-Герай, и ханский княжич Шегбаз-Герай, погибшие насильственной смертью в пределах черкесских, были перенесены в Бахчэ-Сарай и погребены возле своих предков⁷⁰¹. Менглы-Герай усердно просил кого следовало прислать ему в Крым *кость* брата его Нур-Дуалета, умершего в России⁷⁰². Менглы-Герай почтил память отца своего сооружением мечети и медресэ, этого неизбежного спутника всякого мусульманского молитвенного дома, как об этом свидетельствуют надписи, оставшиеся на этих зданиях⁷⁰³. Надпись на мечети сохранилась не вся, и в ней возле имени Менглы-Герай читается еще арабское слово. Последнее дало г. Кондараки повод признать эту надпись будто бы «свидетельствующую о *посещении* ее (мечети) этим ханом и о сооружении ее в 1500 г.»⁷⁰⁴.

Но, по духу подобных надписей, здесь слово «посещение» надо относить не к самому строителю богоугодных зданий, а к другим людям, которые из чувства уважения к святости места должны посещать оное. Точное же определение времени построения мечети, сделанное г. Кондараки на основании вышеозначенного отрывка надписи, представляется пока произвольным.

Таким образом, Хаджи-Герай своей личной энергией и опытностью определил и установил путь, которым можно было достигнуть утверждения основанного им нового татарского царства под властью его рода. Победы его над ханом Большой Орды сообщили его подданным и приверженцам, крымцам, уверенность в своих силах отстаивать свою независимость с этой стороны. Его умение ладить с Польшей гарантировало безопасность его владений от этого могучего соседа. Сила же русская отделена была большими пространствами, да пока и не внушала еще особенных опасений. Одно, что должно было составлять неразрешенную задачу в его политике — это отношение его государства к державе Оттоманской, неминуемость столкновения с которой он не мог не понимать и не предвидеть. На этом-то интересном историческом моменте смерть застала престарелого Хаджи-Герая. По несомненным данным, он умер

в 1466 году. Все разноречия по этому вопросу обстоятельно проверены и приведены в согласие г. Вельяминовым-Зерновым⁷⁰⁵, и потому мы не будем опять останавливаться на рассмотрении их⁷⁰⁶.

Предпринятое Хаджи-Гераем дело основания независимого царства не продолжалось его детьми в указанном им направлении: они тотчас же подняли междоусобия из-за власти; политические отношения к соседям также изменились у них сообразно личным интересам каждого из них.

В силу ли установившейся у татар исконной традиции, или в надежде на собственную удачу, преемником умершего Хаджи-Герая во власти явился старший сын его Нур-Даулет. Соперником его выступил младший брат его Менглы-Герай. В их распрю вмешался еще один из братьев, по имени Хайдэр, который, впрочем, более склонен был держать сторону старшего брата против меньшого, Менглы, как это можно заключать из того, что Нур-Даулет и Хайдэр, потеряв всякую надежду добиться чего-либо в Крыму, вместе ушли потом в Москву на службу к великому князю Ивану Васильевичу⁷⁰⁷.

Подробности этих распрей нам не известны. Мы знаем однако же, что в то время как Нур-Даулет, верный политике отца, хотел поддерживать дружественную связь с Польшей и с этой целью отправлял туда посольство⁷⁰⁸. Менглы-Герай, случайно или заведомо, нашел себе опору в местном национальном элементе и отчасти у генуэзских колонистов города Кафы. Польские историки как-то неопределенно повествуют о том, что уже в 1469 году Нур-Даулет был изгнан, а на его место посажен Менглы-Герай при участии и содействии кафинцев. Только Меховский несколько яснее и, по-видимому, основательнее других говорит, что Нур-Даулета изгнали сами перекопские татары и возвели на его место Менглы-Герая; про кафинцев же, согласно с прочими историками, замечает, что они неохотно, oprичь души, участвовали в этом возведении Менглы-Герая, который тогда пользовался их гостеприимством⁷⁰⁹. Но странно, что это было за гостеприимство такое, которое оказывалось Менглы-Гераяу кафинцами, и притом не однажды, а несколько раз, потому что когда он, в свою очередь, вскоре был вытеснен братом своим Хайдэром, то опять должен был искать убежища в Кафе! ⁷¹⁰ Кто же там были его благожелатели и покровители? Скудные источники для истории Крыма в эту эпоху отвечают, что это были генуэзцы. Сестренцевич-Богуш откуда-то добыл

сведение о том, что Менглы-Герай сперва был «пленником у генуэзцев, воспитывался у них в продолжение целых восьми лет и потом был возведен ими на царство, после того как Нур-Даулет и прочие его братья заключены были в Судаке и Манкупе»⁷¹¹. А затем Менглы-Герая приписывается какое-то необыкновенное слепое пристрастие в генуэзцам, даже в ущерб интересам своих кровных единоплеменников, татар, которые вынуждены были, с Хайдэром во главе, обратиться за водворением должного порядка в своей стране к турецкому султану Мухаммеду II⁷¹².

Все в этих известиях как-то трудно вяжется одно с другим — и плен Менглы-Герая у генуэзцев, и воспитание его у них, и неохотное возведение его на ханство генуэзцами, и безграничная признательность его к ним, доводившая татар до ропота. С одной стороны, недовольные татары предлагают султану Мухаммеду принять их в свое подданство, с другой — сам Менглы-Герай обращается к тому же Мухаммеду с просьбой о прекращении беспорядков в Крыму, происходивших от междоусобий претендентов на господство в нем, хотя сам же он был одним из таких претендентов и, следовательно, виновников беспорядков⁷¹³. Нам кажется, что эта неясность отношений Менглы-Герая к кафинцам должна несколько рассеяться, когда мы будем иметь в виду, что в ту пору население Кафы состояло не исключительно из одних генуэзцев, а что там довольно многочислен был и элемент татарский; что даже самое управление Кафы было не исключительно в руках колонистских властей, а велось в сообществе с представителями власти татарской: там не переставали сидеть по-прежнему татарские тудуны, которые на языке Сестренцевича-Богуша титулуются «префектами»⁷¹⁴. Значит, многое в начале политического поприща Менглы-Герая, что историки приписывают генуэзцам, как более известным жителям Кафы, в сущности должно быть относимо к татарским поселенцам этого города и его окрестностей, быт и прошлое которых менее оставили следов в исторических памятниках, чтобы их не заслонили собой для позднейших исследователей европейские колонисты знаменитого города. Этот наш взгляд до известной степени оправдывается и подтверждается обстоятельствами, при которых совершился весьма важный факт в позднейшей истории Таврического полуострова, т.е. подчинение Крымского ханства вассальной зависимости от Османской Порты.

Но насколько важен этот факт в историческом отношении, настолько же, по словам г. Вельяминова-Зернова, «история Крыма за всю эту эпоху запутана»⁷¹⁵, да едва ли и может быть когда-нибудь вполне распутана, прибавим мы.

Весьма естественно, что междоусобные распри сыновей Хаджи-Герая дали возможность начавшей разлагаться и умирать Большой Орде оправиться от тяжкого удара, нанесенного ей отцом их под конец своего царствования. Сетренцевич-Богуш сообщает сведение такого рода, что как только Менглы-Герай утвердился на престоле, то будто бы Магомет (sic), хан Кыпчакский, начал искать союза его против русских, и тот не встретил никакого затруднения заключить таковой, ибо не нашел в этом ничего несогласного с политической системой поляков⁷¹⁶. Вопреки этому темному и сбивчивому известию⁷¹⁷, мы имеем положительные, основанные на документах, сведения о том, что золотоордынский хан Ахмед, подняв голову после смерти Хаджи-Герая, непрестанно враждовал с сыновьями последнего, и с этой целью вступил в союз с польским королем Казимиром⁷¹⁸.

Это недружелюбие Ахмеда к Менглы-Герая, между прочим, не ускользнуло от внимания московских политиков, и они не преминули воспользоваться распрей татарских царей, чтобы войти в соглашение с одним из них, который был подальше и безвреднее, и тем легче справляться с другим, который был ближе и надоедал своими притязаниями и набегами на русские владения.

Почин сношений сделан был со стороны русской. Менглы-Герай охотно откликнулся на вызов. Посредниками же в завязавшихся ссылках и дипломатических сношениях великого князя московского с ханом Крымским были все чистокровные татары, судя по их именам, упоминаемым в пересылочных грамотах: Хаджибаба, да Абдул-Ла, да Эминек, да Мамак, да Довлетек⁷¹⁹. Единственный кафинец не татарского происхождения, игравший роль, не совсем честного впрочем, маклера, устроившего эти дипломатические сношения, был Хозя Кокос — Ходжа Кокос *Жидовин*⁷²⁰. Из других иностранцев, сносившихся с Москвой в дружественных расчетах, были Исайко, князь Манкупский, сватавший свою дочь за Ивана Васильевича III⁷²¹, а позднее жид Захария, князь таманский, ссылавшийся при посредстве армянина Богдана⁷²².

О генуэзцах же собственно, именуемых в русских грамотах просто «кафинцами», только и упоминается по поводу того, что они грабили московских купцов⁷²³, и что московскому правительству не были даже хорошенько известны их отношения с Менглы-Гераем. «Князь велики велел тебе говорить», читаем мы в наказе Старкову, долженствовавшему объясняться с Менглы-Гераем: «а зовешь *Кафу своими людьми*. Ино ведаешь сам, волный человек, что в Кафе моего посла Прокофья пограбили, да колко гостей моих перебили в Кафе, товару и животов на многое тысяч рублей взяли... *И будут твои люди Кафа*, и ты бы им велел то взятое моим людям отдати»⁷²⁴. Никакого другого значения в политических делах и международных отношениях Менглы-Герая даже косвенно не придается генуэзцам в упомянутых грамотах. А между тем и в московских посольских инструкциях в числе влиятельных людей при Менглы-Герее, которых надо было задаривать, значатся «царевы *дворяне*»⁷²⁵. Московскому послу наказывалось, «чтобы *улары и князи со царем* на ярлыке шерть дали; а не захотят улары и князи шерти дати, ино о том говорить двема князем, Именеку да Авдуле, чтобы те два князя шерть дали на том ярлыке великому князю»⁷²⁶. И сам Менглы-Герай в своем ярлыке дает такое обещание великому князю московскому: «А твоее ми земли и тех князей, которые на тебя смотрят, не воевати, *ни моим уланам, ни князем, ни казакам*»⁷²⁷.

Из этого мы смело заключаем, что главную опору Менглы-Герая составляла приверженность в нему известной части татарских беков, имевших в своем распоряжении значительную народную силу, а вовсе не дружба его с генуэзцами, так что даже доверие к его международным договорам скреплялось непременно участием в этих договорах владетельного татарского вельможества, а особливо двух лиц — исторически известного Эминека, да какого-то Абду-л-Лы. Эти беки настолько же распоряжались судьбой Крыма, насколько в наследственные его владыки, дети Хаджи-Герая, ибо другой, тоже памятный истории, бек Мамак вел даже самостоятельную переписку с московским великим князем⁷²⁸. Стало быть, участие кафских колонистов в судьбе Менглы-Герая вовсе не так велико и важно, как это представляется иными историками; и если он не раз укрывался во время неудач от своих политических противников в Кафе и находил там ласковый прием, то не у иноверных только генуэзцев, а скорее, должно быть, у единоверных и единоплеменных

же татарских беков, проживавших в окрестностях Кафы и державших в своих руках администрацию этого города, благодаря своей коренной военной силе, крепко оцепившей и стиснувшей заезжих торгашей, не бывших в состоянии сопротивляться этому напору татарского элемента и отстаивать свою политическую независимость.

Дальнейшим и окончательным подтверждением высказанного взгляда на отношения Менглы-Герая к кафским генуэзцам служат два тарханных ярлыка, данные Менглы-Гераем на имя Ходжа-бия и Махмудека. Первый из них имеет дату 872 = 1467 г., а второй 873 = 1468 г. В одном сказано, что он писан во время нахождения орды в Кырк-ере, а в другом — что он писан, когда орда была в Мераше⁷²⁹. Из этих любопытных данных следует, что Менглы-Герай гораздо раньше 1469 года предъявил свои претензии на господство в Крыму, вскоре же после смерти своего отца Хаджи-Герая, и не обращая внимания на такие же властные притязания старшего брата своего, Нур-Даулета⁷³⁰. Если оба брата одновременно считали себя властителями Крыма, то места написания и выдачи ярлыков Менглы-Герая показывают, что его престиж имел более широкое распространение, был признан даже в самом центральном пункте Крыма, в Кыркоре, а следовательно ему не было нужды ютиться в Кафе или около Кафы, поближе к своим приятелям генуэзцам. На эту обширность распространения власти Менглы-Герая указывают и те широкие полномочия, которые подтверждаются ярлыком за тарханом Махмудеком, и которыми уже пользовался отец его Хызр⁷³¹. Фактическая же действительность власти Менглы-Герая явствует из того, что в противном случае едва ли бы кто стал просить у него грамоты, если бы она не гарантировала прав и привилегий владевшего ей; если бы власть самого дателя грамоты была еще сомнительна и нуждалась в чуждой поддержке.

О силе и значении местного татарского элемента в деле упрочения ханской власти в Крыму и о сомнительном влиянии и роли в этом отношении кафских колонистов можно судить по тому, что не только генуэзцы, а даже и самые турки османские вначале не могли представить полной гарантии властных прав хана, ими самими же водворенного и утвержденного на Крымском полуострове.

По имеющимся данным выходит, что Менглы-Герай не однажды достигал ханской власти. В первый раз он добился ее собственными

усилиями, при содействии местных татарских беков и отчасти, может быть, генуэзцев. Вторично его посадили турки в качестве вассала, ставшего в известные обязательные отношения к стамбульскому повелителю и за это получившего право рассчитывать на деятельную поддержку и покровительство в потребных случаях со стороны своего суверена. Тем не менее однако же Менглы-Герая пришлось выдержать серьезную борьбу с ханом Большой Орды, который не хотел помириться с новой политической комбинацией в Крыме, продолжая считать эту область не более как уделом чингизидской монархии. Только перевес военного счастья Менглы-Герая принудил его золотоордынских противников к признанию совершившегося факта безусловного выделения Крыма в особое самостоятельное ханство, что произошло не ранее 1479 года, когда Менглы-Герай опять утвердился на ханском троне, и в этот раз уже окончательно.

Касательно того, сколько времени Менглы-Герай правил в первое свое ханствование, и какую форму имели его отношения с братом Нур-Даулетом, мы не имеем сколько-нибудь определенных сведений. Знаем только, что в эту смутную пору совершилось вторжение турок в Крым, положившее конец последнему призрачному господству генуэзцев в Крыму. К сожалению, и самые обстоятельства начала деятельного вмешательства турок в политические дела Крымского полуострова крайне запутанно и сбивчиво изображаются в исторических памятниках. К рассмотрению этих-то обстоятельств и обратимся теперь.

Судьба генуэзских колоний в Крыму находилась в тесной связи с судьбою Константинополя: когда последний достался во власть турецкому султану, и тем нечего было помышлять о сохранении своей независимости. С городом Кафой, этим маленьким крымским Константинополем, в общих чертах повторилось то же самое, что мы видим в истории последних времен независимого существования столицы Греко-восточной империи. Недаром, говорят, Кафа одно время носила также название Кючук-Стамбула = «Малого-Стамбула»⁷³². Оба Стамбула, настоящий и малый, сперва были плотно оцеплены азиатско-тюркской воинственной ордой. Представители власти обоих городов всеми средствами старались поддерживать мирные отношения с главарями орд, входя с ними в разные компромиссы — откупаясь денежными даниями,

давая льготы тюркскому населению в городах своих. А иногда, пользуясь распрями за верховную власть нескольких современных претендентов на нее, они давали у себя приют одному из этих соперников, чтобы держать его на всякий случай как пугало для другого, которому удавалось на время взять перевес над своим противником. Когда же все средства к поддержанию самостоятельного существования были истощены, когда варвары окончательно разубедились в неодолимости казавшихся им дотоле неприступными твердынь, и Константинополь, и Кафа сделались добычей алчности азиатских пришельцев и притом почти что одновременно.

В актах Тавро-Лигурийских сохранилось категорическое известие о том, что султан Мухаммед II Фатих, покончив с Константинополем, тотчас же снарядил морскую экспедицию в Черное море для погрома прибрежных генуэзских колоний летом 1454 года. Флотилия в полсотню галер под начальством Демир-кахьи явилась, перед Кафой, сперва как будто без всяких угрожающих замыслов. Но когда, по предварительному соглашению с султаном, Крымский хан Хаджи-Герай тоже подступил к городу с суши во главе 6000 всадников, то консул Кафы принужден был войти в сделку с ханом, обещавши ему ежегодную дань в 600 сомм (около 19 140 итальянских лир), чтобы только он оставил город в покое⁷³³.

В турецких источниках нет никакого даже намека на что-либо подобное вышеописанной экспедиции к крымским берегам. Кятиб-Челеби, написавший специальное сочинение о морских походах турецких, также не упоминает в нем о какой бы то ни было морской кампании, имевшей место в данном году. Вероятно, это была простая рекогносцировочная экскурсия, сделанная турецкой флотилией для упражнения в мореходном деле, в котором турки оказались весьма не блистательны во время осады Константинополя, к великой досаде султана, имевшего такие широкие завоевательные планы. Да и сам консул кафский в своем донесении констатирует факт, что экипаж турецкой флотилии вначале занимался на берегу самым мирным делом — покупкой съестных припасов. Вся опасность, выходит по этому донесению, заключалась в подступе хана, с которым будто бы у султана состоялось соглашение об одновременном нападении на Кафу. Об этом договоре также не имеется никаких сведений у турецких историков. Да и существовал ли, полно, такой

договор в самом деле? Темный намек на какие-то сношения Хаджи-Герая с турецким султаном встречается, правда, мимоходом в истории Крыма неизвестного автора. Отвергая вместе с Сейид-Мухаммед-Ризой факт пленения Менглы-Герая турками во время их нашествия на Крым под начальством Гедюк-Ахмед-паши и утверждая, что турецкий султан послал флот по просьбе самого Менглы-Герая о высылке ему в помощь некоторого количества войска оттоманского и пушек, автор присовокупляет: «С такою же просьбою обращался еще прежде Хаджи-Герай-хан, но по просьбе его ничего не было сделано, потому что, как говорится по-арабски, на всякое дело есть свой час»⁷³⁴.

Таким образом, в вопросе о существовании договора между Хаджи-Гераем и султаном Мухаммедом II для цели совместного утеснения крымских генуэзцев, остается довериться сведениям, идущим от самих кафинцев и сохранившимся в упомянутых архивных документах. Но откуда проводали о заключении означенного договора сидевшие в Кафе генуэзцы? Этот факт сомнителен еще и потому, что он мало согласуется с духом и характером политики султана Мухаммеда II. Он, сколько знаем, не любил заключать ни с кем никаких договоров, а те, которые должен был заключать, сам же первый тотчас и нарушал. При тогдашних смутах, беспрестанно повторявшихся в Крыму, едва ли умный султан мог основывать какие-либо серьезные свои расчеты на союзе какого-то незначительного татарского царька, положение и силы которого не могли быть с точностью ему известны, по отдаленности края и по запутанности происходивших там событий. Да и самому Хаджи-Гераю, как уже мы сказали выше, не представлялось особенной выгоды содействовать водворению в Крыму господства сильных турок, на смену слабых генуэзцев, трепетавших его воинственности и относительного могущества. Дело могло быть просто: Хаджи-Герай, следя за действиями и завоевательными намерениями турок, по свойственной ему хищнической жадности, воспользовался появлением турецкой флотилии, которое сочтено было кафинцами за враждебную против них демонстрацию, чтобы вынудить у них лишнюю денежную контрибуцию.

Ко всему этому нужно присовокупить крайнюю беспорядочность в тогдашнем управлении генуэзских колониальных городов вообще и города Кафы в особенности. Еще раньше, чем было послано генуэз-

скому Банку консульское донесение о союзной военной демонстрации, сделанной турецкой эскадрой и татарским ханом, и о дипломатическом результате этой демонстрации, кафский епископ Яков Кампора отправил собственное послание, в котором он порицал действия колониальных правителей — называл консулов людьми алчными, неспособными и предателями, и особенно нападал на консула Вивальдо за поспешность, с которой он открыл переговоры с ханом, и за готовность, с коей он обязался вносить ежегодную дань в ханскую казну⁷³⁵. Епископа обвиняли в сварливости, и он был заменен другим, который был нрава кроткого, миролюбивого и снисходительного. Однако же и этот кроткий преемник Кампоры повторил жалобы своего предшественника⁷³⁶. В конце концов и сам Банк убедился в беспорядочности колониального управления и упрекает консулов в злоупотреблениях по финансовой части⁷³⁷. Ввиду этого можно думать, что вся история о формальном союзе Хаджи-Герая с турецким султаном, направленном против Кафы и заставившем консульское управление войти в денежную сделку с татарским ханом, могла быть чистой выдумкой бессовестных заправил города Кафы. Эта выдумка должна была служить к оправданию действий их неумелой политики и непростительной трусости, или, что еще хуже, должна была прикрыть их алчные расчеты, основанные на бедственной для города сделке, представившей удобный предлог к вымогательству себе денежных субсидий от Банка. Сам же Банк корит консулов за то, что в былое время одних обыкновенных доходов колониальной казны на все доставало, а теперь правители Кафы истратили все, даже запасные ресурсы, да еще не хотели доставлять в Банк никаких отчетных ведомостей⁷³⁸. Какой же нибудь непосредственный контроль над действиями колониального управления был положительно немыслим, когда прямые сношения Генуи с Кафой сделались до крайности затруднительны, после того как над Босфором стали исключительно владычествовать турки. А насколько бестактно, чтобы не сказать более, пользовались этой бесконтрольностью власти своей лица, державшие в своих руках колониальное управление, это всего нагляднее показывают обстоятельства, вызвавшие вторичное, более энергичное и пагубное для колоний нападение турков османских, несомненность которого свидетельствуется всеми, как европейскими, так и турецкими историческими памятниками.

Напуганные первым посещением турецкой флотилии кафинцы, в предотвращение серьезных нападений турков, поспешили задобрить султана Мухаммеда II обещанием добровольной ежегодной ему дани в размере 3000 венецианских дукатов, отправив для переговоров специальное посольство к султану⁷³⁹. Но у себя дома они продолжали действовать так, что им было несдобровать в скором времени. Подобно тому как в Константинополе, задолго до занятия его турками, проживало много турок, занимавших целые кварталы, так и в Кафе с ее предместьями издавна гнездились во множестве татары. Покойный Брун, толкуя одно темное выражение в уставе Банка св. Георгия 1449 года на «*domo quondam viaisse de Camalia*», расходится во мнении с В.Н. Юргевичем, который понимает тут дом, принадлежавший некоему Викентию де Камалия. Брун же, опираясь на свидетельство Иоанна Мариньолы, видит в этом месте обозначение «мужицкого, рабочего квартала»⁷⁴⁰. Объяснение Бруна более правдоподобно: в самом деле под «*viaisse de Camalia*», очевидно, надо разуместь квартал, населенный татарами, занимавшимися преимущественно тасканием тяжестей при нагрузке и выгрузке кораблей. Если, по словам Мариньолы, под именем «камаллов» (правильнее «хаммалов») разумели в его время евреев и мужиков, а в особенности тех, «которые носили тяжести»⁷⁴¹, то арабско-турецкое название их дает повод предполагать, что мужики эти были главным образом татары. Если коммерческие расчеты или политическая необходимость заставляли кафинцев терпеть в стенах своего города чуждых их интересам иноплеменников, то собственная безопасность обязывала представителей колониальной администрации зорко следить за посторонним элементом и держаться в отношении в нему строгой законности. Им нужно было собирать всевозможные средства к усилению внешней неприступности города, а не расхищать готовые сбережения, не поддерживать ради личной наживы внутренних интриг и не мешаться в партийную рознь среди и так враждебного иногородного населения, которое в критический момент непременно должно было стать на сторону пришлых завоевателей. Смутность положения дел в соседнем татарском юрте требовала от кафинцев большой осмотрительности и честности для их же собственного блага; а у них не оказалось ни того, ни другого.

Султаны турецкие, все более и более налегая на Константинополь, еще со времени султана Баязида I (1389—1412), приставали к греческим императорам с требованием допущения пребывания в Константинополе турецкого кади, который бы ведал тяжёбые дела проживавших там мусульман⁷⁴². В Кафе же, как уже выше было говорено, издавна сидел для той же цели татарский чиновник, который в генуэзских документах именуется «Titanus, seu Vicarius Canlucorum», т.е. тудун, ханский наместник.

Вот из-за одного такого тудуна и вышло у кафинских колонистов крупное столкновение с окрестным татарским населением, повлекшее за собой вмешательство турецкого султана, который воспользовался этим благоприятным случаем, дабы прибрать к своим рукам генуэзские колонии на Крымском полуострове. По рассказам современных этому событию европейцев, дело происходило так. Должность тудуна в Кафе занимал некто Мамай, или, по другим вариантам, Мамак. Это, вероятно, тот самый «князь Мамак», о котором есть упоминание в наказе послу Беклемишеву⁷⁴³. После смерти его на его место назначен был, по обычному взаимному соглашению Крымского хана с кафинским советом из четырех лиц — *Uffizio della campagna* — Эминек-бей. Но вдова прежнего тудуна не переставала с самой смерти мужа хлопотать, путем подкупов, о назначении на эту, вероятно очень доходную, должность сына ее Сертака (по другим вариантам, Сейдака), который не имел неоспоримых на это прав, и против которого было все население татарское, должно быть недовольное еще отцом его. Получившие довольно крупные куши, члены колониального управления, не исключая самого консула Габеллы, принялись работать в пользу сына богатой вдовы: стали убеждать хана Менглы-Герая посадить Сертака, устранив Эминек-бея, которого они обвиняли в каких-то тайных сношениях с турками. Хан, уступив их настояниям, соглашался сместить Эминек-бея, но не тотчас допустить и Сертака, а хотел назначить тудуном некоего Карамурзу⁷⁴⁴. Когда хан с этим намерением прибыл в Кафу, то один из подкупленных советников консула, Оберто Скварчафико, стал грозить Менглы-Герая, что если он не посадит Сертака, то они, власти, выпустят на волю его старших братьев, претендовавших на ханский трон и тогда содержавшихся под стражей сперва в Кафе, а потом в Солдае. Напуганный этой выходкой

генуэзского чиновника, Менглы-Герай, в душе сочувствовавший Эминеку, сменил его в пользу Сертака. Это взволновало всех татар, которые приняли сторону Эминек. Они восстали против самого хана и обратились к султану османскому с предложением взять Кафу и другие генуэзские поселения в свое ведение. Так объясняя причину последовавшего затем нашествия турок одни современники⁷⁴⁵.

С.-Богуш несколько иначе передает это событие. По его словам, Карамурза, которого Менглы-Герай сперва хотел посадить тудуном вместо Эминек, был союзник и протеже старшего брата хана, Хайдэра. Далее Богуш говорит, что когда по проискам Скварчаифико на месте Эминек очутился все-таки не Карамурза, а Шейдак (или Сертак), то Хайдэр пошел ко главе недовольного этим назначением татарского населения, сверг Сертака и восстановил Эминек, да еще блокировал Кафу. Тем не менее Эминек с своей партией предложил султану признание его своим сюзереном и приглашал его завоевать Крым⁷⁴⁶. В этом известии замечается некоторое противоречие: если Эминек был восстановлен в своих правах, то ему нечего было прибегать к покровительству султана; если же он это сделал, то сделал до своего восстановления, и следовательно раньше никем не был восстанавливаем. Да и участие Хайдэра в этой истории тоже не совсем понятно: с какой было стати Менглы-Герая делать тудуном Карамурзу, протеже и клеветы своего брата, с которым он не был в дружественных отношениях; а затем, с какой стати и Хайдэру было волноваться из-за Эминек, которого он будто бы и посадил, вместо того чтобы посадить своего кандидата, Карамурзу?

Наконец есть еще третья редакция истории того же события, и она едва ли не самая малодостоверная. Иосиф Барбаро в своем путешествии рассказывает, что будто бы ханом в Крыму был Эминек-бей; что недовольный им кафский консул просил татарского хана Большой Орды о смене его, для чего и был прислан Менглы-Герай. Тогда Эминек-бей, тщетно искавший примирения с кафинцами и удаления Менглы-Герая, отправил посла к султану с просьбой о помощи и обещанием «в награду за то уступить султану Кафу»⁷⁴⁷.

Тут главнейшая недостоверность заключается в соперничестве Менглы-Герая с Эминек, ибо во всех других преданиях эти два лица являются симпатизирующими друг другу. Другую несообразность

составляет обещание Эминека уступить султану Кафу, которая никогда не была в его владении.

Из сопоставления всех рассмотренных форм предания о нашествии турок на Крым можно вывести такое заключение, что в этом предании слиты воедино два совершенно самостоятельных и независимых один от другого факта — внутренние замешательства и распри претендентов на власть в Крыму да морская экспедиция турок в 1475 году, которые с этого времени стали там твердой ногой. Постараемся доказать это.

Поводов для султана Мухаммеда добраться до генуэзцев в их крымском приюте было много, помимо каких-нибудь искательств татарских ханов и вельмож. Во-первых, султан мог быть зол на генуэзцев за поддержку, оказанную ими Константинополю. Во-вторых, генуэзцы и после падения Константинополя продолжали строить разные козни против султана в виде старания устроить коалицию европейских держав для соединенного крестового похода против турок, чему есть несомненные доказательства⁷⁴⁸. Глава генуэзской республики, герцог миланский, был союзник венецианцев, заклятых врагов султана⁷⁴⁹. Несмотря на все преграды, которые были устроены султаном в проливах, генуэзские военные корабли продолжали прорываться чрез них силой⁷⁵⁰, причем не довольствовались одной оборонительной ролью, а еще сами разбойничали: матросы корабля, на котором ехали в 1455 году новые консулы в Кафу, ограбили турецкое судно, везшее груз свинца и меди, посланный из Трапезунда в дар султану от последнего трапезундского греческого императора Давида Комнена⁷⁵¹. Чтобы положить конец таким неприятным экскурсиям генуэзцев в Черное море, султану ничего не оставалось, как сделать так, чтобы им незачем было плавать туда. Значит, в действительности враждебные не только чувства, но и действия между обеими сторонами не прекращались со времени осады Константинополя. Современные же свидетели турецкого нашествия на Крым, хотя бы даже и очевидцы, вроде Антония да-Гуаско, рассказ которого об этом событии передает Барбаро, едва ли могли знать в точности о всех тогдашних политических комбинациях, а судили о факте на основании одних ближайших и доступных их внешнему наблюдению обстоятельств. Отсюда второстепенный случай распри хана с колониальной администрацией из-за тудуна получил в их рассказах значение первостепенной при-

чины печального приключения с Кафой и другими колониями. В такой же редакции это предание занесено и в позднейшие турецкие летописи. Она для турок тем была лестна, что оправдывала завоевательные поползновения султана Мухаммеда, простертые им даже на владения татар, то есть даже правоверных мусульман по вере. Жадный до захвата чужих земель Мухаммед представляется тут не поработителем своих же единоверцев, а только умиротворителем их и водворителем в их стране порядка, будучи призван ими же самими к такой миссии, принесшей пользу и его собственному государству чрез завладение колонией ненавистных генуэзцев. Подобные религиозные соображения возникали у султанов всякий раз, когда ими замышлялись какие-либо посягательства на независимость стран, населенных мусульманами одного с турками толка: вспомним только кляузную фетву шейху-ль-ислама, разрешавшую поход султана Селима I против египетских мамлюков⁷⁵².

Из документальных данных, в которых сохранилась некоторая память о проникновении турецкого оружия в крымские пределы, до нас дошла оповестительная грамота из канцелярии султана Мухаммеда II, посланная, по тогдашнему международному азиатскому обычаю, с уведомлением о взятии Кафы к какому-то Ахмед-хану. Г. В.-Зернов знал об этой грамоте только со слов Гаммера, и она возбудила в нем некоторые сомнения, которые он высказал в следующем виде. «В июне 1475 года, — говорит он, — Кафа была взята Кедюк-Ахмед-пашою... Власть христиан на берегах Черного моря рушилась. В Крыму уже властвовал тогда, *если верить Гаммеру*, Ахмед-хан: на его имя писаны были Турками извещения о победах, одержанных над Генуэзцами (см. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches. II Band. Pest. 1828, стр. 140—142, где ссылки на принадлежавшее ему рукописное собрание султанских грамот, собранных рейс-эфендием Феридуном)... Не был ли этот Ахмед, которого зовет Гаммер сыном Хаджи-Герая, Ахмед, хан Золотой Орды (Hammer, Gesch. d. Chane der Krim, стр. 42, пр. 1)? То что Гаммер говорит про этого Ахмеда, требует *тщательной проверки*»⁷⁵³.

Так как собрание грамот Феридуна, о котором Гаммер говорит еще как о библиографической редкости, и которое не было доступно г. Вельяминову-Зернову, теперь уже напечатано, то мы можем сделать желаемую им проверку и дать отчет о всем, что содержится в турец-

кой известительной грамоте касательно возбуждаемых г. В.-Зерновым вопросов.

В оглавлении грамоты Ахмед-хан, к которому она адресована, действительно назван Крымским ханом, — в самом же тексте нет однако никакого обозначения местности, где тогда имел свое пребывание и властвовал этот хан. Но заголовок мог быть составлен уже самим собирателем грамот Феридун-беем, жившим в то время, когда о Золотой Орде не было более и помину; когда Крымские ханы признавались единственными носителями власти, унаследованной ими от золотоордынских предков, вследствие чего их без разбора называли и Крымскими ханами и ханами Дешти-Кыпчакскими. Феридун-бей, не справляясь с хронологией, мог на Ахмед-хана перенести позднейший титул Крымского хана. А потому одного заглавия грамоты еще недостаточно, чтобы на основании его считать Ахмед-хана ханом Крымским, самолично властвовавшим в Крыму в рассматриваемую нами эпоху, а не чрез каких-либо других доверенных лиц, или наместников.

Между прочим вступительные слова обращения в грамоте содержат указание на какую-то старинную наследственную любовь и дружбу, существовавшую между «обеими сторонами», т.е. между державой Османской и страной, над которой властвовал Ахмед-хан⁷⁵⁴.

Едва ли подобный привет мог быть обращен к хану Крымскому, самостоятельное значение которого не совсем определилось к тому времени настолько, чтобы отношения султанов и ханов могли быть названы уже старинными, наследственными. Вернее предположить, что тут разумеется хан Золотой Орды Ахмед, которого султан Мухаммед II считал настоящим господином Крыма. В числе грамот султанских предыдущих эпох, правда, не находится таких, которые бы несомненно свидетельствовали о сношениях предков султана Мухаммеда II с золотоордынскими ханами, но это могло быть оттого, что со времени разгромления Тимуром малоазиатских пределов Оттоманской империи султаны главным образом сносились с потомками этого грозного владыки среднеазиатских орд, родственных по языку и вере туркам; прочие же ханы, в том числе и золотоордынские, совершенно ступали пред ними и не обращали внимания османлы до тех пор, пока эти последние сами не

вздумали нагрянуть в Крымскую область, которая номинально числилась уделом Золотой Орды.

Еще в той же грамоте обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Султанское правительство оповещает Ахмед-хана также и о своих успешных действиях по усмирению Кара-Богдана, случившемуся, по-видимому, одновременно с экспедицией против Кафы, или близко к этому событию. «В эти же времена, — читаем в грамоте, — вследствие пакостных дел и постыдных действий Кара-Богдана, который проявил неблагодарность за благодеяние помилования и возжег в недрах души своей огонь мятежа и восстания, мы, с помощью Божией и при путеводительстве счастья, перешед в эту страну, сокрушили и раззорили здания неверия и враждебности; мы стерли с лица той земли грязь товарищничества (т.е. многобожия)» и т.д.⁷⁵⁵.

Один из турецких историков новейшего времени, Хейру-л-Ла-эфенди, также усматривает связь между фактом молдавского похода и крымскими делами, в том смысле, что будто бы Менглы-Герай был посажен султаном вместо Нур-Даулета за то, что последний не оказал своего содействия султану во время этого похода⁷⁵⁶. Но из нашего документа не видно, чтобы со стороны турок хотя бы намекалось на какую-либо ожидавшуюся или впредь ожидаемую помощь со стороны Крымского хана, каковым тут признается Ахмед-хан; а о Нур-Даулете и о Менглы-Герее даже вовсе и не упоминается. Мало того: в заключение говорится, что военные успехи султана, о которых сообщается в грамоте хану, должны впредь обновить старинные дружественные отношения между обеими сторонами, а такое дружелюбие было бы неуместно, если бы Нур-Даулет, как подручный, с точки зрения турецкой, Ахмед-хана раньше позволил себе выказать упомянутую нелюбезность относительно султана. Вот эти достопримечательные слова грамоты: «Вследствие этой великой победы должно проявиться возобновление старинного союза любви, и должна отвориться дверь отправления посольств и грамот, служат средством укрепления оснований благорасположения, дабы признаки любви и искренности день ото дня приумножались и непрерывно один за другим следовали»⁷⁵⁷.

Из всего вышеизложенного можно сделать такой вывод. Вторжение турок в Крым морским путем совершилось по причинам, не имевшим ничего общего с внутренними распрями, происходившими между раз-

ными претендентами на господство в Крымско-татарском улусе, приобретавшем все более и более самостоятельное политическое положение. В момент этого нашествия сами турки признавали настоящим главой Крымского татарского юрта золотоордынского хана. Вмешательство турков во внутреннюю судьбу этого юрта произошло случайно и спустя несколько времени после того, как они завладели генуэзскими колониями в Крыму. Раз утвердившийся с их содействием в качестве самостоятельного хана Менгли-Герай не был потом уже никем свергаем, считаясь вассалом оттоманского султана. Так как последнее наше заключение встречается с некоторыми противоречиями, то приведем подтверждающие его основания.

Посольские сношения великого князя московского с Менгли-Гераем прекращаются в 1475 году. За целые два года в Делах Крымских находится пробел. Значит, Менгли-Герай перестал быть ханом: в Крыму произошло нечто вроде анархии; не с кем было сноситься. Менгли-Герай, посаженный турками на ханский престол, говорят, был вновь свергнут с него ордынским ханом Ахмедом, который уступил Крым некоему Джаныбеку, засевшему в нем с 1477 по 1479 год. Личность этого последнего не поддается определению. Говордз думает, что он был племянник золотоордынского хана Ахмеда⁷⁵⁸. В посольской грамоте Ивана Васильевича от 5 сентября 1477 года он назван просто-напросто *казак*ом, без всякого указания на какие-либо его родственные отношения в которой-нибудь из тогдашних царственных особ татарских: «Коли еси был казаком, и ты во мне также приказывал, коли будет конь твой потен, и мне бы тебе в своей земле опочив дати», должен был сказать Джаныбеку посол, татарин Темеш, от имени Ивана Васильевича⁷⁵⁹. Что он не одно и то же лицо с Эминек-беком, как полагает Гаммер, это очевидно из слов наказа Темешу: «Да быв у царя и речи правивши царю, ино ему ко князем идти к *Именеку* да к Авдуле, да поминов им от великого князя подати»⁷⁶⁰. Путаница отношений и непрочность положения множества ханов так были велики, что Джаныбек, сидя на ханском престоле, уже заблаговременно запасался убежищем на случай, если его прогонят. В том же наказе Ивана Васильевича Темешу велено передать Джаныбеку на аудиенции следующее: «А говорил ми от тебя твой человек Яфар Бердей о том, что по грехом коли придет на тебя истома, и мне бы тебе дати опочив в своей земле»⁷⁶¹.

Истома, которой опасался Джаны-бек, вскоре действительно настала для него. 30 апреля 1479 года великий князь Иван Васильевич отправляет посольство уже снова к Менглы-Гераю, поздравляя его с возвращением на ханство и с пожеланием ему впредь прочно усидеть «на отца своего месте на своем юрте»⁷⁶². А как это произошло, из княжеского наказа не видно: посол просто говорил Менглы-Гераю: «А в ярлыке писал еси, и люди ми твои сказали твое здоровье, что Бог тебя помиловал, на отца твоего месте и на твоём юрте осподарем учинил»⁷⁶³. Есть тут упоминание и о Джаны-беке. «Князь великий велел говорити: писал еси ко мне в своих ярлыцех с своим человеком с Алачем о своем недруге о царе Зене-беке, чтобы мне *своего для дела к собе его взяти*. И яз его к собе взял и истому есми своей земле учинил тебя для, и вперед есми хотел ея у себя држати твоего для дела»⁷⁶⁴. Из этого как будто выходит, что Джаны-бек мог быть тоже какой-то авантюрист из сильных татарских вельмож, каким был в свое время Идику, только не имевший счастья и удачи последнего. Московский великий князь, предлагая ему у себя гостеприимство, в сущности готовил для него ловушку, из благожелательства к Менглы-Гераю, с которым у него раньше установилась дружба, и шансы которого на возвращение к власти не ускользнули, вероятно, от дальновидных московских политиков. Но, прежде чем совершалось его возвращение Менглы-Герая к власти, где же он находился в то время, пока другие занимали ханский престол в Крыму?

Он сидел в плену у турок, попавшись к ним во время взятия Кафы, а по иным сведениям — Манкупа. Подробности этого приключения собраны у Вельяминова-Зернова⁷⁶⁵. Там же находится и рассказ Мухаммед-Ризы о событиях, которыми сопровождалось обращение Менглы-Герая к султану за помощью в борьбе с своими противниками и добровольное признание Менглы-Гераем верховной над собой власти султана⁷⁶⁶. Рассказ этот, заключающий в себе доказанные В.-Зерновым ошибки, сочинен Ризою ради того, чтобы отвергнуть факт пребывания Менглы-Герая в плену у турков и восстановления его на ханство с их же помощью, что он положительно отвергает, как великую нелепость, так говоря с свойственной ему высокопарностью: «Да не будет сокрыто, что написанное некоторыми историками о том, как, в то время когда крепости Кафа и Манкуп были взяты победоносной армией, отправленной с благосветлой

стороны его величества султана Мухаммеда — да сияет могила его! — будто бы Менглы-Герай-хан попал в пленнические узы, а спустя некоторое время будто бы падишах, пожаловав его значком и знаменем и прочими ханскими регалиями, отправил его в ту страну — все это вне скрижали правдивости и вероятия и вне стези истины. Мужам разума и совершенства это будет ясно и очевидно из следующих слов»⁷⁶⁷. Затем идет сочиненный Ризою рассказ, долженствующий подтвердить ложность других историков.

Чувство национальной гордости увлекло и других крымских бытописателей последовать за Сейид-Мухаммед-Ризою. Автор «Краткой Истории» тоже пишет: «А что будто бы Менглы-Герай при завоевании Манкупа попался в плен, а потом его присутствие, султан уж почтил его значком и знаменем, то хотя оно так и написано в некоторых историях, но, судя по самому писанию, ясно, что это лишено основания»⁷⁶⁸. Впрочем, тут же присовокупляется тот факт, что после завоевания Кафы турками Менглы-Герай вместе с пашой (т.е. с Гедюк-Ахмед-пашой) отправился в Стамбул поздравить султана с этой победой, и что там же состоялось утверждение его в ханском достоинстве и признание им своего подчинения султанам Османского дома⁷⁶⁹.

Наконец Халим-Герай совсем даже и не упоминает о плене своего предка, а все приписывает доброй воле Менглы-Герая, который будто бы, посоветовавшись с своими благожелателями, первый обратился к султану Мухаммеду за помощью против своих недругов; а потом сам же предложил султану свое добровольное подданство и был за это осыпан со стороны султана несчетными милостями и почестями⁷⁷⁰.

Но не все местные крымские историки-патриоты так пристрастно относятся к факту плена Менглы-Герая, чтобы или совсем его отрицать, или смягчать, обращая в добровольную поездку его в гости к султану. Так Мухаммед-Герай, повествуя о событиях своего времени, как-то однажды к слову вспоминает о начале подданства Крыма туркам и изображает этот факт в следующем виде. «Выведенные Гедюк-Ахмед-пашой из венецианской крепости (т.е. Кафы) мусульмане, — пишет он, — были отправлены в Стамбул для расправы с ними. В то время Крымский хан, покойный Хаджи-Герай-хан уже умер. Для вступления на владетельный трон никого не было, кроме праведного сына его Бенлы-Герай-султана.

А между тем упомянутый султан тоже каким-то путем находился в плену у франкских гяуров. Тогда крымский народ сообща написал донесение и послал с ним человека в столицу султаната к его присутствию, покойному султану Мухаммед-хану. Они вот что докладывали: “Теперь наш падишах умер. У него осталось одно любезное чадо. Но оно тоже попало в плен в руки к гяурам франкам. Стране же мусульманской быть без государя никак не возможно. А потому мы у вашего счастливого Порога просим и молим, чтобы вы сжалились над нашим печальным положением и назначили одного из ваших царевичей в нашу страну падишахом”. Когда грамота их пришла в августейшему Порогу (т.е. в Порту), то все сообща государственные мужи и правительственные сановники хорошенько посоветовались об этом деле. А между тем привезшие грамоту шатались и глазели по некоторым константинопольским базарам. Только вдруг они видят среди прибывших из Крыма полоняников одного молодого юношу, и как только признали его, так тотчас же упали ему в ноги и подняли крики и вопли. “Вот судьба-то нам! — говорили они, — ведь это наш царевич, великое чадо покойного Хаджи-Герай-хана, Бенлы-Герай-султан! Он сделался полоняником, и теперь спасен”. Дали знать о случившемся султану Мухаммед-хану. Высококостепенный падишах, да и вообще все люди дивились необыкновенной премудрости Господа Бога. А его величество, повелитель изрек такое перлосеющее слово: “Никто не возьмет ничего жребия!” и велел поспешно привести (Менглы-Герая) в свое высочайшее присутствие. После того как его облекли в украшенные по-царски одежды и в роскошный халат, они заключили между собой такой договор: “Мы, мол, не станем, в противность светлomu Закону Божию, улучив благоприятный момент, убивать или изъять один другого. Помогая во всех делах друг другу, будем мстить врагам веры, сквернообычным гяурам, ведя с ними священные брани. Впредь твои чистые потомки (т.е. потомки Менглы-Герая) будут от меня (султана) принимать санкцию своего достоинства, и на хутбе сперва мое имя, а потом уже имя почтеннейшего хана будет поминаться. Эти условия, будучи безотлагательно облечены в форму письменных документов, должны быть с обеих сторон соблюдаемы”. Султан предложил, а хан принял и был удостоен целования руки. Потом с пожалованием, при полной торжественности и почестях, знамени, барабана и

литавров, Бенлы-Герай-султан назначен был ханом в область Крымскую. Договорные грамоты обеих сторон были написаны; а он благополучно и торжественно был отправлен в Крым. Тавов-то вот, как описано, был Бенды-Герай-хан, великий отец блаженного и покойного, известного и знаменитого воителя и мученика Сахыб-Герай-хана. Упомянутый договор с течением времени забылся среди людей; но у почтенных падишахов он известен и признан»⁷⁷¹.

Сколь ни замысловат на первый взгляд приведенный рассказ об окончательном водворении в Крыму Менглы-Герая в качестве единовластного хана, однако же он более всех похож на правду, потому что более согласуется с некоторыми другими данными истории. И Ланглес, на основании восточных источников, тоже говорит, что Менглы-Герай был отвезен в Константинополь, где он оставался в почетном плену до 883 = 1478—9 года⁷⁷². Сестренцевич-Богуш подтверждает тот же факт, ссылаясь на имевшиеся у него данные, только прибавляет, что Менглы-Герай со многими другими султанами был сослан в ссылку⁷⁷³, хотя в то же время все три года был в милости у султана Мухаммеда⁷⁷⁴. Эти сведения, приводимые у означенных писателей, как нельзя более вяжутся с преданием, сообщаемым Мухаммед-Гераем, и с тем, что в Крымских Делах, как мы видели, следы каких-либо сношений с Менглы-Гераем исчезают с 1475 года вплоть до 1479 года — это тоже знаменательный факт. Из турецких историков подробнее всего описывает приключения Менглы-Герая Дженнаби. Рассказ его, целиком приведенный у В.-Зернова в тексте и переводе⁷⁷⁵, в главных чертах тоже сходен с преданием Мухаммед-Герая. Маловероятен тут только один эпизод, несколько отзывающийся романтизмом. Менглы-Герай должен был, говорит Дженнаби, заодно с прочими узниками, захваченными во время разгрома Манкупа, подвергнуться смертной казни. Визирь уже готов был привести в исполнение данное ему предписание, как вдруг (sic!) султан одумался и послал к визирю гонца с приказанием не убивать сына царя татарского. Посланный застал Менглы-Герая творившим последнюю молитву с двумя земными поклонами; около него находился палач и ждал окончания молитвы, чтоб отрубить ему голову. Менглы-Герай был пощажён, всех же остальных казнили. Вслед за тем благоверный султан приблизил Менглы-Герая к себе, осыпал его почестями и милостями и пожаловал ему великолепный двор

невдалеке от своего собственного дворца. Государь не переставал оказывать Менглы-Гераю всякого рода почет и уважение до самой той поры, пока великий эмир Эминек-бей не обратился к высочайшему двору с прошением: «Слышали мы, — говорил он, — что властитель наш находится у вас; умоляем ваше величество прислать его к нам не мешкая, так как за неимением царя все дела наши пришли в расстройство. Пусть весь край будет собственностью султана, а Менглы-хан пусть будет его наместником». Благоверный султан «согласился на просьбу Эминека, пожаловал Менглы-хану царство Дэштьское, даровал ему барабан и знамя и послал его в его землю в сопровождении войска. Когда Менглы-Герай прибыл в Дэшть, Эминек-бей встретил его с дэштьским войском. Хана приняли с восторгом и посадили на престоле в Крыму»⁷⁷⁶.

Прежде всего тут бросается в глаза отсутствие ясных мотивов быстрой и неожиданной перемены в судьбе Менглы-Герая, то приговоренного к плахе, то вдруг возведенного на властительский трон по какому-то капризу одного и того же человека, султана Мухаммеда II. Правда, что азиатские деспоты не особенно дорожили жизнью человеческой; бывали и с Мухаммедом II случаи беспричинного жестокосердного обращения с своими подданными и с военнопленными; но в истории с Менглы-Гераем существовали особые условия, которых нельзя было игнорировать, и которые необходимо должны были послужить к ограничению деспотического произвола султана Мухаммеда, человека предусмотрительного, и хотя решительного, но не взбалмошного. Пред ним в лице Менгли-Герая находился все-таки не простой раб и не заурядный пленяник, а только пленный мусульманин-суннит, и притом еще царевич по происхождению. Наконец, так как большинство историков говорят о том, что султан Мухаммед все время ласково и благосклонно относился к пленному Менглы-Гераю, то становится необъясним такой внезапный поворот к осуждению его на смерть без всякой с его стороны вины, которая бы могла навлечь на него немилость султана. Одним словом, в повествовании об этом факте у Дженнаби заметна какая-то неточность, некоторая недосказанность, коли не просто ошибочное известие.

Но тот же самый Дженнаби в другом месте своей истории вот что повествует про воцарение Менглы-Герая, и опять-таки в связи с экспедицией Гедюк-Ахмед-паши в Крым.

«В 880 = 1475 году великий султан Мухаммед-хан послал визиря своего, вышеупомянутого Гедюк-Ахмед-пашу с большим войском в море Понтское на завоевание области Кафской... Когда упомянутый Гедюк-Ахмед-паша достиг города Кафы, то высадился и осаждал его, пока не одолел и не покорил его. Затем он покорил еще несколько крепостей и замков. Потом он обратил завоевание на крепость Манкуп. Это большая крепость на вершине высокой и труднодоступной горы. Ею завладели греки и утвердились в ней. И пошел упомянутый Ахмед-паша тем трудным путем, пока не утвердился в крепости и не завладел ею. И захватил он несколько христианских князей в крепости и отослал в султанскую Порту. И был между теми князьями Менглы-Герай-хан, отставной владыка Дэштский. Его одолели братья его: отняли у него царство и принудили его запереться в крепости Манкупской. Когда же Менглы-Герай-хан прибыл в Высокую Порту, то могущественный султан, блаженный Баязид (sic!) спустя некоторое время послал его в Дэшть в сопровождении большого войска. Отправился Менглы-Герай-хан и овладел Дэштью, и подчинил ее султану румскому. И это была первая область, которой овладели султаны дома Османова в Дэшти»⁷⁷⁷.

Приведенное место из истории Дженнаби сличено мной во время моего пребывания в Константинополе с кодексом, находящимся в библиотеке Ашира-эфенди под № 608. В нем, на листе 264 verso, находится буквально то же самое, за исключением трех несущественных вариантов. Это место повествования Дженнаби замечательно тем, что там водворение Менглы-Герая в Крым приписывается преемнику султана Мухаммеда II, Баязиду II (1481—1512). Конечно, Дженнаби мог тут просто-напросто обмолвиться; а можно думать, что эта обмолвка была у него сознательная: причина ее заключалась в таком времени совершения описываемого им факта, которое с точностью не могло быть им указано, так как приблизительно приходилось или в конце царствования султана Мухаммеда, или в начале царствования сына его Баязида. Последнее же наше соображение находит себе оправдание в том свидетельстве Дженнаби, по которому отправка Менглы-Герая в Крым состоялась не тотчас после экспедиции Гедюк-Ахмед-паши, а по истечении более или менее продолжительного времени. Оно согласно и с вышеприведенными известиями некоторых историков о трехлетнем пребывании Менглы-Герая в турецком плену.

Но г. В.-Зернов как-то недоверчиво относится к этим известиям, хотя в то же время не доверяет и турецко-татарским историкам, вовсе отвергающим факт взятия Менглы-Герая в плен турками⁷⁷⁸.

Поводом к такому недоверию его послужили главным образом сказания наших летописей про Менглы-Герая в 1475 году. В Воскресенской летописи читаем: «Того же (6983 = 1475) лета Туркове взяша Кафу... Азигирееву орду, Крым и Перекопъ осадиша дань давати, и посадиша у них меншего сына Азигиреева Менлигирея, а два брата его, Азигиреевы же дети, убежаша»⁷⁷⁹. Затем несколько далее в той же летописи говорится: «Того же (6984 = 1476) лета посла царь Ахмат ордынский сына своего с Татары, и взя Крым и всю Азигирееву орду, а сына Азигиреева Менгирея съгна, его же Турки посадиша»⁷⁸⁰. Выходит таким образом, что турки в 1475 году, т.е. во время своего нашествия на Крым, посадили Менглы-Герая на ханство, а в следующем 1476 году он был опять прогнан ханом Большой Орды. Следовательно, ему некогда было сидеть в плену у турок. Но летописное известие, по добросовестным изысканиям самого почтенного ученого, стоит совершенно одиноко. Все, что толкуют турецкие писатели о войне Менглы-Герая с Сейид-Ахмедом, ханом Тахт-Иля, кончившейся покорением Тахт-Иля Менглы-Гераем, уже по этому последнему обстоятельству не может относиться к тому нападению сына Ахмедова на Менглы-Герая, которое по нашим летописям случилось в 1476 году. Зато их повествование так близко сходится с сведениями, сохранившимися в Делах Крымских и в летописях наших о покорении Менглы-Гераем Большой Орды в 1502 году, что невольно, говорит г. В.-Зернов, приходишь к заключению о тождестве описанного в обоих памятниках происшествия⁷⁸¹. Тождество это еще подтверждается сходством рассказа турецких писателей и наших летописцев о плене Муртазы-султана и вторжении брата его, Сейид-Ахмеда в Крым, которое рассказывается в наших летописях под 1485 годом⁷⁸². Сведение о пленении Муртазы находится даже и у Барбаро, и было, по мнению г. В.-Зернова, занесено им в описание своих путешествий «только понаслышке», ибо он еще в 1479 году вернулся на родину, а в 1487 году составлял описание своих путешествий. «Вывод из этого, — говорит г. В.-Зернов, — очевиден: происшествия, описанные турецкими писателями, обнимают период времени от 1484 до 1502 г., и рассказан-

ное ими успешное вторжение Сейид-Ахмеда в Крым не то, о котором паши летописцы говорят под 1476 г., а совершенно другое нападение золотоордынцев»⁷⁸³. Такой вывод его опирается главным образом на то, что турецкие писатели ведут свои повествования «без означения года» и, как «мало знакомые с хронологией, могли слить происшествия нескольких годов в одно целое и придать им такой вид, будто они сменялись одно другим»⁷⁸⁴. С таким соображением можно охотно согласиться, а для большей его прочности присовокупить еще то предположение, что не кроется ли причина ахронизма повествований турецко-татарских писателей в умышленном игнорировании ими факта пребывания в турецком плену Менглы-Герая.

Несмотря на все это, «главный вопрос, — заключает г. В.-Зернов, — остается все-таки неразрешенным»⁷⁸⁵. Он и останется таковым навсегда, если и мы тоже останемся при безусловном доверии к хронологической точности наших летописей в вопросе о крымских событиях 1475 и 1476 годов. Но это доверие как-то невольно кажется незаслуженным, если принять в соображение, что о таком крупном происшествии, как вторжение в Крым турок и произведенные ими там завоевания, в наших летописях сказано чересчур уж кратко, и что вообще история Крыма за всю эту эпоху весьма запутана, по словам самого же г. В.-Зернова⁷⁸⁶. Вышеприведенное замечание его относительно турецких авторов, что они, будучи мало знакомы с хронологией, могли слить вместе происшествие нескольких годов, мы думаем, с одинаковой справедливостью может быть применено и к составителям наших летописей: они, по той же самой причине малого знакомства с хронологией быстро чередовавшихся тогда фактов, также могли слить в одно целое события хоть и близкие друг к другу по времени, но все-таки не одновременные; или же, напротив, могли раздробить и развести по разным годам происшествия, которые в действительности не были отдалены одно от другого большим промежутком времени. Пример первого мы видим в отношении утверждения Менглы-Герая на ханстве с помощью турок в 1475 году, т.е. во времени нашествия их на Крым, а доказательство последнего видим в упоминании под 1476 годом о таком нашествии на Крым золотоордынцев, о котором ничего не знают другие историки. В самом деле, если и Барбаро, нарочито интересовавшийся краем, который он посетил и о

котором собирал сведения, мог говорить только понаслышке, то ведь и летопись составлялась не все же на основании самых достоверных показаний очевидцев, в особенности когда дело шло о событиях, происходивших в чужой земле. За доказательствами не надо далеко ходить. В числе дел по сношению с Крымом есть наказ послу великого князя Ивана Васильева Тимофею Скрыбе, в котором между прочим ему повелевалось держать такую речь к Менглы-Герая: «Князь велики велел тебе говорити: нынеча пак ко мне весть пришла, что Ахмата царя в животе не стало... А нынеча хто будет на том юрте на Ахматове месте царь, и покочует к моей земле, и ты бы пожаловал, на него пошел. А язь челом бью»⁷⁸⁷. Вслед затем читаем вот что: «Память Тимофею. Какими дела будет *изолгалася* та весть, что Ахмата царя в животе нет, а учинится тамо весть, что Ахмат царь покочует к великого князя земле, ино говорить царю, чтобы пожаловал, на Ахмата царя пошел. А будет ся то не изолгало, будет полная весть, что Ахмата царя в животе нет, а будет на Ахматове месте иной царь, а какими дела покочует к великого князя земле, а учинится про то весть Тимофею, ино говорить царю, чтобы пожаловал, на чем слово свое молвил великому князю и ярлык дал, что ему с великим князем быти заодин на всякого недруга»⁷⁸⁸. Тут уже не летописное повествование, а деловой акт, касающийся весьма важных международных отношений, и тем не менее послу предписывается разговаривать с Менглы-Гераем надвое, будет ли полная или неполная весть о смерти золотоордынского хана Ахмеда. Если в таких важных, составлявших интерес дня, сведениях самими современниками событий допускалась возможность неверности, ошибочности их, то почему бы же эта ошибочность не могла вкратце и в летописные сказания, которые основывались не на более солидных и достоверных данных.

Следовательно, разногласие наших летописей с другими источниками касательно первоначального водворения в Крыму Менглы-Герая, в качестве турецкого вассала, и изгнания его золотоордынцами может быть устранено, если мы не будем слишком строго держаться летописной хронологии и решимся считать цифры 1475 и 1476 лет приближительными датами, принимая в соображение важность фактов и при этом чрезмерную краткость летописного сказания о них. Составитель летописи знал, что турки приходили в Крым и учинили там какие-то заво-

евания; что Менглы-Герай был посажен ими на ханство, и он вкратце, мимоходом упоминает об этом, не гонясь за хронологической достоверностью. Вторично, говоря о вторжении золотоордынского хана в Крым и об изгнании оттуда Менглы-Герая, летописец замечает об этом последнем: «его же Турки посадиша», опять-таки имея в виду вообще совершившийся факт, безотносительно к определенному времени: Ахмед согнал того самого Менглы-Герая, которого турки посадили, а когда посадили — это все равно было для летописца. Его гораздо более интересовали различные небесные знамения, наблюдавшиеся в ту пору в его отечестве, которые он тут же преподробно и описывает, нежели война между татарскими ханами, происходившая где-то в отдаленном и мало известном ему Крыме.

Памятники дипломатических сношений Москвы с татарщиной показывают, что в 1477 году эти сношения велись с Крымским ханом Джаны-беком. Незадолго же пред тем, в 1775 году, Менглы-Герай через посла своего Девлетек-мурзу просил великого князя московского взять к себе на службу Джаны-бека, о чем раньше тщетно хлопотал и сам Джаны-бек. Но великий князь Иван Васильевич изъявил потом согласие на принятие его только в угоду приятелю своему Менглы-Гераю⁷⁸⁹. Откуда же и по чьей милости Джаны-бек попал в Крымские ханы в пору временного исчезновения Менглы-Герая, в точности не известно.

Можно, впрочем, предполагать, что Джаны-бек был из числа тех ханских царевичей, которые вели жизнь бесприютных скитальцев, властительское положение которых было делом чистой случайности, не опираясь ни на доблестные качества, ни на влияние и популярность среди местного татарского населения. На это указывает между прочим эпитет «казака», которым наделяет Джаны-бека великий князь Иван Васильевич в конфиденциальном поручении посланцу Темешу, велев сказать ему: «Ино язъ и первие того твоего добра сматривал, коли еси был *казаком*»⁷⁹⁰. Он-то, вероятно, и сидел в заточении в Суданской крепости в первое ханствование Менглы-Герая, с другим братом его, Нур-Даулетом. Последний некоторое время вторично числился ханом Крымским в 1778 году, ибо, по сказаниям польских историков, от него в этом году приходило в Польшу посольство одновременно с послом турецкого султана Мухаммеда к королю Казимиру⁷⁹¹. Мало того: даже

имеются монеты с именем Нур-Даулета, только неразборчивая дата на них, принимаемая Френом за 878 = 1473—4 г., не совсем-то согласуется с вышеприведенными известиями о времени его ханствования⁷⁹² и, следовательно, подлежит сильному сомнению.

В конце концов и другие соперники Менглы-Герая, оба брата его — Нур-Даулет и Хайдэр, бежавшие около 1478 же года в Литву, также обрели свой опочив в Москве⁷⁹³. Г. В.-Зернов говорит, что будто бы «с 1487 года о Нур-Даулете нигде не упоминается»⁷⁹⁴; что «Нур-Даулет умер, кажется, около 1491 года, и что сведений об его смерти не имеется никаких»⁷⁹⁵. Теперь нам с точностью известно, что в посольских наказах и грамотах встречается целый ряд упоминаний о Нур-Даулете: еще в 1498 году Менглы-Герай в ярлыке своем к в. кн. Ивану пишет: «Царю брату моему большому, Нурдовлату царю, поминоку и поклон послал есми»⁷⁹⁶; но в сентябре 1503 года в наказе боярину Ошерину велено было сказать Менглы-Герая, в случае если бы он стал справляться о племяннике своем Сатылгане, сыне Нур-Даулета: «А *брата*, господине, *твоего не стало*, и язь, господине, слышал, что князь великий хочет его (т.е. Саталгана) жаловати, дати ему то место, где отец его был»⁷⁹⁷. Дальнейшим подтверждением факта смерти Нур-Даулета служит то, что Менглы-Герай просит прислать ему из России «Нурдоулата царя брата старшого *кость*»⁷⁹⁸, на что великий князь московский изъявил согласие, извещая в грамоте своей: «Да и царица брата твоего жена царева Нурдоулетова Юмадыкова дочь, да и с костью брата твоего с Нурдоулатовою в Путивле будут»⁷⁹⁹.

Насчет же царевича Хайдэра еще в октябре 1487 года в. кн. Иван Васильевич наказал послу своему передать Менглы-Герая, что «король (угорский) хочет послати выкрадывати его» из русской земли⁸⁰⁰. Блудя интересы друга своего Менглы-Герая, в. князь Иван держал Хайдэра, по его выражению, «в крепости»; а для большей, вероятно, надежности при первом удобном случае сослал его в заточение в Вологду⁸⁰¹. Г. В.-Зернов говорит, что Хайдэр был *за что-то сослан*, но тут же приводит рассказ о кровавой саморасправе Хайдэра с одним своим татаринном, убившим его сына Бир-Даулета. Чего же проще было воспользоваться этой кровопролитной историей как предлогом к заточению почетного пленника в Вологду?

Джаны-бек же так и пропадает без вести после своего удаления в Россию: о нем не встречается никаких упоминаний в исторических памятниках.

Но все вышеописанные домашние счета Менглы-Герая с своими обездоленными братьями и сношения по поводу их с московским государством происходили уже тогда, когда Менглы-Герай чувствовал под собой твердую почву после вторичного и окончательного восстановления его в ханском достоинстве с помощью и содействием Оттоманской Порты. Какими глазами она смотрела на то, что исходило в татарских владениях Крыма до этого времени, мы хорошенько не знаем. Официальная известительная грамота к хану Большой Орды указывает, по-видимому, на то, что оттоманское правительство все еще продолжало считать Крым в числе областей Золотой Орды. Известие польских историков, что посол султана Мухаммеда II к Казимиру «привел с собой посольство татарского принципала Нур-Даулета»⁸⁰², свидетельствует, напротив, о том, что турки тогда начали входить в непосредственные сношения с представителями татарской власти в Крыму, помимо хана Большой Орды. Но грамота писана была в 1475 году, а посольство отправлялось в Польшу в 1478 году: за три года легко могла произойти перемена в политике Порты, ближе присмотревшейся к внутреннему строю Крымского полуострова и слабой связи его с татарским центральным узлом, видимо утравившим всякое господствующее значение.

Последний из золотоордынских ханов, претендовавший еще на подвластность ему Крыма, однако же не вдруг отказался от этой своей претензии. На любезное извещение о взятии Кафы турками, полученное из канцелярии султана Мухаммеда II, хан Сейид-Ахмед отвечал таким же любезным посланием. Но это еще не значило, что ему очень было приятно утверждение турецкого престижа на крымской территории, правители которой до сих пор считались не более как подручниками общетатарского владыки, хана Большой Орды. Не дерзая на первых порах открыто протестовать против вторжения в Крым турок, ограничившихся пока только занятием генуэзских колоний, и, вероятно, питая еще надежду удержать свою гегемонию над татарским населением Крыма, Сейид-Ахмед не вытерпел, когда турецкий султан простер свои притязания далее, вознамерившись восстановить Менглы-Герая в звании

Крымского хана, который хотя впредь должен был стать в известную зависимость от Стамбула, но зато считать себя свободным от всяких обязательных отношений в Тахт-Илю. И вот когда Менглы-Герай явился в новом чине султанского вассала, Сейид-Ахмед пошел против него войной, о времени которой столько существует спорных предположений, изложенных вами выше. Но, действуя осторожно, он, для разведки об истинном положении дел, выслал вперед брата своего Муртазу к турецкому посаженцу Менглы-Гераю, который хотел задержать шпиона и препроводил его в Кафу. В критический же момент Сейид-Ахмед, ободренный поражением Менглы-Герая, решился было попытать счастья и против самих покровителей своего соперника, турок: взял вероломным образом Солхат и осадил Кафу, местопребывание турецкого генерал-губернатора Касим-паши. Сейид-Ахмед сперва отправил к паше посла с предложением добровольной сдачи города. Хитрый паша сделал вид, что соглашается на такое предложение, и задержал посла на ночь. Наутро он расположился с ним в киоске, откуда виднелось море, рассматривать подарки, будто бы приготовленные им для Сейид-Ахмеда. В это время, по заранее состоявшемуся уговору, поспешно входит чауш, посланный будто бы от султана Баязюда, заявить паше о том, что султан страшно разгневан на Сейид-Ахмеда за его враждебность к Крымскому хану и разгром Солхата, и сделал распоряжение о примерном наказании дерзкого хана, отправив многочисленные корабли с множеством войска. Не успел мнимый султанский гонец договорить заученной им речи, как в самом деле на море показалась целая турецкая эскадра. С бортов кораблей сделан был салют пушечным залпом. С крепости отвечали тем же. Тогда паша обращается к татарскому послу, оглушенному неслышанным им дотоле пушечным громом, с такими словами: «Поди и скажи своему хану, что слуга падишаха не может стать слугой кому-либо другому, и пусть-ка он приготовится к битве». Устрашенный посол вернулся и пересказал все виденное и слышанное им Сейид-Ахмеду, до ушей которого также доносился грохот орудий. Тогда Сейид-хан и все его полчище устремились в бегство. Этого было достаточно для того, чтобы в положении соперников произошла совершенная перемена: сторонники Сейид-Ахмеда, Эдигеевские ногаи, тотчас же потеряли веру в своего хана и трусили; а сидевший дотоле в Кыркоре Менглы-Герай, узнав о

бегстве Сейид-Ахмеда, вышел из своего убежища, собрал военные силы и пустился преследовать Ахмеда. Как всегда водилось в степных ордах, на потерявшего престиж Сейид-Ахмеда тотчас же восстали его собственные братья, думая обратить его несчастье в свою пользу. А кончилось тем, что этой сумятицей воспользовались одни только крымцы. Предводимые Менглы-Гераем и его сыном Мухаммед-Гераем, они добрались до самого Тахт-Иля и разгромили его. Сейид-Ахмед погиб во время одной свалки. Множество жителей его владений было угнано победителями в Крым. Благодаря этому, «в силу изречения *Бедствия одного народа служат во благо другому*, силы и войско Менглы-Герая увеличились, и он сделался самостоятельным ханом». Такими словами сочинитель «Краткой Истории» заключает свое повествование об окончательном утверждении Менглы-Герая на Крымском ханстве⁸⁰³.

«Разбитая Менглы-Гераем Орда уже более не восставала, и самое имя ее исчезло», говорит г. Веняминов-Зернов⁸⁰⁴. Сколько сыновья Ахмедовы ни затевали предприятий с целью возвратить отцовскому юрту прежнее его значение, но все было тщетно. Менглы-Герай, как это видно из Дел Крымских, серьезнее занят был своими отношениями к Литве и Польше, чем к остаткам Золотой Орды, доживавшей свои последние дни. Мы, кажется, не ошибемся, если примем, что две грамоты Менглы-Герая, одна к великому князю Ив. Васильевичу, а другая «в Казань к Махмет-Аминю царю», обе от начала 1491 года, разумеют вышеописанные происшествия столкновения Менглы-Герая с Сейид-Ахмедом и Шейх-Ахмедом и поражение их при помощи султана Баязида. В первой Менглы-Герай писал великому князю московскому: «И нынеча нам недруг и тебе недруг стоит Ахматовы царевы дети. На Бога надеяся, сеи зимы у недруга ноги подрезав, кони есмя взяли у него без останка; нынеча как бы им отойти, ино силы нет, велми нынеча охудели, рать их королев сын побил. Султан Баязыт сее ж зимы тысячу своих холопов янычар ратью в десяти судех прислал, а твой человек Грибец то видел»⁸⁰⁵. Другая же грамота, писанная месяцем раньше, намекает на предшествовавшие столкновению притворно-миролюбивые сношения Менглы-Герая с своими недругами при посредстве султана. «С Намаганским юртом, — пишет он, — султан Баязыт, меж их вступився, в суседстве жили бы есте, молвил. И мы пак старую недружбу с сердца сложивши, на добре есмя

стояли. И вето веремья от султана, Бакшеем князя зовут, посолством приехал Седихмат, Ших-Ахмат цари, Мангыт Азика князь в головах, от всех карачев и от добрых людей человек приехал, и шерть и правду учили; и мы, роте их поверив, улусы свои на пашни и на жито распустили. А послы их у нас были пред Крымом месяца сентября во второй день, Сидяхмет, Шиг-Ахмат и Азика в головах, и сколько есь Намаганова юрта пришед, доны ваши потоптали, слава Богу самих нас Бог помиловал... а из недругов силу есмя выняли»⁸⁰⁶. Если это только один лишь эпизод из продолжительной борьбы Менглы-Герая с Сейид-Ахмедом и братом его Шейх-Ахмедом, то, по всем признакам, тот именно, который описан крымскими историками и приведен нами выше.

Позднейшие, главным образом европейские, историки, повествуя об окончательном восстановлении и утверждении Менглы-Герая в достоинстве Крымского хана, приводят целый договор его с султаном Мухаммедом II Фатихом, определявший впредь взаимные отношения ханства к Османской Порте. Вот эти условия:

1) Султан никогда не должен возводить на ханство никого, кроме царевичей из рода Чингис-ханова.

2) Порта никогда ни под каким предлогом не может подвергать смертной казни никого из фамилии Гераев.

3) Владения хана и другие местопребывания членов дома Гераев должны быть признаваемы неприкосновенными убежищами для всех, кто бы ни находил в них себе приюта.

4) На общественной по пятницам молитве, хутбе, после имени султана должно быть поминаемо имя хана.

5) Ни на какую письменную просьбу хана не должно быть отказа со стороны Порты.

6) Хан во время похода имеет пятибунчужный штандарт.

7) Во всякую кампанию хан должен получать от Порты сто двадцать кисетов золота на содержание своей лейб-гвардии и восемьдесят кисетов на своих мурз и капы-кулу⁸⁰⁷.

Маловероятность существования подобного договора явствует прежде всего из тех обстоятельств, при которых будто бы состоялось его заключение: рассказывают, что Менглы-Герай уже читал последнюю молитву перед казнью, как вдруг пришло помилование от султана, а

потом последовало чествование и назначение его ханом в Крым на условиях вышеприведенного договора⁸⁰⁸. Всякий договор предполагает известное равенство заключающих его, а тут мы видим с одной стороны абсолютного деспота, с другой креатуру, жизнь и смерть которого были в руках первого. Во-вторых, факт заключения договора с Крымским ханом как-то мало согласуется с общим образом действий султана Мухаммеда Фатиха в подобных случаях: он не любил входить ни с кем в обязательные отношения и отличался необыкновенной вероломностью, как это известно из его поступков с галатскими колонистами, с греческими патриархами и с гарнизонами многих сдававшихся на капитуляцию крепостей. В-третьих, вышеприведенный договор в этой своей форме впервые был опубликован Пейсонелем в конце прошлого столетия и потом уже с его легкой руки повторяется всеми историками. Ориенталисты Казимирский и Жобер, по-видимому, приписывают первоначальное открытие договора Ланглесу⁸⁰⁹. Но что г. Ланглес следовал в данном случае какому-либо из восточных источников, бывших в его распоряжении, на это нет пока несомненных доказательств; хронологические же соображения дают право предполагать, что он извлек вышеупомянутый договор из соч. Пейсонеля «*Traite sur le commerce de la Mer Noire*», которое явилось в свет раньше сочинения Ланглеса, и на которое Ланглес неоднократно делает ссылки.

В своих замечаниях касательно отношений Крымских ханов к турецким султанам Пейсонель между прочим опровергает существовавшее и распространенное в его время мнение о праве наследования престола Крымскими ханами от султанов османских в случае прекращения мужского поколения в династии Османской. Пейсонель говорит, что он справлялся и у ханских министров, и у татарских историков, и у других сведущих людей, но не нашел ничего подобного вышеприведенному предрассудку, повторенному, кстати сказать, и нашим почтенным историком Соловьевым⁸¹⁰. В то же время Пейсонель высказывает уверенность, что в случае прекращения султанской династии турки непременно выбрали бы в султаны кого-нибудь из татарских царевичей, и пытается объяснить происхождение странного поверья одним случаем с Хаджи-Селим-Гераем, которого взбунтовавшиеся во время одной кампании янычаре будто бы хотели возвести на трон султанский⁸¹¹. Но в первом

своем предположении Пейсонель ошибается, потому что не имел надлежащего понятия о том почти презрительном взгляде турок на своих братьев по крови и религии — татар, в котором он мог бы убедиться, заглянув в любое историческое сочинение турецких писателей; а второй факт не находит себе подтверждения ни у одного турецкого историка; Пейсонель же, приводя его, не указывает источника, откуда он его заимствовал. Между прочим он высказывает такое еще мнение: «Я не знаю, впрочем, — говорит он, — существует ли в архивах Оттоманской империи какой-либо особенный договор, забытый или игнорируемый даже татарскими принцами, который бы давал место этой претензии (т.е. претензии татарских царевичей на османский трон); но было бы странно, чтобы министры двора, которые сообщили мне в подробности все те условия, на каких ханы подчинились Порте, не имели никаких сведений о такой существенной статье»⁸¹². Теперь, когда уже приведено в известность столько важных исторических памятников турецкой и крымской истории, можно утвердительно отвечать на предположение Пейсонеля, что не существовало не только этой любопытной статьи, но и самого договора: ни в сборниках официальных грамот *Мунишиати Салатин* Феридун-бея, ни у новейшего историка Джевдета, рывшегося в архивах и издавшего в свет некоторые любопытные архивные документы, нет и следов такого документа. Положим, что турецкие историки могли бы почему-нибудь скрыть его. Но даже крымские историки, да еще принадлежащие к фамилии Гераев, и те не приводят категорических доказательств его существования. Один Мухаммед-Герай говорит об этом, и то как будто повторяя темный слух, что был заключен письменный трактат между Мухаммедом Фатихом и Менглы-Гераем; но приводимые им условия этого трактата выражены в слишком общих чертах, сходных с теми напутственными речами, с которыми султаны обыкновенно обращались к новонареченным ханам при церемонии облечения их в ханские регалии. «После того как его (Менглы-Герая) облекли в пышные царские одежды, — читаем у Мухаммед-Герая, — они заключили между собою договор. Султан сказал: “Не станем мы, в противность чистому закону, при всяком удобном случае воевать друг с другом и наносить друг другу вред, а будем во всех делах оказывать взаимную помощь и, ведя брань с врагами веры, сквернообычными гяурами, будем мстить им. Впредь

пусть род твой присягает мне, и на хутбе сперва пусть поминается мое имя, а потом имя того, кто будет ханом. Эти условия не должны выходить из рамок письменных договоров и должны быть соблюдаемы с обеих сторон". Хан тоже согласился на это и, удостоившись чести поцеловать руку (султана), получил знамя, барабан и литавры, и таким образом Бенглы-Герай-султан был назначен ханом в область Крымскую. Договоры обеих сторон были написаны, и он (Менглы-Герай) благополучно и с почестями отправился в пределы Крыма⁸¹³. Вслед затем однако же историк оговаривается, что «упомянутый договор с течением времени забыт народом, но известен у высокопочтенных падишахов»⁸¹⁴.

Из доступных нам турецких источников вышеозначенный договор встречается еще в одном кратком биографическом реестре Крымских ханов, переведенном на французский язык г. Казимирским сообща с г. Жобером под заглавием «*Precis de l'histoire des khans dela Crimée etc.*»⁸¹⁵. Рукописный экземпляр этого очерка, без заглавия и без даты, имеется в библиотеке Учеб. Отд. МИД. под № 368 и представляет тонкую тетрадку в 17 листов in-4, исписанную почерком настальгик по 21 строке на странице. Очерк этот вовсе не есть извлечение из «Семи планет» Мухаммед-Ризы, как то думает г. Жобер⁸¹⁶, а нехитрая компиляция какого-то позднейшего автора, ибо он заканчивается заметкой о Шагин-Герее, что «он, ставши ханом в 1161—1777 году, по прошествии семи лет сказал: “я отрешаюсь добровольно” — и отправился в Таманскую сторону»⁸¹⁷. Но в этой турецкой брошюрке текст означенного договора имеет не ту редакцию, в какой он является у европейских писателей: он состоит всего из четырех пунктов, из коих три первые скорее напоминают своим составом условия, приводимые Мухаммед-Гереем, нежели Пейсонелем, а четвертый имеет совершенно особую форму; пункты эти следующие.

1) Никто из нас не должен творить убийства, если бы даже, в противность закону, и выступил один против другого.

2) Оказывая во всех делах друг другу помощь, мы будем мстить врагам нашим.

3) Имеющие быть после тебя (т.е. Менглы-Герая) ханы будут присягать мне и тем, кто будет после меня; отрешение и назначение (ханов) пусть принадлежит падишаху османскому.

4) Назначение кадиев для народа, находящегося в Кафе, Манкупе и в их окрестностях, ровно как и взимание десятины тоже принадлежит османцам: Крымские же ханы не должны в это вмешиваться; падишах же османский не касается права хана чеканить свою монету⁸¹⁸.

Такое разногласие источников относительно состава и формы договора между султаном Мухаммедом II и ханом Менглы-Гераем еще более утверждает в нас убеждение, что предание об этом договоре принадлежит к области вымыслов, место и время происхождения которых обыкновенно трудно бывает выследить и указать с точностью. Простая инструкция, которая, вернее, была дана султаном Мухаммедом II Менглы-Гераю, как его подручному, и постоянно повторялась в стереотипной форме впоследствии всякий раз при назначении и отправлении в Крым каждого нового хана, превращена, должно быть, национальной гордостью потомков Менглы-Герая, в какой-то небывалый договор, имеющий вид международного трактата. Но добросовестные бытописатели даже татарского происхождения, как Мухаммед-Герай, и те, мы видели, принуждены сознаться в несуществовании подобного договора, хотя это сознание облекается у них в такую несколько деликатную форму — что, мол, этот договор со временем пришел в забвение у народа, хотя и известен самим падишахам.

Но в том-то и дело, что договор этот, кажется, не был известен и падишахам, или он также постепенно забыт и ими. Первый пункт договора скорее похож на любезное увещание или совет одного государя другому, находящемуся с ним в дружественных отношениях: в нем не содержится никакого категорически выраженного обязательства со стороны хана к султану⁸¹⁹. Что же касается до порядка поминания имен султана и хана на хутбе, то вышеприведенному условию противоречит сообщаемый крымскими историками факт, что первенство имени султана на хутбе добровольно установлено только Ислам-Гераем II (1584—1588) вследствие его раболепства и легкомысленной трусости. Затем в некоторых дошедших до нас султанских бератах (грамотах), которыми вновь санкционировалось назначение в ханы или только подтверждалось признание известного лица в его ханском достоинстве новым турецким султаном, не встречается ни одной ссылки на какой-либо прежний договор или какой-нибудь иной акт официального значения, как на основание

прав султана в деле назначения или отрешения Крымских ханов: такими основаниями выставляются или личное расположение и доверие султана к верности и преданности хана интересам Высокой Порты или же благоволение и признательность первого за доказанную ревность и услуги последнего, как это, например, видим в берате на имя хана Джаныбек-Герая II, данном в конце рамазана 1037 года = в мае 1628 г.⁸²⁰, или в султанском приказе крымским вельможам, изданном по случаю утверждения того же Джаныбек-Герая в ханском достоинстве⁸²¹, и в другом подобном же высочайшем повелении⁸²².

Довольно убедительным доказательством несуществования этого договора могут служить еще неоднократные противные духу и смыслу статей договора поступки турецких султанов относительно Крымских ханов, до предания смерти одного из них, именно Инайет-Герая I, казненного по повелению султана Мюрада IV⁸²³, включительно, никогда однако же не опротестованные никем, даже историками, которым тут представлялся самый удобный случай напомнить об акте государственной важности, если бы таковой существовал когда-нибудь в действительности.

Немаловажным аргументом против существования какого-либо договорного акта между турецким султаном и Крымским ханом, по нашему мнению, является также умолчание об этом акте в сочинениях османских писателей, специально трактовавших о взаимных отношениях между обоими властителями. Особенного внимания заслуживают два таких сочинения.

Одно из них неизвестного автора, по всем признакам — какого-нибудь визиря, представленное в 1050 = 1640 году султану Ибрагиму I (1640—1648)⁸²⁴. В статье десятой этого сочинения между прочим речь идет и о татар-ханах, т.е. о ханах Крымских. Автор начинает издалека: говорит о происхождении татар, о Тимуре, которого он как будто бы считает ближайшим предком Крымских ханов; потом делает характеристику самых ханов и в заключение дает султану наставление о том, как ему следует держать себя с татарскими ханами и царевичами на аудиенциях. Вот что говорится в этой статье. «Всевышний Господь да сохранит благородную особу всещедрого и благополучного моего падишаха от заблуждений и да соделает его твердым на султанском троне! Державный государь мой! Тот, кого именуют Тимуром, татарин. За пределами Персии есть татарское племя,

называемое узбеками, из них-то и происходит тот злосчастный хромец, которого зовут Тимуром. Он из потомков Чингиз-хана. Татарские ханы, которые ныне принадлежат к слугам моего государя, тоже из потомков Чингиз-хана. Есть царство, которое зовется Хатай и Хутан. Если теперь бы понадобилось отсюда поехать туда, то только через два года доедешь. Тимур был гяурский падишах⁸²⁵. Одолев падишахов исламских, он отнял у них (их владения). Впоследствии дети его стали мусульманами. Эти ханы⁸²⁶ из того рода. А в татарском народе правды нет; значит, это не такой народ, чтобы из него много вышло доброго. Когда хан умирает, и его место остается вакантным, то ханычи отправляются к вашему Счастливому Порогу, и кто из них первый на благословенном байраме бьет челом перед вашим августейшим стремением, тот и должен быть ханом⁸²⁷. Когда понадобится давать открывшуюся вакансию (хана), то извольте говорить так: “Ты воспитан моими щедротами; я тебе даю ханство и посмотрю, каков-то ты. Ты должен душою и телом стараться под моим августейшим покровительством. Я ожидаю услуг от тебя”. Затем, повелев надеть ему соболью шубу и подпоясать разукрашенную саблю, пожалуйста ему украшенный (драгоценными камнями) сюргуч⁸²⁸ и присовокупите такое предостережение: “Поступай согласно моему удовольствию и берегись моего проклятия⁸²⁹. У меня много благосклонности к тебе, так ты будь правдив”. — Державный государь мой! Без крайней необходимости не следует сменять их⁸³⁰. Пребывалище их есть Крым, пустынная область, соседняя с неверными урусами, московами и ляхами»⁸³¹.

С большими подробностями изображает властительские prerogatives Крымских ханов и их отношения к султанскому правительству Гезар-Фенн, специально занимавшийся архивными исследованиями по части государственного устройства Османской империи и изложивший результаты своих изысканий в своем упомянутом у нас выше⁸³² сочинении под заглавием, в котором находится следующая статья, посвященная исключительно изложению основных пунктов государственного строя Крымского ханства. *«Глава седьмая: изъяснение уставов ханов Крымских, уставов высочайшего похода и уставов правительственных.* Крымские ханы, будучи из рода Чингиз-ханова и из царей мусульманских, господ хутбэ и монеты, подчиняются и повинуются династии Османской. Отрешение, назначение и смена их обычно производятся со

стороны высочайшего султаната. Но в грамотах и в других случаях, ради почтения и уважения их к своему падишаху, им отдают преимущество пред прочими государями. Все ханычи занимают места выше визирей; а на праздниках они первые подходят к целованию руки. Рассказывают, что когда в Валашском походе Гази-Герай-хан прибыл затем, чтобы сопутствовать покойному султану Сулейман-хану, то румилийский бейлер-бей со всеми румилийскими беями отправились в тот день приглашать его. Когда он подъехал к августейшей падишаховой палатке, то его ссадил верховный визирь, взяв его под мышки. Рядом с золоченым табуретом его величества падишаха был поставлен еще другой табурет. К нему обратились⁸³³ с такой речью: “Пожалуйте, хан; садитесь, брат”. Хан же, соблюдая вежливость, не захотел сесть рядом с султаном, а сел, спустив свой табурет несколько ниже. Потом во время Яныкского похода, когда, пройдя через ляхскую страну, (хан) прибыл к верховному визирю Синан-паше, то верховный визирь со всеми бейлербеями и с бесчисленным войском вышел к нему навстречу, он же, сидя на коне, подал руку, чтобы поздороваться. По приезде он остановился в палатке главнокомандующего, несколько времени сидел с ним вместе и даже кушал поданные яства. Но умные люди заметили, что хан как будто остался недоволен поведением главнокомандующего, а особливо нашли неприличным, что он сам председательствовал, а хана посадил по правую сторону, “потому что, — как говорили, — ведь они уже четыреста лет ханы, господа хутбэ и монеты⁸³⁴: ввести (хана) в свою палатку значило унижить (его) до степени бейлер-бея”. Да сколько было разных толков! например: “Следовало бы, — говорили, — в своем конаке разбить другие палатки да и задать царские пирушки”; так что одним из признаков такого поведения его присутствие хан счел то, что, не обращая внимания на него, повели речь с румилийским бейлербеем Хасан-пашою. Когда во времена Ибрагим-паши (хан) прибыл в Уйварскую кампанию⁸³⁵, то всякий раз как он бывало прибудет в то место, где находился Ибрагим-паша, этот возьмет его под мышки и ссадит с лошади; а когда он отправляется, то опять возьмет под мышки и посадит на лошадь. В нашем же веке эти церемонии отложены в сторону. В 1040—1630 году к адмиралу Хасан-паше в Кылбуруне приехал Джаныбек-Герай-хан. При встрече он так низко поклонился, что уж не поцеловал руки, а дошел до поцелования

полы; а когда зашла речь об обращении Ибрагим-паши с Гази-Гераем, то паша сказал: “Этот наш особенный любимец — и до такой степени отстал теперь от почтительности!”»⁸³⁶

Гезар-Фенну, проследившему видоизменения отношений султана и турецких сановников к Крымским ханам в отдельных исторических случаях, насколько эти отношения выражались во внешних формальностях официального этикета, был прямой повод коснуться и документальных фактов, служивших основанием к определению этих отношений. Ему это было тем сподручнее, что он мог извлечь эти факты из тех же архивных источников, из которых он берет сведения касательно других статей внутреннего государственного устройства Оттоманской Порты и излагает их довольно подробно, приводя некоторые данные, по-видимому, в их подлинном виде. Но так как он этого не делает, то, значит, политические прерогативы Крымских ханов и фактическое согласование их правительственной деятельности с видами и задачами султанской Порты определялись обстоятельствами времени; общие же основания, на которых покоились эти взаимные отношения ханства и Порты, держались обычно хранившимся с обеих сторон преданием.

Из того, что есть принципиального в приведенных статьях из «Насихат-намэ» и из сочинения Гезар-Фенна, можно вывести лишь одно — что ханская власть в Крыму представляется только как бы отражением власти турецкого султана, только временным поручением, продолжительность которого зависела от степени благоволения и доверия старшего к своему подручнику, хотя это благоволение и доверие обуславливались ревностным со стороны хана исполнением обязанностей, сопряженных с его властным положением, и верной службой своему патрону. На практике же эти основные принципы применялись и осуществлялись так или иначе сообразно индивидуальным качествам личностей, носивших ханское звание, а также отчасти и по усмотрению представителей и исполнителей власти султанской, с которыми ханам надо было входить в непосредственное отношение. Расшатанность строгих начал единодержавной законности в Оттоманской Порте вследствие усилившихся до крайности безнравственного произвола и интриг временщиков, незримо или даже явно заправлявших во имя того или другого султана, не могли не оказывать своего тлетворного влияния на ход

и положение дел в Крымском ханстве, с некоторыми особенностями, которые были неизбежны по требованию местных условий Крыма и применительно к личному характеру заправлявших его судьбами деятелей. При таких обстоятельствах вся дальнейшая политическая история Крымского ханства со времени утверждения над ним верховенства Оттоманской Порты складывалась и протекала при постоянном действии двух начал — местного, национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности и самобытности, и внешнего, постороннего, турецко-османского, старавшегося с возможно меньшими для себя хлопотами и затруднениями сохранить за собой верховенство над Крымом в чисто политических видах международного свойства.

Эта двойственность основ политического быта Крымского ханства заметна во всем — в территориальных границах, действиях двух властей, в совместном пользовании доходными источниками, в смешанной денежной системе и т.д., так что даже на основании документальных памятников иногда трудно разобраться в этом смешении и с точностью указать в иных отраслях государственного управления, где дело ограничивалось исключительно авторитетом власти ханской, и где этот авторитет опирается еще на другой, высший авторитет власти султанской.

Такая двойственность прежде всего сказывается в таких формальностях, как титул властителей и взаимное обращение их в официальной переписке. Турецкий султан в международных трактатах величает себя, между прочим, «падишахом Дэшти-Кыпчака»⁸³⁷ или, еще определеннее, «падишахом татарских стран — Кафы, Крыма, Дэшти-Кыпчака и Дагестана»⁸³⁸. В тоне же обращения в султанских грамотах к ханам замечается разница, проистекавшая от того, при каких обстоятельствах приходилось Порте сноситься с своим татарским вассалом. Например, султан Селим I Явуз писал Менглы-Гераю, величая этого последнего так: «Его сторона, убежище эмирства, источник правительства, упрочение счастья, стяжание благоденствия, обладатель владений почета и величия, шествователь по стезям славы и успешности, вспомогаемый разными дарами милостей Господа всещедрого». Родственное чувство подсказало ему тут присовокупить к имени своего тестя нежное название «батюшки»⁸³⁹. В другой раз к вышеозначенным высокопарным эпитетам прибавлены следующие: «Гордость хаканов Туранских, отличное совер-

шенство дома Ильханского»⁸⁴⁰. Султан Сулейман I, преемник Селима I, извещая Мухаммед-Герая I, сына Менглы-Герая, о своем восшествии на престол, а потом о завоевании Родоса, вставляет в число почтительных обращений такие выражения: «Потомок султанов Крымских, хаканов чингизских»⁸⁴¹. В конце XVI века, когда обнаружилась запутанность во внутренних делах Порты, повлекшая за собой колебание ее престижа и во внешней политике, султанская канцелярия превозносит хана Джаны-бека в таких высокопарных выражениях: «Достохвальный из династии ханской, избранный из фамилии ильханской, нашего Счастливого Порога благожелатель, наглядисще взоров милости Божией»⁸⁴². Верх канцелярской изысканности в титуле ханском представляет грамота, сочиненная Ходжой-эфенди, к Мухаммед-Герая, которого приглашали идти на помощь турецкому главнокомандующему в персидском походе; в ней в числе множества непереводаемых на русский язык вычурных эпитетов встречаются такие ублажения: «Первосвет утра счастья, зрачок глаза благополучия... свет очей надежды факела дома мужей утверждения, блестящая звезда хаканского востока, потомок ханов раежителей, радостный исход правды и милости высокостепенных ханов вселенских»⁸⁴³. Тут напоминалось и об искренней взаимной дружбе между прежними Крымскими ханами и султанами османскими, и о всегдашней готовности последних исполнять всякие желания первых⁸⁴⁴. Это однако же не помешало в скором времени свергнуть только что провознесенного и препрославленного хана за то, что он не «оказывал внутренней привязанности и раболепства его величеству падишаху и не служил с полной искренностью вечной вере и державе, как ни один из его высокоприродных предков»⁸⁴⁵; за то, что он не прилагал никакого подобающего старания и тщания к выполнению ни одного из возложенных на него высочайших поручений и не выказывал никакой охоты снискать высочайшее расположение на подданнический манер прежних ханов»⁸⁴⁶; за то, что он «в деле управления проявил полную небрежность и нерадение и, когда обнаружились на пространстве ханства некоторые худые обстоятельства, он не мог предохранить тех областей от зловерности мятежников и поддержать законы и уставы прежних ханов»⁸⁴⁷.

Ханы, в свою очередь, смиренно называли себя рабами престола его величества владыки века, «покорными слугами»⁸⁴⁸, при случае однако же

напоминали Порте о старинном, освященном временем и традицией *порядке* назначение их. Следовательно, у татар существовало какое-то обычное право, которое могло и должно было ограничивать произвол османских деспотов и их могущественных клевретов, парализовавших своим вмешательством самобытный склад и ход жизни крымского юрта и мешавший образованию в нем правильно организованного государства, население которого могло бы при дальнейших благоприятных исторических обстоятельствах постепенно выйти из прежнего полудикого, варварского состояния и повести жизнь, свойственную прочим культурным народам.

В чем же состоял этот основной закон, или обычай, на который Крымские ханы пробовали было опереться в установлении надлежащих отношений к османскому владыке и к его Высокой Порте? Закон этот, по ясному и неоднократному свидетельству турецко-татарских источников, состоял в том, что «ханство жаловалось с предпочтением годов и возраста»⁸⁴⁹; заключался в строгом соблюдении прав старшинства членов властвовавшей династии, и притом не только в преемстве ханской власти⁸⁵⁰, но и в простом обыденном быту. Татарский историк Мухаммед-Герай по одному случаю говорит на этот счет следующее. «В старинном обычае чингизидов узаконено, что если один ханыч хоть на день, даже на час старше другого, то младший по возрасту оказывает полное почтение и уважение старшему: где бы ни встретился, сподобляется рукоцелования. Этот достохвальный обычай повелся у них исстари и обратился в строгое правило. А в особенности, когда меньшому брату даваемо было назначение, то большой брат должен был удалиться из Крыма»⁸⁵¹. Этот закон, вместе с которыми другими местными татарскими обычаями, не получившими формы письменного кодекса, а соблюдавшимися до поры до времени на практике в виде народного предания, в разных памятниках называется чингизова торэ^{852, 853}. Иногда им присваивается название *старых правил татарских*⁸⁵⁴, *старых обычаев татарских*⁸⁵⁵, *обычаев прежних царей чингизидских*⁸⁵⁶, *старого обычая чингизидского*⁸⁵⁷, и т.п. Гезар-Фенн также, сделав краткий очерк государственного быта крымцев, говорит: «Существующие у них постановления все канонические, которые они на своем языке называют *торэ*, хотя они относительно вероисповедания своего претендуют, что они, мол, хапэфитского толка»⁸⁵⁸. Во всех исчисленных и им подобных слу-

чаях действовавшие у татар обычные порядки называются чингизскими, или просто старинными, в отличие от порядков и правил новых, введенных со времени утверждения в Крыму турецкой гегемонии; притом все они причисляются к категории *канонов*, как остатки внемусульманского быта, в противоположность законопостановлениям мусульманским — *шариату*, на что имеются ясные указания у историков. Они рассказывают про Мюрад-Герая I, что он, перечисляя слабости предшественника своего Селим-Герая I, которого он недолюбливал, между прочим говорил про него, что он «слишком уж подчинялся велениям царей османских и совершенно упразднил торэ *чингизскую*; применяя ко всякому делу *шариат*, он причинил вред Крыму». Затем этот, взбалмошный, по мнению благочестивых историков, хан издал повеление, чтобы опять все дела в татарском войске решались по чингизской торэ, а чтобы книга шариата была вовсе оставлена и забыта, и вместо казы-аскера назначил из крымских вельмож высшим блюстителем правосудия *торэ-баши*, которого недовольные просители будто бы по тысяче раз в день ругали гяуром. Наконец, некий Вани-эфенди усовестил хана: придя в султанском лагере поздравить Мюрад-Герая с прибытием, он кстати пояснил ему, что «вера и брак того скверного человека, который предпочитает чистому шариату установившийся обычай, называющийся в Высокой Державе *канон*ом, а на языке татар *чингизской торэ*, нуждаются в их возобновлении»⁸⁵⁹. По замечанию историков, хан внял разумным внушениям Вани-эфенди — послушался его совета и отменил свое прежнее распоряжение относительно восстановления силы правил старинной торэ и предпочтения ее шариату⁸⁶⁰.

Относительно происхождения слова торэ существуют различные мнения. Катрмер говорит, что слово монгольского происхождения, или, скорее, тюркского, и что его не следует смешивать с подобиозвучным словом, употребляемым арабами для названия пятикнижия Моисеева⁸⁶¹. Равным образом он предостерегает от смешения этого слова с одинаковым по начертанию тюркским же словом которое значит «князь, или глава»⁸⁶². Но в словарях обыкновенно не замечается вышеуказанного различия. В киргизском, например, слово *торэ* значит «султан» и «судебный приговор, решение»⁸⁶³. Ахмед-Вефык объясняет значение слова такими синонимами (см. текст оригинала)⁸⁶⁴. А Вамбери, кроме означенного ото-

жествления, еще допускает тожество слова торэ с турецким *тугра* — названием султанского шифра, который мы видим в начале султанских грамот, на монетах, орденовых знаках и т.п.⁸⁶⁵. Но Ахмед-Вефык турецкое *тугра* — ставит в связь с персидским словом, которое, по его толкованию, значит «сокол с распростертыми крыльями, род большого и сильного сокола, или орла»⁸⁶⁶; у Вуллерса: *Genus avis venaticae*⁸⁶⁷. Но когда именно образовалось слово с изъясненным у Ахмед-Вефыка значением, и точно ли оно имеет или имело когда-нибудь какое-либо соотношение с татарским, на это не имеется несомненных данных в существующих памятниках. В одной грамоте Шагроха, писанной в 818 = 1415 г. к турецкому султану Мухаммеду I (1413—1421), есть выражение: «по правилу торэ османской»⁸⁶⁸, но это не более как стилистический оборот канцелярского свойства и поставлено лишь для соответствия с другой фразой: «по требованию торы ильханской», и притом составитель шагровой грамоты в употреблении терминов сообразовался с официальным словом страны своего государя, а не с османской терминологией, тем более что грамота-то писана по-персидски.

Нужно заметить, впрочем, что слово торэ существует и в манджурском языке в форме *дорд* также с значением «закон, долг, правило, обычай» и т.п.⁸⁶⁹. Наконец синологи не без некоторого основания указывают на китайское *даор* — «дорога, путь, закон», как на первооснову слова *торэ*, получившего особенную популярность у народов тюркских, многое позаимствовавших из Небесной Империи, относящиеся к государственному строю и гражданским порядкам. Наконец нельзя совершенно игнорировать и звуковой близости слова торэ с еврейским названием пятикнижия Моисеева. Было бы рискованно теперь усматривать какую-либо связь или преемственность между двумя законоположениями разных по крови и религии народностей; но усвоение народом чужого термина с новым значением также не представляет ничего диковинного: взяли же турки османские от греков слово *καὶν* и употребляют его в том самом значении, какое имело у татар слово торэ. Подобное заимствование можно подозревать и в рассматриваемом нами случае. К такому подозрению дает повод то, что в тех местах, где властвовали татары, некогда было большое царство хазар, исповедовавших закон Моисея. Последние археологические открытия в Семиреченской обла-

сти свидетельствуют о принадлежности некоторых тюркских племен к христианско-несторианскому исповеданию веры еще до времен Чингиз-хана. Но все это пока может быть отнесено лишь к числу догадок, нуждающихся в других более прочных и положительных данных для того, чтобы стать убедительными в своем правдоподобии.

Каково бы ни было этимологическое образование слова торэ, важно заметить, что оно было именем неписаных обычаев, имевших для татар силу и обязательность закона в делах государственного свойства, как, например, в преемственности власти, и в бытовых отношениях частных лиц, например в судебных тяжбах. Будучи противопоставляема своду писанных мусульманских законов, шариату, старо-тюркская торэ именно уважалась лишь дотоле, пока еще жив и силен был дух татарского населения Крымского ханства, и поневоле все вытеснялась шариатом, от усиленного влияния соприкосновения крымцев со стамбульцами со времени утверждения турецкого верховенства над ханством.

При отсутствии признанного кодекса законов, определявшего правовые отношения в границах владычества династии Гераев, мы можем составить себе понятие об этих отношениях лишь по отрывочным указаниям, которые встречаются на этот счет у турецко-татарских историков и иных писателей, и притом по указаниям, относящимся к разным эпохам. По ним же мы можем иногда судить, как изменялось значение тех основоположений, которые прежде имели силу законов, но по обстоятельствам утратили ее.

Возьмем хоть, например, вышеприведенное исконное правило чингизидской торэ относительно прав старшинства членов царствующей династии в порядке преемства власти и во взаимной между ними иерархической субординации. История ханства представляет целый ряд самых вопиющих нарушений этого правила, проистекавших от разных причин — иногда от деспотического упрямства султанов, нередко от строптивой необузданности самого татарского населения, особенно привилегированной части его, беков и мурз, но чаще всего от взаимного соперничества и происков самих же членов Герайского дома, а также от интриг и козней турецких вельмож, близко стоявших к кормилу правления в Османской Порте. Любопытные рассуждения по этому вопросу находим у турецко-татарского историка Мухаммед-Герая, который

любит время от времени перемежать свое повествование общими философскими размышлениями. А как этот человек сам был природный крымец, да еще из ханской фамилии, и в то же время провел всю свою жизнь в Турции, то его суждения заслуживают полного внимания, так как они основывались у него на знании быта и жизни своего отечественного Крыма и на наблюдениях над тем, что творилось в Османской Державе. Будучи благочестивым мусульманином, Мухамед-Герай одинаково скорбит и о падении Азова под ударом русских, и о покушении венецианцев на Морею, ибо и в том и другом случае гяуры одолевали правоверных. Отсюда его политические рассуждения прежде всего относятся к Османской Порте, а потом уже касаются и Крымского ханства; его патриотизм сперва вообще турецко-мусульманский, а потом уже и специально крымско-татарский.

Рассказав об осаде и сдаче Азова русским и изобразив, как русский царь Петр I отовсюду стянул к себе всех проклятников, хитрых на всякое лиходейство, располагая при этом несметными денежными средствами, Мухаммед-Герай говорит: «Прискорбно нам описывать эти бедственные обстоятельства; но что же делать, коли весь наш век в этом прошел; поневоле надо продолжать писать»⁸⁷⁰. Затем, поведя речь о причинах бед и несчастий, приключившихся Высокой Державе, он находит три причины, состоящие в тесной связи между собою. Одна из них заключается, по его мнению, в ненормальности отношений Порты к Крымским ханам и в проистекающей отсюда ложности положения последних в делах внутреннего управления и в вопросах международной политики.

«Третья причина, — говорит он, — вот такая. Возьмут привезут одного султана из ханских царевичей и с почетом и уважением делают ханом в Крыму. Становящийся ханом султан с тогдашним великим визирем заключают договор, по которому они обязываются употреблять всевозможные старания, чтобы помогать друг другу в войне. Дав это слово, ставший ханом счастливец отправляется в свои крымские владения. Удастся ли, не удастся ли ему достигнуть Крыма, а уж он заботится о походных приготовлениях. Но когда буйные и безрассудные из обитателей Крымского государства захотят двинуться, а хан не изъявит на это своего согласия, то как только он попытается которых-нибудь из них взять в руки и подчинить своей власти, остальные дураки соберутся

на сходку и составят представление, которое и отправят с одним или двумя негодьями к Двери Счастья. Конечный смысл этого представления очень скверный: “Мы, мол, не желаем этого хана”. Напишут также одну, две кляузы. А нежеланный хан, чтобы выслужиться пред домом Османским, требует отборного войска: все хочется дело исполнить в совершенстве; а потому другой вины его не бывает, как только разве когда он скажет, что с какими-нибудь птичниками да рабочими ничего нельзя сделать путного. Сей ничтожный раб⁸⁷¹ несколько раз находился между ними и все видел своими собственными глазами. Дело в том, что в Высоком Пороге эти представления принимают без разбора, не исследуя ни главного, ни частных; а потом сейчас же шлют капыджи-баши с ферманом и отрешают хана в отставку. А того не знают, что ведь ханы тоже из древнего царского рода; что они также тень Божия; что отставка им горше смерти, по изречению: “Ссылка все равно что казнь”; что, по священному закону мухаммедову, царям отставку давать не так легко: надо, чтобы они были нечестивцы. Их вздохи и стоны отмстятся нам. Вот если кто из них поступает против священного закона и творит притеснения или вводит новшества, то мы должны им противодействовать; отрешение же хана по словам каких-нибудь мятежников татарских есть чистое бесславие. Да и визирь, который заключает условие с отставным ханом, также не вечно остается на своем месте. Поступит на его место другой, и тотчас же действует по представлению и словам негодной толпы: невинного падишаха свергают с трона его; не давая ему высказать своего объяснения, попирают честь его наравне с землей и ссылают на остров Родос. Справедливо ли это? Отставленный и не знает, за что с ним так поступают: разве за ревностную службу османам? “Посмотрим, как-то станет действовать посаженный на наше место”, думает отставной хан, сидя и наблюдая в углу уединения. А тут, в Порте, между тем привезут какого-нибудь несчастного и с почетом и помпой делают в Крыму ханом. «Ступай, — говорят ему, отправляя его в свои владения, — и не будь подобен прежнему хану: будь тщателен насчет военной готовности и помогай в первом же походе». Как только он отправится в Крым, то уж дорогой задумывается над поступками человеческими и узнает, какому бедствию подвержен он, да только уже все тщетно. Требовать отборного войска во время похода он боится: если обратится к бекам и мурзам и

скажет сердитым тоном: “Разве я не падишах вам?! Такое-то количество войска должно со мною отправляться в поход!”, так они и вовсе слушать не станут. А коли скажет: “Я насильно возьму, послужу вере и Державе”, то они возненавидят его и обратятся к прежнему хану. Таким образом, делать нечего: становящиеся ханами, по необходимости, забывая свой долг служения дому Османскому, предаются изысканию средств против собственной немочи. Из боязни за собственное благополучие они не решаются поступать вопреки нраву беков и мурз, даже и виду в этом не показывают. Снискиваемые ими деньги и благосостояние отдают им; живя под сенью их охраны и мороча пустые головы татарских народцев, тоже носят ханское звание: да и как иначе возможно быть самостоятельным падишахом? Короче, когда со стороны османлы последует приглашение на войну, хан, кое-как выпрашивая у беков, отряжал скольких-нибудь в роде птичников, т.е. поденьщиков и рабочих. Если тысячи три человек было, то, боясь османлы, доносил, что послано тридцать тысяч человек отборного войска. Да и большинство тех-то вовсе были не татары, а кто домашки, т.е. от рабов родившиеся рабы; кто разбойники, которые, совершив преступление, бежали из владений оттоманских, пришли в Крым и переоделись татарами; кто черкесы, кто русские и молдаване. Среди подобного разнovidного сброда много ли таких, которые видели сражение?! Не найдется и одного из тысячи. Что можно поделаться с таким войском, которое ни на что не способно, кроме бегства с поля битвы и грабительства?! А будь-ка не так, как изъяснено выше — не будь Крымские ханы отрешаемы по представлению их (жителей Крыма), а управляй-ка хан самостоятельно, а будь-ка беки и мурзы взяты в руки?! Можно же было сорок тысяч татарского войска оставлять для охраны Крыма, да сорок тысяч выводить частью из Крыма, частью из Аккермана и Ногая, в продолжение года или двух годов зимовать в окрестностях Белграда и Темешвара, делая набеги на гяурские владения, грабя и сжигая города и деревни их, так что не только немец, но даже так называемый у них папа римский, и тот, как утверждают, с перепуга бросил отечество! Так было во время похода султана Сулеймана I, победителя немцев. Таковы были деяния Селим-Герая...» и т.д.⁸⁷².

Правда, что Мухаммед-Герай несколько страстно говорит об отношениях Порты к Крымским ханам, и в его словах заметно преобладает

склонность быть снисходительным к образу мыслей и действий ханов, сваливая всю тяжесть вины пред историей на одну Порту. Но что обсуждаемое им явление несомненно, это подтверждается свидетельствами турецких историков. У одного из них, особенно сведущего и талантливом, а именно у Наьимы, писателя конца XVII и начала XVIII века, рассказан эпизод из крымской истории, относящейся ко времени царствования султана Мюрада IV (1623—1640), самым очевидным образом рисующий те же самые вещи, о которых Мухаммед-Герай трактует отвлеченно, обобщая частные явления. Тут мы видим характеристику отношения хана к крымцам, к представителю султанской власти к Крыму, кафскому генерал-губернатору, и обращение султана с ханом. Последнее особенно наглядно изображено у него в подробном описании церемонии наречения в ханы, рассказанной историком со слов одного из нареченных, Ислам-Герая, который и является главным героем самого эпизода.

«Когда хан вошел внутрь дворца, — передает Наьима, — его величество падишах бодро восседал, опершись боком на золотошвейный тюфяк на краю бассейна в простой шапочке. Хан поцеловал землю и встал, а его величество падишах, не тронувшись и не переменяв положения, повел такую речь: “Видишь, Ислам! Вот я тебя сделал ханом. Посмотрю, каков ты! Ты должен быть другом моего друга и врагом моего врага”. После этой речи хан опять поцеловал землю и встал. “Всевышний Бог, — отвечал он, — да сохранит от заблуждений особу благополучного моего государя! Если Богу угодно, я не сделаю упущений по службе, только пусть пребудет надо мною благословение моего государя!” — “Благословение мое над тобой. И ты, и твои деды и отцы — вы пользовались хлебом-солью благостыни моих великих отцов и дедов; так ты должен послужить мне правдой. Смотри, будь осторожен: гляди только на меня и не слушай слов никого другого!” — “Правда, — молвил в ответ хан, — мы питомцы милостей и щедрот государя и рабы его”. — “Сколько тебе лет и каково ты садишься на коня?” — опять обратился султан. “Государь, мне всего сорок лет, а садиться на коня я только теперь начинаю. Мне хорошо, государь, под твоей державой”. — “Ну, ступай же; я посмотрю, как-то ты будешь другом моего друга и врагом моего врага”. — Когда султан изволил говорить это, ичъ-огланы держали наготове прекрасную соболью шубу, крытую парчой. Султан дал знак — хан поцеловал ворот-

ник шубы, которую надели на него; дали и украшенную драгоценными камнями саблю, которая тоже была препоясана ему. Поцеловав землю, он вышел вон. Вслед за ним вышел и верховный визирь Мухаммед-паша. Тогда хан, гордясь лаской падишаха и словами его “Гляди только на меня и не внимай словам никого другого”, обратился к верховному визирю и сказал: “Так как вы меня сделали татарским ханом, то впредь подставляйте ухо к тому, что я буду писать. Не осаждайте меня предупредительными письмами, что с таким-то, мол, гяуром не хмуриться, такому-то показывать вид расположения, с таким-то не ладить, такого-то не огорчать, с таким-то так-то поступать; заглазно давая отсюда распоряжения по тамошним делам, не путайте меня, чтобы я знал, как мне надо действовать. У меня немыслима дружба с гяурами. На будущее время у нас с ними посредничать будет сабля. Дружить с ними, желать мира с ними немыслимо”. Говоря так, хан неуместно наговорил много повелительных, горделивых речей (замечает турецкий историк). Что же касается верховного визиря Мухаммед-паши, то он, будучи человек светский, вежливый и обходительный, очень мило ответил: “Пусть только Бог помогает — в ваши дела не стану вмешиваться” и вышел⁸⁷³.

Пройдя вышеописанные, не очень лестные для человеческого самолюбия, мытарства в Порте, ханы, в свою очередь, подражали, как могли, султанам в своем придворном этикете у себя в Крыму. Некоторые сведения о подобных ханских претензиях мы имеем опять-таки от Гезар-Фенна, описывающего прерогативы и иерархические степени главнейших после хана сановников в Крымском ханстве в особой статье под заглавием: *Канон ханских братьев*. «Младший брат ханский, — пишет Гезар-Фенн, — бывает калгою, занимает место наследника, а тот, который моложе калги-султана, бывает нур-эд-дином. У каждого из них есть своя резиденция: калга-султан живет в Ак-мечети, в четырех часах пути от Бакчэ-Сарая, а нур-эд-дин-султан живет близ деревни, именуемой Качи⁸⁷⁴, на один час пути от Бакчэ-Сарая. У каждого есть свой везирь, дефтердарь (бухгалтер) и свой судья. Их распоряжения не отличаются друг от друга. Но только хутбэ и монета принадлежат его величеству хану. Если калга и нур-эд-дин бывают сер-аскерами, то из случающейся добычи получают десятую часть. А когда войско войдет в Крым, хан назначает своего агу собирать “сауга”. *Сауга* на их языке значит “пятая часть”. Каждый из них — самостоятель-

ный господин казни и расправы. На своих приказах, которые называются ярлыками, они выводят тугру и прикладывают миндалевидную печать. Когда принимают пищу, то едят, подобно прочим царям, в одиночку; вот если прибудет какой-нибудь большой человек от Высокого Правительства или кафский муфти, то они вместе за стол садятся. На *гюрнуш*, как у них называется ханский Диван, для хана стелют особую полость и две обыкновенные подушки, а по стенам большие из штофной материи. Когда младшие его братья приходят с визитом или по обязанности, то сперва, сняв колпаки свои, бросают их наземь; потом, отдав приветствие и поцеловав подол хана, стоят на ногах.

Им накладывается одеяло и подушка, и они с его позволения садятся. Каждому из них идет со стороны Высокой Державы годовой оклад: хану назначено десять тысяч выюков акчэ из таможи Кафского порта; калгесултану назначено десять выюков акчэ и нур-эд-дин-султану пять выюков акчэ в год, то из таможи Гозлевского порта, то из таможи Балаклавского порта. Из упомянутого жалованья они кое-что дают своим приближенным агам, а нечто также уделяют существующим в Кафе, Ак-Мечети и в Бакчэ-Сарае под именем богомольцев беднякам и святошам... Самый так называемый Крым, полуостров состоит из четырех санджаков. Они называют это на своем языке *бий*. Главные бии их суть: Ширин-бей, у которого также есть калга и нур-эд-дин; Арын-бей (называют также Яшлау-беями); Барын-бей (называются также еще Седжеутскими мурзами); Манкыт-бей (это мурзы Ногайские, из коих был и Кантемир). Если хану пожелается выдать замуж дочь свою, то отдает за упомянутых беев или за их сыновей; а кроме их ни один другой мурза не может взять, по той причине, что эти, оставив свое местожительство, именуемое Хаджи-Тархан, и прибывши в Крым, вместе (с ханами) пришли и, происходя из поколения Чингизова, до сего времени не утратили своей родovitости»⁸⁷⁵.

Такая строго правильная с виду организация высшего управления в Крымском ханстве таила внутри себя задатки постоянного шатания и непрочности, именно вследствие отсутствия единства основного начала, на которое бы опиралась верховная власть и ее органы. Хан, пользуясь внешним уважением и покорной преданностью прочих своих родичей, должен был постоянно быть настороже против их тайных происков и интриг, к которым подстрекала их властолюбивая зависть их. Окружав-

шие хана мурзы и аги, официально считаясь его покорными слугами, в действительности же во всякое время могли составить против него комplot, если только его распоряжения не потрафляли их видам и интересам, причем единодушие их в подобных случаях поддерживалось одинаковою алчностью и самовольством их натуры, а дерзость в политических смутах проистекала из гордой мечты их об одинаковой с ханским домом знатности своего происхождения. Разные святоши воссылали благословения на хана, пока получали щедрые из рук его подаяния; но эти же тунеядцы призывали на его голову кару небесную, когда почему-нибудь были недовольны его щедротами, в верном расчете на то, что их смутьянство найдет себе отклик в суеверных почитателях их мнимых добродетелей. При назначении нового хана его всякий раз отправляли из Стамбула в Крым под конвоем отряда султанских войск, которые таким образом являлись оберегателями его личности и властной неприкосновенности. Но те же самые войска грубили хану, когда ему доводилось обуздывать бесчинства и насилия этих пришельцев в Крыму, причем они ссылались на свою неподсудность хану и на территориальную ограниченность его власти на полуострове. На все вышесказанное имеются фактические доказательства в исторических памятниках. Вот один характерный случай с ханом Сеъадет-Гераем, рассказанный у турецкого историка прошлого столетия Челеби-задэ.

В 1132 = 1720 году хан Сеъадет-Герай, посоветовавшись с эмирами и аянами Крыма и заключивши условие и договор с верховником ширинских беев, Хаджи-Джан-Тимуром, пошел с многочисленным войском в Кабарду. Пробыв в тех странах два года и, сколь возможно было, водворив там порядок, он вернулся в Крым. Хаджи-Джан-Тимур надеялся получить крупную долю из захваченных там полоняников, но обманулся в своих надеждах. Сверх того, он лет 20 или 30 пользовался полной самостоятельностью и голосом у Крымских ханов, а этот хан сделал своего зятя из ширинских беев Муртаза-мурзу своим наперсником и советчиком, а того лишил всякого уважения. Все это сделалось причиной гнева его. Кроме того, упомянутый хан сделал представление в Порту о том, чтобы подвергнуть наказанию и высылке из Крыма в другое место Орского бея Селямет-Герай-султана, его агу Эр-мурзу и Ачуйского коменданта Али-пашу за их поступки против его воли в Черкесии. На это

последовало соизволение Высокой Державы, и Али-паша с Эр-мурзою были высланы в другие края, а Селямет-Герай-султан поселен в своем чифтликке в Румилии. Но Эр-мурза каким-то путем опять проник в Крым и пребывал в своем поместье под покровительством ширинских эмиров. Затем, по ходатайству Хаджи-Джан-Тимура, хан простил его. Спустя немного времени хан уволил ялы-агасы Кемаль-агу и сделал его своим казначеем, а на его место перевел своего казначея; а потом, по некоторым соображениям, своего агу Пурсук-Алигу тоже уволил в отставку и на его место определил славившегося у крымцев своей низостью Бакы-агу. Это породило среди простого люда и знати разные толки и слухи. В те поры один из знатного рода Субхан-Гази-оглу, из почетного сословия так называемых капы-кулу, женился на дочери одного умершего крымца. Но единомышленники Эр-мурзы подняли шум и крик, говоря, что отец вышеупомянутой девушки обещал ее в замужество Эр-мурзе, и что она была уже нареченной его — как, мол, это можно было отдавать ее за другого?! Произошло такое смятение, что для прекращения их споров понадобилось прибегнуть к мечу закона. Казы-аскер насчет действительности этого брака сделал постановление в том смысле, что обещание ничего не значит, и определил отказать Эр-мурзе. Хан же вздумал иначе решить эту тяжбу, повелев не отдавать предмета раздора, девицы той, ни одному из спорящих, а выдать ее за третьего человека. Тогда эмиры ширинские, услышав об этом, собрались в месте, называемом «Под скалами»⁸⁷⁶, показывая вид враждебности. Хан послал к ним человека спросить о причине их собрания. Они объяснили свои сокровенные помыслы и написали просьбу о том, чтобы казы-аскер был отрешен за противное священному закону постановление, и чтобы Субхан-верды-оглу также был устранен и удален. Означенную просьбу муфти-эфенди прочитал в Диване. Настаивать на правильности приговора казы-аскера-эфенди было бесполезно и тщетно. Хан, глядя на обстоятельства времени, отрешил его, а Субхан-верды-оглу велено было сидеть у себя дома. Удовлетворив желание мурз, хан послал к ним Кемаль-агу велеть им прекратить сходку и придти к нему. Но так как приближался праздник, то они отложили свое посещение до того времени и отправились по домам. Хан и прежде просил позволения поехать к Порогу Счастья для совещания по некоторым государственным делам, а теперь, выставляя

на вид последнее экстренное обстоятельство, он писал, что ему необходимо как можно скорее прибыть к Порогу Державы. Просьба его была уважена. Высочайшая грамота в этом смысле была написана и приготовлена к отсылке с одним агою из капыджи-баши Порты. В ту пору наступил курбан-байрам, и корпорация ширинских беев уклонилась от обычая приходить поздравлять хана с праздником. Когда послали опять Кемаль-агу спросить о причине их будирования и недовольства, они отвечали так: «Так как его величество хан заставил Вечную Державу издать высочайшие повеления о казни некоторых из нас, то и для всех нас не стало безопасности; терпеть еще дольше его ханствование стало невозможной мыслью и нелепой мечтой». Затем они опять поспешили составить сходку под скалой⁸⁷⁷. Тогда хан, собрав крымских улема, заявил, что он ничего не знает о взводимом на него деле. Когда же улема, поручившись, что им, мурзам, не будет причинено со стороны хана никакого зла и неприятности, послали бумаги насчет того, чтобы они явились к хану, те повторили свои прежние речи и отправили десять человек в Порту с прошением. Услышав об этом, хан выехал из Крыма в местечко, именуемое «Ханской зимовкой»; он дал знать о случившемся в Порту, и упомянутому капыджи-баши сообщено, чтобы он спешил. Но после такого неподобающего казуса хану трудно было жить в добром согласии с упомянутыми лицами. Очевидно было, что они, видя свою небезопасность, непременно постараются возжечь пламя мятежа. Поэтому, после многократных секретных совещаний между государственными вельможами, к Порогу Счастья был вызван для назначения в ханы младший брат хана Менглы-Герай-султан, который был калгой при Каплан-Герае и после отставки жил в своем чифтликке Казыкое близ Силиври, а его величеству Сеъадет-Герай-хану указано было жить в своей усадьбе в городе Ямболу⁸⁷⁸.

Хотя вышеприведенный факт относится к сравнительно позднему времени, но характеристические черты его имеют свое подобие во все предшествующее время существования Крымского ханства, в чем нетрудно убедиться, проследив историю этого ханства. Некультурные народы медленно изменяются в строе своей общественной и домашней жизни, и потому одни и те же бытовые качества такого народа одинаково проявляются в разные эпохи его исторической жизни.

Первый действительный основатель властвовавшей в Крыму династии, конечно, не мог не предвидеть всевозможных неблагоприятных обстоятельств, которые должны были помешать упрочению власти его дома. Не будучи в состоянии всецело устранить этих обстоятельств, он должен был придумать какие-нибудь государственные учреждения и предпринять такие правительственные меры, которые бы сколько-нибудь парализовали и ослабляли опасность подобных обстоятельств, к чему он и приложил все свои старания, как только окончательно утвердился на ханском троне.

Куда Менглы-Герай был отправлен турками для водворения его на ханство, доподлинно не известно: у турецких историков сказано просто — в Крым, без обозначения места, где он был высажен на крымскую территорию, и где затем совершилось торжественное провозглашение его ханом. Как на вещественный памятник того, что Менглы-Герай, вторично возведенный в ханы турецким султаном, высадился в Евпатории, указывают на старинную мечеть в этом городе, будто бы построенную Менглы-Гераем в память такого важного в его жизни события; но нам близко не известны те данные, на которых основывается это указание. Знаем только, что некоторые из последующих ханов, как например Арслан-Герай-хан, выказывали какое-то особое внимание к этому городу, учреждая там богатые вакфы в виде караван-сараев, общественных бань, медресэ, фонтанов и тому подобных сооружений.

Впрочем, г. Кондаракки все-таки очень подробно описывает церемонию наречения Менглы-Герая ханом в Стамбуле; затем даже картинно изображает прибытие его в Гозлев (Евпаторию), встречу его при барабанном бое и торжественное препровождение в Бакчэ-Сарай⁸⁷⁹; но откуда г. Кондаракки почерпнул данные для такого, можно сказать, завидного по своей обстоятельности изображения события, он не говорит об этом. Вернее всего, что это плод его собственного воображения, воспользовавшегося позднейшими преданиями для того, чтобы нарисовать картину из жизни давно минувшей, от которой теперь остались едва заметные следы. А что такие предания еще продолжают существовать среди потомков знатных татарских фамилий, это видно из одного любопытного документа в делах Архива Таврического Дворянского Депутатского Собрания. Там между прочим, при деле № 54, по исканию дворянства титулярного советника Игнатия Татарина, находится

большой лист с рисунком родословного древа предков г. Татаринова с надписями на татарском и русском языках. Надписи русские, очевидно, есть перевод, и притом очень грубый и нередко искажительный, с татарского, ибо в конце документа есть официальная скрепа: «С подлинным перевод верно. Подпоручик Александр Зимайлов». Вверху этой таблицы читаем следующую не совсем грамотную надпись. А по-русски написано: «Родословная царствовавших Кипчацкие степи в Крымском государстве Алджингыз-хановых потомков Гирай ханов и султанов и их поколения». Внизу же под этим древом нарисована картина с подписью: «Воцарение Менглы-Герая-хана. Он первоначальный хан в Крыму, шестой сын Хаджи-Герая, потомка Кыпчакского хана».

Что все надписи в этой эмблеме двуязычные, это значит, что первоначальная ее редакция принадлежит самим татарам, а какой-то новейший рисовальщик из русских сочинил к ней целый рисунок в красках, к которому приложен русский перевод символического объяснения этой эмблемы. А что хозяева картины смотрели на нее как на вещь серьезную, это явствует из рукоприкладства на ней некоторых современных Гераев, а также и из того, что картинка представлена ими наряду с прочими документами в числе доказательств своего именитого происхождения, дающего им право на получение дворянского звания.

Некоторые детали этого курьезного рисунка изобличают незнакомство его композитора с татарской археологией: тут, например, вы видите горностаевую порфиру и другие предметы, в такой форме изображенные, в какой они не свойственны старинному татарскому быту. Но если этот рисунок удовлетворял заказавших его татарских вельмож, то, следовательно, он приблизительно согласовался с тем, как они воображали себе сюжет его. Поэтому, не придавая особенной важности подлинности происхождения самой эмблемы, нелишне обратить внимание на ее комментарий, знакомящий нас с внешними атрибутами ханской власти и с основными воззрениями на ханскую власть, сохранившимися по преданию в потомстве Менглы-Герая. Вот что содержится в этом толковании, как оно отредактировано прежним переводчиком.

«Престарелый Али-Джингыз-хан⁸⁸⁰, одетый в древнее мунгальское восточное платье — в голубом кафтане, подпоясан желтым шелковым поясом с золотой пряжкой, в красных шароварах, в желтом чекмене, в

могульской ханской короне, имеющей верх зеленый, обвитой белой с золотом и жемчугом шалью, с пером наперед из перьев колпицы и дорогих камней с жемчужными подвесками, с поседевшей бородой; сидящий под малиновым бархатным, обложенным золотом, с золотыми кистями и золотым шнуром, балдахин, на троне, покрытом разноцветным восточным дорогим ковром, с лежащими пред троном в левой стороне на земле знаменами, литаврами, барабанами, бубнами, саблями, луками и стрелами, шишаками и панцирями, в знак того что он был храбрый воин, победитель и мудрый самовластный обладатель многочисленных во всей восточной Азии народов.

На троне на синих подушках лежат: на правой стороне закон, по которому поступая, он управлял теми народами; а по левой стороне тарак, принятый в символическую тамгу, или герб, всеми восточными ханами и султанами, от него происходящими, который изъяснен особо⁸⁸¹.

Стоящий при троне курящийся сосуд знаменует беспредельную всех тех народов ему покорность и повиновение.

Правой рукой подает четверем близ стоящим сынам его пук стрел, в память данного им пред кончиной его, при вручении ханского престола старшему сыну, завещания быть им всем в согласии и первому послушными и повинными. Левой рукой держащая сабля с масличной ветвью знаменует, что он всегда был готов к войне и миру.

Гранатовое дерево, на котором расположен Али-Джингыз-ханского поколения род Крымских ханов и султанов и их потомков, знаменует вещественно собой многочисленные поколения Али-Джингыз-хановой фамилии и многовечное их от самой глубокой древности во всей восточной Азии царствование высотой его несравненное пред прочими восточными владельцами Алы-Джингыз-ханово и его роду величество. А стояние сего дерева при берегу вод знаменует, что Али-Джингыз-ханова поколения царствовавших в Крыму ханов и султанов оставшиеся потомки помнят свое происхождение.

Над деревом стоящая звезда, магнитными стрелами окруженная, знаменует: "Господи, покажи нам невинным пути твои!"

Затем следует подпись Селим-Герай-султана, который приложил руку за себя и за других родичей своих, за неумением их грамоте и по их просьбе»⁸⁸².

Если мы присовокупим к этому комментарию заимствованные из других источников сведения об инвеституре султанской при наречении в Крымские ханы, которая повторялась всякий раз, когда хан был приглашаем в какой-нибудь поход, то будем иметь полное представление о всех регалиях и внешних знаках ханского достоинства. Насколько эти атрибуты были незатейливы, можно судить по тому, что историки татарские занесли в свои летописи, как достопримечательное событие, что Девлет-Герай-хан при вторичном своем назначении на ханство «обновил свое султанское одеяние», так как назначение случилось как раз в праздник рамазана⁸⁸³. В нашем сборнике есть одна заметка касательно нравов Крымских ханов, в которой пренаивно-серьезно рассказывается, что у ханов и их султанов всегда бывало только по одному облачению, которого они не обновляли до тех пор, пока оно совсем не изнашивалось. Обыкновенно они по шести месяцев не раздевались; но уже однажды снятого платья опять не надевали, а отдавали кому-нибудь из находившихся в их свите людей⁸⁸⁴.

Что касается территориального пространства и границ владений вновь воцарившегося Менглы-Герая, то их трудно теперь указать с точностью. Точное определение этих границ и в его время должно было быть довольно затруднительно, потому что у него еще были кое-какие по этой части счеты с соседями, да к этому еще присоединилась сопредельность и даже совместность владений его верховного покровителя, султана турецкого.

Кеппен также только приблизительно определяет границу турецких владений в Крыму, основываясь на ярлыке последнего хана Шагин-Герая, сохраненном в переводе у Палласа. Принимая во внимание роспись селений в этом ярлыке и другие соображения, Кеппен заключает, что турки, завладев Кафою, оставили за собою не только этот город и укрепленные места — Керчь, Еникале, Арабат, Перекоп, Мангуп, Инкерман и Балаклаву, но и весь Южный берег, который генуэзцам уступлен был татарами в 1380 году⁸⁸⁵. Но ярлык Шагин-Герая слишком уже поздний памятник для того, чтобы по нем судить о территориальном объеме ханства.

Некоторые географические сведения о Крымском ханстве находим также у Гезар-Фенна в цитованной нами статье его сочинения

Тэльхисуль-бейян. «В черте владычества их (Крымских ханов) есть четыре крепости — Гозлев, Ор, Рабат и крепость, известная под названием Ягуд-Кальэси. В подведомстве их насчитывается 1300 больших и малых деревень. Из значительных городов у них есть так называемый город Кара-Су, потом Аж-Месджид, ханская столица Бакчэ-Сарай и так называемый город Малый Кара-Су. В каждом из них есть джамии, мечети, бани, ханы, рынки и базары. Все управляемые ими деревни и округа составляют двадцать четыре казылыка. Самый же так называемый Крым, полуостров составляет четыре санджака⁸⁸⁶... Причина наименования крепости *Ор* та, что означенная крепость построена между Азовским и Черным морями, на пространстве шириной в 7000 погонных сажений, которое перерезано рвом, а *ор* на ногайском языке и значит “ров”. За упомянутой крепостью вплоть до крепости Азова есть четыре ногайских отдела из “Большого Ногай”: один называется Большой Ногай — коих мурзы из поколения Орамбета; другой отдел называется Мансур-оглу, мурзы которых еще и теперь из Мансур-оглу же; третий отдел называют Шайдак-тамгасы, и мурзы их из того же самого поколения; четвертый называют Малый-Ногай⁸⁸⁷.

Турецко-татарские историки, желая точнее обозначить территорию ханства во времена Сахыб-Герая, пятого хана, так очерчивают границы этой территории: к северу Ферах Керман, к югу Балаклава, к востоку Кафа и к западу Гозлев⁸⁸⁸. Это указание до известной степени подтверждается и документальными памятниками. До нас дошел тарханный ярлык Менглы-Герая, данный им некоему Махмудеку. В числе местностей, в районе которых должны были иметь силу разные льготы и привилегии, дарованный вышеупомянутому Махмудеку, упоминаются Керчь, Кафа, Ялта⁸⁸⁹. Положим, что этот ярлык писан еще в 873 = 1468 году, т.е. до установления верховенства Оттоманской Порты в Крыму. Но в ярлыке Мухаммед-Герая I, сына Менглы-Герая, данного в 923 = 1517 г., географический район действительности дарованных предъявителю ярлыка прав и привилегий означен точно тот же самый, как и в предыдущем ярлыке⁸⁹⁰.

Между тем Феридун-бей, помещая в своем сборнике роспись центральных административных пунктов обширных владений Оттоманской империи, включает в Кафский эйялет (генерал-губернаторство) Кафу, Аккерман, Бендер, Авак, Кыл Бурун и Керчь⁸⁹¹. Из этого видно, что

турки, овладев Кафою и другими близкими к морю местностями, образовали из этих новоприобретенных завоеваний отдельное бейлер-бейство, названное Кафским, по имени города Кафы, где имел свое местопребывание представитель султанской власти в стране, и где также были сосредоточены материальные средства, необходимые для поддержания престижа этой власти, т.е. войска и оружейные склады. Обозначение у Феридун-бея Керчи эпитетом *лива* — показывает, что и там тоже находился турецкий гарнизон, как подобные же гарнизоны, надо полагать, посажены были и в других наиболее важных в стратегическом отношении пунктах в Крыму.

Когда золотоордынский хан Сейид-Ахмед подступал к Кафе, там уже сидел турецкий правитель, по имени Касим-паша, прибегший, как мы видели, к хитрости, чтобы отделаться от внезапно подступившего к городу неприятеля⁸⁹². В наших актах комендант Кафы называется просто «пашой кафинским» без точного его поименования, например, в Делах Крымских впервые упоминается о нем под 1491 годом⁸⁹³. В следующем году великий князь Иван Васильевич жалуется Менглы-Гераю, а потом и самому султану Баязиду: «Наперед сего из наших земель наши гости в турского салтана земли ходили, одну тамгу платили, а сила над ними некоторая не бывала... И нынеца нам наши гости били челом и сказывали нам, что над ними летось в турского салтана земле от его людей велика сила учинилася, в Азове паша велел нашим гостем ров копати и камень на город носить. Также в Азове и в Кафе и в и них салтановых городех товары у них оценив возмут да половины цены дадут, а другие не дадут»⁸⁹⁴. Из этой жалобы мы знакомимся с теми порядками, которые турки стали вводить в оставленных им за собой крымских местностях, названных поэтому «салтановыми городами». Ясно, что эти порядки были частью военно-оборонительного свойства, для обеспечения владений от чьего бы то ни было нападения, частью свойства фискального, в видах извлечения тех материальных выгод, которыми руководились султаны турецкие, водворяя свое господство на Крымском полуострове.

Но содержание вышеприведенных ханских ярлыков показывает нам, что водворение полноправного господства турков в известных местностях Крыма не исключало совсем и власти Крымского хана над ними, но только мудрено теперь с несомненностью выяснить, как эти две власти

делили свою компетенцию. Сколь неопределенны были сферы действия двух властей, и к каким эта неопределенность иногда приводила недо-разумениям, это довольно характерно изображается в одном происше-ствии с сыном Менглы-Герая, Сахыб-Герай-ханом, которое описано у крымских историков. Этот хан, отправляясь в поход против черкесов, дорогой остановился погостить, снизойдя к просьбе одного из своих подданных, в его саду, находившемся близь Кафы. Тогда к хану явилась толпа райи с жалобой на несправедливости и притеснения, причиняемые им турецкими солдатами и сипагом, сборщиком податей османских. Хан потребовал их к себе и разразился на них гневом. А сипаг не вытерпел и говорит хану: «Этот хлеб дарован нам со стороны падишаха, и дру-гим нечего вмешиваться». — Хан, еще больше разгневавшись, возразил: «При завоевании Кафы все земли вне ее дальше пушечного выстрела по воле падишаха пожалованы в собственность нашим предкам за их заслуги». Но это оказалось тщетно: враги хана воспользовались этим случаем и перетолковали в Порте слова хана в том смысле, будто бы он не считает Кафу принадлежащей к владениям оттоманским и наме-ревается захватить ее себе, что навлекло на него, конечно, немилость верховного оттоманского правительства⁸⁹⁵.

Так как все почти Крымское побережье, по крайней мере главные его пункты были в руках турецких, то Менглы-Герай обратил преимуще-ственное свое внимание на обезопасение своих владений с той стороны, которой они соприкасались с материком. Прежде всего ему приписыва-ется во всех исторических источниках построение многих укреплений, каковы, например, Ферах-Керман на перешейке Джан-Керман, Кара-Керман и Девлет-Керман на берегах Днепра⁸⁹⁶.

Чаще других местностей упоминается у крымских историков Ферах-Керман, потому что это был сборный пункт для ханских полчищ перед выступлением их в поход и росстань отрядов их⁸⁹⁷, где ханы делали пер-вые военные распоряжения⁸⁹⁸, где происходили предварительные воен-ные совещания⁸⁹⁹. Вместе с крепостью Ором, что значит, по толкованию Ризы, «ров»⁵, Ферах-Керман был первым сторожевым пунктом полуо-строва и сухопутной Станцией на пути из Крыма на материк, подобно тому как Тамань была главным местом переправы крымцев в пределы черкесские. Г. Кондараки сообщает такое, неизвестно откуда взятое им

известие о построении этого важного укрепления: «Менглы-Герай-хан построил на нем, на Перекопском перешейке⁹⁰⁰, укрепление Феркерман, которое строилось несколько лет итальянскими архитекторами, при содействии пяти тысяч человек и стоило громадных усилий и денег, по отсутствию вблизи камня»⁹⁰¹.

Затем в памятниках дипломатических сношений Крыма с соседними государствами имеются сведения о постройке Менглы-Гераем другого укрепленного городка, которая в свое время была предметом весьма горячих международных переговоров и даже прямых военных столкновений. В июне 1492 года Менглы-Герай писал великому князю Ивану Васильевичу: «На Днепре к тебе брату моему хотим близко быти, город делаем... В Кафе есми был о том городе, наших денег восемь (тысяч) я займовал есми, всего сто тысяч денег занял есми, сто тысяч денег тридцать тысяч да три тысяч алтын, столко денег будет... в шесть месяц отдати надобе; что харчу учиню, твой посол Иван Лобан видит; как братство учинить, от сего долгу избавить нас, ты брат мой ведаешь... Еще сесь город, как думаю, молвишь: делай... Аж Бог донесет, сее зимы, с женами своими, со всеми улусы выкочевав, в том городе зимую»⁹⁰².

Насколько серьезно хан занят был этой постройкой, и как к ней отнесся великий князь московский, это видно из слов русского посла Заболотцкого, которому дан был такой наказ. «Князь велики велел тебе (хану) говорити: “Боярину еси нашему Ивану говорил, что не пошел еси ныне ратью на своего и на моего недруга на короля землю затем, что на Днепре город делаешь, да из того города изблиска хочешь ему недружбу свою доводити... А что город делаешь на Днепре, и нам сказывали, что тот город далече от Литовские земли, близко деи устья Днепрского; а ты бы ныне однолично то дело поотставил, а сам бы еси на конь всел и ратью пошел на Литовскую землю...”»⁹⁰³ Но хан не внял просьбе вел. князя: в октябре того же 1492 года Колычев извещает вел. князя: «Царь, государь, твоих казаков провожал сам; да проводив, государь, твоих казаков, да пошел города делати, да того, государь, городу и сделал да и людей, государь, в том городе посадил... А слышанье наше, государь, таково: пришел от королевича от князя Александра посол о городе. А речи, государь, посла королевича царю таковы: гораздо ли чинишь, на нашей еси земле город доспел и людей еси своих в том городе посадил, то ли твое суседство и

дружба? И тово бы еси города отступился нам, а людей бы еси своих из того города вывел вон; а в колко будет тебе тот город убытков стал, и мы тебе те убытки заплатим не в одноряд»⁹⁰⁴. В то же время и сам Менглы-Герай оповещает великого князя в ярлыке: «Да еще слово то, что на Днепре город, долг учинив, весь нарядил есми: ино тот город нарядил есми Божиим изволением... Да еще с Мерскою приказал есми к тебе о своем долгу заплатити, подумаешь борзо»⁹⁰⁵. Но литовцы, которые раньше предлагали хану отступного, только бы он не затевал неприятной им постройки, в следующем году пришли, «наряжонной на Непре город взяли, а что было в городе, то все взяли»⁹⁰⁶. Повторяя в своих грамотах к великому князю свою жалобу на разоренье города, хан высчитывает убытки свои, намекая на то, чтобы великий князь помог ему деньгами на покрытие его долга, тем более что он намеревается возобновить этот город, как необходимый для того, чтобы грозить литовскому князю⁹⁰⁷.

Что же это был за город, причинивший столько беспокойства литовцам и стоивший стольких хлопот хану, так что он даже вошел в денежные долги ради его постройки? Карамзин отвечает: «Сия крепость была *Очаков*, основанный на каких-то древних развалинах»⁹⁰⁸. Так оно выходит и по тем данным, которые находятся об этом городе в грамотах. В памяти Семену Ромодановскому, данной в августе 1498 года, читаем: «И Семену ему (киевскому наместнику) говорити: коли ты меня не велишь проводить до Крима, или до Тавапи, или до *Менли-Гиреева городка до Ачякова, что на усть Днепра*, а людей со мною мало, и яз еду назад к своему государю»⁹⁰⁹. Точно так же по наказу от апреля 1500 года, князь Кубенский должен был говорить хану: «Также наши купцы Ивашко Морозов да Шыршик с товарищи сказывают, что пришли в *твой городок Очаков*, а в ту пору твои люди воевали Черкасци Киевские»⁹¹⁰. В том же наказе находим такую речь: «А в *новом городке в Очакове* смлют новую тамгу, наперед того тут тамга не бывала»⁹¹¹.

Несмотря на это, Ф.К. Брун довольно резко замечает: «Те ошибаются, кто по примеру Карамзина (VI: 146) полагают, что хан в этом случае хотел говорить об Очакове. Подобным образом Черкасский воевода Богдан раззорил в следующем году не Очаков, но замок Тягинский к великой досаде хана, истратившего 150 000 алтын на строение оного (Карамзин, VI: 152)»⁹¹². Мнение самого г. Бруна то, что построенный

Менглы-Гераем город был *Тягин*. Оно основано у него на грамоте польского короля Иоанна Альбрехта, который писал осенью 1492 года брату своему Александру, что «царь Перекопский Мевдли-Кгерей вытягнул с Перекопа со всеми моцами своими, а тягнет до того замку своему, который того лета минувшего оправил на сей стороне Днепра с помощью царя турецкого, именем *Тягин*»⁹¹³. Далее г. Брун подкрепляет свое мнение ссылкой на свидетельство Михалона Литвина, что выше Очакова находился замок *Tyahinia*, коего развалины ныне еще видны между Херсоном и Бериславом при деревне Тягине на берегу Днепра⁹¹⁴. Что же касается до Очакова, то г. Брун хочет непременно отождествить его с одним замком, который в списке замков, доставшихся по смерти Витовта преемнику его Свитригайлу, именуется *Czarnygrad*, названный татарами *Каракермен*, т.е. Черным городом, присовокупляет покойный профессор⁹¹⁵.

Не оспаривая того, что поблизости Очакова существовало какое-то старинное укрепление по имени Тягин, мы все-таки не видим причин, почему должно быть отдано предпочтение грамоте короля Иоанна Альбрехта перед нашими русскими документальными памятниками. Если предположить, что близкое друг к другу нахождение двух местностей дало повод авторам наших грамот к смешению имен этих местностей, то, ведь, подобное предположение с одинаковым правом применимо и к писавшим грамоту короля польского. А между тем в наших документах, после неоднократных и ясных упоминаний об Очакове, как уже о построенном городе, мы встречаем также ясно выражаемые Менглы-Гераем намерения насчет новых его крепостных сооружений, и все в тех же самых местностях, т.е. на низовьях Днепра. Так, в 1504 году он пишет великому князю Ивану Васильевичу: «Да еще сам на Днепре на Таване хочю dospети один город велик, а городище есть, и яз то хочю город dospети»⁹¹⁶. Что этот ханский проект не состоял только в довершении начатой постройки какой-либо из прежних крепостей, хоть например того же самого Очакова или Тягина, это явствует из наименования проектированного города, которое нисколько не похоже ни на одно из вышеприведенных имен. «Бог даст ся весна будет, — читаем мы в ханской грамоте, — перекопъ зделаю, а на Днепре на Таване перевозе Инкермен город зделаю; а салтан Баазит тысячу человек дал, перекопъ крепкой сдей, молвил»⁹¹⁷.

Нет также никакого основания к отождествлению Очакова и с Кара-Керманом, на чем так положительно настаивает г. Брун, опираясь на одно место в «Краткой Истории» Крыма по переводу г. Негри в первом томе Записок Одесского Общества. Там это место читается так: «Жители Крыма... большей частью кочевали по берегам рек Эмбы, Урала, Волги, Терека, Кубани и Днепра, по ту и по сю сторону Каракермана»⁹¹⁸. В турецком тексте оно имеет следующий вид: т.е. «Крымцы не имели постоянного пребывания в одном месте, а кочевали летом и зимою там и сям, а большей частью по берегам рек Эмбы, Яика, Итиля, Терека, Кубани и Днепра, именуемых у них *Шестиречьем*. А также бывало, что они по ту и по сю сторону Кара-Кермана, всегда с своими шатрами и кибитками, точно с домом на плечах, с семьями, имуществом и скарбом странствовали и путешествовали»⁹¹⁹.

Прежде всего тут обращает на себя внимание термин — «крымцы» — что им хочет обозначить составитель Истории? По всем соображениям тут названы так все те племена, которые частью давали контингент народонаселения, водворившегося и осевшего в Крымском полуострове, частью же только считались подвластными Крымским ханам, платя им дань, но кочуя вне пределов Крыма: нельзя же предположить, чтобы поселившиеся в нем люди опять откочевывали в такие отдаленные края, как берега рек Эмбы и Яика. Во всяком случае странным представляется то, что рядом с именами шести рек, побережья которых служили кочевьями бродячих подданных Крымского хана, вдруг значится какой-то Кара-Керман. Какой может иметь смысл выражение «по ту и по сю сторону Кара-Кермана», если это какой-нибудь городок или крепость на р. Днепре, как оно выходит из перевода г. Негри, а тем паче если тут надо разуместь стоящий где-то в углу на устье Днепра Очаков, как на этом настаивает покойный Брун? В приведенном подлинном татарском тексте имя Кара-Кермана совершенно поставлено особняком от р. Днепра: там сказано: «А также бывало, что они по ту и по сю сторону Кара-Кермана странствовали». Значит, названная этим именем местность должна изображать собой какой-то пограничный, раздельный пункт, а это к Очакову никак не применимо. Дело в том, что и в экземпляре означенной Истории, с которого переводил г. Негри, и в имеющемся у нас кодексе «Кара-Керман» оказывается ошибкой. В «Ассебью-с-сейяр» о

том же предмете говорится почти теми же словами, что и в «Краткой Истории», но только там вместо Кара-Кермана стоит Ферах-Керман, и притом одинаково как в печатном издании, так и в рукописном кодексе Учебн. Отд. МИД.⁹²⁰ Это совершенно основательно: упомянув о побережье Днепра, уже незачем в частности выделять какой-нибудь пункт на том же побережье. Между тем Ферах-Керман стоял на резко очерченной Перекопским перешейком границе полуострова, представляя собой преграду, относительно которой был смысл сказать: «по сю и по ту сторону». Да оно так иногда и говорилось, действительно: в сочинении того же Мухаммед-Ризы, например, есть такое место: «Хан Крымский, помолвившись, приступил к распоряжению об охране и о преграждении пути неприятелю по ту сторону Ферах-Кермана»⁹²¹.

Кара-Керман же мог существовать сам по себе, помимо Очакова: не его ли следует разуметь в конечной приписке к грамоте Менглы-Герая к Ивану Васильевичу от 1493 г. с извещением о разрушении вновь построенного города литовцами, что эта грамота «писана в Керерман»? ⁹²² Со временем имя этого географического пункта могло затеряться, уступив место какому-нибудь другому, подобно тому как затерялись имена тех городищ, о которых упоминается в грамотах Менглы-Герая, имевшего обыкновение воздвигать новые постройки на развалинах прежних подобных же сооружений. Особливо такое соображение приложимо к знаменитому переправочному пункту на р. Днепре, именуемому в памятниках Таманью: и позднее, уже в турецких грамотах XVI века, писанных из султанской канцелярии к Крымскому хану Мухаммед-Гераю и к его брату Шагин-Гераю, опять идет речь о возведении каких-то крепостей по обе стороны той же днепровской переправы⁹²³. Наконец надо прибавить, что Очаков испокон века и у турок, и у татар всегда назывался «Днепровская крепость», или просто, как и р. Днепр, *Узу*⁹²⁴; под именем же Кара-Кермана он не встречается в памятниках турецко-татарской письменности.

Менглы-Герай был очень энергический и предприимчивый хан. Восторжествовав над Большой Ордой, он неотступно преследовал претендентов на ее наследие Сейид-Ахмеда и Шейх-Ахмеда, которые в Крымских Делах носят общее наименование «детей Ахметовых». Он входил в деятельные сношения с нашим Иваном Васильевичем III для союзного

противодействия польскому королю и князю литовскому. Историки приписывают Менглы-Герая распространение своих владений далеко за пределы полуострова, ибо он все время своей жизни беспрестанно воевал с окрестными странами — Польшей-Литвой, Черкесией и Большой Ордой. После того как Герай с 50-тысячной ордой ходил также на помощь турецкому султану воевать в Молдавии, в воздаяние за это он получил от султана хасы, т.е. доходы с некоторых местностей на р. Днестре, принадлежавших воеводе молдавскому⁹²⁵. Когда под конец своей жизни Менглы-Герай стал болен, то сыновья его, в особенности старший Мухаммед-Герай, простерли свои опустошительные набеги и на пределы русские. Поведение Менглы-Герая в этом последнем случае сильно напоминает подобную же политику второго турецкого султана (или, правильнее, эмира) Орхана, за слабостью которого сын его Сулейман-челеби опустошал византийские владения. Отцы числились приятелями — один с императором византийским, другой с великим князем московским, а сыновья делали вражеские набеги на земли отцовских друзей. Конечно, они действовали не без попустительства отцов; но эти последние на жалобы обижавшихся друзей соседей отвечали, что они знать ничего не знают — что сыновья их разбойничают без их соизволения и даже ведома.

Но там и тут для подобного попустительства было глубокое основание; военные экскурсии сыновей османского эмира и хана Крымского служили боевой школой, в которой подготавливались преемники престарелых отцов своих во власти, главную опору которой должно было утвердить на проявлении личной военной доблести, обаятельно действующей на массу первобытных диких народов, каковы были в те времена турки и татары. У ханов Крымских, наподобие вообще тюркских знатных фамилий, практиковалась особая система воспитания, долженствовавшая закалить юного члена ханского рода во всех лучших качествах лихого наездника и головореза. Эта система породила среди тюркских племен особый своеобразный вид духовного родства, побратимства, которое называется аталычеством. Дом Гераев тоже имел такие связи с некоторыми из черкесских племен, которые искони причислялись к подданным Крымских ханов, хотя эта зависимость никогда не выражалась в определенных и правильно организованных формах практического осуществ-

вления ханской власти над землями, лежащими вне пределов Крымского полуострова. Вот что об этом говорится у Гезар-Фенна. «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от Высокой Державы судьи, составляют черкесы Жанэ: у них еще действуют вообще постановления шариата. Брать из них невольников не позволительно. А от Жанэ вплоть до черкесов Кабарды — это места войны; брать у них полоняников позволительно. В таком-то своем состоянии они из страха покоряются ханам, так что, говоря: “Пусть только он не воюет против нас”, ежегодно его величеству хану, калге, и нур-эд-дин-султану приподносят черкесских невольников под именем подарка⁹²⁶, потому что райя, обитающие в их деревнях, составляют собственность их беков. Когда его величество хан потребует от их беков войска, то они присылают его достаточное количество. Когда у ханов родятся дети, то они берут их к себе на воспитание и, чтобы этим выказать свою покорность, воспитывают их до зрелого возраста, так что некоторые ханычи живут там до тех пор, пока у них начнет расти борода. На прокормление их назначают деревни. Теперь в самом Крыму это дело существует по сие время. Если у его величества хана, или у калги, или у нур-эд-дина родится сын, то с великим обязательством его воспитывают. Воспитателя его называют аталык. По достижении зрелости этот ханыч почитает своего аталыка точно как отца родного. Если воспитанный таким образом ханыч достигнет чрез Высокую Державу властительства, то он употребляет все старания к тому, чтобы своего аталыка и эмельдеша (молочного брата), в признательность, обогатить пред всеми прочими»⁹²⁷.

По причине такого породимства и пользовалось особым расположением Крымских ханов черкесское племя Бесленей⁹²⁸, самое имя которого объясняют тем, что это племя специально занималось воспитанием детей Герайского рода. У Крымских ханов даже бывали из этого племени жены, игравшие большую роль в политических делах ханства. Такова была мать Джаны-бек-Герая, которая была последовательно за тремя ханами замужем и единственно своим личным влиянием добилась таки ханской власти для своего сына Джаны-бека, права которого на ханство по некоторым соображениям были более нежели сомнительны⁹²⁹. Но одновременно с такими родственно-дружелюбными отношениями Крымских ханов к одним черкесским племенам у них вечно продолжались нелады с

другими. Не довольствуясь данью, которую платили кабардинцы невольниками каждому новому хану под именем «подарка», «приходного», или в разное время под именем «погрешного», ханы, увлекаемые жадой еще большей поживы, делали беспрестанные набеги на бедных черкесов, придираясь ко всякому случаю и невзирая на явную покорность их⁹³⁰. Впрочем, иногда эти набеги ее дешево обходились Гераям, и некоторым они стоили даже жизни. К таким рискованным набегам, кроме личной корысти, побуждала ханов еще необходимость задаривать дорогими черкесскими невольниками и невольницами вельмож Оттоманской Порты, чтобы с их поддержкой прочнее сидеть на ханском тропе. Эти расчеты, как показывает история, обыкновенно оказывались тщетными: сила обстоятельств и естественный ход вещей делали свое дело роковым образом, вопреки воле и желаниям пасынков фортуны, ханов Крымских. Случалось и так, что в критические моменты члены Герайской фамилии, даже сами ханы, искали убежища у тех самых черкесов, на которых они в другое время нападали по самым ничтожным поводам.

Само собой разумеется, что и без того довольно сложные условия сохранения за собой власти Крымскими ханами еще более усложнялись такими неровными и фальшивыми отношениями их к подвластным им народам, обитавшим вне Крымского полуострова. А все вместе взятое — не вполне выясненные географические и политические отношения ханства к Порте, беспокойный и строптивый дух татарских мурз и вообще ногайского населения, ненадежность подданства черкесских племен — представляло довольно мудреную задачу для хана, которому надо было согласовать все эти разнородные элементы, чтобы сохранить равновесие собственного положения. К этому еще неизбежно присоединялись семейные распри и родственное соперничество, пагубные результаты которых Менглы-Герай когда-то испытал уже на себе самом. И вот, желая, может быть, предотвратить хоть некоторые из обстоятельств, неблагоприятных для прочности династии, умный и дальновидный Менглы-Герай ввел одно государственное учреждение, которым он думал, вероятно, гарантировать правильную после себя преемственность верховной власти в Крымском ханстве. Мы разумеем учреждение сана *калги*.

В тех памятниках, где встречаются толкования значения сана *калги*, оно понимается обыкновенно в смысле достоинства или прав наслед-

ника престола. Так оно выходит из слов историков⁹³¹, так оно явствует и из некоторых подлинных документов, каковы, например, султанские грамоты об утверждении некоторых ханычей в звании калги⁹³². В этих последних утверждаемые лица титулуются так: «Наследник великих султанов, слава почтенных хаканов». Этими же эпитетами потом иногда и сами калги величают себя в своих собственных грамотах⁹³³. Затем у Феридун-бея находится в его титуляции целая полдюжина высокопарных официальных обращений к крымскому калге в случаях сношения с ним султанской канцелярии⁹³⁴. Но из всего этого ровно ничего нельзя извлечь для более близкого определения прав и обязанностей калги, которые в утвердительных грамотах обозначаются лишь в общих чертах. В них, например, говорится, чтобы калга, «исполняя и осуществляя то, что относится к священным обязанностям службы, не уклонялся от твердого пути закона и не сбивался с истинной дороги»; или — чтобы калга «исполнял обязанности службы по усмотрению хана, и чтобы они с полным единодушием тщательно пеклись о делах веры и державы и усердствовали в истреблении врагов государства и народа»⁹³⁵.

Тщетно было бы в позднейших источниках искать более точных признаков первоначального положения калги в ханстве, ибо учреждения, возникшие в более раннюю пору, в скором времени утратили свой первоначальный смысл и значение и видоизменились. В определении значения сана калги мы встречаемся с самыми непримиримыми противоречиями. Общее правило было, например, то, что калгой могло быть лицо ханского рода, которое было бы моложе царствовавшего хана, но старше прочих членов династии. Гезар-Фенн уже прямо говорит, что сан калги принадлежал ханскому брату, который был моложе его. В действительности же мы видим в этом звании и ханских братьев, и сыновей, и племянников. Видим нередкие случаи прямого нарушения прав старшинства на этот сан; даже встречаемся с такими курьезными фактами, что свергнутый с престола хан был назначаем калгою¹. Историки турецко-татарские называют подобные факты противообычными, попросту говоря — нелепыми, но сами не указывают коренных признаков сана калги, так что о них надо догадываться путем некоторых соображений. Самым видным из этих признаков было право на известный денежный оклад из доходов кафского порта, высчитанный в вышеупомянутом султанском берате в

540 000 акчэ ежегодно⁹³⁶. Насчет же первоначального происхождения сана калги ни султанская канцелярия, выдававшая грамоты на этот сан, ни турецко-татарские историки сами, кажется, не имели точных сведений и ясного представления⁹³⁷. Например, в том же берате находится такое выражение: «*По действующему искони в татарском народе обычаю и канону став калгою*»⁹³⁸. Оно лишь вообще указывает на древность возникновения сана калги, но без ясного обозначения степени этой древности. Сейид Мухаммед-Риза в одном месте к слову по поводу сана калги упоминает о «чингизовой торэ», на принципе которой будто бы основывался этот сан⁹³⁹; но не делает такого упоминания, когда говорит о том, что «как только Менглы-Герай воссел на трон самостоятельности, то одного из сыновей своих, Мухаммед-Герая отличил назначением его на должность калги, в смысле наследника престола»⁹⁴⁰. В том же роде говорит и автор «Краткой Истории»⁹⁴¹. При этом оба крымские историка не поясняют хорошенько, было ли это назначение должности, раньше существовавшей, или же впервые учрежденной Менглы-Гераем.

Определеннее высказывается об этом предмете другой крымский историк, писавший несколько позже обоих вышеупомянутых, Халим-Герай. Его объяснение всецело принято и буквально повторяется турецким историком Джевдетом. Вот что они пишут: «Когда Менглы-Герай отправлялся на войну и в набег на страны гяуров и его спрашивали о том, кого же он оставляет своим наместником для охраны Крыма, то он выражал свою волю, отвечая на татарском языке: “Пусть *останется* сын мой Мухаммед-Герай”. Таким образом, Мухаммед-Герай до благополучного возвращения своего отца из похода вкушал от сладости властительства. А потом, по возвращении, уже отцу казалось неловким, несправедливым испортить вкус этой сладости солью отставки: он, вместе с его титулом *калги султана*, учредил новую должность, отчислив на нее определенный оклад из доходов с таможен и соляных озер, указал город Ак-Мечеть в резиденцию калге и пожаловал в управление город Кара-Су и местности, принадлежащие к его округу. А с падишаховой стороны ему дана была грамота на бытие его наследником престола»⁹⁴².

За разъяснение вопроса о калге принимался и почтенный автор исследования «О Касимовских царях и царевичах». Он отрицает мнение других ученых, что это звание, равно как и другое, звание нур-эд-дина,

есть выдумка Крымских ханов, потому что звание калги, говорит он, еще в 1512 году, т.е. в первые времена существования ханства Крымского, было известно у бухарских шейбанидов, и что тогда уже оно считалось у них учреждением старинным⁹⁴³.

Но приводимые им в пользу своего собственного воззрения доказательства не настолько вески, чтобы с ними можно было безусловно согласиться. Во-первых, все данные, на которые ссылается г. В.-Зернов, не очень стары: во всяком случае относятся ко времени после учреждения звания калги Менгли-Гераем. Во-вторых, если принять, что уже факта существования сана калги не у одних только Крымских ханов достаточно для того, чтобы не считать учреждения этого сана в Крыму самостоятельным нововведением, то незачем указывать параллельное явление у бухарских шейбанидов, когда есть факты гораздо ближе. В различных источниках, и притом турецко-татарских, мы встречаем упоминания о том, что в самом Крымском ханстве, кроме калги ханского, существовал калга ширинский, о котором говорит и Гезар-Фенн⁹⁴⁴, и Сейид-Мухаммед-Риза⁹⁴⁵. Один раз о нем упоминается даже и в официальном документе — в грамоте хана Джаны-бек Герая II к царю Михаилу Федоровичу; но тут говорится уже не об одном ширинском калге, а также и о калге манкытском⁹⁴⁶. Несмотря на такой общеизвестный факт, крымские историки однако же не стеснялись отвести сан калги к числу государственных учреждений, впервые созданных Менгли-Гераем I — это что-нибудь да значит: какое-то нововведение да было сделано Менгли-Гераем в престолонаследии. Мы не думаем, чтобы все нововведение заключалось в изобретении нового титула для прежнего, и даже давнишнего, в татарской сановой иерархии сана. Надо полагать, что новое название должно было указывать и на новые признаки, которые хотел на будущее время соединять с прежним государственным учреждением Менгли-Герая. Можно с уверенностью думать, что калга в чиноположении дома Гераев, по соображениям учредителя этого сана, был или долженствовал быть не тем, чем был калга бухарских шейбанидов, или калга мурз ширинских. Несомненно, что в некоторых чертах они были сходны между собой, но едва ли это сходство доходило до полного тождества. Все калги — и шейбанидский, и ширинский, и герайский, были одинаковы в том смысле, что изображали собой преемника, имею-

щего право наследовать царствующему хану или живущему главе мурзинского рода. Но пока не представляется положительных свидетельств о том, чтобы калги шейбанидский и ширвинский также назывались не иначе как калгой же⁹⁴⁷. Вышеприведенных же упоминаний слишком мало, если принять в расчет количество носителей этого титула хоть бы, например, у мурз ширинских. Из этого позволительно заключить, что титул калги принадлежал исключительно только известным членам дома Гераев, применение же этого титула в других случаях было аналогичское, не вполне соответственное действительным фактам.

Как уже выше было нами замечено, господствующий искони у всех тюрков взгляд на право наследования власти тот, что оно переходит к старшему в роде. При многочисленности членов той и другой властвующей династии и при всяких случайностях, следовательно, никогда нельзя с уверенностью указать на кого-либо из них как на законного наследника престола. Теперь, например, мы в любом календаре найдем справку о том, кто будет главой того или другого европейского, династически правимого, государства, за исключением разве беспотомственно угасающих династий. Но если бы мы вздумали хоть приблизительно определить, кто наследует турецкому султану, так это оказалось бы невозможным именно вследствие означенного выше порядка престолонаследия, общего у турок османских с другими народами тюркского племени. С этой традиционной точки зрения учреждение сана калги в Крыму, как особом ханстве, независимом от главного золотоордынского улуса, могло, пожалуй, казаться не более как восстановлением старинного, исконного порядка, ведущего свое начало от самого Чингиз-хана. Но мы и в самой Золотой Орде что-то не замечаем соблюдения какого-либо строгого порядка в заступлении верховной власти, особенно в последнее, крайне смутное время ее существования, не говоря уже о том, что не находим не только самого титула калги, а и какого-либо другого, который бы соответствовал этому последнему в золотоордынской государственной иерархии. Если бы таковой существовал, то крымские историки не преминули бы, наверное, при случае упомянуть о нем. А такой случай представлялся им тогда, когда они трактовали о законоположениях и административных распоряжениях Чингиз-хана. Сейид-Мухаммед-Риза и автор «Краткой Истории», например, касаясь этого предмета, приводят разные титулы,

обозначавшие различные государственные звания и должности в империи Чингиз-хана, но о калге ничего не говорит⁹⁴⁸.

Мы думаем, что вопрос о калге Крымских ханов можно решить следующим образом. Менглы-Герай, убедившись из опыта предшествующих времен в ненадежности коренного тюркского порядка престолонаследия для прочности государственного строя, и даже сам на себе испытавши невыгодные стороны этого порядка, естественно мог вознамериться несколько изменить этот порядок в основанной им династии, в том смысле, чтобы право преемства власти переходило не к старшему в царском роде, а к старшему сыну царствующего хана⁹⁴⁹. К этому могло подвигнуть Менглы-Герая с одной стороны опасение новых смут, которые могли быть произведены претендентами на власть и расшатать едва только сформировавшееся Крымское ханство: мы знаем, что у Менглы-Герая были братья, имевшие своих потомков, которые при случае могли бы предъявить свои права на ханский престол, опираясь на исконные народные традиции. С другой стороны, заранее регулируя порядок престолонаследия, Менглы-Герай, может быть, думал этим несколько ослабить также и вассальную зависимость ханства от Османской Порты, верховенством которой он не мог не тяготиться сам и не предвидеть еще большей тяготы его в будущем для своих потомков. Если бы в данном случае дело шло о простом лишь возобновлении прежде существовавшего государственного учреждения, имевшего особое наименование, то Менглы-Герая незначало бы придумывать новый титул для своего преемника — калга. Этот титул придуман им был в своих династических интересах, чтобы запечатлеть им новое учреждение, подобно тому как им же установлено фамильное прозвище Герай для всех членов его царствующего дома. Подобным образом едва ли в силу простой случайности со времени Менглы-Герая же титул султан получает в Крымском ханстве второстепенное значение и совершенно исчезает из легенд на татарских монетах, на которых прежде это слово постоянно являлось в виде высшего эпитета, в таком только смысле, в каком турецкими султанами употреблялись и употребляются титулы хан и хакан.

Теперь остается еще коснуться этимологического значения титула калга. То объяснение, какое дается ему позднейшими комментаторами, Халим-Гераем, Джавдетом и Казембеком, производящими его от гла-

гола — «оставаться», кажется чересчур уже незамысловатым и случайным сравнительно с нарочитой важностью самого сана. Только с большой натяжкой слово можно толковать в смысле выражения «пусть он останется» в применении к той роли, какую играл калга в Крымском ханстве, то и дело участвовавший в походах и набегах и бывавший в отлучке за пределами Крыма, в то время как хан оставался дома. Если такой простой именно был смысл слова калга, как толкуют вышеупомянутые комментаторы, то нельзя не удивляться тому, что ни Сейид-Мухаммед-Риза, ни составитель «Краткой Истории», вообще большие охотники до всевозможных словотолкований, не остановились на его изъяснении ввиду некоторой странности употребления и легкости истолкования этого слова. Кроме того, любопытный факт представляет то, что титул *калга* не всегда имел такую форму. Еще г. Казембек в предисловии к печатному изданию «Семи планет» в одном месте, давая объяснение слову калга, заметил, что «Дегинь в своей *Histoire generaie des Huns* ошибочно пишет *Kaglegai*»⁹⁵⁰. Мы теперь можем утвердительно заявить, что форма *Kaglegai* для имени калга, встречающаяся у Дегиня и принятая г. Казембеком за простую ошибку, вовсе не есть ошибка, а только вариант, усмотренный Дегинем в тех восточных памятниках, которыми он пользовался для своей истории гуннов. Эта форма — *каглыгай*, или *кагалгай*, или *кагылгай* — встречается не у одного Дегиня, а и в самих турецко-татарских исторических сочинениях и в подлинных татарских грамотах. Турецкий историк Фундуклулу иначе не пишет про крымского калгу, как (см. текст оригинала)⁹⁵¹. В грамотах Крымских ханов также первое лицо после хана постоянно называется, или (см. текст оригинала)⁹⁵². Достоинно внимания, что эта форма чаще всего является в наиболее старых документах и, главным образом, в грамотах, писанных от имени самих тех лиц, которые носили титул калги: например, Девлет-Герай-султан титулуется себя (см. текст оригинала)⁹⁵³, вперемежку с формой (см. текст оригинала)⁹⁵⁴, точно так же Мухаммед Герай-султан величает себя (см. текст оригинала)⁹⁵⁵; Ислам-Герай-султан тоже пишется в своей грамоте (см. текст оригинала)⁹⁵⁶; Фетх-Герай-султан тоже (см. текст оригинала)⁹⁵⁷, и т.д. В позднейших же грамотах начинает преобладать и потом окончательно устанавливается другая, краткая форма: так, например, в довольно большой грамоте хана Ислам-Герая III от 1056 =

1646 года не однократно уже прописано крупными буквами (см. текст оригинала)⁹⁵⁸.

Откуда же взялось слово, и какое можно дать ему толкование, соответствующее тому значению, в каком оно употреблялось, как сановный титул? Мы не знаем хорошенько, как оно выговаривалось писавшими его, но в этом своем начертании его ближе всего производить от глагола — «быть вбиту, вколочену, утверждenu», страдат. формы от (см. текст оригинала). Следовательно, должно быть переведено: «пусть будет вколочен, утвержден». Но с этим значением оно еще менее подходяще, нежели слово — «пусть останется». В таком случае лучше уже считать обе формы и тождественными, допустив тут свойственную татарскому языку вставку гортанного звука в середине слов, как, например, мы это видим в слове — «лук», «свинец, пуля», Судак и Суджук.

Такая двоякая форма одного и того же термина и колебание в употреблении той и другой дает нам, в связи с некоторыми историческими обстоятельствами возникновения самого термина, повод предполагать в слове *калга* не чистую тюркскую природу, а иноязычное происхождение. Нельзя отрицать того, что Менгли-Герай явился в своем роде новатором, взявшись образовать из Крымского удела совершенно особое ханство под властью своего дома, окончательно порвав всякие связи с прежним главным татарским центром. Для этого ему нужно было локализовать самый государственный строй основанного им ханства, придав местный колорит тем учреждениям, которые остались в нем по традиции от прежних времен процветания Золотой Орды. Колорит этот сообщался влиянием другого центра, к которому теперь поневоле пришлось тяготеть Крыму, а именно влиянием Османской Порты: ее порядки должны были на первых порах стать образцом для вновь организовавшегося ханства. Нам думается, что и титул *калга* занесен Менгли-Гераем оттуда же и есть не что иное, как *калифэ* — «преемник, виварий» и т.п. Этот термин, более известный нам как титул главы всех правоверных мусульман, издавна пользовался таким обширным применением в чиновной иерархии Османской Порты, что и там параллельно образовалась из него другая, вульгарная форма *калфа*, которая и по выговору, и по начертанию совершенно обособилась от своего первообраза, употребляющегося в своем чистом виде только для обозначения тех исторических

лиц, которых называют калифами, а также и для титула турецкого султана, как духовного владыки всех верующих. Турецкое *калфа* означает «ближайшего подручника, преемника, заместителя, кандидата», как раз то самое, что заключается и в понятии татарского видоизменения этого слова — *калга*. Фонетическая возможность такого преобразования заключается в несвойственности звука *ф* тюркским языкам, вследствие которой крымские татары до сих пор заменяют его обыкновенно звуком *п* и *б* и говорят, например, *Кэпэ* вместо *Кэфэ*, *бариштит* вместо *форштит*, и т.п. Иногда же *ф* заменяется у них в чужих словах гортанным *х*: например вместо *фундамент* говорят *хундамен*, вместо *полфунта* говорят *пулхунт*, и т.п. Занесенное на крымскую почву и включенное Менглы-Гераем в число официальных терминов турецкое *калфа* сразу же могло быть татаризовано и, по закону гомопимии, вошло в чисто татарскую форму, мало-мальски подходящую по своему значению к этому чужезычному и несколько тяжелому для выговора слову.

Менглы-Герай-хан в вопросе о престолонаследии, по случайному стечению обстоятельств, сошелся с своим современником и сюзереном, турецким султаном Баязидом II (1481—1512), который также под конец своего царствования был озабочен обеспечением престола за старшим любимым сыном своим Ахмедом против властолюбивых покушений младшего, Селима, который, однако же, в конце концов добился-таки своего и сел на трон, свергнув отца, прежде чем этот успел передать его Ахмеду. Подобным образом и нововведение Менглы-Герая не привилось как следует: после его смерти народная традиция опять вступила в свои права, и *калга* стал в народном, ходячем представлении не тем, чем он должен был быть по замыслу Менглы-Герая, создавшего этот сан и титул.

В связи с заботами султана Баязида о передаче власти своему сыну Ахмеду находилось, между прочим, одно административное мероприятие Оттоманской Порты, коснувшееся и Крыма. Отношение к нему Менглы-Герая обрисовывает нам личность последнего и обнаруживает политику его, которой он держался в качестве вассала Порты. Чтобы очистить для Ахмеда путь к трону и устранить соперничество других его братьев, Баязид разослал их в разные, более или менее отдаленные от столицы, провинции в качестве своих наместников-правителей. На долю

одного из них, а именно Мухаммеда, пришлось отправиться в Крым. Это отправление могло быть еще мотивировано тем, что присутствие султанского сына в новоприсоединенной области должно было сильнее способствовать бесповоротному слиянию ее с Османской Державой.

В турецких источниках нет точного указания на время, когда состоялось назначение шахзаде губернатором кафского вилайета. В наших же памятниках первое известие о его прибытии в Крым сообщает Менгли-Герай в своих ярлыках к великому князю московскому. В ярлыке от 5 октября 1495 г. Менгли-Герай пишет: «К салтану Баязиту грамоту писал еси, к нам прислал еси. Мы ту грамоту к салтану послали... И мы к салтану своего человека послали, отвестья просили, от салтана к нам отвестья бывали: *сына к вам ныне своего посылаю*, а то дело (о котором хлопотали великий князь Иван Васильевич и Менгли-Герай) *сыну моему Махметю* приказано, с тобою поговоря, как ты просишь, так бы тебе доспел. *Ныне салтанов сын пришел*, и говорили есмя»⁹⁵⁹. В другом ярлыке около того же времени сообщается: «Приехал турецкого сын к нам, приказывал: дяди моего царева брата Ивана человек его пришел здоровье его полное сказати... А наперед того Костянтин (Малечкин, русский посол) ездил к кафинскому князю и корешовался с ним⁹⁶⁰, и нынеча тебя посылаю, поеди. И турецкого сын, твое брата моего здоровье полное слышавши, обрадовался»⁹⁶¹. С той поры великий князь пересылался особо с султаном и с сыном его. В 1496 году великий князь наказывал Ивану Звенцу, на случай если бы Менгли-Герай стал пенять на неприсылку ему красного кречета: «И князю Ивану молвити: одны, господине, ныне прилучилися у великого князя два кречята красные, и он их послал к турецкому султану да к сыну его, занже, господине, от государя моего *впервые к ним поминки*»⁹⁶². В том же году, читаем в Делах Крымских: «послал князь велики к турьскому салтану Баазыту да к сыну к его в Кафу посла своего Михаила Андреевича Плещеева»⁹⁶³. После этого обмен посольств и грамот между Москвою, Крымом и Стамбулом учащается. Документальные памятники этих сношений дают нам более подробные сведения о положении султанского сына в качестве правителя кафского вилайета, а также об отношениях его и самого султана к Крымскому хану, равно как выясняются воззрения этого последнего на тогдашнюю международную политику.

27 февраля 1498 года возвратился Михайло Плещеев из своей миссии и привез с собой разные грамоты, в том числе несколько грамот от султана Баязида. Турецкие подлинники последних, к сожалению, не дошли до нас.

Каковы бы ни были соображения, которыми руководствовался султан Баязид при назначении сына своего правителем кафской провинцией, или «вотчины», как она названа в переводе грамоты султанской⁹⁶⁴, сын этот был молодой юноша, и ради этого к нему был приставлен дядька. Султан Баязид пишет великому князю Ивану Васильевичу: «А нынеча коли твои люди придут к нашему Порогу с правым сердцем и Кафу и в иные земли, ино у меня в Кафе сын мой Могомет султан да с ним *дядка* его, и яз есми *им* приказал накрепко», и т.д.⁹⁶⁵. Не имея в руках подлинника, трудно с точностью сказать, что это был за дядька такой: обыкновенный ли воспитатель султанского сына, называемый по-турецки — *ляля*, или это был какой другой, нарочитый приставник. Важно тут то, что этот дядька разделял с своим юным принцем его полномочия, как это выходит из слов грамоты: «яз есми *им* приказывал», а не «*ему* приказывал».

Роль такого же дядьки по отношению к принцу играл и Крымский хан. В грамотах своих принц не иначе величает хана, как *дядею*: «От великих князей похвалной дядя мой, великой царь, твоему величеству брат», читаем мы в одной из них⁹⁶⁶. Такое авторитетное положение хана сознавалось им самим и с торжественной откровенностью высказывалось даже в грамотах его к великому князю московскому. Одна из них очень характерна в этом смысле. Хан заявляет, что назначение кафского губернатора производится султаном с его согласия; но при всем том он все же чувствует себя не совсем ловко: присутствие сильного соседа тяготит его, мешает полной самостоятельности его действий. Вот что он пишет: «А турской государь и что будет ему пригожество — к роте и к правде не прямые люди, слышим; в Кафу наперед того князя посылали; и будет он добр, а с нами в одиночестве будет, и мы о нем грамоту посылавали, и сколько ему велим жити, и он у нас столько (бы) жил. А которой к нам непригожей князь придет, и мы о том грамоту ж посылали, и он того ответит; а нынеча сына своего послал, и *ныне молодежь*; что *говорим*, слово наше *слушает*; а как *взроснет*, ино *государь тот* с нами *Бог ведает как будет*. У нас в старых людех притча есть: *две бараны*

головы в один котел не лезут, молвят. Нечто нас не послушает, а мы его не слушаем, меж нас лихо будет, молвя, блюдемся; а где лихо живет, и из тое земли люди выходят»⁹⁶⁷.

Такой почти высокомерный тон Менглы-Герая объясняется не тем, что Менглы-Герай «был славнейший из всех Крымских ханов», каким его считает г. Говордз⁹⁶⁸, а скорее, во-первых, вообще сравнительной вялостью характера султана Баязида, а во-вторых — положением дел в самой Порте. Что Баязид был вял и не особенно взыскателен, это подтверждается многими фактами: с ненавистным ему по религиозному своему еретичеству персидским шахом Исмаилем он всячески старался поддерживать мирные отношения, несмотря на задиательства последнего, доходившие до цинизма⁹⁶⁹. Несмотря на то что впервые прибывший к султанскому двору посол великого князя московского Михайло Плещеев «невежество и непригожее дело учинил»⁹⁷⁰, ему это сошло даром, именно только благодаря той же невзыскательности и какой-то мистической кротости Баязида; тогда как гораздо позднее, в половине XVII в., даже французским послам турецкие чауши выбивали зубы на аудиенциях да еще не султана, а только верховного визиря⁹⁷¹. Да чего уж сильнее доказательства слабохарактерности Баязида, как добровольная уступка им престола удалому сыну своему Селиму I Явuzu!

Робкий на военные предприятия, Баязид только в крайности решался на войну, и потому немудрено, что он так щедро отблагодарил Менглы-Герая за его помощь в походе молдавском⁹⁷². По смерти отца своего, он, по заведенному обычаю, должен был известить соседних государей о своем вступлении на престол, на каковой случай имеются разные формы посольства, грамоты и т.п. Крымскому хану, как вассальному правителю, это известие обыкновенно сообщалось в формах присылки второстепенного чиновника, вроде чауша, по-нашему жандармского офицера, с известительной грамотой⁹⁷³, а султан Баязид, по своему благодущию, прислал Менглы-Гераю подарки, состоявшие из одежды, коней и драгоценного перстня. Менглы-Герай же настолько не дорожил вниманием султана, что подарил в свою очередь пожалованный ему перстень великому князю московскому при грамоте от 1498 года, в которой пишет: «Коли салтан Могомед (Фатих) преставился, сын его Баязыт салтан после отца память ко мне прислал — платье и кони, да яхонт ал в

жиковине в золотой; нынеча тебе брату моему на руке пригож держати, молвя, на руке возвидишь, меня на сердце держишь, а братство и любовь свыше будет; друзи наши, слышев, обрадуются, а недрузи наши, слышев, попропали бы, молвя, ту жиковину с яхонтом с алым тебе любимому брату с своим с паробком с Давыдом послал есми»⁹⁷⁴.

Соответственно такой самостоятельности поведения Менглы-Герая, и царевич Мухаммед также держал себя с ним очень деликатно. Он за свой страх и ответственность посылал войска против черкесов, не считая их прямыми подданными хана. «А сын турецкого Махмет салтан кафинской сее весны посылал ратью людей своих на Черкасы триста человек, да двесте человек Черкас с ними ж ходили, которые у кафинского служат», доносил в июле 1501 года Мамонов великому князю московскому⁹⁷⁵. Но когда к принцу явился посол от Шейх-Ахмеда большеордынского Куюк просить у него позволения кочевать им к Днепру, вследствие беспокойств от ногаев и черкесов, то «Шагзода ему отвечал так: что земли и воды не мои, а земли и воды *волного человека Менли-Гирея*; будешь царю Менли-Гирею брат и друг, и ты и мне брат и друг; а яз тебе не велю кочевать к Непру; *а то ведает отец мой*»⁹⁷⁶.

Но этот покорный своему отцу и Крымскому хану юноша, царевич Мухаммед, в скором времени отправился на тот свет. В числе подлинных турецких документов, относящихся к 910 = 1504—1505 году, находится также соболезновательная грамота Зулькадрского князя к султану Баязиду по случаю смерти шахзаде Мухаммеда в Кафе, и ответ на нее султана⁹⁷⁷. На сцену теперь выступил брат умершего, беспокойный и энергичный Селим, который повел другую политику, имея в виду заветный план унаследовать, или даже захватить силой, отцовский трон, помимо братьев своих, из которых старший Ахмед, любимец отцовский, больше всех имел шансов сделаться после отца султаном.

Принц Ахмед в качестве наследника престола был наместником в Малой Азии и имел резиденцию в Амасии. Между прочим он уже входил в непосредственные сношения и с Крымским ханом. В той же грамоте, при которой Менглы-Герай отослал великому князю московскому перстень, в 1498 году, он хлопочет за обиды, причиненные в Москве токатскому купцу Кортемирю⁹⁷⁸, у которого будто обрезали нос и уши и отобрали казну в Москве. А хлопочет Менглы-Герай потому, что к нему

«Салтан Баязитов сын, салтан Ахмет, Амаси и Самсона и Токата тех городов князь, просити... человека своего и грамоты прислал»⁹⁷⁹. При этом Менглы-Герай, для большей убедительности, вероятно, приводит такие будто бы подлинные слова принца Ахмеда: «Нас Баязитовых детей много, меж нас от тебя ко мне то дело мое сделаешь, всесветных кун боле того мне дашь»⁹⁸⁰. Факт этот тем знаменателен, что принц Ахмед адресуется к посредничеству хана, в то время как в Кафе сидел его родной брат Мухаммед, в которому всего естественнее было бы обратиться для улажения дела, имевшего международное значение, ибо Ахмед, претендуя за обиды своего купца, считает ложными жалобы на притеснения русских купцов в Токате. «Великого князя Ивановы многие гости в наш в Токат ходят, и мы у тех гостей толко возьмет гостем силу учинили, молвят; в лихом имени будем, молвя, не учиним», читаем мы слова принца Ахмеда в слепом переводе ярлыка Менглы-Гераева. Дело делом, а в таком тоне обращения принца к Менглы-Гераю нельзя не заметить некоторого заискивания, может быть даже подсказанного ему доброжелательным отцом, чтобы иметь в Крымском хане на всякий случай лишнего друга и союзника. Оба они, и отец и сын, опасались беспокойного и свирепого нравом Селима, и совершенно основательно.

Этот опиумоед, галлюцинат и поэт уже рано обнаружил свои стремления, когда под разными предлогами требовал от отца посадить его наместником более близкой к столице провинции, между тем как отцу хотелось его услатить куда-нибудь подальше. Но упрямый Селим знал слабохарактерность отца и умел преодолеть его волю своей настойчивостью, поступая прямо наперекор отцу, без опасения быть за это строго наказанным. Когда он был губернатором Трапезунда, сыну его Сулейману, впоследствии знаменитому султану, дед султан Баязид хотел дать в управление г. Болы в Худавендгяре в Малой Азии; но принц Ахмед счел это неудобным для себя, и Сулейману дан был пост губернатора в Кафе⁹⁸¹. Задумавши во что бы то ни стало утвердиться где-нибудь в Румилии, поближе к Стамбулу, Селим сперва перебрался в Кафу под предлогом желания повидаться с сыном. Там он будто бы взял в свое владение семьсот тысяч наделов земли и водворил на них своих людей⁹⁸². Отсюда он отправился в Румилию с отрядом, большая часть которого состояла из татар⁹⁸³. Там у них дошло дело до открытого столкновения

с отцом. Селим потерпел поражение и на корабле бежал опять в Кафу на свидание с своим любезным сыном⁹⁸⁴. Вот это вторичное пребывание Селима в Крыму особенно достойно примечания, потому что о нем говорят многие турецкие и татарские историки, и все различно.

Сейид-Мухаммед-Риза и автор «Краткой Истории» передают это событие в таком виде. «В те поры, — говорят они, — султан Селим-хан, по воле промысла Божия, будучи разбит и обращен в бегство в сражении, происходившем близ Чорлу в окрестностях деревни Ограта, сел на корабль в Ах-ёлу или в Варне и отплыл в Кафу, бывшую тогда под управлением сына его царевича Сулеймана. Так как у него было намерение вторично сразиться с отцом, то он, оставив сына в Кафе, отправился в Бакчэ-Сарай. Менглы-Герая хан вкупе со всеми султанами и эмирами вышел ему навстречу, оказал всякий почет и уважение, приняв его как гостя⁹⁸⁵. Когда же чрез несколько времени он, объявив хану о своем намерении, стал просить его отрядить в помощь ему тысяч 10—15 татарского войска под начальством одного из султанов, то умный, опытный и дальновидный хан тотчас сообразил, что любовь и дружба татар с Высокой Державой была очень велика, и что послать в ее пределы все войско значило бы отвратить ее от татар и потерять на будущее время всякое доверие. Он не поддался воззрению Селима; да и вовсе отказать-то не считал целесообразным, и потому отрядил из сыновей своих Сеъадет-Герая с некоторым количеством войска на помощь ему»⁹⁸⁶.

Этот рассказ довольно правдоподобен: он как нельзя более согласуется с осторожным и предусмотрительным образом действий умного Менглы-Герая, который не мог слишком уже явно стать на сторону Селима, после того как он проиграл сражение и чрез то утеряти шансы на счастливую будущность. Родственные же связи, а отчасти, может быть, еще и надежда на возможность успеха Селима, не позволили в то же время Менглы-Герая вовсе отказать Селиму в помощи, и он оказывает эту помощь, только в довольно скромных размерах.

Турецкие же историки не могли в этом случае поступиться своей национальной гордостью и изображают Селима чрезвычайно как значающим во время вторичного посещения им Крымского хана. По их словам, хан будто бы сам старался всячески утешить и ободрить потерпевшего фиаско Селима и предлагал ему в его распоряжение татарское

войско; но он будто бы с гордостью отверг это предложение, находя неприличным наводнять владения достославных предков своих какими-нибудь татарами. Мало того: когда Менглы-Герай предлагал Селиму руку дочери своей, то он будто бы отверг и это предложение. Передавая этот факт, историки ссылаются на Бали-пашу, современника описываемых происшествий⁹⁸⁷. Другие же, как например автор прибавления к истории Сеъад-эд-Дина, а также неизвестный автор сочинения, переведенного Дицем, прибавляют еще одну тенденциозную подробность, также ссылаясь на Бали-пашу. Они говорят, что Селим придержал своего коня, заметив, что ехавший ему навстречу Менглы-Герай вздумал было остановиться и ждать, пока Селим сам подъедет к нему первый⁹⁸⁸. Но Гаммер-Нургшталь, ссылаясь на другие источники, объявляет рассказ турецких историков о поведении Селима не заслуживающим доверия. Неверно они говорят и о том, что будто Селим отверг руку дочери Менглы-Герая, ибо он уже раньше того был женат на ней⁹⁸⁹.

Крымские же историки, для большого беспристрастия, вероятно, к своему собственному пересказу вышеприведенного события присовокупляют также целую статью о том же самом предмете из истории Нишанджи-паши — Сейид-Мухаммед-Риза предпосылает этой статье такую оговорку: «Так как подробности о крымском походе⁹⁹⁰, собранные и сгруппированные в дивной истории Нишанджи-паши, несколько противоречат повествованиям бедняка сего⁹⁹¹, то они и приводятся здесь слово в слово». Автор же «Краткой Истории» опять слишком уже сократил рассказ Нишанджи-паши, выпустив некоторые существенные подробности⁹⁹². Вот что мы читаем в этой статье.

«С Божия соизволения направленные на пределы Кафы действия падишаха небожителя⁹⁹³ способствовали лишь вкушению жителями благомилостей господних. Это светило веры и государства, блеск очей султаната и калифата в доме Османовом, было факелом, озаряющим здание веры мусульманской. Но ему еще надлежало смахнуть пыль заблуждения, нанесенную на зеркало веры вчинаниями восставших в пределах благоденственного и правоверного Рума тиранов-притеснителей и затеями заблуждающихся супротивников, и очистить ясное лицо ее. Но осуществление этих счастливых намерений зависело от благоприятного свидания с находившимся в той стране татарским ханом. По требова-

нию обстоятельств, господин падишах, посадив в Кафе своего благополучного царевича, сам в том же году отправился повидаться с покойным Менглы-Герай-ханом, бывшим в то время ханом татарских стран. А Менглы-Герай-хан был человек честный, правдивый, ведавший исламские дела согласно шариату, правоверный суннит, удачливый, натуральный и благовоспитанный. С султаном Баязидом у них были самые искренние, братские отношения. В грамотах, писанных от его Высокого Порога хану, говорилось: «Ваша сторона, убежище братства». Когда господин падишах, выйдя из Кафы, направился в его сторону, то хан, узнав об этом, встретил его со всем татарским войском, со всей свитой и церемонией, в сопровождении всех султанов, аянов, огланов и мурз. Выказав всякого рода почести, он исполнил все обычаи и требования гостеприимства: ни в чем не оплошал и не промахнулся. Встреча их была причиной всеобщего спокойствия и радости. В то время как падишах выше описанным образом из Трапезунда отправился со всеми своими детьми и свитой в Кафу, сердцем султана Ахмеда овладела тоска и забота, страх и смятение. Вот что ему пришло в голову: «Наверное брат мой оттуда прямой дорогой пошел в Румилию и, обеспечившись теми путями, примется за дела управления». Встревоженный, он пишет хану письмо с такого рода покорнейшей просьбой: «Брат мой Селим нашел у вас прибежище. Его цель пробраться в пределы румилийские; но если вы ему не поможете, это ему не удастся. Вот наш скромный его величеству хану подарок, состоящий в высочайшей грамоте, по которой все находящиеся в кафской области владения, в особенности со всеми девятью славными и известными крепостями, пусть будут ваши, только не пропускайте пожалуйста в ту сторону моего брата». Письмо это было прислано с нарочитым человеком.

«Случилось так, что именно во время встречи падишаха с ханом туда явился человек султана Ахмеда и доставил хану письмо его. Когда хан узнал, в чем дело, сердце его пришло в смущение. Он в рассеянии думал: “Если у вступившего в нашу территорию царевича есть намерение перебраться в Румилию, то препятствовать ему не подходяще вам: это было бы неблагоприятно”. Он был расстроен этим.

А у хана тогда был сын, по имени Мухаммед-Герай, такое отродье, по натуре своей склонный ко всякому злу и безнравственности. Как только

он увидел ту владетельную грамоту султана Ахмеда, то обрадовался и, обратившись в отца своему, говорит: “Султан Ахмед такую оказывает нам милость — шлет грамоту, даруя нам такие владения, области и крепости. За такую любезность и благоволение нам надлежит тоже порадовать его — задержать брата его”.

Великодушный хан, чтобы опровергнуть возмутительные мысли сына, говорит ему: “Сын, если твою цель и желание составляют крепости и владения, то тебе и шах Селим в них не откажет: проси у него”.

В одну ночь сделано было нарочитое собрание на пиршество в честь покойного падишаха⁹⁹⁴. Собище было, по татарскому обычаю, большое. На пиру этом Мухаммед-Герай встал на ноги, держа в руках бокал, и говорит: “Селим султан, отцу твоему не долго осталось жить; царствование над Румом твое будет; тебе скоро придется сесть на престол. Если я в ту пору у тебя попрошу нечто, то ты исполни!” — Падишах отвечал: “Что тебе желательно, царевич?” — “Отдай нам во владение находящиеся в кафской области крепости и пристани, и мы их заберем во дни твоего благополучия”. — Тогда султан Селим с свойственным ему красноречием соизволил сказать следующее: “Царевич, мы — цари, а не в правилах и не в обычаях царских, да и с исстари действующими законами не сообщено, дарить области и владения: цари земли берут, но никому не дают. Драгоценных камней, серебра, золота, денег, и чего-либо из других царских сокровищ сколько хочешь дано будет; отказа не будет; но только и не хоти земли и владений”. — Ханский сын сел, а султан Селим встал и ушел в свою палатку. Тогда Мухаммед-Герай обращается к хану, своему отцу, с укоризною и говорит: “Вот посмотри-ка, что говорит этот шут! Султан Ахмед, с расстояния в два месяца пути, жалует нам области, крепости, шлет владетельные грамоты; а этот, сам будучи у нас в руках, в нашем кулаке, слышал ты какие речи говорит? Этот скверный шут не то чтобы дать нам владения, а еще, если сделается падишахом, так я уверен, и наши-то владения возьмет. Я не упущу случая и захвачу его”. Сказав эти слова, он встал. Хан стал его удерживать; ничто не помогло: он пошел собирать войско. Хан был очень огорчен и встревожен поступками его. А при нем был младший сын его по имени Сеъадет-Герай, умный, рассудительный юноша, смывленный, сведущий, сообразительный, совсем еще молодой, розоволицый, розовощекий, лукобровый, светоч приличный

трону и короне мира. Хан в ту же ночь привел его и говорит ему: “Сын, я тебя дарю Селим-хану. Власть над царством румским ему подобает. Отцу его осталось не долго жить. Царство ему достанется. Вот брат встал с беседы с ним и ушел, с тем чтобы на утро идти на него с войском. Его цель и намерение не хорошие. Сейчас же спешу к Селим-хану и сегодня же ночью удаляйтесь с нашей земли; как можно скорее переправьтесь на ту сторону реки Узу (Днепра) к Ак-Керману”.

В ту же минуту он послал Сеъадет-Герая. Тот в полночь явился к падишаху и изложил слова хана. Как только стало известно положение дел, на р. Узу были приготовлены лодки, и тотчас же живой рукой со всей свитой и челядью до света переправились на ту сторону реки Узу⁹⁹⁵. А Мухаммед-Герай приходит с тридцатью тысячами татар к тому месту, где находился лагерь, и видит, что там уж никого нет, пусто. Подивились и разошлись восвояси. А падишах, поблагодарив Господа за это, спасся. “На этом пункте, — говорит в заключение Мухаммед-Риза, — история Нишанджи достигла окончания: дальше будем писать от себя уже”⁹⁹⁶. Но дальше он говорит уже о других делах, не имевших никакого отношения к описанному факту. Автор же «Краткой Истории» прибавляет еще следующее: «Впоследствии времени султан Селим, ставши падишахом, сразился с братом своим султаном Ахметом, который, будучи побежден, бежал, и вышеупомянутый Сеъадет-Герай-султан был отряжен, вместе с Герсек-задэ-Ахмед-пашой, преследовать его; он же сослужил службу, умертвив султана Ахмеда. В мирное и военное время всегда находился в его сообществе; а потом, когда падишахом стал султан Сулейман, он (Сеъадет-Герай) проживал в качестве заложника; впоследствии сделался и ханом»⁹⁹⁷.

Ясно, что первая редакция, идущая от лица самого Мухаммед-Ризы, имеет целью обелить Менглы-Герая, что будто бы он понимал всю неприличность своих действий по отношению к султану Баязиду, простершему свою внимательность к хану до самоличного его посещения в его собственной резиденции. А в существе дела Менглы-Герай и не был преисполнен особенных чувств признательности, а поступал как расчетливый и сообразительный политик. Как, может быть, в душе он ни был расположен к царствовавшему султану Баязиду, но безнаказанное самовольство сына его Селима, бросившего свой трапезундский пост и поселившегося в каф-

ском виляйте, бывшем под управлением его сына Сулеймана, внушило хану убеждение, что рано или поздно этот энергический человек добьется своего — сделается султаном, устранив своих соперников братьев, несмотря на симпатии отца к среднему из них Ахмеду. Перспектива нажить в будущем султана врага себе слишком была очевидна для Менглы-Герая, чтобы он позволил своему взбалмошному сыну Мухаммед-Герая затеять рискованное дело захвата и выдачи Селима.

Кроме такой политической дальновидности, заметной в старом Менглы-Герее, им могло руководить в его отношениях к Селиму также и родственное чувство: известно, что Селим был женат между прочим и на дочери Крымского хана, вследствие чего, вероятно, он и величал его в своих грамотах «батюшкой».

Замечательно однако же, что в наших русских документальных источниках не сохранилось известий о таких крупных событиях, как посещение султаном Баязидом Менглы-Герая в столице последнего Бакчэ-Сарае, ни о пребывании в Крыму царевича Селима, столкновение которого с отцом составляет весьма выдающийся факт в тогдашнее время. Это тем более странно, что московский двор при Баязиде завел дипломатические сношения с Османской Портой и очень интересовался этими новыми сношениями⁹⁹⁸. Узнав, по-видимому нечаянно, о том, что Баязид свержен с престола, великий князь московский отправил посла к новому султану Селиму I с любезным поздравлением в таких выражениях: «Отцы наши жили в братской любви: да будет она и между сыновьями»⁹⁹⁹, игнорируя обстоятельства, при которых совершилось воцарение Селима, и которые показывали, как мало имел цены авторитет или пример отца для Селима, всю жизнь препиравшегося с ним и действовавшего наперекор ему. Так московская дипломатия была наивна, или же только притворялась наивной!

Свергнув отца и устранив братьев и даже племянников от соперничества посредством немилосердного избиения их, султан Селим (1512—1520) не опасался за прочность своего положения внутри своего государства. Что же касается Крыма, то там еще сидел в качестве губернатора кафского вилайета единственный сын Селима, Сулейман. Сделавшись султаном, Селим тотчас же вызвал его в себе в столицу, куда он и прибыл в ребиу-ль-эввеле 918 = в мае 1612 года¹⁰⁰⁰, чтобы замещать отца

во время его продолжительного отсутствия в далеких походах, проектированных Селимом против персов. Сосредоточив все свое внимание на Азии и будучи занят крупными там предприятиями, Селим мало вообще интересовался тем, что делалось в Европе, а потому он не особенно нуждался в Крымском хане, как в полезном с этой стороны союзнике. Но это не значит, чтобы он оставался и совершенно равнодушен к вопросу о том, в каких отношениях впредь будет к нему вассал его Менгли-Герая, хотя они и связаны были узами родства между собой. На этот счет у турецкого писателя Аали-эфенди, а за ним и у Солак-задэ, сохранился весьма любопытный разговор, происходивший у султана Селима с своим верховным визирем Пири-пашой, и затем рассказана целая история о том, как султан Селим домогался присылки к нему ханского сына Сеъадет-Герая в заложники, и как крымские татары сперва противились было этому, а потом уступили благоразумной настойчивости Менгли-Герая, который не хотел вступать в открытую вражду с свирепым султаном¹⁰⁰¹.

Эта интересная история приведена у Аали-эфенди в виде комментария к позднему очередному в его летописи факту, случившемуся в 992 = 1584 году, в царствование султана Мюрата III (1574—1595), факту свержения Крымского хана Мухаммед-Герая II Жирного (1577—1584). Она представляется у турецкого бытописателя, в то же время лица официального, чем-то вроде деловой справки об установлении зависимого положения Крымских ханов от Порты, оправдывающего законность действия султанского правительства против строптивого хана. Сам ли Аали-эфенди сочинил эту историю на основании устных преданий о близком к его времени прошлом, или он целиком заимствовал ее откуда-нибудь, но только она отличается чрезвычайной правдоподобностью: все донельзя похоже тут на султана Селима I — и знакомство с бытом и национальными свойствами крымских татар, и знание интимных, семейных симпатий хана Менгли-Герая, и даже чудовищная взбалмошность поведения страдавшего бессонницей и галлюцинациями султана, требующего к себе среди ночи верховного визиря, чтобы сообщить ему пришедшую ему внезапно в голову мысль. Одно разве только — опасение Селима со стороны Крымского хана кажется как будто преувеличенным: Аали-эфенди сгустил тут краски под впечатлением современных ему обстоятельств в конце XVI столетия, когда внутренние неурядицы

и расшатанность правительственной машины Турции делали страшными для нее таких внешних врагов, которых в другую добрую пору она могла ставить ни во что. С другой стороны, и опасения Селима, в самом деле, не были совершенно безосновательны. Менглы-Герай был все-таки недюжинный человек и располагал довольно значительными силами. Но он был вместе с тем также человек, на верность которого тоже нельзя было безусловно положиться. В этом Селим убедился собственным опытом, встретив в нем поддержку против своего отца, султана Баязида II, когда дипломатических расчетов хана не остановило даже естественное чувство признательности к Баязиду, который души не чаял в Менглы-Герая и оказывал ему всякие почести и внимание. Этого мало: историки, как мы видели выше, свидетельствуют, что не Селим искал помощи и покровительства у Менглы-Герая, а последний сам, в своих видах, неоднократно предлагал их Селиму, да Селим, с свойственной ему грубой прямоотой и гордостью, не очень-то принимал эти предложения. Не безызвестны, конечно, были Селиму также заискивания брата его Ахмеда у Крымского хана и горячее сочувствие, которое эти заискивания нашли в сыне Менглы-Герая Мухаммеде. Все это в совокупности могло на первых порах несколько озаботить Селима и заставить его искать средств обезопасить себя со стороны каких-либо враждебных поползновений хана. Средства же, придуманные Селимом, показывают что этот грубый и жестокий деспот и упрямец в то же время был и глубокий психолог: недаром он любил поэзию, и не только писал стихи, но даже в разговоре постоянно употреблял стихотворные выражения, взятые у персидских (и непременно персидских) поэтов, или же собственной импровизации)¹⁰⁰². Он знал, что родительское сердце Менглы-Герая всего ближе лежало к сыну его Сеъадет-Гераю; не ускользнула от его наблюдательного взора и необыкновенная жадность хана, и он сообразил, что эксплуатация одной страсти посредством другой послужит ему самым надежным орудием держать хана в своих руках. Рассказ Аали-эфенди подтверждает, что расчет его был верен.

«Однажды ночью, — пишет Аали, — его присутствие Селим-хан вдруг потребовал к себе Пири-пашу и задает ему такой вопрос: “Кто самый страшный для нас враг наш?” — “Кызыл-баш”¹⁰⁰³, отвечал Пири-паша: в то время в большой известности был шах Исмаиль Ардебили, его-то и

предпочел паша всем прочим неприятелям. Но падишах совсем не одобрил слов визирия и возразил ему: “Врешь, ты ошибаешься: я больше всего опасаясь татар, быстрых как ветер охотников на неприятелей, потому что если они пустятся, то в один день сделают пяти-шестидневную дорогу; а если побегут, то таким же образом мчатся. Особенно важно то, что их лошадям не нужно ни подков, ни гвоздей, ни фуража; когда они встречают глубокие реки, то не дожидаются, как наши войска, лодок. Пища их, как и самое тело, не велика; а что они не хлопчут о комфорте, это только доказывает их силу. Теперь гром барабана могущества моего донесся до небес; триумф победоносности и мужества моего на равнине Чалдыранской и при покорении Египта сжег огнем не одну тысячу династий¹⁰⁰⁴. Если хан Крымский тоже будет повиноваться моей власти, т.е. если он, поступив в список пользующихся моею милостью рабов моих, станет есть жалованье из нашей казны и носить наше знамя, и если он из славных сыновей своих доблестного сына своего Сеъадет-Герая пришет на службу к нашему августейшему стремени в качестве заложника, так ладно будет; если же нет, то вот уж готово и поле войны и арена битвы; вот уж готовы герои побоища и мужи брани и кровопролития”. Затем по высочайшему повелению дано было знать тому достопочтенному хану грамотой о назначении ему тысячи акчэ дневного содержания, а по триста акчэ состоящим у него на службе приближенным и агам; при этом было послано из императорского цейхгауза благодатное знамя. В то время как к господину хану прибыла государева грамота и благодатное самодержавное знамя, ясно стало, что требовалось высочайшим повелением. Но некоторые бестолковые мурзы воспротивились, говоря: “Разве мы слуги османам, что ли?!” и начали было затевать бунт. А особенно говорили речи вроде следующих: “Его требование в заложники подобного Иосифу праведному, блистающего зеркалом юных ланит своих красавца-царевича происходит, мол, из похотливых намерений; мы на это ни за что не согласны... Что ж он разве равняет нас с гяурами, коли ставит заложничество основанием мира? Ни царевич пусть не едет к нему, ни из нас никто не считает этого приличным. Куда же девалась ваша честь и достоинство, что падишах ведет подобные речи?! Он еще видно не знает хорошенько рода чингизова, что оскорбляет обычаи чингизские! Боже сохрани, чтобы мы сделали потомков его рабами того

султана!” Но хан, который слышал эти толки, победил эти их безумства таким разумным ответом: “Во-первых, высокостепенный падишах пожаловал нам тысячу акчэ дневного содержания. С поздравлением и приветствием прислал грамоту и знамя; нашим приближенным и благожелателям тоже назначил жалованье. Прознав же, что мое сердце из всех моих сыновей всего больше лежит к Сеъадет-Гераю, потребовал его к себе. Это значит, что он нашел приличным, чтобы он, получив хорошее царское воспитание и образование, приобрел таким образом качества, делающие его достойным занять отцовское место. Так что же в этом обидного-то? Его сахароточивые речи, очевидно, были сладостны как мед. Если бы мы, послушавшись таких бестолковых разглагольствий, стали в оппозицию и побрели бы в пустыню мятежничества, то все равно что подложили бы огня в сухой бурьян. Он пришел бы на нас с огромным как море войском, с пушками и ружьями, и мы понесли бы достойное наказание. А в случае нашего неминуемого бегства он бы сравнял с черной пылью наши сады и нивы и разрушил бы, подобно нашим жилищам, дома нашей чести и имени. А раскаяние потом пользы не принесет, да и смысла в нем не было бы. От ваших же разглагольствий нам толку мало”. Так сказал хан и заявил эмирам, что он лучше желает повиноваться воле падишаха и имеет расположение и готовность послать Сеъадет-Герая. И действительно, он отправил милого, как глазной хрусталик, сына своего Сеъадет-Герая на службу к Высокому Порогу и при этом послал падишаху грамоту, заключающую в себе благодарение за бесчетные щедроты его и признательность за благодеяния и дары его. Селим-хан, этот гордый, как Александр, и могущественный, как Соломон, самодержец приложил попечение к наилучшему воспитанию царевича: взял его в свой благородный гарем, что в императорском дворце, и, по османскому обычаю, повел его воспитание и образование с важнейших предметов, касающихся веры и государства, так что между ними установилось как будто любовное отношение, и осуществилась взаимность очень милая, очень ласковая, но чуждая любострастных поползновений. Наконец, когда пришла очередь, то он был почтен и осчастливлен возведением его на ханский престол. Таким-то манером было установлено подданство Крымского хана. В случае же когда он не слушался повелений, издавалось законное разрешение наказывать его; а иначе, если бы

сносить его строптивость и противление, то нечего было бы и издавать разрешение о наказании, потому что какое же было бы средство удалить самостоятельного государя, господина хутбэ и монеты?!»¹⁰⁰⁵

Но то, что имело какой-нибудь смысл и значение для султана Селима, пока на Крымском ханстве сидел Менглы-Герай, утеряло это значение, когда последнего не стало на свете. А он умер вскоре после утверждения Селима на троне, оставив ханскую власть старшему сыну своему Мухаммед-Гераю, личному врагу султана Селима, с которым ему приходилось теперь ведаться уже как с своим сувереном.

Прах Менглы-Герая покоится рядом с костями отца его Хаджи-Герая в тюрбэ, которое сооружено самим же Менглы-Гераем над могилой отца своего. Это тюрбэ, кстати сказать, едва ли не единственный памятник прежнего татарского величия, сохранившийся в сносном виде и содержимый в некотором порядке среди всеобщего разрушения и запустения, царствующего по всему татарскому Крыму.

О времени смерти Менглы-Герая существует большое разногласие. Крымские историки говорят: одни, что он умер в месяце зи-ль-хыддже 920 = в январе 1515 года¹⁰⁰⁶, другие — годом раньше¹⁰⁰⁷. По русским источникам, Менглы-Герай умер в Великую Субботу 1515 года и погребен в Светлое Воскресенье¹⁰⁰⁸. Гаммер Нургшталль в своей истории Оттоманской империи мимоходом замечает, что Менглы-Герай умер за четыре года до возвращения султана Селима из азиатского похода и путешествия его в Адрианополь, случившегося в июле 1518 года¹⁰⁰⁹. В позднейшем же своем сочинении, *Geschichte der Chane der Krim*, он статью XII¹⁰¹⁰ специально озаглавил: «*Mengligeraï's des ersten Chanes Tod*», но ни одного слова не говорит в ней о смерти Менглы-Герая, и главное — о времени, когда она последовала. А это обстоятельство возбуждает сомнение. Г. Гаммер в том же сочинении¹⁰¹¹ перечисляет грамоты султана Селима к Менглы-Гераю, находящиеся в его рукописном сборнике Феридун-бея, но не обращает внимания на даты этих грамот. В печатном же издании этого сборника грамота Селима, с известием о Чалдыранской победе, помечена первыми числами месяца реджеба 920 года, что соответствует концу августа 1514 года¹⁰¹². Ответ на нее без подписи и даты, но, должно быть, к тому же времени относится. Следовательно, Менглы-Герай, вопреки свидетельству автора Рюльбуни-

ханан, был еще жив тогда. Одно можно было бы предположить: султан Селим и весь его штаб, находясь в отдаленных пределах Персии, не успели получить сведений о смерти хана; но сколько же времени могла продолжаться эта безвестность? Следующая грамота, извещающая о покорении Кумаха и Зўлькадрийе, также адресована к Менглы-Герая и помечена так: «В середине месяца джемазиу-ль-эввеля 921 года = в конце июня 1515 года»¹⁰¹³. Далее, есть еще одна грамота, не помеченная никаким числом, но находящаяся между другими документами того же 921 года и подписанная: «Слуга Менглы-Герая»¹⁰¹⁴. Эта грамота имеет такое заглавие: «Поздравительная грамота от татарского хана султану Селиму с прибытием его из Амасии в Стамбуле. «Это прибытие случилось, как уже замечено было выше, в июле 1518 года. Мало того: в числе грамот того же султана Селима, оповещающих о завоевании им Египта, имевшем место в январе 1517 года, есть одна, адресованная на имя Менглы-Герая»¹⁰¹⁵. Только извещение о вступлении на престол нового султана, Сулеймана I Кануни, имеющее датой средину месяца шевваля 926 = конец сентября 1520 г., уже обращено к Мухаммед-Герая»¹⁰¹⁶. Этот последний в ответе на вышеозначенное извещение говорит про своего отца, Менглы-Герая, «покойный мой отец»¹⁰¹⁷. Стало быть, в этом году Менглы-Герая уже не было в живых. От преемника же его Мухаммед-Герая мы имеем ярлык, или, правильнее сказать, копию-факсимиле с его ярлыка, изданную в тексте и переводе с примечаниями профессора И.Н. Березина¹⁰¹⁸. На ней значитсся начало месяца ребиу-ль-ахыра 823 года = половина марта 1420 года. Но это явная ошибка, и потому профессор Березин совершенно справедливо предлагает вместо 823 читать 923, что будет равняться концу апреля 1517 года. Внешность почерка копии, язык и содержание текста говорят за достоверность оригинала, с которого она снята; а ошибка в цифре вещь тоже возможная¹⁰¹⁹. Но так как на монетах, битых в 921 = 1516 году, мы уже находим имя Мухаммед-Герая-хана¹⁰²⁰, то время смерти Менглы-Герая надо отнести к 1515, а не к 1517 году, числовые же данные в сборнике Феридун-бея следует признать неверными. Последнее тем позволительнее, что в сборнике оказываются явные анахронизмы насчет того же Менглы-Герая. Так, во втором томе первая же грамота султана Сулеймана Кануни, содержащая известие о покорении обоих Ираков, с пометкой в конце,

что она написана «в начале месяца джемазиу-ль-эввелы 941 г.» = в первой половине ноября 1534 года, адресована также к Менглы-Герая, имя которого находится не в одном только заголовке грамоты, но и в самом тексте ее¹⁰²¹. Как могла вкратиться такая нелепость, трудно и понять: может быть, даже это ошибка не редактора грамоты, ни даже составителя сборника, а тех, кто наблюдал за печатным его изданием.

Зато Гаммер останавливает особенное свое внимание на этимологии имени Менглы-Герая, усматривая в нем роковое совпадение с воинственностью того, кто носил это имя: «Mengli war, — говорит Гаммер, — wie schon sein Name sagt, welcher der *Kampf*lustige heisst, Freund von bestandigen Raub und Streifzugen in Polen»¹⁰²². А в примечании добавляет еще: «Menk heisst Kampf (Meninski *proelium*, *bellum* und Ferbenge Schuuri, II Bd, Bl, 353). Ценкер в своем словаре¹⁰²³ производит имя Менглы от «родимое пятно», так что, то же, что значит: «имеющий родимые пятна». В приведенном у нас рассказе историка Мухаммед-Герая о водворении турками Менглы-Герая на царство он также везде называется по особому (см. текст оригинала)¹⁰²⁴. Такая форма имени *Бенглы* встречается и в других памятниках¹⁰²⁵. Продолжая эту бесплодную деривацию, можно было бы подобрать и другие подобозвучные слова и производить имя Менглы от «хашишь»; но все это существенного значения не имеет. Был ли Менглы-Герай только воинствен, или имел при этом какие-нибудь особые приметы, достаточно того, что он с подобающим достоинством занимал ханское место. Достоин внимания факт, о том, как умел держать себя Менглы-Герай относительно своих суверенов. Зная благочестивую ревность в религиозном отношении и военную в то же время трусость Баязида, Менглы-Герай пишет ему вызывающее к священной брани с неверными письмо¹⁰²⁶. Показав этим свое собственное благочестие и мужество, он приобрел такой авторитет и вес в глазах султана, что тот держит себя с ним не только благосклонно, но даже заискивающе, как это мы видели: устраивает для его посланца, царевича Ямгурчея, торжественные, исполненные всякой предупредительности, встречи¹⁰²⁷ и даже самолично делает хану визит.

Такое, чуть не панибратское отношение Менглы-Герая к султану Баязиду, в свою очередь, сильно возвышает его престиж в глазах других властительных особ, среди своей же братии. Чтобы убедиться в этом,

достаточно, например, познакомиться с грамотой, присланной к нему в 1492 году казанским царем Мухаммед-Эминем, который в льстивых обращениях своих к Менглы-Гераю заходит так далеко, что считает его выше султана турецкого: «Над верою осподарь еси, над турским осподарем и над азымским осподарем волен еси», говорит Мухаммед-Эмин в начальном обращении к нему¹⁰²⁸.

Верно рассчитав будущий успех Селима, сына Баязидова, Менглы-Герай вовремя успел подслужиться ему и даже, завязав с ним родственные отношения, оказать ему под рукою поддержку, не теряя в то же время дружбы и с отцом его. И что же получилось в результате? А вот что: даже такой неистовый и довольно бесцеремонный султан, как Селим I Явуз, и тот иногда величает Менглы-Герая в грамотах своих «батюшка мой, Менглы-Герай»¹⁰²⁹.

Какие установились отношения между преемником Менглы-Герая Мухаммед-Гераем I и султаном Селимом, это не выяснилось хорошенько. Нельзя думать, чтобы Селим мог питать чувство расположения и доверия к новому Крымскому хану по причинам, совершенно понятным из предыдущего поведения Мухаммед-Герая в то время, когда Селим был простым авантюристом, домогавшимся отцовского трона. Но время не дождалось дальнейших последствий этой взаимной их неприязни: оба они были недолговечны, и раньше сошел в могилу султан Селим, так что новая эпоха в истории Крымского ханства началась при новом суверене, султане Сулеймане I Кануни (1520—1566), царствовавшем столь же долго, сколь долго властвовал первый Крымский вассал Оттоманской Порты, Менглы-Герай-хан I, т.е. сорок лет с лишком.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Из этих последних, например, любопытно небольшое строение в деревне Бакчэ-Или, лежащей по дороге из Карасу-Базара в Салы, имение мурзы Ахмед-Шаха ширинского. Строение это, прежде служившее жилым домом, а теперь брошенное и обращенное в складочный сарай для хлебных продуктов, представляет соединение трех архитектурных слоев. Дом этот носит у местных жителей название Гок-Сарая (Синего дворца), и про него ходят в народе предания и слухи легендарного и даже фантастического свойства.

2 Zinkeisen, *Gesch. d. Osman. Reiches*. Gotha. 1857, V: 336, op. 3.

3 Op. cit., VI: 454, op. 1.

4 Тарихи-Васыф. Констант. изд. 1219=1804 г., I: 83; Hammer, *Gesch. d. Osm. R.*, VIII: 196. Под «Тарихи-Газан» обыкновенно понимают первую часть «Джамиъу-т-тэварих» Рашид-эд-Дина (Flügel, *Handschriften*, II: 179), содержащую в себе историю монголов. Странно только, что турецкий историк приложил титул «Истории Газана» ко всему сочинению Мухаммед-Ризы, которое есть самостоятельный его труд, а не перевод, и не дал настоящего заглавия его труду.

5 Hammer, *G. d. O. R.*, VIII: 232; Flügel, *Handschriften*, I: 50, № 36.

6 Н. Khalfae, *Lexicon*, VI: 585. № 14755.

7 Ibidem, VI: 621, № 14908.

8 Ibidem, VI: 537, № 14535.

9 Ibidem, III: 576, № 7013.

10 Стр. 3.

11 Л. 2 verso.

12 Рукопись, л. 3 г., строка 5 сверху до л. 3 в., стр. 14 сверху.

13 Тарихи-Субхи. 212; Hammer, *G. d. O. R.*, VIII: 52.

14 Семь планет, III.

15 Например, на страницах 86, 92, 110, 111—113, 134, 150, 152, 154, 156, 168, 204, 205, 208, 217, 221, 230, 260, 288, 289, 331, 334, 335, 339 и 344.

16 Семь планет, 82 и 85.

17 Ibid., 161.

18 Ibid., 28.

19 Ibid., 38.

20 Ibid., 132.

21 Ibid., 76.

22 Ibid., 148 и 159.

23 Ibid., 198 и 203.

24 Ibid., 225.

25 Ibid., 264.

26 Ibid., 92, 93 и 97.

27 Ibid., 93. — В Библиотеке СПб. Университета имеется рукописный экземпляр истории Реммал-ходжи (№ 488 по каталогу восточных рукописей), без даты; но внешность рукописи позволяет думать, что она, пожалуй, древнее XVII в.

28 Журн. М. Н. П. за 1835 год, ч. VI, стр. 349.

29 Семь планет, 69.

30 Вестник Европы за 1867 г., т. II, стр. 159.

31 Семь планет, 187.

32 Ibid., 69—73.

33 Лист 29 verso, строка 23.

34 Стр. 80, строки 8—10.

35 Лист 44 г.

36 Л. 33 v.

37 Гюльбуни-ханан. Константиноп. изд. 1287=1870 г. Стр. 5.

38 Op. cit., 44 г.

39 Op. cit., 60.

40 Op. cit., 100 v.

41 Переложение чисел мусульманского летосчисления на христианское сделано у нас везде по известным «Vergleichungs-Tabellen» Вюстенфельда.

42 Фундуклулу тарихи, т III, л. 41 г. & v.

43 Ibid., лл. 80 v. — 88 v.

44 Ibidem, л. 88 v.

- 45 Ibid., л. 218 г.
- 46 Ibid., л. 262 г.
- 47 Фундуклулу тарихи Т. IV, л. 75 г.
- 48 Ibid., л. 76 v.
- 49 Ibid, л. 127 г.
- 50 Ibid., л. 166 г. — 166 v.
- 51 Ibid., л. 200 v.
- 52 Ibid., л. 210 г.
- 53 Ibid., л. 210 v. и 219.
- 54 Ibid., л. 201 v.
- 55 Фундуклулу тарихи, л. 213 г. & v.
- 56 Ibid., л. 214 г. — 215 г.
- 57 Ibid., л. 219 г.
- 58 Ibid, л. 220 г. & v.
- 59 Ibid., л. 221 г. & v.
- 60 Фундуклулу тарихи, л. 318 г. — 319 г.
- 61 Ibid., 371 v. — 372 г.
- 62 Фундуклулу, I. лл. 79 v. — 96 г.
- 63 Герберштейн и его истор. геогр. Известия о России. Соч. Е. Замысловского. СПб., 1884. Стр. 507.
- 64 Recueil de Voyages et. de Mém. P. 4835. IV, p. 217.
- 65 *Н. Мурзакевич*. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. Стр. 91.
- 66 Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches. I: 564.
- 67 Ibidem, 851.
- 68 Zinkeisen. II: 630.
- 69 *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к Истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I, стр. 120.
- 70 Газета «Вақыт», № 2183, стр. 4.
- 71 *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. СПб., 1884. Стр. 26. — Выражение «из рода Кылыдж-Арслана» должно понимать в таком смысле, что Кылыдж-Арслан упоминается тут не как родоначальник известного сельджукидского племени, а только как предок властвовавшей тогда в Малой Азии династии, подобно тому как Османлы так называются по имени основателя властвующей у них династии, а не потому, чтобы Осман был родоначальником целой нации. Таков был общий обычай тюркских народов.

- 72 Уч. Зап., II: 732.
73 Ibid., 733.
74 Ibid., 745.
75 Ibid., 739.
76 Кюнгю-ль-Ахбар, Ркп. Имп. Публ. Библ. в Отчете за 1879 г., стр. 24, № 5, л. 301 v.
77 Учен. Зап. II: 736.
78 Loc. cit., 742.
79 Loc. cit., 742.
80 Pachymeres, vol. I: 265; Niceph. Greg., 90, 10.
81 Черноморье, II: 333.
82 Niceph. Greg. Bonnae. Pp. 229, 248 и др.
83 Ibid., а также Pachymer. II: 524.
84 Pachymer. II: 524, 550, 553, 591, 601 и др.
85 Niceph. Greg.; 111.
86 Nicephor., 229.
87 Тизенгаузен, 55 и 59.
88 Ibid., 62 и 190—191.
89 Мюнедджим-баши, II: 572.
90 Библиографическую заметку об этой рукописи см. в соч. Барона В.Р. Розена «Василий Болгаробойца», стр. 76.
91 Рукопись, лист 348 recto & verso.
92 Pachymeres, I: 131.
93 Op. cit., 11 и 13.
94 Тизенгаузен, I: 103.
95 Ibid., 191.
96 Мюнедджим-баши, II: 572.
97 Тизенгаузен, I: 133 и 153—154.
98 Ibid., 434.
99 Ibid., 511.
100 Ibidem.
101 Рукоп. Учебн. Отд. при М-ве Иностр. Д. № 92, л. 195 г.
102 Op. cit., 34; Gesch. d. Gold. Horde, 180, 4.
103 Op. cit 11 & 13.
104 Op. cit., 35.
105 Тизенгаузен, 512.
106 Ibid., 434.

- 107 Мюнедджим-баши, II: 572.
- 108 Рукоп. Учеб. Отд. № 92, л. 195 г. & v.
- 109 Тизенгаузен, 81 & 103.
- 110 Тизенгаузен, I: 385.
- 111 Ibid., 516.
- 112 Ibidem.
- 113 Ibid., 301—302.
- 114 Ibid., 107—109, 117, 150, 156, 157, 168, 229, 263, 269. Григорьев. *Россия и Азия*. СПб., 1876. 214—220.
- 115 Тизенгаузен, I: 251, 277, 327, 345, 385.
- 116 Ibid., 55.
- 117 Ibid., 439.
- 118 Выше стр. 20.
- 119 Дженнаби, л. 195 v.
- 120 Мюнедджим-баши, II: 572.
- 121 Тизенгаузен, 67—68.
- 122 Ibid., 104, 155, 361.
- 123 Черноморье, II: 142.
- 124 Тизенгаузен, I: 303.
- 125 Ibidem.
- 126 Narrative of travels, by Evliya efendi, transl. by Hammer. London, 1850. II: 70—72; Брун, Черноморье, II: 342—343.
- 127 Narrative, II: 72.
- 128 Gesch. d. Gold. Horde, 177.
- 129 Черноморье, II: 142.
- 130 Narrative of travels, vol. I, part. II: 245.
- 131 У Гаммера в переводе записок Эвлия-эфендя, вероятно, ошибочно сказано: «In the Chagalaian language».
- 132 Выше, мы видели, сказано было у Эвлия-челеби, что Малек-Уштур убил Салсала. Такое противоречие могло явиться по вине переводчика, г. Гаммера. Текст же доселе составляет библиографическую редкость и нигде в европейских каталогах не объявляется, не исключая кодекса, которым пользовался г. Гаммер.
- 133 Narrative, loc. cit. 105.
- 134 Op. cit, vol. II: 232—233.
- 135 Брун, Черноморье, II: 134.
- 136 Зап. Одес. Общ., V: 611, № 104.

- 137 Тизенгаузен, I: 109, 156, 381 и др.
- 138 Pachymer. Bonnae 1835. I: 344 и 180; II: 263—265. У Гаммера (Geseh. d. Gold. H., 277) она однажды названа почему-то Ириною, хотя Эвфросиния есть сама по себе (Ibid., 253 и 258).
- 139 Тизенгаузен, I: 111—112.
- 140 Ibid., 195.
- 141 Как на беду, и в известной приписке к Синаксарю (Зап. Од. Общ., V: 596, № 5) также стоит неясное начертание, которое все-таки больше походит на *Ногай*, нежели на *Тохтай*.
- 142 Ibid., 111—112.
- 143 Тизенгаузен, I: 120 и 162.
- 144 Ibid., 197.
- 145 Тизенгаузен, Сборник, I: 235.
- 146 Зап. Од. О. И. и Др., V: 598—628.
- 147 Ibid., стр. 596, № 6.
- 148 Ibid., 615, № 136.
- 149 Ibid., 602, № 38.
- 150 Ibid., 603, № 48.
- 151 Ibid. 607, № 78.
- 152 Ibid., 623, № 193.
- 153 Ibid. 614, № 122.
- 154 Ibid., 619, 165.
- 155 Ibid. 602, № 39.
- 156 Ibid. 610, № 96.
- 157 Ibid. 612, № 109.
- 158 Ibid., 622, № 186.
- 159 Ibid., 622, № 189.
- 160 Ibid., 596, № 2.
- 161 Ibid., 604. № 58.
- 162 Ibid., 606, № 67.
- 163 Ibid., 614. № 129.
- 164 Ibid., 606, № 68.
- 165 Ibid., 608, № 82.
- 166 Опыт этимологического объяснения некоторых имен тюркского происхождения сделан почтеннейшим В.Н. Юрчевичем в Зап. Од. Обществе, т. VIII, стр. 5—6.
- 167 Loo. cit., 614, № 126.

- 168 Зап. Од. Об. V: 621, №181.
169 Черноморье, II: 143.
170 Loc. cit. 611, № 103.
171 Ibidem.
172 Ibid., 597, № 11.
173 Тизенгаузен, I: 303.
174 Ibid., 280—285.
175 См. выше стр. 32.
176 Зап. Од. Общ. Ист. и Др., V: 816 и д.; VIII: 149—153; Черноморье, I: 223—235; II: 144—155.
177 Zinksisen. I: 280.
178 Зап. Од. Общ. VIII: 150—153.
179 Тизенгаузен. Сборник, I: 54 и 63; 180 и 192.
180 Ibid., 192 и Quatremere Hist, des sultans Mamlouks de l'Egypte. Paris. 1837. I: 214.
181 Тизенгаузен, I: 54.
182 Тизенгаузен, I: 54.
183 Notices et Extraits des mes. XI: 55.
184 Зап. Од. Общ. Ист. и Древе. V: 763.
185 Черноморье, II: 213—213.
186 Зап. Акад. Наук, XXIV: 134; Зап. Од. Общ. V: 830—831.
187 См. например Pertz, I: 180, 182, 199 и 302.
188 Зап. Акад. Н., Loc. cit.
189 Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. Стр. 179, пр. 18.
190 Зап. Ак. Н., Loc. cit.
191 Aboul Ghazi, I: и II: 184.
192 Aboul-Ghazi, I: IV II: 187.
193 Ibidem.
194 Мурзакевич, Op. cit... 6-8; Брун, Черноморье, I: 200, II: 141.
195 Heyd, Le col. comm., II: 14-16. Цитов. у Бруна.
196 См. выше, стр. 20.
197 См. выше. стр. 22—23.
198 Тизенгаузен. I: 103.
199 Ibid. 154. 434.
200 Ibid. 512.
201 Тизенгаузен, I: 306. 343, 391 и др.

202 Кюнгү-ль-ахбар, констант. изд. кн. V: 225—226; *Тэрджумэи Шакаи*, Таш-Копрю-заде, Констант. изд. I: 101; Невадери Сухэйли-челеби, казанск. изд. 1883, стр. 65. В константинопольском же издании последнего сочинения 1254 = 1840 г. (стр. 59) вместо монлы Кырыми выведен на сцену монла Алькюрани, учитель Мухаммеда II во время его юности, прославившийся бесцеремонностью обращения с своим царственным воспитанником, который впрочем всегда сохраняет пиетет к своему строгому учителю и впоследствии, когда сделался султаном. Кроме этой разницы в обоих изданиях есть еще один вариант: в константинопольском издании Мухаммед ссылается на историю мевляны (монлы) Ташкенди, а в казанской редакции — на «Историю» мевляны Таш-Копрю. Но если под «Историей» тут разумеется существующий его биографический словарь знаменитых шейхов и ученых, то ссылка Мухаммеда на него была невозможна, ибо Таш-Копрю-задэ жил (1495—1560) и писал почти целым столетием позже завоевателя Константинополя. Таким же анахронизмом является указание и на историю мевляны Ташкенди как на источник сведений султана Мухаммеда о Крыме, потому что автор этой не находимой доселе истории дома Чингизова считается внуком Али-Кушчи, известного математика времен Мухаммеда II. Следовательно, литературная цитата есть промах всех авторов; но сам анекдот о султани, повторенный столькими лицами, мог иметь в основе своей какое-нибудь не лишенное правдоподобности предание.

203 См. печатное изд., кн. I, стр. 17—20.

204 Кюнгү-ль-ахбар, печат. изд., кн. I, стр. 247—218. В тексте приведенного отрывка имеются варианты по рукописи того же самого сочинения, принадлежащей Императорской Публ. Библиотеке в значащейся в отчете Публ. Библ. за 1879 год на стр. 23., под № 4. На двух последних ее страницах находится статья, соответствующая вышеприведенному отрывку.

205 См. мой Сборник, стр. XVIII.

206 Сборник, стр. А.

207 Кюнгү-ль-ахбар, печат. изд., кн. I: 228.

208 Ркп. Учебн. Отд. при М-ве Ин. Д. Ж 92, л. 904 г. т.

209 I: 457. 459 и 460.

210 Memoires de l'Acad. des Sciences VI-e serie. Т. III. Наприм. стр. 414. об обелиске Тамерлана.

211 Тарихи-Печева, констант. изд. 1283=1866 г. Т. I: 471—473.

- 212 Мюнедджин-баши, II: 696.
- 213 Вестн. Евр. 1866 г. Т. II. стр. 190.
- 214 Ibidem.
- 215 Универс. описание Крыма, ч. XIV, стр. 101.
- 216 Ibidem, стр. 4.
- 217 См. например Ахмед Вефыка, Легджен-Османи, стр. 976—977.
- 218 Кысаси Рубугузя. Казань, 1868. Стр. 422—423.
- 219 По справке, сообщенной нам почтеннейшим и обязательнейшим Н.И. Ильинским, в одной имеющейся у него старой рукописи того же сочинения сказано только: «*Ухдуд* по-арабски значит *крым*».
- 220 Казанск. изд. 1302—1885 г. Стр. 325.
- 221 См. например статью г. Гаркави «О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове в «Известиях Имп. Русск. Геогр. Общества». 1876 г. Т. XII, отд. II, стр. 54, в его же реферате, читанном на заседании VI археологического съезда в Одессе 27 августа 1884 г. «О происхождении названия Крым».
- 222 Надеждин. «Опыты исторической географии» в Библ. для Чт., т. XXII, стр. 27—79.
- 223 Крымский Сборник, стр. 338—346.
- 224 Ibidem, 346.
- 225 См. «Историч. акты, относящиеся по России» в указателе.
- 226 Ibid. 180—184 и 192.
- 227 Ibid, 280.
- 228 Voyages d'Ibn Batoutah, par Defremery et Sanguisetti. Paris. 1854, II: 448; Тизенгаузен, I: 306.
- 229 Тизенгаузен, I: 208—251.
- 230 Qratremere, Hist, des Sukans Mamlouks, Т. II, 4-ieme pertie. p. 310.
- 231 Geographie d'Aboulfeda. trad, par Reinand. Paris. 4848. Т. II: 282.
- 232 Русск. Ист. Сборник Погодина, т. II. кв.1. стр. 25.
- 233 Ibidem, 66.
- 234 Ibid., 68.
- 235 Пол. Собр. Рус. Лет., т. II: 253.
- 236 П. С. Р. Л., VIII: V6.
- 237 Никон. Лет., V: 109.
- 238 П. С. Р. Л., III: 198.

- 239 *Ib.*, IV: 134; VIII: 215.
- 240 *Ibid.*, V: 41; VI: 35; VIII: 213.
- 241 П. С. Р. Л., VI: 200.
- 242 *Ibid.* VIII: 181.
- 243 *Ibid.*, VI: 344 и 351.
- 244 Памятники диплом. снош. Москов. государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Сиб. 4884. Т. I: 23.
- 245 *Ibid.*, 12.
- 246 *Ibid.*, 67.
- 247 *Ibid.*, 236.
- 248 *Ibidem.*, стр. 261.
- 249 Записки Имп. Археолог. Общ. Т. XII. вып. первый, стр. 270, № 491.
- 250 Восточные монеты Музея в Одессе, № 400.
- 251 Блау. стр. 93, указатель.
- 252 Березин, Тарханные ярлыки. Казань. 1851. Стр. 4—5.
- 253 *Ibid.*, стр. 20.
- 254 Зап. Од. Общ., VIII, Тарх. ярл., стр. 18.
- 255 Пам. дипломат. снош., стр. 278.
- 256 Изв. Геогр. Общ. Т. XII. Отд. 2, стр. 55.
- 257 Березин, Ханские ярлыки, II, 23, примеч. 2.
- 258 *Notices et Extraits*, XI: 52—58.
- 259 Семь планет, 77—78.
- 260 Кр. Ист., л. 28 v. и 29 г.
- 261 Рукописный сборник Алеем-Гази-Джирау-бен-Абд-л-Ламонлы из деревни Эвельки-Кагач. 1847 г. Стр. 11.
- 262 Путешествие Иосафата Барбаро. Спб. 1836. Стр. 438.
- 263 Ист. Гос. Рос, X: пр. 100.
- 264 *Op. cit.*, VII: пр. 301.
- 265 Кр. Ист., 39 г.
- 266 Например в №№ 18, 28, 29, 37, 55, 62.
- 267 Например в № 26.
- 268 Памятная книжка Таврич. губ. Симферополь. 1867. Стр. 294.
- 269 См. в «Легджен-Османиэ» Ахмед-Вефька.
- 270 *Nostras, Dictionnaire geographique de l'empire Ottoman*. Sp̄tburg. 1873. Стр. 15.
- 271 Hammer. *Rumeli and Rosna*. Стр. 32.

- 272 Записки Имп. Археолог. Общ., т. XII. вып. 1, стр. 111, № 259 и стр. 244, № 153; Влау, Восточные монеты, № 558.
- 273 Зап. Археол. Общ., т. XII. вып. 1-й. стр. 37, 289 и 307.
- 274 Например в Зап. Арх. Общ., цитов. том, стр. 184; Fraehn, Numophylacium. стр. 61.
- 275 Numophylacium, стр. 58.
- 276 Зап. Арт. Общ., цитированный том, стр. 298—296.
- 277 Тизенгаузен, Сборник. I: 68, 105 и др.
- 278 Ibid., 280.
- 279 Ibid. 533—534.
- 280 См. Dictionnaire arabe-francais, par Kazimirski; Lane, An arabic-english lexicon, и др.
- 281 Зап. Археол. Общ., цит, т., стр. 38.
- 282 Ibid, 210.
- 283 Тизенгаузен, I: 254 и 445.
- 284 Брун. Черноморье, II: 271—285.
- 285 Сборник Мухаммед-эфенди Османова, стр. 53, 56, 78.
- 286 Тизенгаузен, I: 435.
- 287 Ibid., 384, 515 и др.
- 288 Черноморье, II: 132.
- 289 Зап. Од. Общ. II: 529.
- 290 Зап. Арх. Общ., цит. т., стр. 14.
- 291 Тизенгаузен, I: 334 и 344.
- 292 Тизенгаузен. I: 363.
- 293 См., например, Voyages d'Ibn Baloutah. II: 405.
- 294 Тизенгаузен, I: 263 и 264.
- 295 Notices et Extraits. XIV: 479; Quatremere, Hist, des Sultans Mamlouks, I: 3, 37; II: 13, Тизенгаузен, I: 232.
- 296 Notis et Extr., XI: 55.
- 297 Voyages. II: 404.
- 298 Тизенгаузен, I: 370.
- 299 Ibid., 226 и 248.
- 300 Ibid. 347—348, 442.
- 301 Ibid., 227, 401; Notices et Extr., XIV: 479.
- 302 Тизенгаузен, I: 241.
- 303 Ibid., 268.
- 304 Ibid., 265.

- 305 Ibid., 382.
306 Voyages, II: 404—409.
307 Тизенгаузен, I: 100, 158.
308 Ibid. 323, 384—385.
309 Ibid., 229.
310 Ibid., 105, 155.
311 Ibid, 230.
312 Ibid., 168.
313 Ibid., 348.
314 Ibid. 411—412.
315 Ibid., 350.
316 Ibid., 412, при. 2.
317 Ibid., 113, 159.
318 Ibid., 241.
319 Тизенгаузен, I: 109, 158.
320 Ibid., 110, 159, 382.
321 Ibid., 111.
322 См. выше. стр. 31—32.
323 Лосо cit. Ибн-Хальдун говорит, что главными помощниками Ногая из князей монгольских были Аяджи, сын Курмыша, и брат его, Караджи (Тизенгаузен, I: 383).
324 В арабском тексте имя написано неясно — (Тизенгаузен, I: 184).
325 Ibid., 195.
326 См. стр. 38.
327 Стр. 309—315.
328 Ibidem, стр. 314.
329 Памятн. диплом. снош. с Крымской и ногайской Ордами. I. стр. 148—149.
330 Ibid, стр. 170.
331 Ibidem, стр. 181.
332 Ibidem, стр. 193.
333 Ibidem, стр. 195.
334 Ibidem, стр. 230.
335 Ibidem, стр. 323.
336 Кюнгю-ль-ахбар, кн. I, стр. 218.
337 У самого Абдулфеды несколько иначе: под 55°30' долготы и 50° широты.

338 Так говорит Мухаммед Риза; в сокращенной же истории Крыма вариант: «Из родов татарских» (Рукоп, лист 28 recto).

339 Персидская пословица выражает ту мысль, что все стало очевидно; дело было решенное.

340 «Семь планет», стр. 76—77, и Кр. Ист., л. 28 г. & v.

341 Loco citato.

342 В «Известиях Имп. Рус. Геогр. Общества» за 1876 г. Т. XII, отд. 2, стр. 55—58. Не лишне, кажется, будет к этимологическому материалу, собранному г. Гаркави для объяснения имени «Кыркор», присовокупить существующее в османском слово *Kar-gir*, или, по вульгарному произношению, *кяугир*, что значит: «каменное строение, фундамент», а затем вообще «прочное, твердое сооружение». В османское наречие это слово, без сомнения, перешло из персидского языка, в котором оно имеет те же значения: «A solide structure of stone, supporting or strengthening a house», как переводит его Ричардсон; или: *Aedificii fundament, solidus ex lapidibus q. domum sustinens et durabilem reddens murus*, как передает Вуллерс. Но и в персидском языке, по-видимому, не свое слово, а чуждое, заимствованное, как это доказывают ученые турки. В № 41 турецкого периодического издания «Сборник Абу-Зыя» помещено этимологическое объяснение некоторых употребительных в османском наречии слов. По мнению автора статьи, это слово армянского происхождения: оно состоит из двух армянских слов — *кар* — «камень» и *кир* — «известь», так что в сложности эти два слова должны означать «здание, сделанное из камня». (Тэрджуиами-хаки-кат. № 2121, стр. 3). Можно прибавить, что в армянском же языке есть еще слово *к'ракар* — «известняк». Не делая из приведенного лингвистического факта никаких заключений по занимающему нас вопросу об этимологии имени Кыркора, все же казалось обязательным указать на него ввиду того, что армяне не совсем чужды Крыму вообще и Чуфут-Калэ в особенности и притом с довольно давнего времени.

343 Loco cit, 56.

344 Крымский Сборник, 311.

345 Крымский Сборник, 312, пр. 454.

346 Брун, Черноморье, I: 69, 85 и 94; Кеппен, Крымский Сборник, стр. 324, пр. 480.

347 Travels of Evlia effendi, II: 72.

348 Брун, Черноморье, II: 336.

349 Не этой ли же легкости взаимного перехода плавных звуков *л* и *р* обязано своим возникновением и самое имя «Крым»?

350 Брун, Черноморье, II: 135.

351 Gesch. d. Levanthandels, II: 210.

352 Семь планет, стр. 83; Кр. Ист., л. 31.

353 Черноморье, К: 136.

354 Ibidem.

355 Ibid., II: 282.

356 См. выше, стр. 29.

357 Ibidem.

358 Зап. Од. Общ., II: 691.

359 Ibid., стр. 524, № 110.

360 Семь планет, стр. 97.

361 Ibid, стр. 521—522, № 89.

362 Дата на гробнице Мухаммед-Герай-хана 178 = 794 (Зап. Од. Общ., II, стр. 524. №111) немыслима уже совершенно и ни к которому из ханов этого имени не приложима. Что же касается даты на гробнице Ферах-султан хаными 1001 = 1592 (Ibid., стр. 507, № 23), то тут явная ошибка того, кто снимал копию с надгробной надписи: на камне стоит 17 число джемази-уль-эзвеля 1166 = 22 марта 1753 года, совершенно то же самое, что и на находящейся рядом гробнице Зиадэ-султан-хана. Это обстоятельство тем особенно бросается в глаза, что самые надгробные памятники оба совершенно одинакового вида и качества. Есть ли это дело случая, например ошибки резчика, или в этом кроется какая-нибудь таинственная история, не известно, но замечательно.

363 Ibid., стр. 527.

364 Крымский Сборник, 320—324.

365 Зап. Од. Общ., II: 612.

366 Ibid. 639.

367 Зап. Од. Общ., VI: 341.

368 Мюнедджим-баши, II: 709.

369 Библ. иностр. писат. о России. Т. 1. Барбаро, стр. 53.

370 Кеппен, Кр. Сб, 313—315.

371 Рукописное извлечение из Дел Таврич. Двор. Собраниа о роде беев Кудалак-Яшлауских, сообщ. мне Ф.Ф. Лашковым. Оно также напечатано в «Вестн. Европы» за 1866 г., стр. 220—223. Прочие документы той же категории напечатаны г. Завадовским в Таврич. Губ. Ведомостях

за 1884 г. в № 115, в статье его под заглавием: «Материалы о гражданском благоустройстве в Тавриде». Все переводы, к случаю заметить, кажутся несколько грубоватыми и нуждаются в сличении их с татарскими подлинниками, принадлежащими Архиву Таврич. Двор. Собрания.

372 Зап. Од. Общ., II: 685—686.

373 Ibid., 689 и 691.

374 Peyssonel, Traite sur le commerce dels Mer Noire, II: 274—276.

375 Тизенгаузен, I: 383.

376 Ibid., 112—114.

377 Тизенгаузен, I: 113.

378 Ibid., 280—285.

379 Voyages d'Ibn-Batootah, II: 366.

380 Notices et Extraits, XIV; 147, 157 и др.

381 См. выше, стр. 36.

382 Зап. Од. Общ., V: 597, № 11.

383 Тизенгаузен, I: 269.

384 Поэтому известие польских историков, повторяемое Гаммером (Gesch. d. 6 II., 303) и Говордзом (Hist. of the Mongols, II: 177), о том, что наместником Узбека в Крыму был какой-то *Кутлук*, ил Кутлуг-бек, не верно.

385 Ibid., 328 и 388.

386 Ibid., 321—325.

387 Ibid., 387.

388 Тизенгаузен I: 387. прим. 1.

389 Ibid., I: 293.

390 Ibid., 296.

391 Ibid., 263—264.

392 Брун, Черноморье, I: 209.

393 Тизенгаузен I: 350, 413 & 452.

394 Heyd., Op. cit., II: 203.

395 Тизенгаузен. I: 350 & 413.

396 Gesch. d. G. H., 521.

397 Loco cit.

398 Пример см. в Notices et Extr. XI: 58.

399 Gesch. 4. G. H., 519.

400 Op. cit., II: 180.

401 Voyages d'Ibn Batoutah, II: 361.

402 Тизенгаузен. I: 452.

403 Мюнедджим-баши, II: 690. У Гаммера он переименован в Toghlubaba (Gesch. d. Gold. II., 312), а у Говордза в Toghlukbeg (Op. sit., II: 179).

404 Мюнедджим-баши, II: 691.

405 Abulghazi, ed. Dosmaisons, I: 472; II. 186.

406 В.Г. Тизенгаузен передает это «походными эмирами», но в то же время допускает возможность чтения данного места в арабском тексте, что должно значить по-русски: «эмирами левого крыла».

407 Тизенгаузен, I: 389—390.

408 Ibid., 390—391.

409 Ibid., 350.

410 Савельев. Монеты джучидские и пр. стр. 48.

411 Ibid., 412—413.

412 Ист. Госуд. Рос., т. V, примеч. 88.

413 Кеппен, Крымский Сборник, 84, оп. 119.

414 Карамзин, Ист. Гос. Рос., V, пр. 88; Брун, Черноморье, I: 226.

415 В Крыму есть несколько местечек под названием *Уч-Кую* «Три колодца» (См. указатель к карте Южного Крыма Кеппена), и хотя из нанесенных на карты ни одно не отличается особенной близостью к Кафе, но употребительность названия дает право предполагать, что во времена оные могло быть и поблизости Кафы место того же имени — Уч-Кую.

416 Not. et Extr., xi: 54—57.

417 Аналогических примеров подобного сочетания враждебных чувств с внешними знаками почтения и уважения к ненавистным лицам мы встречаем множество в истории тюркских народов. Токта-хан не мог питать нежных чувств к временщику Ногаю, который едва не сверг его окончательно с престола, однако же вознегодовал на русского, услужливо принесшего ему голову Ногая, и велел казнить его самого (Тизенгаузен, I: 114). Берды-бек справляет траур по отцу, которого он сам же убил. Турецкие султаны с почестями и торжественно хоронили своих родственников, которые обыкновенно были умерщвляемы по их же повелению. На наших глазах подобная проделка совершена над султаном Абдул-Азизом.

418 Not. et Extr., XI: 55—56.

419 Черноморье, I: 224.

- 420 Ibid., It: 234 и 260.
- 421 Heyd, Op. cit., II: 207.
- 422 Цитов. у Гейда.
- 423 Черноморье, I: 225, op. 87.
- 424 Not. et Extr., XI: 64.
- 425 Черноморье, I: 225—226.
- 426 Тизенгаузен, I: 338 и 348.
- 427 Черноморье, I: 224.
- 428 Makrizi, trad. p. Quatremere, II, 2: 316.
- 429 Makrizi. I, 2: 93—94, примеч. 113.
- 430 Черноморье, I: 224—225.
- 431 Not. el Extr., XI: 62—64.
- 432 Зап. Од. Общ., V: 821.
- 433 Зап. Од. Общ., I: 339.
- 434 Березин, Ханские ярлыки, II: 49. пр. 67.
- 435 Ibidem.
- 436 Березин, Op. cit., 14—15.
- 437 Савельев, Op. cit., стр. 301 и 136.
- 438 Ibid., стр. 199—206.
- 439 Ibid., стр. 223—227.
- 440 Ibid., 224.
- 441 Ibid., 225.
- 442 Тизенгаузен, I: 415—416.
- 443 Кюнгю-ль-ахбар, кн. V: 92.
- 444 Тизенгаузен, I: 392—393.
- 445 Ibid.
- 446 Not. et Extr., XI: 64.
- 447 Савельев, Op. cit., стр. 143—144.
- 448 Зап. Од. Общ., VII: 147—160.

449 В этой же статье упоминание о чеканке монеты отнесено к договору 1380 года вместо 1387 (стр. 153), что, вероятно. надо считать типографской опечаткой, ибо в первом договоре про монету ничего не говорится.

450 Савельев, Op. Cit., стр. 110—411, 257—239 и особенно стр. 136—137; Блау, Восточные монеты, стр. 42, № 574.

451 Блау, № 569.

452 Савельев, Op. cit., стр. 133—135, 321—324 и стр. 301.

453 Тизенгаузен, I: 442, 452, 534.

454 Тизенгаузен, I: 414.

455 Ярлык Токтамыш-хана к Ягайлу, стр. 51.

456 Тизенгаузен, I: 452.

457 Странно до чрезвычайности, что в ярлыке Токтамыша к Ягайлу один из главных послов, Асан, т.е. Хасан (Ср. Зап. Арх. Общ. цитов. т., стр. 212—213) вторично упоминается там с своим настоящим именем, а вместо Кутлу-Буги стоит какое-то другое имя, которое прочитано учеными ориенталистами, дешифровавшими ярлык, «Туулу Оджа» и «Тулу Ходжа» (Ярлык, стр.30, 51. 65, пр. 36). Такая разница в именах главных послов представляла бы явную несообразность по существу и потому должна быть признана графической неточностью: при сличении обоих мест ярлыка, написанного довольно небрежным уйгурским почерком, очень заметна близость в начертании обоих имен, которая и могла быть причиной ошибки самого переписчика ярлыка в Токтамышевой канцелярии. Если же не принять предлагаемого нами толкования, то надо будет еще решать вопрос о том, кто же был второй главный посол, кроме Асана, обойти же молчанием этот вопрос едва ли возможно, если брать ярлык основанием для известных исторических соображений.

458 Loc. cit, № 321.

459 Loc. cit., №№ 323—327.

460 Loc. cit., стр. 310—314.

461 Loc. cit., 304.

462 Ibidem.

463 Тизенгаузен, I: 329, 363, 448, 453 и 531.

464 Ibid., 329, 363, 442, 448 и 454.

465 Ibid., 330, 363—364, 442, 448 и 454.

466 Брун, Черноморье. I: 232.

467 Тизенгаузен, I: 394. Ист. Госуд. Рос., V: пр. 203, Зап. Арх. Общ., цитов. т., стр. 61.

468 Мюнедджин-баши, II: 694.

469 Тизенгаузен, I: 454.

470 Ярлык Токтамыш-хана к Ягайлу, стр. 51 и прим. 23.

471 Тизенгаузен I: 531.

472 Брун. Черноморье, I: 232.

473 Тизенгаузен, 532.

474 Ibid., 471—472.

- 475 Abulghazi, ed. Desmaisons. I: & II: 187.
- 476 Langles, Op. cit., 391. У Ланглеса *Таш*-Тимур назван *Баш*-Тиуром; искажение легко вкралось вследствие очень сходного начертания букв *т* и *б* в арабско-мусульманском алфавите.
- 477 Histoire de Timur-Bec, trad. par Petit de la Croix, II: 361.
- 478 Hammer, Gesch. d. G. H., 361; Савельев, Монеты джучидские, и пр., стр. 300; Howorth. Op. cit., 251.
- 479 Loco citato.
- 480 Мюнедджим-баши, III. 314 & 333; Hist. de Timor-Bec. IV: 76.
- 481 Кюнгю-ль-ахбар, кн. V: 89—90; Мюнедджим-баши, III: 311—312.
- 482 Кюнгю-ль-ахбар, V; 157—158.
- 483 Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy 1399—1150. Mons. 1840. 38—39.
- 484 Таджу-т-теварих, конст. изд. 1279 = 1862—1863 г., 1: 297—298; Мюнрдджим-баши, III: 333—334.
- 485 Кюнгю-ль-ахбар, V: 143 и 179.
- 486 Брун, Черноморье, II: 361.
- 487 Литографированное издание этого сочинения в виде брошюрки в 23 страницы, сделано, если не ошибаемся, бывшим профессором С.-Петербургского университета Мухлинским, который пользовался этим трактатом для своего «Исследования о происхождении и состоянии литовских татар» (См. годичный торжественный акт в Императорском Санктпетербургском университете, бывший 8 февр. 1857 г., стр. 115—182). Рисалэ написано на османском наречии, но слог речи обнаруживает в авторе человека, отвыкшего думать и выражаться чисто по-турецки: все сочинение сильно отзывается европейским образом мыслей и краткостью фраз, также более свойственной языкам европейским.
- 488 Рисалэ-и-Татари-Лэх. стр. 7—9.
- 489—490 Ibid., 18.
- 491 Ibid., 14.
- 492 Ibid., 17.
- 493 Ibidem.
- 494 Gesch. d. G. H., 364.
- 495 Op. cit, 258.
- 496 Тизенгаузен, I: 470.
- 497 Сборник некоторых важн. Изв. XXXVI—XLI.
- 498 Зап. Од. Общ., II: 646.

499 Нет ли чего-нибудь общего у слова «Липка» с польским *Lipsko*, географическим именем нескольких мест в старой Польше, где впервые могли показаться пришлые татары?

500 Тарихи-Печеви, конст. изд. 1283 = 1866 г., I: 472—473.

501 Ibid., 475.

502 Op. cit., 120.

503 Черноморье, I: 171—172.

504 Ibid., 173.

505 Пол. Собр. Рус. Лет., VIII: 72—73.

506 Ист. России, 4 изд., IV: 40.

507 Ibid., 47.

508 Монеты Джучидские, 301—302.

509 Цитов. у Бруна: Черноморье, I: 172—173.

510 Op. cit., 16.

511 Ibid., 39.

512 Op. cit., 41—42.

513 П. С. Р. Л., VIII: 93.

514 Блау, Восточные монеты, № 581.

515 Op. cit., стр. 303.

516 По вычислению Гаммера время написания этого ярлыка относится к 1397 году (И.И. Березин, Ханские ярлыки, II: 43, прим. 39), как оно показано и у нас выше (стр. 74); Савельев же считает его датой 24 апреля 1398 года (Лосо citato), и его определение правильное, ибо оно совершенно согласно с сравнительной хронологической таблицей Вюстенфельда.

517 Черноморье, I: 173—474.

518 Савельев, Op. cit., № 556.

519 Собрание Госуд. Грамот и Договоров, II: 16, № 15.

520 Op. cit., 269.

521 Ibidem.

522 Ibidem.

523 Laogles, Op. cit., 386.

524 Тизенгаузен, I: 473.

525 Сборник Мухаммеда-эфенди Османова, стр. 42—43.

526 Тизенгаузен, I; 472.

527 Ibidem., 472—473.

528 Пол. Собр. Р. Л., VIII: 83.

529 Мухлинский, *Op. cit.*, 127—128.

530 Мухлинский, *Op. cit.*, 128.

531 Ист. Госуд. Росс. V: прим. 211.

532 П. С. Р. Л., VIII: 86.

533 Савельев, *Op. cit.*, № 562.

534 Савельев, *Op. cit.*, № 562.

535 Тизенгаузен, I: 532.

536 *Ibidem.*, 442 и 482.

537 *Ibidem.*, 833.

538 *Op. cit.*, 41—42.

539 *Ibid.*, 41.

540 Тизенгаузен, 533.

541 Тизенгаузен, 533.

542 *Ibidem.*

543 Стр. 83.

544 Тизенгаузен, I; 533—534.

545 *Ibidem.*

546 Карамзин, Ист. Гос. Рос, V, op. 215.

547 Тизенгаузен, I: 409, прим.

548 *Ibidem.* Означенная заметка переведена там несколько иначе, а именно: «...Даулет-бирды, который предшествовал Мухаммеду; Мухаммед же предшествовал Идике (Едигею), Идики-Токтамышу, сыну ханскому, а Токтамыш — Мамаю»... Но арабскую фразу подлинника, кажется, лучше переводить не «предшествовал», а «принял (власть) от», т.е. «наследовал», тем более что такой перевод более отвечает и фактической действительности: Токтамыш никак не может считаться предшественником Мамаю, или Идики — предшественником Токтамыша.

549 Зап. Од. Обш., I: 306.

550 *Ibid.*, 304.

551 *Ibid.*, 307.

552 Зап. Од. Обш., VIII: 156 и 157: I.

553 *Ibid.*, 149 и 457: II, III, IV.

554 *Ibid.*, 156.

555 *Ibid.*, 153.

556 *Ibid.*, 154.

557 *Ibid.*, 155.

558 Монеты джучидские и проч., 149—150.

- 559 Зап. Од. Общ. VIII: 151.
560 Ibid., 153.
561 Ibidem.
562 См. выше, стр. 412.
563 Зап. Од. Общ., VIII: 155.
564 См. стр. 139—140.
565 Зав. Од. Общ. VIII; 156.
566 Ibidem.
567 Савельев, *Op. cit.*, стр. 9, табл. IV. № 59.
568 Ibid., стр. 451.
569 Зап. Од. Общ., VIII: 157.
570 *Op. cit.*, 325, № 671.
571 Зап. Од. Общ., VIII: 457: IV.
572 *Op. cit.* 151.
573 Зап. Од. Общ., VIII: 157.
574 Ibid., 155.
575 *Op. cit.*, 149.
576 Зап. Одесс. Общ., V: 821—822.
577 Зап. Од. Общ., I: 343.
578 Жизнь Джингиз-хава и Аксак-Тимура, составленная Хальфин-ом. Казань. 1822.
579 Выписка из дел Архива Таврич. Дворянского Депутатского Собрания, сообщенная Ф.Ф. Ляшковым.
580 Выписка из дела о роде мурз Седжеутских в том же Собрании.
581 Родословная История о Татарах. Спб. 1768. I: 191—198.
582 Далее в документе идет объяснение имен «Чингиз» и «Герай», не идущее к вопросу о тамге. В заключение всего показания присовокупляется: «Подлинное подписали: Амет-Гирей Султан, Сагадет-Гирей Султан, Салег-Гирей Султан, Сагадет-Гирей Султан, Кутлу-Гирей Султан, а вместо их за неумением грамоте по их искреннему прошению и за себя руку приложил Селим-Гирей Султан». Документ этот находится в архиве Таврич. Двор. Собрания при деле Титулярного Советника Игнатия Татаринова, урожденного Джингиз-Гирей-Султана, 1803 г. № 54, и сообщен мне в копии обязательным Ф.Ф. Лашковым.
583 Зап. Од. Общ. VIII: 160, XIV—XVII.
584 Восточные монеты. Таблица.
585 Зап. Од. Общ., VIII: табл. I, №№ 5, 12, 13, 18—20.

- 586 Стр. 179.
587 Тизенгаузен, I: 534.
588 Ibidem.
589 П. С. Р. Л., VIII: 95.
590 Ibid., 92.
591 Ibid., 93—96.
592 Ibidem, 107.
593 Ibid., 112—113.
594 Вельяминов-Зернов. О Касимовских царях и царевичах, I: 4 и 10.
595 Рычков, Опыт Казанской Истории. СПб. 1767. Стр. 54.
596 Ibid., 56.
597 См. выше, стр. 177.
598 П. С. Р. Л., VIII: 107.
599 Цитов. у В.-Зернова, Op. cit: 9.
600 П. С. Р. Л., VIII: 96.
601 Kronika Macieja Strykowskiego. Warszawa 1816. II: 166. 158
и 175.
602 Ibid., 175.
603 Путешествие и Тану. Спб. 1830. Стр. 14.
604 Op. cit., 390—396.
605 Ibid., 396—397.
606 Ibid., 398—399.
607 В.-Зернов, Op. cit., I: 21, 120—121.
608 Heyd. Op. cit., II: 381.
609 Ibidem.
610 См. Тизенгаузен. I: 538.
611 Мюнедджим-баши. II: 697—698.
612 Gesh. d. G. II., 400.
613 О Касим. Царях и царевичах, I: 95, пр. 44.
614 Op. cit., 449.
615 Зап. Од. Общ., I: 381.
616 Семь планет, стр. XI—XII.
617 У Мухаммед-Ризы сказано: «в Казань» (Семь планет, стр. 70).
618 Кр. Ист., л. 25 т. — 27 г.; Семь планет, 69—73.
619 В Архиве историко-юридич. свед., относящихся до России,
Калачова. Кн. II, половина 2-ая. Москва. 1854 г. Стр. 7.
620 Ист. о Таврии, II: 230.

621 У Ланглеса ошибочно: *Баи*-Тимура (Op. cit., 391).

622 Op. cit., 391 & 401.

623 См. выше, стр. 206.

624 Op cit, 392.

625 См., например, в соч. Френа «Die Munzen der Chane vom Ulus Dschu tschi's», монеты Тохтогу (стр. 5), Узбека (стр. 6 и 7), Мухаммед-Буляка (стр. 21), одного хана, имени которого не разобрано (стр. 22), и особенно Токтамыш (23, 24, 27 и 28); у Савельева, Op. cit., №№ 82, 86, 91, 182, 254, 259, 260, 309, 310, 416, 420, 421, 444 и 447.

626 Савельев. Op. cit, № 536.

627 Впрочем, восточных историков иногда занимают и чисто нумизматические вопросы. Любопытный в этом отношении пример представляет заметка у известного историка Дженнаби относительно происхождения изображения льва и солнца на монетах сельджукского султана Кэй-Хосроу-бен-Кэй-Кобада (Рукоп. Учебн. Отд. М-ва Иностр. Дел; по каталогу Барона Розена № 50, л. 194 г.).

628 Op cit., 401.

629 В.-Зернов, Op. cit. I: 120—121; Kronika Polska. Litewska etc. Strykowski, II: 234—235.

630 История о Таврии, II: 237—239.

631 Op. cit., II; 175.

632 Loco citato.

633 Op. cit., 199.

634 Gesch. der Chane der Krim Wien. 1856. Стр. 30.

635 Труды Вост. Отд. Археол. Общ., V: 94—95.

636 В.-Зернов, Op, cit., I: 190.

637 П. С. Р. Л., VIII: 181.

638 Семь планет, 203.

639 Ibidem, 343.

640 История о Таврии, II: 238.

641 Ibid., 241—242.

642 Ibidem, 242—243.

643 Op. cit., II: 212—213.

644 Поэтому повторяемая иногда наивными людьми фабула, что будто Хаджи-Герай назван Гераем оттого что, живя в Литве, на ее предлагавшиеся ему вопросы отвечал литовским словом *герай*, что значит «да», не заслуживает даже и внимания, а не токмо что опровержения.

- 645 Ист. Гос. Рос., V: пр. 47.
646 Рус. Ист. Сбор. Погодина, т. III, кн. I: 47.
647 Тизенгаузен, I: 391.
648 Ibidem, 78 и 100, 420 и 432.
649 Ibid., 320 и 328, 490 и 521.
650 Сборник Импер. рус. Истор. Общ., т. XLI: 54, 57.
651 Ibid., 70.
652 Ibid., 121, 124.
653 В.-Зернов, Op. cit., I: 44, 95.
654 Ibidem.
655 Тизенгаузен, I: 407.
656 Семь планет, 73; Кр. Ист. л. 27 г.
657 Зап. Од. Общ. I: 381.
658 Op. cit, II: 173.
659 П. С. Р. Л., VIII: 92; Ист., Госуд. Росс., V: 120 и пр. 914.
660 Op. cit., 321—322.
661 Gesch. d. G. H., 378.
662 См. выше, стр. 220.
663 Fraehn, Die Munzen d. Ch. тот Ulus Dschudschi's, Tab. VIII, CCLXVI.
664 Зап. Од. Общ., VIII. таб. III 9—11; Блау, Op. cit., 87, №№ 2961—2962.
665 Зап. Од. Общ., VIII., Табл. III: 14—17.
666 Ibid., Табл. III: № 4.
667 Ibid., № 5.
668 Ibidem, №№ 18—20; Блау. стр. 88, №№ 2965—2968.
669 Зап. Од. Об., VIII, табл. III: №№ 12 и 13.
670 Зап. Од. Об., V: 182.
671 Gesch. d. Chane d. Krim, 30—31.
672 Не понравилось ли это имя Менглы-Гераю своим созвучием с греческим «господин, владыка», которого он мог слышать от греков и в самом Крыму, в Константинополе, где он проживал некоторое время в качестве пленника? Чтобы эта наша догадка не показалась слишком смелой и произвольной, довольно сослаться на общепринятый у турок и общеизвестный почетный титул эфенди, который столь популярен и кажется таким архитектерским, что первоначально, особенно не филологу, и в голову не придет, что это милое словечко ведет свое происхождение

ние с греческого языка, тем более что особенным значением и исконной излюбленностью оно пользовалось и пользуется среди улема, т.е. среди той части турецкого населения, которая отличается наибольшей закоснелостью и всего менее расположена находить у гяуров что-либо похвальное и достойное того, чтобы быть заимствованным от них правоверными. Да и вообще ни в чем не проявляется столько причудливости и произвольных странностей, как в титулах, и притом не только в ходячих, заурядно обращающихся у того или другого народа, но даже иногда и в более важных, с которыми условно соединяется какое-нибудь серьезное значение.

673 Сборник кн. Оболенского. № 1, стр. 21, 31. 40, 42. и др.

674 Kronika Strykowskiego, II: 234; История о Таврии, II: 244.

675 Ист. о Таврии, II: 246—47.

676 Ibidem. II: 247, пр. 1.

677 Brunswick. 1800. Т. II: 207.

678 St. Petersburg. 1824. Стр. 352 (b). Книги и рукописи библиотеки Залуского ныне хранятся в Императорской Публичной Библиотеке; но по справке в них также не оказалось ничего подобного такому замечательному документу, какова долженствовала быть подозрительная грамота Хаджи-Герая.

679 Ист. о Таврии, II: 248.

680 Ibidem.

681 Ист. Гос. Рос., VI: 8, пр. 6.

682 П. С. Р. Л., VIII: 151.

683 Зап. Од. Общ., V: 183.

684 П. С. Р. Л., VIII: 149.

685 В.-Зернов, *Op. cit.*, 1: 77—80 & 112.

686 П. С. Р. Л., VIII: 149.

687 Ibidem, 216.

688 Ист. Госуд. Рос, VI: 107, пр. 271; В.-Зернов. *Op. cit.*, I: 114, 117—118.

689 Рукопись Императорской Публ. Библ. Отд. рукоп. Разноязычные. Ф. IV. № 143, л. 71 verso.

690 Kronika Slrykowskiego, II: 267.

691 Кр. Ист. л. 27 v.; Зап. Од. Общ., I: 383.

692 Kron. Sir., II: 266; Зап. Од. Общ., I: 513; Брунь, Черноморье, I: 235.

- 693 История о Таврии, II: 247.
694 Зап. Од. Общ., I: 513; Черноморье, I: 235.
695 Ист. о Таврии, II: 254; Хартахай, Loco oil., 199.
696 Кр. Ист., л. 27 г.; Зао. Од. Общ., I: 381.
697 Кр. Ист., л. 30.
698 Семь планет, 106.
699 Тарихи Джевдет, I: 156—157.
700 Кр. Ист., л. 31 г.; Зап. Од. Общ., I: 384; Хартахай, Loco cit., 206.
701 Семь планет. 97 и 265.
702 Сборн. Импер. Рус. Истор. Общ. т. XLI: 544.
703 Зап. Од. Общ. I: 526.
704 Универс. опис. Крыма, ч. XV. стр. 193.
705 Op. cit., I. 93—95.

706 Разве следует тут упомянуть об одной хронологической ошибке, которой не мог иметь в виду г. Вельяминов-Зернов, чтобы исправить ее. Г.М. Волков в статье своей «Четыре года города Кафы», основанной на подлинных актах, изданных в Генуе Лигурийским Обществом Отечественной Истории под заглавием «Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante lasignoria dell' ufficio di S-n Giorgio, MCCCCLIII—MCCCCLXXV», относит смерть Хаджи-Герая к 1456 году (Зап. Од. Общ., VIII: 143). Между тем г. Гейд, на основании тех же документов, прямо говорит о смерти Хаджи-Герая, что она «im Spatsommer 1466 erfolgte». (W. Heyd, Op. cit., II: 398). Ошибка эта повторена и покойным Ф.К. Бруном в статье «О поселениях итальянских в Газарии» (Записки Императорского Новоросс. Унив., т. XXVIII, ч. II., стр. 312, и Черноморье, I: 286), хотя г. Брун цитирует в своей статье означенный труд Гейда (например на стр. 278) и, следовательно, если он был иного мнения относительно рассматриваемой нами даты, то должен бы был привести основания, почему он не согласен с мнением другого ученого.

- 707 В.-Зернов, Op. cit., I: 91—93.
708 История о Таврии, II: 205; В.-Зернов, Op. cit., I: 94.
709 В.-Зернов. I: 96.
710 Ibidem, 97.
711 История о Таврии, II: 204 и 253.
712 Ibidem, 255.
713 Ibidem.
714 Op. cit., 206.

715 Op. cit., I: 108.

716 История о Таврии, II: 254.

717 Сбивчивость его двоякая: во первых, хан Кыпчацкий, искавший союза с Менглы-Гераем, назван Мухаммедом, какого не оказывается в 1472 году, по другим источникам; во вторых, известие носит противное своему содержанию заглавие: «Союз его (т.е. Менглы-Герая) с Россиянами» (loco citato); во французском подлиннике сочинения Богуша тоже стоит оглавление: «Son alliance avec les Russes. 1492 (опечатка, должно быть, вместо 1472)», а в самой статье значится, что «Mahomet, Khan de Kiptschak, rechercha son alliance contre les Russes, et il ne fit nulle difficulte de la conclure (2-е издание, 1824 года, стр. 356).

718 Ист. Госуд. Рос., VI: 54; В.-Зернов, Op. cit., I: 81—84; Зап. Од. Общ., V: 183—184.

719 Сборник Ист. Общ., цитованный том, №№ 1—2 стр. 1—13.

720 Ibidem; Ист. Госуд. Рос., VI: 54, пр. 122; Зап. Од. Общ., V: 184.

721 Сборн. Ист. Общ., стр. 12—13.

722 Ibid., стр. 71—72.

723 Ibid., стр., 8, V.

724 Ibid., стр. 12. II.

725 Ibid., 8.

726 Ibid., 3.

727 Ibid., 6.

728 Ibidem, 7.

729 Имя места написано неразборчиво; во всяком случае, начертание не представляет ничего похожего на Кафу.

730 И.Н. Березин, Тарханские ярлыки, в Зап. Од. Общ., т. VIII, ярлык I, стр. 5.

731 Ibidem, стр. 11—13. Нам кажется, что лучше читать имя отца Махмудека *Хызр*, а не *Хызр-Га*, так как начертание позволительно принять за форму дательного падежа от собственного имени в зависимости от глагола и т. п.

732 Зап. Од. Общ., XIII: 47.

733 Зап. Од. Общ., VIII: 112—114.

734 Зап. Од., Общ. I: 383; Кр. Ист., л, 27, verso.

735 Зап. Од. Общ., VIII: 114—115.

736 Ibidem, стр. 130—131.

737 Ibidem, 139.

- 738 Ibidem, 139.
- 739 Зап. Од. Общ., VIII, 122.
- 740 Черноморье, I: 203.
- 741 Ibidem.
- 742 Zinkeisen. Gesch. d. Osm. Reiches. Hamburg. 1881.1: 340.
- 743 Сборн. Ист. Общ., XLI: 7—8.
- 744 Может статься, это одно и то же лицо с упоминаемыми в наказе Беклемишеву *Карач-мурзою* (Сборн. Истор. Общ. XLI: 8).
- 745 Heyd, Op. cit., II: 400—401.
- 746 История о Таврии, II: 206—208.
- 747 Библиотека иностранных писателей о России. Спб. 1836 года. Путешествие I. Барбаро, стр. 50—51.
- 748 Зап. Од. Общ., VIII: 136.
- 749 Heyd, Op. cit., II: 402.
- 750 Зап. Од. Общ., т. VIII: 124 и 142.
- 751 Ibidem, стр. 124.
- 752 Кюнгюль-ахбар. Ркп. Имп. Публ. Библ. (по отчету за 1875 г. на стр. 21, 1) л. 344 recto.
- 753 В.-Зернов, Op. cit., I: 97—98.
- 754 Собрание грамот Феридун-бея. Констант. изд. 1858. I: 289.
- 755 Феридун-бей, Loco citato.
- 756 См. у В.-Зернова, Op. cit., I: 105—106.
- 757 Ibidem.
- 758 Hist. of the Mongols, II: 486. Сбор. Истор. Общ. XLI: 14.
- 759 Gesch. d. Gold. Horde, стр. 406—407.
- 760 Сборн. Ист. Общ., Loco citato.
- 761 Ibidem.
- 762 Ibidem, стр. 15.
- 763 Ibidem.
- 764 Ibidem.
- 765 Op cit. I: 99—110.
- 766 Ibidem., 110—111.
- 767 Семь планет, 74.
- 768 Кр. Нст., л. 27 т.
- 769 Ibidem. Вышеприведенное место из рукописной «Краткой Истории» несколько иначе изложено в переводе г. Негри, а именно: «Таким образом, Менглы-Герай первый из Крымских ханов подал пример при-

знания над собой верховной власти султанов рода Османова» (Зап. Од. Общ., I: 383).

- 770 Гюльбуни-ханан, стр. 8—9.
771 Тарихи Мухаммед-Герай. Венская рукопись, л. 103 г. — 104 г.
772 *Op. cit.*, 404.
773 Истории о Таврии, 11: 214.
774 *Ibid.*, 256.
775 *Op. cit.*, 101—103.
776 В.-Зернов, *Loco citato*.
777 Рукп. Учеб. Отд. при М-ве Иностр. Дел, № 92, л. 266 (763)
гесто.
778 *Op. cit.*, 110.
779 П. С. Р. Л., VIII: 181.
780 *Ibid.*, 183.
781 *Op. cit.*, 115.
782 *Ibid.*, 117—118.
783 *Ibid.*, 118.
784 *Ibid.*, 116.
785 *Ibidem*.
786 *Ibid.*, 158.
787 Сбourn. Ист. Общ., цитов. т., стр. 26.
788 *Ibidem*.
789 Сбourn. Ист. Общ., XXI: 9, № 2.
790 *Ibid.*, стр. 14, II.
791 В.-Зернов. *Op. cit.*, I: 131—125.
792 Fraehn, *Die Munzen etc.*, стр. 40 и табл. IX и XII.
793 В.-Зернов, *Op. cit.*, I: 128—129.
794 *Ibid.*, 148.
795 *Ibidem*, 144.
796 Сборник Ист. Общ., XLI: 278.
797 *Ibid.*, 491.
798 *Ibid.*, 544.
799 *Ibid.*, 553.
800 *Ibidem*, 64.
801 В.-Зернов, *Op. cit.*, I: 131.
802 В.-Зернов. *Loco cit.*
803 Кр. Ист., л. 29 г. — 30 г.

- 804 *Op. cit.*, к 119.
- 805 Сборник Импер. Рус. Общ, XLI: 105.
- 806 *Ibidem*, 108.
- 807 Peyssonel. *Op. cit.*, II: 228—230; Laogles, *Op. cit.*, III: 404—106; С.-Богущ. Ист. о Таврии. II: 256—257; Hammer, *Gesch. d. Ch. d. Krim*, 35.
- 808 Дженнаби, Рукоп. Константинопольской библиотеки Ашира-эфенди, № 608, т. II, л. 421 verso; Hammer, *Gesch. d. Ch. d. Krim*, стр. 34.
- 809 *Nouveau Journal Asiat.* Т. XIII, p. 352, 2.
- 810 История России, XXVIII: 121.
- 811 *Op. cit.*, II: 230—232.
- 812 *Ibidem.*, 231.
- 813 Тарихи Мухаммед-Герай, Венский кодекс. л. 103—104.
- 814 *Ibidem*.
- 815 *Journ. As.* Т. XII: pp. 349—380 & 428—458.
- 816 *Loco cit.*, p. 349.
- 817 Рукопись Учеб. Отд., стр. 34.
- 818 Рукоп., стр. 2; *Journ. As.*, p. 351—352.
- 819 Гюльбуни ханан, стр. 27; Ассебъу-с-сейяр, стр. 407.
- 820 Муншиати Салатин. т. II стр. 131—132.
- 821 *Ibidem*, стр. 142—144.
- 822 *Ibid.*, стр. 145. В этом последнем акте стоит ошибочная дата 105 = 1641 год: в это время ханом был Мухаммед-Герай IV, третий уже после Джаныбек-Герая. Причиной такого анахронизма могла быть просто неясность начертания в самом архивном оригинале, бывшем в руках Феридун-бея, как это видно из того, что в некоторых местах составитель сборника, не разобрав собственного имени, поставил на месте его местоимение «такой-то» — например на стр. 134, 11 стр. сверху, или на стр. 147, 1 строка снизу.
- 823 Гюльбуни ханан, стр. 50.
- 824 Оно не имеет постоянного заглавия: например, кодекс, с которого сделан немецкий перевод г. Бернауером, носит заглавие «Книга советов» (ZDMD, XVIII: 699—740). В рукописи Учебного Отд. М-ва Ин. Д. (№ 361), на заглавном листе находятся две заметки, равносильные титулу книги: одна состоит из слов «Совет царям»; а в другой говорится: «Когда покойный всепрощенный султан Ибрагим благополучно восшел на престол, то даровал этот устав». Вероятно, на основании уже этой заметки на чистой странице начального листа написано каранда-

шом заглавие: «Устав султана Ибрагима». Сочинение это содержит в себе изображение разных внутренних неурядиц в государстве и бедствий, претерпевавшихся народонаселением Османской империи от разных неурядиц и злоупотреблений чиновников, а также наставления о том, как устранить эти бедствия.

825 У Бернауера в этом месте переведено так: «Es hatte einen unglaublicho König», что, должно быть, произошло от варианта в самом турецком оригинале.

826 Т.е. ханы Крымские.

827 Это место надо понимать в том смысле, чтобы преклонение пред султаном во время праздничного выхода представляло ханьям случай конкурировать друг с другом в раболепстве с целью выигрыша шансов на получение ханского звания. Вернее видеть здесь простое указание на придворный этикет, в силу которого кандидату на ханство во время праздничных церемоний отводилось первое место в ряду прочих татарских царевичей. Иначе всякий раз для назначения хана приходилось бы ожидать байрама, сопровождавшегося торжественным выходом султана. Между тем участие татарских царевичей в праздничных церемониях при султанском дворе не считается в церемониальных уставах безусловно обязательным: если кто-нибудь из них случайно находился при дворе во время праздника, то и его вносили в расписание церемониала (Тарихи Аета, Констант изд. 1875—1876 г., I: 223). Существование подобного местничества на байрамных выходах однажды дало повод к крупному скандалу, поднятому одним из татарских царевичей, который считал для себя обидным стать ниже другого своего родственника в церемониальной очереди (Семь планет, стр. 134, Кр. Ист., л. 52 г.).

828 Так называется головное украшение, похожее на султаны военных киверов и касок.

829 Бернауер же переводит: «Hute dich Mir Boses zu wunschen»!

830 Т.е. ханов.

831 Рукоп. Учеб. Отд. МИД. № 361, л. 30—31 г.; ZDMG., XVIII: 723—724.

832 Стр. XXIII—XXIV.

833 Т.е. султан обратился к хану.

834 Описываемый тут факт имел место в 1002 = 1591 году, следовательно возведение древности рода Крымских ханов к XII веку оказывается преувеличенным даже и в том случае, если родоначаль-

ником их считать Чингиз-хана. Тут или была намеренная гипербола у самого Гезар-Фенна, или же ошибка писавшего наш экземпляр его сочинения.

835 Так называется тут венгерский поход 1605 года, когда между прочим взята была крепость Нёйгёузелъ — у турок (Hammer, *Gesch. d. Osm. R.*, IV: 374—375).

836 Ркп. Учеб. Отд., № 357, л. 7. recto et verso.

837 Феридун-бей, *Op. cit.*, II: 529.

838 *Ibid.*, 419 и 425.

839 *Ibid.*, I: 388.

840 *Ibid.* I: 410.

841 *Ibid.* I: 502 и 522.

842 Феридун-бей, II. 111.

843 *Ibid.*, 123.

844 *Ibid.*, 124.

845 *Ibid.*, 141.

846 *Ibid.*, 143.

847 *Ibid.*, 145.

848 *Ibid.* I: 503.

849 *Ibid.*, II: 421.

850 Семь планет, 65, 89 и др.

851 Тарихи Мухаммед-Герай, Вен. Ркп., л. 107 г.

852 Семь планет, 103 и 173.

853 *Ibid.*, 188—189.

854 *Ibid.*, 162.

855 *Ibid.*, 262.

856 *Ibid.*, 158.

857 *Ibid.*, 304.

858—859 В этих словах заключается самое жестокое для истинного мусульманина порицание, какое представляет укоризна в нечистоте веры и в незаконности брака. Употреблением этого порицания турецкий ревнитель правоверного закона, Вапи-эфенди хотел сильнее подействовать на Мюрад-хана, явившегося почитателем отечественной старины в ущерб уважения к общемусульманскому шариату.

860 Семь планет, 188—189; Кр. Ист., л. 72 г. & v.

861 *Histoire des Mongoles*, CLXV.

862 *Ibid.*, CLXVI.

863 Ильминский, Материалы к изучению Киргизк. нар. Казань. 1861. Стр. 115.

864 Легджек Оомани, 413.

865 Vambéry, Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes. Leipzig. 1879. Стр. 138.

866 Op. cit., 766.

867 Vullers, Lexicon Persicum. II: 549.

868 Ферадун-бей, I: 150.

869 Захаров, Полный Манджурско-Русский словарь, стр. 822.

870 Op. cit., л. 65.

871 Т.е. сам автор.

872 Op. cit., 67 г. — 70 г.

873 Тарихи Наъима, II: 44.

874 Так, собственно, называется речка, протекающая по прекрасной долине. Может быть, там некогда был ханский дворец, носивший в свое время название Качи-Сарая, подобный тем дворцам, какие, говорят, были при р. Альме в деревне Улаклы, в др. (Кеппен, Кр. Сб., 324). А так как у татар постоянно в состав имен поселений входят имена тех рек, при которых эти поселения находятся, то Гезар-Фенн легко мог принять название Качи в значении деревни, вместо речки.

875 Op. cit. ркп., л. 72 и 73.

876 Турецкий историк не совсем точно называет место обычных мятежных сборищ крымских мурз. Мухаммед-Герай говорит, что сборным пунктом бунтовавших мурз и беев служила Ак-кая = «Белая скала» (Op. cit., ркп., л. 11 г.), известная и теперь под этим именем скала неподалеку от г. Карасу-Базара.

877 Т. е, вероятно, опять под «Белой скалой», которая в этом месте названа уже просто скалой.

878 Тарихи Челеби-задэ-эфенди, констант. изд. 115 = 1740 г., л. 47 и 48.

879 Универсальное описание Крыма Спб. 1875. Ч. IX, стр. 47—48.

880 О неточности этого имени было уже замечено выше, на стр. 190 в выноске 1. Здесь же это имя и в правильном своем виде не совсем уместно, потому что не согласуется с подписью на рисунке, в которой сказано, что рисунок изображает воцарение *Менглы-Герая*, а не Чингиз-хана.

881 См. выше, стр. 195—197.

882 Дела Арх. Тавр. Двор. Собр. № 54, лист 159. К вышеприведенному толкованию эмблемы присоединено еще изъяснение добавочных подробностей ее (как, например, порфиры), из которого видно, что эти атрибуты сочинены в новейшее время в применении к теперешнему положению Герайской фамилии «по вступлении под Российскую Державу». Под этим изъяснением подписался уже один только тит. совет. Игнатий Татаринов, урожденный Али-Джянгуз-Герай-султан (*Ibid.*, л. 160 *redo*).

883 Семь планет, 313.

884 Сборник.

885 Крымский Сборник, 74—80.

886 Далее говорится о биях, что было приведено у вас выше, на стр. 323.

887 *Op. cit.*, л. 73 г.

888 Семь планет. 92; Кр. Ист., л. 34 г.

889 Зап. Од. Общ. VIII, ярлыка Кр. ханов: 11—13.

890 *Ibid.*, 16—19.

891 *Op. cit.*, 11: 404.

892 Семь планет, 79.

893 Сборн. Ист. Общ., XLI: 112.

894 *Ibidem.*, 161—162.

895 Семь планет, 94; Кр. Ист., л. 35 г.; *Jour. As. T. XII*: 368. Казимирский и Жобер не поняли этого места в переведенной ими краткой хронологии Крымских ханов и, приведя отрывок турецкого текста, делают замечание, что «*Il est difficile de bien saisir le sens de ces entretiens*». Они предполагают тут или пропуск или искажение в их рукописи. Но в экземпляре Учебн. Отд. № 368 (л. 10 т.) находится то же самое, за исключением того, что здесь стоит слово вместо кодекса Казимирского, хотя то и другое не верно: надо читать, и только; все же прочее понятно.

896 Кр. Ист., л. 30 г. и Зап. Од. Общ., I: 383. В «Ассебу-сейяр» (стр. 81) означены паланки Ферах-Керман, Хан-Керман в Кара-Керман. Хан-Керман — здесь, вероятно, ошибочно.

897 Семь планет, 173.

898 *Ibid.*, 293.

899 *Ibid.*, 340.

900 *Ibid.*, 81.

901 *Op. cit.*, ч. XV: 141.

902 Сборн. Ист. Общ., XLI: 152—153.

- 903 Ibid., 157—158.
- 904 Ibid., 165—166.
- 905 Ibid., 168.
- 906 Ibidem., 193.
- 907 Ibid., 196—197.
- 908 Ист. Гос Рос., VI: 146.
- 909 Сб. Ист. Общ., XLI: 261.
- 910 Ibidem. 305.
- 911 Ibid., 313.
- 912 Брун. Черноморье, I: 180.
- 913 Ibid., 179.
- 914 Ibidem.
- 915 Ibid., 177.
- 916 Сбор. Ист. Общ., XLI: 540.
- 917 Ibid., 544.
- 918 Зап. Од. Общ., I: 384.
- 919 Кр. Ист., л. 34 г.
- 920 Лист 65 г.
- 921 Семь планет, 246.
- 922 Сборн. Ист. Общ., XLI: 197.
- 923 Феридун-бей, II: 130 и 133.
- 924 См. например Семь планет, 249, 285, 305 и др.
- 925 Семь планет, 81; Кр. Ист., л. 30 т. и Зап. Од. Общ., I: 383.

926 В турецком тексте стоит: «под именем подарка»; а в других источниках этот вид дани с черкесов иначе обозначается: Мухаммед-Риза называет его «презент, приходное» (Семь планет, 147), что означало, по объяснению турецкого историка Фундуклулу, пригон трехсот черкесских мальчиков к каждому вновь восходившему на престол хану (Фундуклулу, IV: 249 т.). Турецкий историк Рашид-эфенди эту же дань обозначает еще именем «погрешное» и объясняет, что она заключалась в приводе к хану нескольких невольников кем-либо из провинившихся черкесов — из беков, сипагов и даже из райи в искупление своего проступка (Тарихи Рашид, II: 61 г.).

927 Ор. cit, л. 73 v. Этот обычай со всеми подробностями описан также в моем «Сборнике некоторых важных известий и официальных документов».

- 928 Семь планет, 274—275.

- 929 Семь планет, 128.
930 Ibidem. 149, 162, 310; Тарихи Рашид, II: 61 verso.
931 Семь планет, 74, 231; Гюльбуни ханан, 11; Тарихи Джавдет. I: 73.
932 Феридун-бей, II: 135, 147—148.
933 В.-Зернов, Матер. для Ист. Крыма, 75, стр. 305.
934 Феридун-бей, I: 5—6.
935 Феридун-бей, Loco citato.
936 Семь планет, 91.
937 Феридун-бей, II: 148.
938 Ibidem.
939 Семь планет, 103.
940 Ibidem, 74.
941 Кр. Ист., л. 27 г.
942 Гюльбуни ханан, 11: Тарихи Джавдет, I: 73—74.
943 В.-Зернов. Op. cit., 11: 416—417.
944 Op. cit., л. 73 г.
945 Семь планет, 231.
946 В.-Зернов, Матер. для ист. Крыма, № 21, стр. 91.
947 Г. В.-Зернов, говоря о калги в своем соч. «О Касимовских

царях», ссылается в подтверждение высказанного им мнения о древности этого сана на свою же статью в Трудах Вост. Отд. Импер. Археол. Общ. (Т. IV, стр. 330); а там ничего нет, кроме его собственного о том же предмете заявления, не подкрепленного никакими фактическими, документальными доказательствами.

948 Семь планет, 42; Кр. Ист. л. 16 v. Тут мы встречаемся еще с любопытным термином, который у Сейид-Мухаммед-Ризы приведен в одном значении, а у автора Кр. Ист. в другом. Первый говорит: «Устройство дел народа, с присовокуплением степени наследника престола и с прибавкой титула “каан” в смысле хана ханов, и *улакчин* в смысле наместника, вверено было Угэдай-каану». У второго же читаем: «Четырем упомянутым сыновьям своим он (Чингиз-хан) назначил по владению, что по терминологии того народа (татар) выражается словом *улакчин*. А Угэдай-хану дал титул “киан” в смысле хана ханов и отличил его саном наследника престола». Находящееся у обоих историков слово не поддается удовлетворительному объяснению ни в том, ни в другом значении, ни с татарского, ни с монгольского языка. Даже самый выговор его остается доподлинно неизвестным.

949 Подобную новаторскую попытку намеревался произвести и турецкий султан Абду-ль-Азиз-хан, готовивший себе в преемники старшего сына своего Юсуфа Изз-эд-Дина; но насильственная смерть султана не дала нам возможности видеть, что бы вышло из этой любопытной реформы.

950 Семь планет. XIV, 8.

951 Фундуклулу тарихи. т. I: л. 9 г., 48 г. 181 г., 266 т. 291 г.; т. II: л. 139 г., 285 г. 286 в.; т. IV: л. 6 в., 158 г.? 256 г. и др.

952 В.-Зернов. Матер. для ист. Кр., стр. 11, 16, 18, 19, 31, 32, 62, 61, 68, 81, 118, 136, 117, 148, 149, 232, 231, 261, 262, 306, 473 и др.

953 Ibid., 31, 32 и 34.

954 Ibid., 33.

955 Ibid., 118.

956 Ibid., 228, 213, 260, 261, 262.

957 Ibid., 289.

958 Ibid., № 405. стр. 260—261.

959 Сборн. Имп. Рус Ист. Общ, XLI: 230—221.

960 Филологи объясняют значение глагола *карашеваться* в смысле «приветствовать, целоваться». Но неверность такого толкования очевидна из ярлыка. У турок и татар вообще нет обычая при свидании целоваться, а в частности таковая фамильярность немыслима была между турецким царевичем и русским послом Костей Малечкиным. Глагол *карашеваться*, или, ближе к корню, *корешоваться*, очевидно, выработан из турецко-татарского глагола *кормак*, *гормек* — «видеть», от которого есть производная форма — *корюшмак*, *горюшмек*, имеющая значение взаимного залога: «видеться», но только уж никак не «целоваться».

961 Ibid., 221—222.

962 Ibidem., 231.

963 Ibid., 231.

964 Ibid., 243.

965 Ibidem., 245—246.

966 Ibidem. 283—284.

967 Сборн. Ист. Общ., XLI: 288. Перевод крайне тяжел и неточен: в начале приведенного отрывка очень трудно определить, к кому относятся слова «к роте и к правде не прямые люди». По-видимому, хан честит так самого султана и его приближенных, которых надо подразумевать под словом «пригожество», ибо, иначе, неудобно согласовать

форму множественного числа «люди» с единств. числом «государь». Карамзин, передавая своими словами текст грамоты ханской, относит всю фразу к султану, или, точнее сказать, к султанам (Ист. Госуд. Рос, VI: 180).

968 Op. cit., 467.

969 Шах Исмаиль, как известно, держал при своем дворе свинью, носившую кличку «Баязид».

970 Сбор. Ист. Общ., XLI: 285.

971 Ricaut, Histoire de l'état present de l'empire Ottoman. Paris 1670. 161.

972 Семь планет, 81.

973 Феридун-бей, I: 502.

974 Сб. Ист. Общ., I: 267—268.

975 Ibidem, 367.

976 Ibidem., 321.

977 Феридун-бей. I: 358—359.

978 Правильнее: «Хондемиру».

979 Сб. Ист. Общ., XLI: 268.

980 Ibidem., 269.

981 Таджу-т-таварих, II: 136; Кюнгю-ль-ахбар, Ркп. Имп. Публ. Библ., значащаяся в отчете Библ. на 1875 г. на стр. 21, № 1, часть II, л. 281 verso; Солак задэ тарихи, Конст. изд. 1297 = 1880—1881 г., стр. 324—325.

982 Кюнгю-ль-ахбар, л. 282 г.; Солак-задэ, Loco citato.

983 Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 356.

984 Солак-задэ, стр. 332—333; Мюведджим-баши, III: 436 и 439.

985 Означенные подробности находятся в «Краткой Истории» (л. 30 verso): в Ассебъу-с-сейяр (стр. 82) сказано просто, что Селим, отплыв в Кафу, «вошел в пределы владений Менглы-Герая, где и свиделся с ними.

986 В Кр. Ист. сказано: «с 3000 войска».

987 Солак-задэ, стр. 933—334.

988 Таджу-т-тэварих, Константин, изд., II: 603—605; Diez, Denkwürdigkeiten von Asien, I: 260—261. Диц к этому месту повествования турецкого историка делает такое примечание: «Это было странное чванство Крымского хана, который знал, что он и *его предки* (und seine Vorfahren) были возводимы и низвергаемы отоманскими императорами, и

должен был познать в Селиме своего будущего верховного владыку» (Op. cit, 260). Немецкий ученый не знал, что предки Менглы-Герая никогда не находились в таких отношениях к султанам Османской династии.

989 Hammer, *Gesch d. O. R.*, II: 624. примеч. к стр. 357.

990 Т.е. о поездке Селима в Крым.

991 Т.е. автора.

992 Подлинного текста, служившего источником для крымских историков, нам не довелось иметь в руках. Находящаяся в Азиатском Музее Акад. Наук рукопись под № 590 заключает в себе не тот труд Нишанджи-паши, откуда заимствовали свой рассказ крымские историки, и в ней нет занимающего нас эпизода. Он, вероятно, взят из другой, более полной истории того же турецкого автора (См. Pertsch, *Die Orient. Handschriften*, Wien. 1859. I; 117. № 116, примеч. 3). Но статья эта, без означения имени автора, имеется в одном новом сборнике из библиотеки покойного профессора Мухлинского (на стр. 294—304). При сличении их оказалось, что в Сейид-Мухаммед-Риза кое-что выбросил из пространного повествования Нишанджи-паши, хотя, впрочем, без причинения ущерба главному сюжету.

993 Т.е. султана Баязида.

994 В «Краткой Истории» сказано: «В одну ночь хан, по татарскому обычаю, учредил пир султану Селиму» (Loco citato). Едва ли это не вернее, чем в Ассебъу-с-сейяр: по крайней мере точнее.

995 В Кр. Ист. прибавлено, что это случилось в 910 = 1501—1505 году, хотя и неверно. У Сейид-Мухаммед-Ризы вовсе не обозначено времени, когда превзошло описываемое событие.

996 Семь планет, 82—83.

997 Кр. Ист. л. 30 v. — 21 т.

998 Ист. Госуд. Рос, VII: 37.

999 Ibidem, 38.

1000 Кюнгю-ль-ахбар. Ркп, часть II: 313 т.; Солак-задэ, 350.

1001 Мюнедджим-баши, III: 448.

1002 Diez. Op. cit, стр. 253.

1003 Так турки называли всегда персов — «красноголовый», по употребительному у них рыжему цвету бараньих шкур, из которых они делали свои большие шапки.

1004 Это очевидный анахронизм, ибо Чалдыранская битва была в августе 1514 года, а покорение Египта совершилось в 1517 году, когда

Менглы-Герая уже не было в живых. Оба эти завоевательные события в жизни султана Селима I упомянуты последующими историками так, к слову, без справки с хронологией преемственности Крымских ханов. В рассказе историков хан не назван по имени, что, вероятно, дало повод Гаммеру Пургшталлю отнести его к преемнику Менглы-Герая, сыну его Мухаммед-Герая (Gesch. d. Osm. R., II: 527—528). Но что он в данном случае ошибается, доказательством служит, во-первых, то, что Сеъадет-Герай, которого султан требовал к себе в заложники, называется в рассказе турецких историков *всегда* сыном ханским, Мухаммед-Герая же он был брат, а не сын; а во-вторых, у тех историков, и у самого Гаммера Сеъадет-Герай упоминается уже в начале 1513 года участвовавшим в окончательном поражении султанского брата, принца Ахмеда в М. Азии (Кюнгю-ль-ахбар, Ркп., ч. I: л. 327 г.; Солак-задэ, 357; Gesch. d. Osm. V., II: 387). Значит, он уж тогда состоял на службе у султана, и не было надобности заботиться о каком-то новом привлечении его.

1005 Кюнгю-ль-ахбар. Ркп, II: 319 г. — 320 г.; Солан-задэ, 428—429.

1006 Ассебью-с-сейяр. Ркп. Учеб. Отд., л. 61 г.: в печатном же издании Казембека (стр. 86) стоит вымышленная дата 908 = 1502—3 года; Кр. Ист., а. 31 в.; мой Сборник.

1007 Гюльбуни-ханан, 10.

1008 Ист. Гос. Рос., VII: 45, примеч 137; В.-Зернов. «О Касимов. царях и царевичах», I: 247.

1009 Hammer, Gasch. d. Osm. R., II: 857.

1010 Стр. 43—48.

1011 Стр. 42, пр.

1012 Феридун-бей, I: 387—389.

1013 Ibidem, 410—411.

1014 Ibidem. 448.

1015 Ibidem, 430—431.

1016 Ibidem. 502.

1017 Ibidem, 503.

1018 Зап. Од. Общ., т. VIII, прибавл., стр. 16—23.

1019 Например, один ярлык Менглы-Герая в русском его переводе помечен такой датой: «И мишень есми к сему ярлыку лазорев приложен *десять сот да пять*, курманай 15 день в неделю» (Сбор. Ист. Общ., XLI: 321). Если это не типографская опечатка, то тут двойная нелепость и в

отношении хронологии и в словосочетании, ибо по-русски «десять сот» не говорится, а вместо этого существует слово «тысяча».

1020 Блау, *Op. cit.*, 62, №1168.

1021 Феридун-бей, II: 2—6.

1022 *Gesch. d. Cb. d. Kr.*, 43.

1023 II: 888.

1024 Рукоп. Имп. Вен. библиот. *Hist. Osm.* 86, л. 109 v. — 104 г.

1025 Кеппен. Крымский Сборник, стр. 288, пр. 427.

1026 Hammer, *Gesch. d. Chasse der Krim*. 40—42. Самого этого письма Менглы-Герая к Баязиду не имеется, о содержании же его известно лишь из ответа на него султана Баязида, который, кроме цитованного Гаммером рукописного сборника Сары-Абдал-Ла-эфенди, мы нашли в печатном издании *Мунишгати-салатин* Феридун-бея (II: 536—537). Странно вот что: эта грамота должна быть одна из старых, а между тем она помещена у Феридуна в конце второго тома, и притом между грамотами разных европейских государей, разве потому только, что большинство документов, находящихся в конце сборника, не имеет дат: эта грамота тоже без даты.

1027 Сб. Ист. Общ., XLI: 111—112.

1028 *Ibidem*. 146. Считаем излишним отметить тут одну вопиющую нелепость в современном русском переводе грамоты Мухаммед-Эминя, а именно: в числе разных похвальных обращений к Менглы-Гераяу есть и такая: «от воды и от земля создан еси». Что это может значить, не только как похвальная фраза, но и как простая человеческая мысль? В настоящем своем виде эта фраза есть чистая бессмыслица, которая как будто обнаруживает однако же признаки подражания татарского подлинника османским образцам и может быть истолкована следующим образом. Султаны в своих ферманах титулуют себя, между прочим, так: «владыка двух суш» (т.е. Анатолии и Румелии) и двух морей (т.е. Архипелага и Черного моря). Это последнее выражение, вероятно, как-нибудь и было вклеено в татарской грамоте; а наши переводчики, не поняв смысла его, передали по-русски словами: «от воды и от земли создан».

1029 Феридун-бей, I: 388.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА СО ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В НЕГО ТЮРКСКОЙ НАРОДНОСТИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ОСОБОГО ТАТАРСКОГО ХАНСТВА.....	28
---	----

Национальная смешанность крымского населения и неопределенность территориальных границ его оседлости. — Экскурсии в Крым сельджуцких турков из Малой Азии. — Личность Сары-Салтыка. — Татарские вторжения в Крым. — Эмир Ногай. — Татарские тудуни.

Происхождение и значение имени Крым. — Данные восточных писателей и мнения европейских ученых по этому вопросу. — Объяснения эпитетов арабского «Новый» и тюркского «Старый» при имени города Крыма.

Отношения татарского Крыма к Золотой Орде при хане Узбеке. — Переселенческое движение татарских племен в Крым под предводительством эмиров. — Судьба Чуфут-Калэ и объяснение его прежнего имени — Кыркор.

Действия наместников золотоордынских ханов в Крыму при преемниках хана Узбека. — Кутлу-Тимур. — Мамай-мурза. — Личность инака Кутлу-Буги. — Властные отношения к Крыму Токтамыш-хана, Тимур-Ленка и Идику. — Личность и судьба Таш-Тимура. — Передвижения татарских бродников и водворение некоторых из них в Литве при Витовте. — Тимур-Кутлук. — Пулад-хан.

Смуты в Золотой Орде и влияние их на судьбу Крыма. — Двуязычные монеты крымского чекана с именами Пулад-хана, Даулет-бирды и Хаджи-хана. — Тамга-трезубец на этих монетах, впоследствии фамильный герб властвовавшей в Крыму татарской династии Гераев. — Улу-Мухаммед и Кючук-Мухаммед.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ПОД ВЛАСТЬЮ ДИНАСТИИ ГЕРАЕВ И УТВЕРЖДЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА НАД НИМ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ 166

Вопрос о родоначальнике дома Гераев. — Легендарные предания и исторические данные о личности Хаджи-Герая. — Нарисованное значение имени Гыяс-эд-Дин. — Тожество хана Куйдидата русских летописей с ханом Улу-Мухаммедом. — Тожество личности Даулет-бирды и Хаджи-Герая. — Мнения об этимологии династического прозвища Герай. — Отношения Хаджи-Герая к полякам, русским и генуэзцам.

Недостаточность и неясность сведений о событиях в Крыму по смерти Хаджи-Герая. — Отношения Менглы-Герая к каффинцам. — Первая морская экспедиция османских турков к берегам Крыма. — Распря татарско-кафских посадников (тудуней) Мамака и Эминка. — Вторжение османлы в Крым. — Вопрос о плене Менглы-Герая и вторичном утверждении его на ханстве. — Окончательное отпадение Крымского юрта от Большой Орды.

Обстоятельства установления верховенства Оттоманской Порты над Крымским ханством. — Вопрос о договоре между Менглы-Герай-ханом I и султаном Мухаммедом II Фатихом. — Данные для определения взаимных прерогативных отношений между сувереном-султаном и вассалом-ханом. — Торэ и шарият. — Регалии Крымских ханов. — Границы владений Менглы-Герай-хана I. — Построение им пограничных укреплений и вопрос об Очакове.

Политика Менглы-Герай-хана I относительно России и Польши. — Связь династии Гераев с черкесским племенем Бесленей. — Установление сана калги в связи с вопросом о престолонаследии. — Отношения Менглы-Герая I к султану Баязиду II и к сыновьям его, в частности к Селиму I Явузу. — Смерть Менглы-Герая I.

Научно-популярное издание

Тайны Земли Русской

Смирнов Василий Дмитриевич

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО XIII—XV вв.

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *Н.В. Гришина*

Оформление и подготовка обложки *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.04.2011. Формат 84 × 108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 10,5. Тираж 4000 экз. Заказ Р-598.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО к XV веку занимало Крымский полуостров и земли на северо-востоке от него. История Крымского ханства до появления династии Гиреев находится в тесной связи с историей Золотой Орды. Крым считался владением ханов, но резиденцией их никогда не был. Лишь хан Узбек жил там некоторое время. Для других ханов Крым служил временным убежищем во времена дворцовых переворотов; здесь же находили приют татарские узурпаторы и авантюристы. В настоящем издании вниманию читателей предлагается две части книги известного русского историка В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» (1887). Читатель познакомится с предысторией ханства и проследит сложную перипетию перехода власти в Крым с XIII по XV век.

ISBN 978-5-9533-5795-1

9 785953 357951

